

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

1917 год глазами отечественных и зарубежных историков:

Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива. Два взгляда на проблему

Была ли возможность создания демократического правительства после Октябрьской революции?

Местничество в социальной структуре феодального общества

Наследство П. Л. Лаврова в идейной борьбе 1920-х годов

Российская эмиграция в Константинополе в начале 1920-х годов

Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос. 1924—1925 гг.

Пусторжевская земля в XV веке

Макроанализ структуры миграционных крестьянских потоков в России начала XX века

Н а ш и п у б л и к а ц и и

«Русский Вандербильд». Документы Федерального архива ФРГ

Из воспоминаний хранителя тела В. И. Ленина

сентябрь
октябрь

1993 * **5**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. Ф. ШАЦИЛЛО (*и. о. главного редактора*),
Б. В. АНАНИЧ, В. И. БОВЫКИН, Г. А. ГЕРАСИМЕНКО, В. Я. ГРОСУЛ,
В. П. ДМИТРЕНКО, А. П. КОРЕЛИН, Ю. С. КУКУШКИН,
В. С. ЛЕЛЬЧУК, Б. Г. ЛИТВАК, Л. В. МИЛОВ, Л. Н. НЕЖИНСКИЙ,
А. П. НЕНАРОКОВ, Е. И. ПИВОВАР (*зам. главного редактора*),
Ю. А. ПОЛЯКОВ, М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
А. Н. САХАРОВ, С. В. ТЮТЮКИН, В. А. ФЕДОРОВ, Я. Н. ЩАПОВ

Адрес редакции:

117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19, тел. 123-90-61

Ответственный секретарь Ю. В. Мочалова, тел. 126-94-02

EDITORIAL BOARD

K. F. SHATSILLO (*Editor-in-chief ad interim*),
B. V. ANAN'ICH, V. I. BOVYKIN, G. A. GERASIMENKO, V. Ia. GROSUL,
V. P. DMITRENKO, A. P. KOPELIN, Iu. S. KUKUSHKIN,
V. S. LEL'CHOUK, B. G. LITVAK, L. V. MILOV, L. N. NEZHINSKII,
A. P. NENAROKOV, E. I. PIVOVAR (*Assistant editor-in-chief*),
Iu. A. POLYAKOV, M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
A. N. SAKHAROV, S. V. TIUTIUKIN, V. A. FEDOROV, Ia. N. SCHAPOV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 123-90-61

Managing Editor Ju. V. Mochalova, tel. 126-94-02

Рукописи представляются в редакцию в четырех экземплярах, объемом не более 1,5 авторского листа (36 стр. машинописи через два интервала). В случае отклонения рукописи автору возвращаются три экземпляра, один остается в архиве редакции.

1917 год глазами отечественных и зарубежных историков

В январе 1993 г. в Санкт-Петербурге прошел международный colloquium историков по теме «Россия в 1917 году». Организаторами его были «Дом науки о человеке» (Париж), «Колумбийский университет» (Нью-Йорк), Отделение истории РАН, его Научный совет по истории революций и С.-Петербургский филиал Института российской истории РАН.

В работе colloquiuma приняли участие ученые из Англии, Германии, государств СНГ, США, Финляндии, Франции, Японии. В представленных докладах и сообщениях затронуты почти все аспекты бурного 1917 года — одного из самых насыщенных событиями в истории России. Часть докладов получила почти единодушную поддержку участников colloquiuma, другая — вызвала оживленную дискуссию, но для всех выступлений был характерен творческий поиск, попытка объективно разобраться в причинах и хитросплетениях событий этого трагического года.

Первый аналитический colloquium «Рабочий класс и революционные ситуации в России в начале XX века» был проведен в июне 1990 г. Некоторые доклады, сделанные на нем, опубликованы в нашем журнале (см.: «История СССР», 1991, № 2, 3). Редакция журнала продолжает эту традицию и начинает публикацию некоторых докладов, вызвавших наиболее оживленный обмен мнениями на втором международном colloquiume. Полностью материалы colloquiuma под названием «Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партия, власть» будут опубликованы с.-петербургским частным научным издательством «Глаголь».

ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Два взгляда на проблему

© 1993 г. Л. Г. ПРОТАСОВ*

Всероссийское Учредительное собрание — одно из тех мировых событий, которые воплощают в себе глобальные тенденции развития человеческой цивилизации и являются вехами ее истории.

Эпопея Всероссийского Учредительного собрания — самая долгая по своей предыстории, самая короткая, если говорить о его однодневном существовании, самая драматичная по масштабу связанных с ним надежд и разочарований. Но его уникальность не только в этом. Как феномен истории оно смущает умы ученых своей давней и неразрешимой загадкой: как сложилась бы российская история, будь иной судьба Учредительного собрания? Незавершенное, по тонкому замечанию Марка Блока, обладает для всякого живого ума очарованием не меньшим, чем нечто, успешно законченное¹. Уместно

* Протасов Лев Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Тамбовского педагогического института.

добавить, что и сам анализ исторической альтернативы, если он основан на твердой почве конкретных фактов, технологически важен и нужен в качестве инструмента научного познания прошлого.

Учредительное собрание было упразднено большевиками после первого же дня своей работы, и будущее его представляется гадательным и при более лояльном к нему отношении со стороны власти. Оно могло бы не справиться со своими задачами из-за непреодолимых внутренних разногласий, заслужив название еще одной «говорильни», могло стать жертвой иного поворота событий. Реально лишь то, что всероссийское законодательное собрание само в себе не несло гарантий демократического пути развития — его судьба тому доказательство. Но именно это насильственное устранение безупречно легитимного высшего политического учреждения страны и последовавшая вскоре трагедия гражданской войны побуждают видеть в Учредительном собрании несостоявшуюся демократическую альтернативу большевистскому режиму.

Примечательно, что идея альтернативности пронизывает всю историографию проблемы. В последние годы прежняя идеологизированная дилемма — демократия буржуазная или пролетарская? — почти вытеснена общенаучной дилеммой — демократия или диктатура? Даже марксистско-исторический взгляд на Октябрьскую революцию эволюционирует от лобовой апологии разгона Учредительного собрания в духе сакральности ленинских оценок к прагматичным и вполне правдоподобным конструкциям, в коих это событие предстает как печальный, но неизбежный результат объективно сложившейся политической обстановки. Во всяком случае нужда более не выдается за добродетель.

Однако полное «онаучивание» проблемы как преодоление ее политизации и неизбежной при этом мифологизации еще предстоит, и она нуждается в системном исследовании, включающем связи Учредительного собрания с эволюцией российской государственности, социума, национального менталитета и т. п. Изучать жизнь и судьбу его лишь сквозь призму политических страстей 1917 г. и той не лишенной налета исторической случайности конъюнктуры значит в конце концов вернуться к фатальному признанию необходимости именно данного варианта событий. Не только потому, что реальная история вообще более убедительна, чем гипотетическая, — просто действия большевистского руководства в отношении Учредительного собрания были и в самом деле логичны и последовательны, поскольку были адекватны политическим и этическим принципам этой партии.

Корень же вопроса не в том, как и почему была разогнана учредительная власть, выражавшая волеизъявление народа, а в том, почему она при всей ее легитимности оказалась беззащитной и беспомощной перед явной ее узурпацией в демократической стране. Ведь в тот момент большевики не были настолько сильны, чтобы не считаться с широким общественным мнением, с его твердой, решительной позицией. (О неуверенности большевистских вождей в последствиях своего шага говорит и описанный Н. И. Бухариным эпизод нервного стресса у Ленина в ночь разгона Учредительного собрания².)

Начнем с того, что требует тщательного осмысления исторически сформировавшееся содержание самой идеи Учредительного собрания и ее место в структуре российского общественного сознания, — без этого вся проблема как бы лишена фундамента. К 1917 г. она имела в России более чем столетнее прошлое, но это скорее основание для раздумий, а не для национальных амбиций. Занесенная ветрами Французской революции конца XVIII в. на восточную окраину Европы, в страну самодержавия и крепостничества, она неизбежно должна была видоизмениться, стать симбиозом европейской политической культуры и российской исторической традиции. Идея Учредительного собрания оформлялась на историческом примере стран, где сложились предпосылки гражданского общества, а государственный Левиафан не был так всемогущ и всепроникающ. В России, при ином типе

феодализма, а затем и капитализма, при политической неподвижности общества и гипертрофированной монархической власти, державшейся не только силой принуждения, но и идеологией своего провиденциального происхождения, и практикой всеохватного государственного патернализма, на протяжении всего XIX в. не было почвы для реализации формулы «народ — источник власти».

Из этого следует, что идея Учредительного собрания приобрела в России более широкий и емкий, чем на Западе, смысл, не только политический, но и социально-философский. Со второй половины прошлого века, когда экономическая модернизация страны обострила потребность в адекватной государственной и общественной структуре, а усилившееся сближение с Западом еще более отгенило российскую архаику, эта идея получила новый импульс, став своего рода символом радикального обновления страны и преодоления ее исторической отсталости, разрешения всех насущных общественных проблем. Столь расширенное толкование придавало ей довольно отвлеченный, полулегендарный характер, чему способствовало и полное отсутствие в России до начала XX в. политических прав и свобод. Не случайно она черпала силу и в таких явно реликтовых источниках, как общинно-уравнительная организация деревни или исторические реминисценции, связанные с вечевыми порядками и Земскими соборами отечественного прошлого.

В то же время идея Учредительного собрания долго оставалась элитарной из-за глубокого разрыва в уровнях и, возможно, в типе политической культуры сравнительно тонкого образованного, интеллектуального слоя общества и толщи социальных низов. Она стала частью менталитета российской либерально-радикальной интеллигенции, ее «синей птицей», обобщенным выражением таких ее качеств, как «небуржуазность», неприятие самодержавно-бюрократического и полицейского произвола (министр внутренних дел В. К. Плеве определял образ поведения интеллигенции именно как постоянное дискредитирование власти³), традиционное народолюбие, включавшее и комплекс собственной вины перед народом. При этом складывалась ориентация на различные исторические образцы — от Конвента времен Великой Французской революции, открывшего путь к власти якобинцам, до Учредительного собрания 1848 г., установившего во Франции умеренный режим Второй республики.

Знаменательно, что и сама автократия невольно служила распространению идеи: проводя реформы, она оживляла конституционные настроения, преследуя движение за Учредительное собрание, она усиливала его романтический ореол жертвенности и мученичества. Как писала одна из газет в 1917 г., «история борьбы за Учредительное собрание — это Голгофа подвижничества»⁴. Примечательно, что с этой борьбой связывали и тех деятелей освободительного движения, которые в своих преобразовательных помыслах прямо такую идею не выдвигали, подобно Н. И. Новикову и А. Н. Радищеву, или даже отвергали, подобно П. И. Пестелю⁵.

В сознании российского общества созыв Учредительного собрания ассоциировался прежде всего с введением конституционного строя, и потому попытки историков жестко разграничить способы его достижения на революционные и реформистские некорректны, особенно с учетом изменчивой эволюции российской государственности. Даже ранний Ленин в 90-е г. допускал политическое освобождение России путем созыва Земского собора царским правительством⁶. Такое допущение не кажется вовсе нереальным, если вспомнить, что принятие так называемого конституционного проекта М. Т. Лорис-Меликова было сорвано скорее революционерами, убившими 1 марта 1881 г. императора Александра II, чем реакционерами из высшей бюрократии.

Общедоступность, а с нею и популярность идее Учредительного собрания придали первая российская революция. Этому благоприятствовало объективное совпадение двух одновременных процессов: с одной стороны, усиление вертикальной социальной мобильности населения и маргинализации общества, создавшее питательную среду для роста антиправительственных настроений,

с другой — интенсивное партийно-политическое оформление общества, его «партизация». Показательно, что едва ли не все партии в своих программных документах фиксировали отношение к лозунгу созыва Учредительного собрания не только положительное, но и сугубо отрицательное. Так, Союз 17 октября, признавая незыблемым для России принцип конституционной монархии, отвергал идею суверенного Учредительного собрания как полный разрыв связи с прошедшим и неизбежность тяжелых революционных потрясений всей страны⁷. Правомонархическая Всероссийская Отечественная партия одной из своих задач указала «противодействие созыву Учредительного собрания и другим революционным актам, поддерживающим смуту»⁸.

В обстановке прогрессирующего кризиса власти и накопления огромного потенциала массового социального недовольства созыв Учредительного собрания стал задачей практической политики и вызвал острую межпартийную борьбу по вопросу о путях создания и задачах Учредительной власти. Обычно принятые при этом критерии радикализма нуждаются, на наш взгляд, в коррективах, ибо перспективы общественного прогресса России зависели не только от того, как далеко она продвинется по пути революции, но и в неменьшей степени от того, по какому типу цивилизационного развития она пойдет. На вестернизацию, на образцы западной демократии и реформистские методы их достижения ориентировались не только либеральные круги, но и те социал-демократы, которые сознавали необходимость развитого правового общества как базы будущего социализма. По своей ментальности меньшевики были ближе к кадетам, чем к единомышленникам по вероучению — большевикам. Последних, в свою очередь, сближало с эсерами и другими «почвенниками» стремление утилизировать историческую самобытность России, прежде всего ее особый, отличный от западного, тип политической культуры населения, стихийно-разрушительный по преимуществу (западнически-марксистская фразеология большевизма сути дела не меняет). Тем самым возникали неожиданные политические расклады сил и блоки.

Своего триумфа идея Учредительного собрания достигла в 1917 г., после свержения самодержавия. Официозная советская литература отрицает ее как именно единую идею, ссылаясь на узкопартийный смысл ее интерпретаций разными политическими силами. Однако в ночь на 2 марта * известным соглашением о конструкции власти в стране, заключенным между делегатами Исполкома Петроградского Совета и членами Временного комитета Государственной думы после долгих, ожесточенных споров был выработан четкий юридический статус Учредительного собрания. Он включал в себя три принципа: выборы всеобщим свободным голосованием («общенародная воля»); решение главных вопросов государственной жизни, в том числе и определение формы правления, есть исключительная прерогатива Учредительного собрания («непредрешение»); оно само, и только оно, определит круг и границы своих задач («хозяин земли Русской»).

Эти условия, наспех записанные делегатом Совета Ю. М. Стекловым «на клочке плохой писчей бумаги»⁹, по существу, определяли российский политический *modus vivendi* прежде всего между обеими формировавшимися институциональными системами. В тот же день, 2 марта, «Известия Петроградского Совета» не без доли снисходительности писали, что Временное правительство не имеет права устанавливать какую-либо постоянную форму правления: оградить народ от козней контрреволюции, помочь ему довести революцию до конца, до созыва Учредительного собрания — вот и все его назначение.

Политическое значение этого решения трудно переоценить. Оно гарантировало послефевральский режим в стране и на время установило баланс сил, соединив революционные и реформаторские устремления. Оно отчасти

* Даты приводятся по старому стилю.

обуздывало, хотя и не пресекало, партийные амбиции. Эта формула была принята даже монархистами, сохранявшими надежду на «поправление» общества и восстановление монархии через Учредительное собрание, которое, таким образом, обрело поддержку даже В. В. Шульгина. Престиж Учредительного собрания как арбитра нации необыкновенно возрос, особенно в средних слоях, более всего жаждавших мирного разрешения всех общественных коллизий. Из этой среды чаще всего доносились благие и наивные призывы прекратить до его созыва всякую политическую борьбу в стране во избежание насилия над волей народа, в духе декларации Советов депутатов трудовой интеллигенции, оглашенной на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г.¹⁰

Однако чем далее, тем более обнажалась оборотная сторона переходной формулы «непредрешения», ставшая роковой для страны. Расширялся вакуум легитимной власти, поскольку и Временное правительство и сами советские партии, надевшие на него «узду непредрешенчества», оказались его заложниками. Они не могли распорядиться полученной властью в целях реформирования общества даже в той мере, в какой готовы были сделать это, не рискуя быть обвиненными, главным образом слева, в посягательстве на права Учредительного собрания. В то же время левозэкстремистские силы эта формула связывала лишь в той мере, в какой они признавали за ним окончательную санкцию своих прямых действий.

После Февральской революции отпали прежние аналогии с ролью Учредительного собрания во французской или американской революциях, ибо самодержавный колосс развалился в считанные дни под ударами восставшего народа¹¹. Главная и традиционная его задача была решена — в России фактически утвердилась демократическая республика с максимумом политической легальности. Но устранение самодержавия в качестве фактора, консолидировавшего оппозицию, раскололо общество, обнажив и обострив его «кричащие» социальные противоречия. «Нигде и никогда не бывало, чтобы стране приходилось решать одновременно такое множество сложнейших и насущнейших вопросов — политических, экономических, социальных, национальных, — сетовал член Учредительного собрания, его секретарь и историк М. В. Вишняк. — <...> Эти трудности неизмеримо осложнялись обстановкой мировой войны»¹².

После Февральской революции с идеей Учредительного собрания произошло то же своеобразное расщепление, которое подстерегает всякую возвышенную идею при ее перемещении из мира теорий в практику, — предмет поклонения стал объектом политических страстей, принявших осенью 1917 г. открыто конфронтационный характер. Это столкновение с действительностью вдруг обнаружило хрупкость идеи Учредительного собрания, ее фатальную зависимость от уровня политической культуры общества.

Проблема отягчалась тем, что революция дала гигантский выброс в сферу политической жизни людских масс, ранее к ней равнодушных и даже испытывавших к политике неприязнь. Они привносили в нее и свои страдания, и свои помыслы, и свою социальную агрессивность, и склонность к силовым методам решения конфликтов, необычайно окрепшую благодаря осознанию собственной ударной роли в ликвидации монархии. Еще важнее, что в России социальные низы смогли в короткий срок создать свои представительные органы, претендовавшие если не на власть, то на свою долю плодов революции. Таков был социально-политический «бульон» для наиболее амбициозных политических сил, среди которых большевики во главе с Лениным явно выделялись своей волей, целенаправленной активностью, готовностью во имя этих целей не останавливаться перед самыми крайними средствами. Уместно, впрочем, заметить, что радикализованные массы не столько следовали за революционными партиями, сколько толкали их впереди себя, желая разом получить от них разрешение своих ожиданий.

В такой обстановке груз исторически задержавшихся реформ обрушивался на плечи Учредительного собрания, и каждый просроченный день катастрофически умножал это бремя, подрывая шансы остановить сползание страны ко всеобщему кризису и гражданской войне.

Тем не менее именно Учредительное собрание на протяжении всего 1917 г. олицетворяло собой демократическую перспективу развития. Рассматривая революцию как внутренне противоречивый, но и логически упорядоченный поток событий, проходящий через извилистое русло альтернативных ситуаций, можно заметить, что наиболее постоянной величиной в водовороте событий оставалось Учредительное собрание. Его созыв объявлялся первейшей задачей всех четырех составов Временного правительства, соответственно в декларациях от 3 марта, 6 мая, 8 июля и 26 сентября. Генерал Л. Г. Корнилов свой путь мотивировал «необходимостью довести народ до Учредительного собрания, на котором он сам решит свою судьбу и выберет уклад своей новой государственной жизни»¹³. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, образовав Совнарком во главе с Лениным, указал и срок его деятельности — «впредь до созыва Учредительного собрания»¹⁴. Наконец, «белое движение», судя по многим его документам, официальным и неофициальным, отнюдь не отбрасывало идею «непредрешения» и созыва Учредительного собрания¹⁵.

Можно возразить, что каждый имел в виду «свое» Учредительное собрание, любая из влиятельных политических сил словно бы предписывала будущему верховному органу свой план общественного переустройства. Ленин, например, настойчиво подчеркивал, что Учредительное собрание будет зависеть от того, кто его созовет¹⁶, прямо подозревая правительство Керенского в намерении фальсифицировать народное представительство. Но каковы бы ни были такие побуждения, к самому Собранию они отношения не имели. К тому же возможности подтасовки его выборов и состава депутатов были явно преувеличены. Демократизм Учредительного собрания обеспечивался самим избирательным законом. Без всякого преувеличения, то была самая прогрессивная для своего времени система выборов, ставшая затем образцом для многих государств. Голосование было всеобщим, равным, прямым и тайным. Даже лишение права голоса солдат-дезертиров и членов царской семьи Романовых в обстановке войны и революции не воспринимались как нечто демократии противоречащее.

Нельзя, впрочем, отказать в обоснованности и парадоксальному мнению, будто главный дефект избирательного закона — его совершенство¹⁷. И сама разработка закона, и особенно его реализация в стране, к этому не готовой ни в правовом, ни в техническом плане, с почти 90 млн. избирателей, безграмотных в своем большинстве, разбросанных на огромной территории, занимавшей примерно половину Евразии, представляли гигантскую трудность и потребовали много безвозвратно ушедшего времени. Временной фактор сыграл действительно немаловажную, может быть, главную роль в неуспехе Учредительного собрания. Но привычное объяснение этой затяжки злонамеренностью кадетских юристов или мягкотелостью вождей советской демократии ныне представляется слишком плоским, не учитывающим логики российской революции с ее многообразием конфликтных зон, соперничеством властных структур, массовостью участников и пр. Любое ограничение избирательной демократии ради экономии времени истолковывалось в сугубо контрреволюционном смысле, как ущемление воли народа. В результате избирательный закон стал и вершиной, и лебединой песнью политической демократии во всей истории России.

Демократизм Учредительного собрания проявился и в том, что многомесячная предвыборная кампания в калейдоскопически менявшейся политической обстановке создавала «ауру» легальности для партий, попавших в неблагоприятные условия. После июльских событий Ленин протестовал против

преследования большевиков, апеллируя к будущему Учредительному собранию¹⁸. В схожих обстоятельствах были кадеты после провала «корниловщины» и даже умеренные социалисты после захвата власти большевиками.

В последнее время в фокусе научного внимания проблема поисков альтернативы применительно к осени 1917 г., особенно после того, как выявилась бесперспективность демократических вариантов внутри самого большевизма в нэповский период. Взвешиваются шансы разных моделей общественного развития, включая Учредительное собрание, хотя очевидно, что любая из них была бы менее страшна и разрушительна для России, чем та, что осуществилась в итоге Октябрьского переворота.

Не вдаваясь в разбор всего спектра мнений, выскажем лишь некоторые соображения по данному вопросу. Опасность правого переворота и военномонархической диктатуры, о которой осенью 1917 г. так много говорили большевики, с исторической дистанции выглядит более жупелом, чем реальной угрозой. После провала корниловского мятежа буржуазная контрреволюция не в состоянии была с оружием в руках сражаться против объединенной демократии. Ведущая антибольшевистская сила — кадетская партия — ушла в тень, казалась деморализованной. Нет также оснований думать вслед за Лениным, будто Временное правительство имело намерение подделать выборы в Учредительное собрание либо вообще их сорвать — первое было не в его власти, второе граничило с политическим самоубийством. Скорее напротив, помыслы кабинета Керенского в октябре были нацелены на то, чтобы дотянуть до спасительной гавани Учредительного собрания. Всероссийская комиссия по выборам категорически отвергала ходатайства с мест об отсрочке голосования из-за технической неподготовленности. «Вполне можно допустить, что Временное правительство Керенского имело шансы довести страну до Учредительного собрания, если бы не было свергнуто Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде»,¹⁹ — пишет В. И. Старцев. Соглашаясь с этим мнением, добавим, что это был бы оптимальный вариант событий.

Крушение советской формы государственности после семидесяти лет перманентного кризиса и тщетных попыток сделать ее жизнеспособной побуждает заново взглянуть и на проблему «Советы и Учредительное собрание». Известно, что демократическая потенция Советов не оспаривается и некоторыми западными историками (А. Рабинович, У. Розенберг), склонными оценивать демократию не только как систему представительных институтов, но и с точки зрения непосредственного участия масс в решении важнейших социальных проблем. И то, и другое верно: Советы в 1917 г. охватывали приблизительно около трети населения²⁰, но именно к ним тяготели социальные низы, видя в них органы прямого революционного действия.

Взаимоотношения Учредительного собрания и Советов составляли суть разногласий в демократической среде в вопросе о власти. Правые социалисты, сохранив до ноября 1917 г. общее руководство советской системой, пытались предотвратить их политическое соперничество и возможное на этой почве столкновение. 12 октября официозные «Известия ЦИК Советов» дали передовую статью под многозначительным названием «Кризис советской организации». Ее резюме гласило: «Советы были прекрасной организацией для борьбы со старым режимом, но они совершенно не в состоянии взять на себя создание нового режима: нет специалистов, нет навыка и умения вести дела и, наконец, нет самой организации».

В те дни часто раздавались предостережения, что если ведомые большевиками Советы захватят власть в стране, то это будет конец Учредительного собрания. Оно станет ненужным, ибо большевики вынуждены будут осуществить то, ради чего оно созывалось. Смысл подобных опасений был не в боязни самих этих свершений, которые казались всего лишь делом времени, а в том, что они будут использованы экстремистскими силами как рычаг для узурпации власти. Один из самых левых меньшевиков, Ю. Мартов, разделявший

идею создания однородносоциалистического правительства, тем не менее определил Советы как средство «поставить и утвердить у власти революционное меньшинство»²¹.

Несомненно, после 25 октября Учредительное собрание не вписывалось в большевистские схемы всемирной социалистической революции и строительства республики Советов. Более того, оно грозило утопить в массе крестьянских голосов социальную опору большевизма — городских рабочих и солдат старой армии.

Лично для Ленина и большинства его сторонников Учредительное собрание не являлось правовым или нравственным императивом. Еще в апреле 1917 г. он высказал убеждение, что жизнь и революция отводят его на задний план²². Вместе с тем, считаясь с возможностью разных вариантов развития революции, подчиняя свою тактику главной цели — продвижению партии к власти, большевики вели в отношении Учредительного собрания политику гибкой и осмотрительной импровизации. Немаловажны были богатые агитационные возможности лозунга Учредительного собрания как для пропаганды броских большевистских призывов, так и для дискредитации Временного правительства, политических соперников за волокиту с его созывом. Характерно, что все резолюции о власти, предлагавшиеся большевистскими фракциями таким представительным органам, как ЦИК, Петроградский Совет, Демократическое совещание, содержали требование немедленного созыва Учредительного собрания. Демонстративный уход большевиков из Предпарламента Л. Д. Троцкий от имени фракции мотивировал, в частности, тем, что «буржуазные классы, направляющие политику Временного правительства, поставили себе целью сорвать Учредительное собрание»²³.

Едва ли это можно назвать просто фарисейством — в политике всегда есть неуловимые и переменные величины, не просчитываемые заранее. Очевидно, что Ленину импонировала идея «комбинированного типа», соединявшего в одно целое Советы и Учредительное собрание. К лету 1917 г. он не исключал того, что роль последнего могут сыграть съезд Советов или Совет Советов²⁴, как и того, что Учредительное собрание, если оно соберется достаточно скоро, передаст власть Советам. Осенью же формула «Учредительное собрание плюс Советы» несколько изменилась — «Советы плюс Учредительное собрание», но, вопреки математической аксиоме, от перестановки слагаемых резко менялся и сам результат.

Не вполне ясно, в какой мере стремление упредить выборы и переход страны на рельсы парламентской демократии присутствовало в ленинской технологии захвата власти посредством восстания (А. Ф. Керенский выделял это соображение как одно из главных²⁵). Однако очевидно, что выступить с оружием против всенародно избранного учредительного органа, не располагая при этом силовыми рычагами власти, было бы политическим безумием.

В послеоктябрьский период некоторые большевистские пассажи создавали впечатление искренней заинтересованности в действительном выявлении воли народа («Мы все предложения мира внесем на заключение Учредительного собрания»²⁶), Совнарком издал декрет об обеспечении выборов в назначенный срок, но все это относилось ко времени, когда сохранялась надежда получить большевистско-левоэсеровское парламентское большинство. Едва она рухнула, в ход были пущены эзотерические рассуждения о превосходстве пролетарской демократии над буржуазной, о преимущественно внепарламентской силе пролетариата, о том, что коренные вопросы революции вообще не могут решаться голосованием.

Представляется, что, остановив свой выбор на республике Советов («Советы выше всяких парламентов, всяких учредительных собраний»²⁷), ленинцы подсознательно делали ставку не на мнимые преимущества Советов, вроде соединения властей, опоры на почин масс с их классовым чутьем, отсутствия профессиональных управленцев и т. п., а на удобства политического

манипулирования ими со стороны правящей партии, владеющей секретами социальной инженерии. На деле большевики ни на минуту не собирались предоставить Советы самим себе. Поэтому появление партийно-советского «кентавра» было абсолютно закономерным, а спорадические попытки большевистского руководства предотвратить это выразительны своей полной безуспешностью. При всех привходящих факторах определяющей была именно квазигосударственная природа Советов как массовых общественно-политических организаций. Как с юридически-правовой, так и с общеполитической точки зрения кажется весьма сомнительным, чтобы даже многопартийные Советы смогли бы обеспечить демократическое развитие общества при условии легитимизации их власти Учредительным собранием. Для этого советская система должна была превратиться в традиционную систему самоуправления, т. е. перестать быть самой собой.

Таким образом, и после октябрьских событий именно Учредительное собрание воплощало демократическую перспективу развития государственности и общества. Характерно, что большевики, которые и политику, и право, и мораль выводили не из общих принципов цивилизации, а из революции, как они ее понимали, не смогли перешагнуть через Учредительное собрание, не созвать его вовсе — в этом даже Ленин не переубедил своих соратников²⁸. И точно так же не столько они, сколько само российское общество, вернее, его социокультурное состояние определило гибель этой исторической перспективы.

Корреляционный анализ идеи Учредительного собрания в структуре общественного сознания в 1917 г. науке еще предстоит, но некоторые моменты бесспорны. Сама идея была не одинаково разлита в разных социальных этажах и была в прямой зависимости от культурно-образовательных предпосылок. Город, естественно, шел впереди, деревня заметно отставала. Как отмечалось в октябре на одном из заседаний Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание, «интерес к выборам не проник в народную толщу, а ограничивается верхами»²⁹.

Не одинакова была опять же в социальном разрезе и апперцепция Учредительного собрания. Для средних слоев «сверхзадачей» было создание правового государства при непременно мирном, реформистском преодолении кризиса в стране. Что касается низших слоев общества, и особенно его маргинализованных и люмпенизированных элементов, то их Учредительное собрание привлекало главным образом возможностью удовлетворения непосредственных социальных нужд, обычно понимаемого как простое уравнильное перераспределение жизненных благ (причем сам способ удовлетворения не был сугубо важен и, пожалуй, насильственный сулил более скорый и весомый результат, а соображения легитимности значили еще меньше).

В этой связи стоит обратить внимание на ритуальный характер митинговых резолюций в поддержку Учредительного собрания, принимавшихся всегда единогласно. Закljučая обычно резолюции по текущему политическому моменту, призывы типа «Вся власть Учредительному собранию!» звучали как заклинание. Они отражали религиозную подоснову массового сознания, наивную веру в возможность разом решить все проблемы (напрашивается аналогия с другим популярным лозунгом 1917 г. — «Мир без аннексий и контрибуций!», в итоге оказавшимся лишь фикцией для большинства его приверженцев). Но эта харизма Учредительного собрания никоим образом не удерживала радикальные низы от самочинных попыток реализовать свои интересы — «на Бога надейся, а сам не плошай!»

Еще до 1917 г. выявилось, что популярность Учредительного собрания в определенной степени сопрягалась с характером политической обстановки в стране, нарастая в кризисные периоды и ослабевая при стабилизации власти. Идеинные корни его в обществе, где власть обычно заменяла право, не были глубоки, и это предвещало, что в критический момент круг поборников

народного представительства может оказаться не так широк, как казалось прежде. События 1917 г. в целом эту тенденцию подтвердили.

Стержнем всей проблемы является, однако, само голосование на выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Оно наиболее рельефно выразило отношение электората к перспективам парламентского, демократического правления в России, и без этой конкретно-статистической картины выборов рассуждения по поводу таких перспектив эфемерны, как улыбка чеширского кота. Уместно также заметить, что избирательная статистика остается ахиллесовой пятой общей проблемы и потому, вероятно, заслуживает особого внимания. Автор предпринял в этой связи ряд специальных изысканий.

Несмотря на установленный законом общероссийский срок выборов (12—14 ноября), в действительности они растянулись более чем на три месяца. Досрочно, 29 октября, выборы состоялись на Камчатке, дабы единственный ее депутат успел с последним паромом отбыть на «большую землю». Последний аккорд выборной симфонии прозвучал уже в начале февраля 1918 г., спустя месяц после разгона Учредительного собрания, на Кубани, где в это время полным ходом шла гражданская война. Из-за этого выборы состоялись лишь в Екатеринодаре и отдельных станицах, где сохранялась власть Кубанской краевой рады.

Практически установлено, что из 81 избирательного округа (в их числе округ КВЖД и округ русских экспедиционных войск во Франции и на Балканах — вне пределов России) выборы прошли, полностью или частично, в 77 округах. Явно не состоялись они в Сыр-Дарьинском, Аму-Дарьинском, Закаспийском округах (по нашим подсчетам, до 1,3 млн. избирателей³⁰), неизвестна их судьба в русском экспедиционном корпусе во Франции и на Салоникском фронте, где суммарно было до 50 тыс. человек³¹.

Определение общей величины электората представляло особую сложность из-за расстройств статистического дела в условиях военного времени. Предварительные, взятые по максимуму расчеты Статистического совещания во главе с А. А. Кауфманом и мнения отдельных экспертов позволяют оценить предельную численность избирателей в 85 млн. (за вычетом населения оккупированных территорий)³². Реально же в местности, где выборы состоялись, было не более 80 млн. избирателей.

Выборов такого масштаба прежде не знала мировая история. Не знала она и подобных организационно-технических трудностей, отягченных весьма неподходящей обстановкой двух войн — еще не оконченной мировой и уже разгоравшейся гражданской. Все это объясняет печальное состояние избирательной статистики. В отдельных округах выборы не были доведены до конца (Кубано-Черноморский, Терско-Дагестанский, возможно, Степной), в других случаях не были подведены или же не сохранились их сводные итоги. Так, в Ордынском округе, располагавшемся на территории Букеевской орды в Заволжье (центр — Ханская ставка), окружная избирательная комиссия была арестована местным ревкомом как раз при подсчете голосов³³. Ликвидация Совнаркомом Всероссийской избирательной комиссии в самый разгар кампании привела к полному разрушению выборной машинерии и, по-видимому, имела роковые для будущих историков последствия. Увы, общее знакомство с состоянием архивных и газетных фондов оставляет мало надежд на то, что общероссийскую картину результатов голосования удастся когда-нибудь полностью восстановить.

Чтобы преодолеть или хотя бы уменьшить лакуны в статистике, целесообразно мобилизовать не только итоговые данные по округам, но и эмпирически выявленные сведения там, где нет более полных (Бессарабский, Камчатский, Кубано-Черноморский, Самаркандский, Степной, Терско-Дагестанский и Якутский округа). По нашим наблюдениям, самым обширным, но не исчерпывающим, в голосовании участвовало свыше 47 млн. человек, но еще около 2 млн. поданных голосов предстоит идентифицировать. (Наиболее пред-

Таблица 1

Сводные результаты голосования во Всероссийское Учредительное собрание

	Всего		В том числе округа			
			тыловые		фронтовые	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Эсеры	19 070 637	40,4	17 287 287	40,4	1 783 350	40,7
Большевики	10 947 862	23,2	9 220 543	21,6	1 727 319	39,5
Меньшевики	1 380 649	2,9	1 240 309	2,9	140 340	3,2
Энесы	374 518	0,8	363 521	0,8	10 997	0,3
Прочие социалисты *	6 704 681	14,21	6 178 821	14,4	525 860	12,0
Кадеты	2 172 187	4,6	2 098 588	4,9	73 599	1,7
Правые	279 227	0,6	279 227	0,6		
Земельные собственники	191 109	0,4	191 109	0,4		
Торгово-промышленные списки	36 941	0,1	36 941	0,1		
Кооператоры	28 913	0,1	28 913	0,1		
Конфессии	301 514	0,6	301 514	0,7		
Национальные партии	3 648 943	7,7	3 607 855	8,4	41 088	0,8
Казачи	1 024 268	2,2	1 024 268	2,4		
Прочие	1 006 172	2,2	930 411	2,3	75 761	1,7
И т о г о...	47 167 621	100,0	42 789 307	100,0	4 378 314	100,0

* Национальные партии неонароднического и социал-демократического толка, а также единые списки социалистических партий.

ставительные до сих пор подсчеты Л. М. Спирина охватывали менее 46 млн. избирателей³⁴.) Сводные результаты голосования во Всероссийское Учредительное собрание приведены в таблице 1.

Как можно заметить, новые данные лишь незначительно корректируют основные процентные показатели, известные историкам. Легко предположить, что полная картина голосования даст возрастание удельного веса национальных партий и списков благодаря крайним округам. Не входя в анализ партийных симпатий электората, ограничимся только теми комментариями, которые отвечают теме данной статьи. В этом смысле успех эсеров, собравших вместе с национальными эсерами более половины всех голосов, значителен прежде всего тем, что это была массовая поддержка центристской, примирительной линии, а вовсе не триумф партийной доктрины. В свою очередь, 23,2% голосов, полученных большевиками, значили куда больше, чем обычная неудача на выборах, — это фактически был и вотум недоверия населения новой власти. Поражение меньшевиков, самокритично оцененное руководством партии, подчеркнуло отсутствие каких-либо условий для реализации ортодоксальных марксистских идей социалистической революции. Столь эксцентрично проявилась правота меньшевиков в этом важнейшем для марксистов вопросе. Относительно скромный итог кадетской партии (4,6% голосов) отразил не только прокорниловскую, буржуазную ее репутацию в массовом политическом сознании, но и слабость самого либерального движения, и ограниченность его социальной базы в России.

Полную неудачу потерпели правые партии и группы, решившиеся открыто

выступить на выборах. Вообще, мелкие партии оказались в плотной политической тени, отбрасываемой борьбой гигантов. Так, радикальные демократы собрали всего около 19 тыс. голосов.

Благодаря пропорциональной избирательной системе состав депутатского корпуса в целом соответствовал результатам выборов. Пожалуй, лишь кадеты, избегавшие предвыборных блоков, имели причины сетовать, что из-за превратностей этой системы недополучили около полутора десятков мест, даром потеряв около 1200 тыс. голосов³⁵. Наши наблюдения охватывают 765 депутатов от 73 избирательных округов (в восьми остальных, где выборы не состоялись или не были доведены до конца, предполагалось избрание еще 55 депутатов). Среди них было 349 русских и 47 украинских эсеров, 179 большевиков, 17 русских и 7 украинских меньшевиков, 14 кадетов, 2 народных социалиста. К социалистическому крылу Учредительного собрания принадлежали также 32 украинских эсера и социал-демократа, коих не удалось точнее идентифицировать в партийном отношении, и 13 мусульман-социалистов и 10 дашнаков. Остальные мандаты распределились так: национальные партии и движения — 68, казаки — 16, крестьяне — 10, клир — 1.

Таков был этот «Ноев ковчег» российской государственности, вобравший в себя, подобно библейскому прообразу, все видовое многообразие общества в 1917 г.

За сухими цифровыми статистическими итогами выборов кроются тонкие, чувствительные социально-психологические механизмы электорального поведения социума, раскрывающие его отношение к самому Учредительному собранию. В голосовании избирателей нам представляется первичным не партийная его окраска, а выраженное участием в выборах позитивное отношение большинства населения к высшей учредительной власти и ее перспективам. В комплексе задач, стоявших перед этой властью, с осени 1917 г. на передний план объективно вышло предотвращение гражданской войны в стране, и само Учредительное собрание в определенной мере было залогом гражданского мира.

В этом, очевидно, одно из объяснений высокой активности электората, неожиданной для многих современников. В выборах участвовало с учетом признанных недействительными и аннулированных голосов свыше 50 млн. избирателей, т. е. примерно 63—64% их общего числа. Принимая во внимание политическую усталость общества, сложную, во многих местах опасную обстановку, это высокий показатель.

Наиболее обескуражило наблюдателей широкое уклонение интеллигенции, прежде всего городской. Инициировав лозунг Учредительного собрания, она в решающий момент заняла созерцательную позицию, выразив тем свое разочарование в возможностях народоправства в России. Торжество демократии обернулось для нее торжеством охлократии, и даже искренние приверженцы парламентаризма на время отвернулись от него, предпочтя твердую, авторитарную власть. Уклонившийся от голосования горожанин обнаруживал не только свой аполитизм — это был и его протест против прекраснородушного бездействия правосоциалистических вождей, против большевистского насилия, против планов введения военно-диктаторского режима в стране.

Судя по нашим подсчетам, в 220 городах России с общим населением почти в 7 млн. человек в выборах в Учредительное собрание участвовало около 4 млн., или примерно 58%. Но если исключить из этого уравнения Петроград и Москву с их огромным и высоко активным электоратом (около 70%), то процент голосовавших снизится до 52. Этот показатель вполне отражает средний показатель абсентеизма в провинциальных городах.

Столь же неожиданным было активное участие в голосовании деревни, которая во многом определила основные общероссийские избирательные параметры и спасла репутацию выборов в Учредительное собрание как всенародных. Во множестве волостей, сел, деревень они проходили с неподдельным

Таблица 2

Итоги выборов в сельской местности и в городах

Население	Большевики	Эсеры	Меньше- вики	Прочие социалисты	Кадеты	Прочие	Итого
Городское	33,6	16,0	6,4	8,0	20,3	15,7	100,0
Сельское	19,3	45,6	2,2	17,0	1,8	14,1	100,0

энтузиазмом, в них приняли участие 70—80% граждан. В городах классически крестьянской Тамбовской губернии голосовало лишь 50,2% избирателей, тогда как в сельской местности — 74,5%. От 62 до 80% колебалась явка на выборы в аграрных Алтайской, Казанской, Курской, Воронежской, Пензенской, Полтавской, Черниговской и других губерниях.

Означало ли это более высокую политизированность крестьянства? Ни в коем случае. Выборы подтвердили традиционалистский характер крестьянского сознания. Мир политики, как и городской мир вообще, ему был чужд и непонятен, но электоральное поведение крестьян диктовалось такими практическими установками, как привязанность к земле, определявшая все их бытие, и боязнь не получить землю в случае неявки на выборы. Сказывался и социально-психологический склад деревни: общинная привычка решать и действовать «скопом», покорное следование указаниям свыше, мистическое преклонение перед всем непонятным и таинственным при общем равнодушии к вопросу о политической власти. Деревня дружно шла голосовать за Учредительное собрание, но, получив помещичью землю, она осталась, по существу, безразличной к его разгону.

Хотя крестьянское волеизъявление на выборах в Учредительное собрание осталось, по сути дела, невостребованным, оно представляет бесспорный научный интерес. По нашим данным, в городах голосовало около 7 млн. человек. Автор располагает статистической информацией относительно 6,2 млн. горожан. Экстраполируя основные итоги выборов на весь городской электорат (в том числе поселения городского типа) и изъяв их из общего числа поданных в тыловых избирательных округах голосов, получаем в остатке достаточно достоверные итоги выборов в сельской местности (см. табл. 2).

Те же в основном факторы, что и у крестьян, сработали в ходе выборов у солдат, но в ином преломлении. В силу условий своего армейского бытия солдаты поразительно быстро политизировались, но это была особая, маргинализованная политическая субкультура. Солдаты голосовали весьма активно и преимущественно за большевиков. Доступная нам статистика показывает, что среди 4378 тыс. солдат фронта голоса, поданные за большевиков и за эсеров, распределились почти поровну (соответственно 39,5% и 40,7%). Но среди 1013 тыс. военнослужащих двухсот с лишним тыловых гарнизонов большевики имели уже 55,8% голосов, тогда как эсеры — только 22,3%.

Несомненно, лозунг мира был тем магическим кристаллом, сквозь который солдаты смотрели на все другие общественные проблемы. Соблазненные ленинским обещанием немедленного мира (по существу, любой ценой) и большевистской практикой социального дележа, солдаты в то же время не видели нужды в высшей законодательной санкции. Учредительное собрание не могло им дать того, что дала новая власть. Но и сама эта власть оказалась в известном смысле пленницей разлагавшейся армии. Большевики стали невольными заложниками многомиллионного солдатского плебса, им пришлось приспособлять свою политику к его стихийным порывам и действиям,

особенно во время Бреста. Большевизация солдат не была лишена крестьянской лукавности: быть большевиком, пока это выгодно.

Активно голосовали и городские рабочие, в основном за большевиков. Правда, здесь вряд ли возможно отделить практическую поддержку политики партии от следования давнему социал-демократическому лозунгу. Во всяком случае, надо думать, что большинство рабочих шло к избирательным урнам не в ожидании разгона Учредительного собрания. Довольно скоро большевикам пришлось убедиться в условности такой поддержки и разочароваться в своих пролетарски-мессианских ожиданиях. Среди тех, кто в январе 1918 г. в Петрограде протестовал против роспуска народных представителей, было немало рабочих.

Нельзя забыть, наконец, что с Учредительным собранием связывалось решение столь насущного для России национального вопроса, самоопределения ее народов. После распада СССР из всех исторических параллелей между 1917 г. и сегодняшним днем наименее рискованной кажется национально-государственная. Хотя большевики формально провозгласили право наций на самоопределение, их наднациональные революционные вождения и приверженность к государственному унитаризму крайне беспокоили националов всех иных политических ориентаций. В такой обстановке выборы в национальных районах приняли характер плебисцита относительно будущей судьбы последних: голосование за национальные партии и списки, а не за общероссийские, фактически стало голосованием за ту или другую форму национального самоопределения. В общей сложности они собрали почти четверть всех голосов и до двухсот депутатских мандатов³⁶.

Хотя национальная идея в глазах разделявших ее избирателей и их избранников была окрашена в разные политические и социальные цвета, сквозь эту многоцветную гамму отчетливо проступают два ведущих мотива. Во-первых, определяющей была демократическая идея федерализации страны, и это вменялось предстоящему Учредительному собранию. Во-вторых, в спектре национально-политических симпатий общероссийского электората преобладала (примерно в пропорции 2 : 1) ориентация на социалистические партии.

Учредительное собрание в ночь на 6 января 1918 г. провозгласило Россию демократической федеративной республикой. Однако этот акт безнадежно запоздал. Приход к власти большевиков резко усилил сепаратистские устремления национальных лидеров, поспешивших отделиться от «совдепии» и создать свою государственность. Победа большевизма в гражданской войне и над сепаратистами, и над поборниками державной единой, неделимой России создала лишь иллюзию разрешения национальной проблемы, прикрыв старую имперскую сущность новыми идеологическими и политическими одеждами. Ныне не подлежит сомнению, что полиэтническая общность может сложиться только в формах демократической государственности.

Самый деликатный вопрос, встающий перед исследователем выборов в Учредительное собрание, сводится к тому, были ли они свободными настолько, чтобы обеспечить подлинное выражение воли избирателей? «Они далеки от образцовых, но они, без сомнения, не были фарсом»³⁷. К такому заключению пришел в свое время О. Редки. Дополним этот обоснованный вывод. Россия в 1917 г. была самой свободной страной. Но реальный уровень политической свободы определяется не только совокупностью правовых норм, но и правосознанием граждан. Многие нарушения избирательной демократии, чаще всего со стороны солдат, находят свое объяснение в понимании ее как вседозволенности. Тем важнее отметить, что выборы сами по себе становились предметным уроком демократии для многих миллионов безграмотных в политико-правовом отношении людей.

В целом выборы в Учредительное собрание вскрыли слабость социокультурных предпосылок для формирования в России политической демократии западного типа. Большинству были далеки такие абстрактные ценности, как

государство, нация, правопорядок, формирующиеся и усваиваемые через длительное культурное развитие общества. Революции вообще не лучшее время для этого, а межпартийная ожесточенная борьба в 1917 г. не играла цивилизующей роли, давая все преимущества агитационному популизму. Обнаружившаяся на выборах широкая «партизация» населения³⁸ носила обманчивый характер, ибо большинство избирателей имело примитивное понятие даже о «своих» партиях.

Большевики победили в этой борьбе, но именно они и привносили в массовые слои свое пренебрежение к демократическим формам правления. И хотя на выборах большевики понесли безусловное политическое поражение, собрав лишь 23% голосов, важнее оказалось то, что большинство электората было близко им по духу, по способу достижения своих целей. Грубо говоря, народ получил не ту власть, которую, судя по итогам голосования, он хотел, а ту, которую заслужил.

Судьба Всероссийского Учредительного собрания показала несовместимость двух способов преобразования общества — грубо-насильственного, через вооруженный переворот, и демократического, через всенародное волеизъявление. Один из них должен уступить другому.

В истории Октябрьской революции роспуск Учредительного собрания пребывает, так сказать, в тени главного события — восстания 25 октября в Петрограде. Но в истории российского тоталитаризма иерархия этих событий иная. В октябре большевики захватили власть путем свержения непопулярного Временного правительства и мотивировали это, не в последнюю очередь, необходимостью обеспечить своевременный созыв Учредительного собрания. «Никто бы, вероятно, сейчас не осуждал большевиков за октябрь 1917 г., — размышляет современный историк, — если бы они выполнили свое обещание передать верховную власть Всероссийскому Учредительному собранию»³⁹.

Однако 6 января 1918 г. большевики сожгли за собою мосты, разогнав абсолютно легитимное даже с точки зрения «революционного права» собрание народных избранников, среди которых решительно доминировали социалисты. При этом не может не быть принята во внимание компромиссная позиция оппозиционных фракций, намеренно игнорировавших вызывающее поведение большевиков и левых эсеров и принявших просоветские решения о демократической республике, о земле, рабочем контроле и др. Однако дверь, приоткрывшаяся для практического сотрудничества партий на платформе советской власти, была демонстративно захлопнута, не ожидая окончательного выяснения отношений между соперничающими фракциями⁴⁰.

После взятия власти большевиками в некоторых кругах общества жила надежда, что они себя быстро дискредитируют и будут сменены Учредительным собранием в законном порядке. После 6 января надежды на конституционное развитие России полностью отпали.

Дело, на наш взгляд, не сводится к тому, что был упущен последний шанс создания правящей коалиции социалистических партий, или к тому, что была фактически спровоцирована гражданская война, для которой дан был более чем весомый повод. Ликвидация Учредительного собрания и всего комплекса связанных с ним гражданских прав и свобод в эмбрионе содержала и свертывание тех демократических преобразований, ради которых революция совершалась (прямое народовластие, производственная демократия, земля — крестьянам, национальное самоопределение и др.) и которые базировались на политической и экономической свободе. Неизбежными последствиями этого шага и подобных ему стали партийная монополизация власти, индоктринация общества, тотальное огосударствление общественной жизни со столь же неотвратимой самоизоляцией от остального мира. Этот акт лишил правящую партию ее внутреннего демократического потенциала, скомпрометировав сторонников компромисса с Учредительным собранием. Сложившаяся в итоге

система приобрела полностью закрытый характер, оказавшись неспособной к саморегуляции, к обновлению.

И в заключение следует остановиться на двух довольно типичных для современной историографии предубеждениях относительно способности Учредительного собрания быть фактором демократического переустройства России. Не без доли исторического цинизма высказывается суждение, что оно, по существу, стало ненужным, так как все задачи революции были уже решены. Этот довод удивительно схож с самонадеянными декларациями большевиков, таким образом оправдывавшими свои действия против Учредительного собрания. В качестве главного возражения против него достаточно указать хотя бы на то, что вовсе не решена была проблема основанной на гражданском консенсусе государственной власти.

Другое набирающее силу мнение состоит в том, что Россия XX в. была обречена на тоталитаризм. Было бы утопично ожидать от Всероссийского Учредительного собрания чудесного разрешения всех жгучих общественных проблем своего времени: шансы его на успех были малы, может быть, ничтожны. Всякая историческая альтернатива в «веере вероятностей» имеет границы своей осуществимости, и торжествует та, у которой эти границы шире. Но из того, что демократическая альтернатива с Учредительным собранием в России не состоялась, вовсе не следует, что она не могла состояться вообще, что страна шла по строго предписанному историческим роком пути. Не является ли сам факт демократического избрания и созыва Учредительного собрания весомым аргументом против исторического фатализма? Недавний крах тоталитарного режима в России, происшедший в отличие от других подобных режимов под воздействием сугубо внутренних причин, подтверждает, что ростки представительной демократии сохранились и выжили.

Кроме того, человеческий опыт указывает, что нереализованные альтернативы не исчезают бесследно. Тем более, если они ведут общество к прогрессу. Возрождение в современных условиях идеи Всероссийского Учредительного собрания в общественном сознании наглядный тому пример.

Примечания

- ¹ См.: Блок Марк. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986. С. 14.
- ² См.: Знамя. 1989. № 5. С. 78.
- ³ Цит. по: Померанец Г. Долгая дорога истории // Знамя. 1991. № 11. С. 187.
- ⁴ Народная свобода (Тифлис). 1917. 2 декабря.
- ⁵ См.: Приазовский край (Ростов н/Д). 1917. 29 декабря.
- ⁶ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 4. С. 252, 370, 435.
- ⁷ См.: Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906. С. 33.
- ⁸ Там же. С. 64.
- ⁹ Стеклов демонстрировал этот документ делегатам Всероссийского совещания Советов 30 марта 1917 г. (см.: Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: Стеногр. отчет. М.; Л., 1927. С. 108).
- ¹⁰ См.: Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 148.
- ¹¹ См.: Журавлев В. В., Симонов Н. С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 3.
- ¹² Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932. С. 71.
- ¹³ Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России. 1905—1917. М., 1990. С. 185.
- ¹⁴ См.: Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 20.
- ¹⁵ См.: напр.: Поликарпов В. Д. Указ. соч. С. 372—373.
- ¹⁶ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 33. С. 7, 9.
- ¹⁷ См.: Вишняк М. В. Указ. соч. С. 84.
- ¹⁸ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 7, 9.
- ¹⁹ Старцев В. Альтернатива. Фантазии и реальность // Коммунист. 1990. № 15. С. 36.
- ²⁰ См.: Леонов С. В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917—1920) // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 35.
- ²¹ Мартов Ю. О. Мировой большевизм. Берлин, 1923. С. 39.
- ²² См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 110.

- ²³ Рябинский К. Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 5. М., 1926. С. 88—89.
- ²⁴ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 187; Т. 32. С. 132, 165.
- ²⁵ См.: Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1991. № 7—8. С. 155.
- ²⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 20.
- ²⁷ Там же. С. 140.
- ²⁸ См.: Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 206.
- ²⁹ Скрипилев Е. А. Всероссийское Учредительное собрание. М., 1982. С. 147.
- ³⁰ См.: ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 472, л. 14, 19.
- ³¹ Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1987. С. 446.
- ³² См.: ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 7, л. 127; д. 473, л. 1—2.
- ³³ См.: там же, д. 149а, л. 12, 13, 17.
- ³⁴ См.: Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968. С. 416—419; его же. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 273—328.
- ³⁵ См.: Святицкий Н. В. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание // Год русской революции. 1917—1918. М., 1918. С. 115.
- ³⁶ Это не позволяет согласиться с мнением В. П. Булдакова, что на выборах в Учредительное собрание слабыми оказались позиции национальных партий. См.: Булдаков В. П. У истоков советской истории: путь к Октябрю // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 78.
- ³⁷ Radkey Oliver H. The Elections to the Russian Constituent Assambly. January 1918. N. Y. 1950. P. 50.
- ³⁸ Показательно, что кооператоры, в рядах которых было, по разным данным, от 10 до 24 млн. членов, выступая на выборах самостоятельно, получили всего около 29 тыс. голосов, или менее 0,1%.
- ³⁹ Симонов Н. С. Демократическая альтернатива тоталитарному нэпу // История СССР. 1992. № 1. С. 55—56.
- ⁴⁰ См.: Журавлев В. В., Симонов Н. С. Указ. соч., С. 6, 16.

© 1993 г. В. И. МИЛЛЕР*

История Всероссийского Учредительного собрания 1918 г.—сегодня не только научная, но и острополитическая проблема. В условиях перманентного политического кризиса, который в последние годы переживает наша страна, время от времени возникает идея повторить опыт 1918 г. и попытаться выйти из кризиса с помощью нового издания «Конституанты». В такой ситуации об Учредительном собрании стали писать и достаточно случайные люди.

Л. Г. Протасова никак нельзя поставить в этот ряд. Трудно найти человека, который сделал бы больше него для изучения истории Учредительного собрания. Многие годы он тратил значительную часть своих отпусков на поиск в местных архивах и провинциальной прессе первичных данных о ходе и результатах выборов. В результате ему удалось существенно пополнить и список лиц, избранных депутатами Учредительного собрания, и сведения об итогах голосования в целом ряде округов. К сожалению, подготовленная им монография до сего времени не нашла своего издателя, что лишает нас возможности получить в свои руки самые полные на сегодня сведения о российской «Конституанте». Но его монографию нам предстоит обсуждать, а об его статье можно поговорить уже теперь.

Статья Л. Г. Протасова не может не вызвать уважения к ее автору. В ней прослеживаются две составляющие. Одна — значение фактов и с их помощью проникновение в суть исторического процесса. Другая — искренняя убежденность автора в том, что выводы, к которым он пришел, несомненная истина, которую он отстаивает с жаром политического публициста. Сочетание этих качеств статьи делает ее особенно привлекательной для читателя.

* Миллер Виктор Иосифович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Вместе с тем политическая тенденциозность автора не могла не отразиться на доказательности ее основных тезисов. Это обстоятельство и побуждает меня поделиться с читателями некоторыми размышлениями о содержании статьи.

За последние годы история Учредительного собрания обросла таким количеством мифов, что нельзя не согласиться с выводом автора о том, что «полное „онаучивание“ проблемы как преодоление ее политизации и неизбежной при этом мифологизации еще предстоит» (с. 2). Я полагаю, что именно здесь находится ключ к решению поставленной проблемы, и, как указывает автор дальше, сделать это возможно только с помощью «системного исследования». К сожалению, не свободна от мифов и статья Л. Г. Протасова. Один из них связан с местом Всероссийского Учредительного собрания в мировой истории. Я полностью согласен с автором, который включает его в единый ряд с таким событием, как французское Учредительное собрание 1789—1791 гг. Но если мы хотим понять судьбу Всероссийского Учредительного собрания, нам следует помнить и о других событиях этого рода. На мой взгляд, мы не поймем решения о роспуске нашего Учредительного собрания, если не обратим внимания на то, что были разогнаны и Долгий парламент, игравший роль Учредительного собрания во время Английской буржуазной революции середины XVII в., и Франкфуртское собрание в Германии в 1849 г., и II Государственная дума в России 1907 г. Так что решение о роспуске Всероссийского Учредительного собрания не было «беспримечательным», как его иногда именует пресса.

Столь же неверно приписывать сомнительную часть этого решения одним большевикам. Известно, что и эсеры (кстати, еще до выборов) не исключали возможность его разгона, если они не получают в нем большинства. И дело здесь не в особой ментальности русских революционеров, а, скорее, в том, что они лучше нас знали историю предшествующих революций и учитывали их опыт в своих планах.

Одна из основных проблем, которые ставит Л. Г. Протасов в своей статье, названа им «давней и неразрешимой загадкой как сложилась бы российская история, будь иной судьба Учредительного собрания?» (с. 1). При этом он поясняет, что «анализ исторической альтернативы, если он основан на твердой почве конкретных фактов, технологически важен и нужен в качестве инструмента научного познания прошлого» (с. 1). И этот последний тезис я полностью разделяю, хотя, на мой взгляд, нужны два уточнения. Так, с моей точки зрения, заслуживают рассмотрения только те варианты развития, которые имели реальные шансы на воплощение в жизнь. Ведь если Учредительное собрание в силу сложившейся в России ситуации было обречено, то не теряют ли смысл рассуждения о том, что было бы, если бы оно не было разогнано. Понимает это и автор, который дальше пишет: «Изучать его жизнь и судьбу лишь сквозь призму политических страстей 1917 г. и той не лишённой налета исторической случайности конъюнктуры значит в конце концов вернуться к фатальному признанию именно данного варианта событий» (с. 2). Казалось бы, все ясно. Но с этим выводом автору трудно согласиться, и он продолжает свой поиск, хотя трудно понять, что же можно найти после столь категоричного вывода.

Кстати, отсюда не следует, что идея Учредительного собрания в эпоху революции, начавшейся в феврале 1917 г., была обречена оставаться бесплодной. Но (и это второе уточнение) время для реализации той или иной альтернативы всегда ограничено. И если задать вопрос, имел ли шансы на воплощение в жизнь иной, не большевистско-советский путь развития России, то, полагаю, что история должна дать на него положительный ответ. В самом деле, политика глубоких реформ, если бы ее решилось проводить Временное правительство, могла бы снять социальное напряжение в стране и предотвратить Октябрьскую революцию. Недаром позже, в марте 1920 г., В. И. Ленин

говорил, обращаясь к меньшевикам и эсерам: «Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?»¹ Но отказ от проведения коренных преобразований сделал неизбежным социальный взрыв осенью 1917 г., а с ним, по сути дела, было предрешено и погребение любого учреждения, которое бы связывалось с иным, не революционно-октябрьским путем развития. Думаю, что с этим выводом (хотя бы в основном) согласен и автор, который пишет, что «временной фактор ... сыграл, может быть, главную роль в неуспехе Учредительного собрания» (с. 11).

В этих условиях на смену вопросу «как и почему была разогнана Учредительная власть, выражавшая волеизъявление народа?», приходит иной — «почему она, при всей ее легитимности, оказалась беззащитной и беспомощной перед ее явной узурпацией в демократической стране?» Ведь, как совершенно справедливо пишет автор, «большевики не были настолько сильны, чтобы не считаться с широким общественным мнением, с его твердой, решительной позицией» (с. 3). Я не согласен с оценкой России 1917 г. как «демократической страны», так как, несмотря на все мыслимые политические свободы, власть в ней не опиралась на всенародный вотум, хотя элементы народовластия в стране существовали и даже нарастали. Вместе с тем я полностью согласен с тем, что если бы «широкое общественное мнение» заняло «твердую, решительную позицию» и поддержало Учредительное собрание, то разогнать его большевики бы не смогли. В этой связи для автора возникает необходимость ответить на вопрос, почему же народ остался равнодушным к ликвидации «легитимной власти». Дальше в статье мы найдем ответ на этот вопрос, но прежде хотелось бы обратить внимание на еще одно рассуждение автора.

Говоря о выборах в Учредительное собрание, автор пишет, что «оно наиболее рельефно выразило отношение электората к перспективам парламентского, демократического правления в России» (с. 18). Эта же мысль проявляется и в других местах статьи. Вот еще пример: «В голосовании избирателей нам представляется первичным не партийная его окраска, а выраженное участие в выборах отношение большинства населения к высшей учредительной власти и ее перспективам» (с. 22). Иначе говоря, по мнению автора, важен не столько результат выборов, сколько само участие в них, что якобы свидетельствовало о поддержке парламентского пути развития. К сожалению, факты, приводимые далее в статье, заставляют усомниться в этом выводе.

Автор внимательно прослеживает мотивы участия (и неучастия) в голосовании различных социальных групп, а затем их отношение к роспуску Учредительного собрания. И вот какая складывается картина. «Деревня дружно шла голосовать за Учредительное собрание, но, получив помещичью землю, она осталась по существу безразличной к его разгону» (с. 24). Анализируя поведение солдат, в значительной массе голосовавших за большевиков, автор пишет, что, «соблазненные ленинским обещанием немедленного мира (по существу, любой ценой) и большевистской политикой социального дележа, солдаты в то же время не видели нужды в высшей законодательной санкции. Учредительное собрание не могло им дать [ничего] сверх того, что дала новая власть» (с. 25). Автор признает далее, что городские рабочие голосовали «в основном за большевиков», и делает лишь одну, хотя и примечательную оговорку: «Во всяком случае, надо думать, что большинство рабочих шло к избирательным урнам не в ожидании разгона Учредительного собрания» (с. 25). С этим последним тезисом я вполне согласен, но, полагаю, что и лидеры большевиков пришли к мысли об его разгоне не в день выборов.

Комментируя абсентеизм значительной части интеллигенции на выборах в Учредительное собрание, автор указывает, что тем самым она выразила свое разочарование «в возможностях народоправства в России» (с. 23). Я думаю, что можно было бы сказать точнее — не в возможностях народоправства,

а в уже выявившихся результатах этого народоправства. Недаром автор далее пишет, что «торжество демократии обернулось для нее (интеллигенции.— В. М.) торжеством охлократии, и даже искренние приверженцы парламентаризма на время отвернулись от него, предпочтя твердую, авторитарную власть» (с. 23).

Ну, а теперь давайте вернемся к началу нашего рассуждения и ответим на вопрос, могло ли в этих условиях «широкое общественное мнение» занять «твердую, решительную позицию» и тем не допустить разгона Учредительного собрания. Я думаю, ответ однозначен: Учредительное собрание не получило поддержки потому, что в стране не оказалось крупных социальных слоев, на которые оно могло бы опереться. Думаю, в этой констатации заключается и ответ на второй вопрос, косвенно поставленный автором,— ради чего шли избиратели голосовать: для поддержки идеи парламентаризма или конкретных партийных программ. Я вовсе не собираюсь подвергать сомнению тот факт, что известная часть электората (кстати, достаточно небольшая), голосуя за те или иные партии, действительно имела в виду не различия партийных программ, а идею парламентаризма. Что же касается основной массы избирателей, то она шла на выборы ради достижения вполне конкретных политических целей, записанных в предвыборных программах. И я могу лишь поддержать один из основных выводов автора: «В целом выборы в Учредительное собрание вскрыли слабость социокультурных предпосылок для формирования в России политической демократии западного типа. Большинству были далеки такие абстрактные ценности, как государство, нация, правопорядок, формирующиеся и усваиваемые через длительное культурное развитие общества» (с. 27). Мне только непонятно, как после этого можно писать о «нереализованной демократической альтернативе». А был ли мальчик? Может, мальчика-то и не было?

Видное место в статье занимает анализ результатов выборов с точки зрения отдельных партий и их групп. Здесь мне хотелось бы выделить один факт, который до сего времени не привлекал внимания исследователей. На мой взгляд, автор совершенно прав, когда отмечает, что «голосование за национальные партии и списки, а не за общероссийские, фактически, стало голосованием за ту или иную форму национального самоопределения. В общей сложности они собрали почти четверть всех голосов и до двухсот депутатских мандатов» (с. 26). К сожалению, в других местах статьи автор по-иному подходит к этому вопросу. Так, в таблице 1 он включил в группу «прочие социалисты» «национальные партии неонароднического и социал-демократического толка». Я не отрицаю наличие существенного социалистического компонента в программах многих подобных партий (например, у украинских эсеров и социал-демократов), но в период выборов решающим фактором при выдвижении списков, отдельных от общероссийских социалистических партий, была убежденность в необходимости приоритетного решения национальных проблем. А это объективно ставило их в один ряд с партиями, включенными автором в группу «национальных».

С национальным вопросом связан еще один вывод автора: «Ныне,— указывает он,— не подлежит сомнению, что полиэтническая общность может сложиться только в рамках демократической государственности» (с. 27). Вроде бы верно, но необходима оговорка, что и в рамках «демократических режимов» национальные конфликты не исчезают. Иначе как оценивать ситуацию в Бельгии, Испании, Ольстере и т. п. Никто ведь не сомневается в демократическом характере существующих в этих странах режимов, но о благополучном функционировании полиэтнических общностей там говорить трудно.

К сожалению, трудно согласиться и с данной автором оценкой результатов выборов для эсеров и большевиков. Я не могу принять тезис, что за успехом эсеров стояла «массовая поддержка центристской, примирительной линии, а вовсе не триумф партийной доктрины» (с. 21). Как известно, эсеры поддержала

основная масса крестьян, а их голосование, как указывает автор, определялось позицией ПСР в вопросе о земле, т. е. как раз «партийной доктриной», а не чем-либо иным.

Чтобы не возвращаться еще раз к позиции ПСР в конце 1917 — начале 1918 г., хотел бы обратить внимание на еще одно место статьи. На стр. 28 автор говорит о «компромиссной позиции оппозиционных фракций», «принявших просоветские решения о демократической республике, о земле, рабочем контроле и др.» Здесь вызывают возражения лишь два слова — «компромиссные» и «просоветские». Разве все эти решения были шагом навстречу большевикам? Разве они не соответствовали программам этих партий (и прежде всего эсеров)? А раз так, то почему их следует рассматривать как проявление их стремления к компромиссу? Я не отрицаю, что среди эсеров были сторонники такого компромисса, и полагаю, что наиболее видным их представителем был В. М. Чернов, избранный председателем Учредительного собрания. Но ведь он не пользовался поддержкой даже большинства своей собственной фракции, а потому его вступительная речь и не была воспринята большевиками как шаг им навстречу².

Результатам выборов для большевиков автор посвятил всего одну фразу: «23,2% голосов, полученных большевиками, значили куда больше, чем обычная неудача на выборах,— это фактически был и вотум недоверия населения новой власти» (с. 21). Однако к моменту выборов «новая власть» еще только устанавливалась, и население многих районов страны знало о ней только понаслышке. Так что и самый вывод автора не выглядит убедительным.

В ряде мест статьи автор упоминает большевиков в связи с вопросом о роспуске Учредительного собрания. Уже в самом ее начале он пишет, что «действия большевистского руководства в отношении Учредительного собрания были и в самом деле логичны и последовательны, поскольку были адекватны политическим и этическим принципам этой партии» (с. 2—3). На мой взгляд, политические и этические принципы большевиков и других социалистических партий той поры были, по сути дела, идентичны. Особенно много примеров тому можно найти у Н. Н. Суханова³. Но хотелось бы привлечь внимание к еще одной стороне вопроса. На стр. 9 автор пишет, что «радикализованные массы не столько следовали за революционными партиями, сколько толкали их впереди себя, желая разом получить от них разрешение своих ожиданий». Это рассуждение, естественно, применимо и к большевикам. Вот что говорил на Чрезвычайном съезде меньшевиков М. И. Либера: «Ложь, что массы идут за большевиками. Наоборот, большевики идут за массами. У них нет никакой программы. Они принимают все, что массы выдвигают. Поэтому, ясно, что они должны были победить там, где не могли победить мы»⁴. Иначе говоря, придя к власти, большевики испытывали давление масс, и многое в их политике объяснялось не их следованием доктрине, а именно этим фактором. Между тем вопрос об отношении масс, поддерживавших большевиков, к Учредительному собранию после того, как определился его состав и политический курс его будущего большинства, до сего времени по-настоящему не изучался. Я не хочу сказать, что большевики решились на роспуск Учредительного собрания «под давлением масс, но настроения этих масс» на рубеже 1917—1918 гг., на мой взгляд, заслуживают исследования.

Еще раз автор касается большевиков, когда, описывая межпартийную борьбу 1917 г., указывает, что «большевики победили в этой борьбе, но именно они и приносили в массовые слои свое пренебрежение к демократическим формам правления» (с. 27). Я не могу принять этого тезиса, но полагаю, что в основе нашего расхождения лежат различия в понимании самого термина «демократия», которая для меня означает власть большинства, охраняющая политические права меньшинства. Что же касается системы

институтов, которую нередко связывают с демократией, то они, с моей точки зрения, могут соотноситься с демократией лишь постольку, поскольку они помогают выявлению позиций электората или реализуют волю его большинства. Естественно, иное понимание этого термина может явиться основой для иных выводов.

В ряде мест статьи автор затрагивает вопрос о связи между разгоном Учредительного собрания и началом гражданской войны. Приведу лишь одно из них. На стр. 29 автор повторяет известный тезис о том, что роспуском Учредительного собрания «была фактически спровоцирована гражданская война, для которой был дан более чем весомый повод». Вроде бы здесь все верно. Ведь именно под лозунгом Учредительного собрания началось сплочение антибольшевистских сил весной—летом 1918 г. Но стоит внимательно прочитать воспоминания В. М. Чернова, чтобы убедиться в том, что «большая» гражданская война началась не в связи с роспуском Учредительного собрания, а только тогда, когда — совсем по иным причинам — у ПСР появилась массовая опора, позволившая ей начать вооруженную борьбу против советской власти⁵.

Говоря о последствиях разгона Учредительного собрания, автор указывает, что его ликвидация «в эмбрионе содержала и свертывание тех демократических преобразований, ради которых революция совершалась (прямое народовластие, производственная демократия, земля — крестьянам, национальное самоопределение и др.) и которые базировались на политической и экономической свободе» (с. 29). Внешне и здесь все верно: ведь за разгоном Учредительного собрания последовало постепенное свертывание политических свобод. Но мне представляется, что в этом высказывании слышен отзвук давнего тезиса, будто революция совершается ради достижения каких-либо целей. Конечно, в ходе революции различные политические силы выступают с достаточно четкими программами, где формулируют желательные для них цели. Однако опыт революций (как до, так и после 1917 г.) убеждает нас в том, что начавшаяся революция развивается в силу своих внутренних, «естественно-исторических» закономерностей, что говорить о целях, ради которых революция совершается, — значит преувеличивать роль «сознательности» в развитии революционного процесса. Политические партии, опирающиеся на массы, могут ускорить или замедлить его, но им не дано ни вызвать революцию, ни остановить ее. Полагаю, что прав был П. А. Сорокин, писавший: «Падение режима — обычно это результат не столько усилий революционеров, сколько одряхления, бессилия и неспособности к созидательной работе самого режима». И далее: «Если революцию нельзя искусственно начать и экспортировать, еще менее возможно ее искусственно остановить»⁶. Кстати, о невозможности «вызвать» революцию говорил и В. И. Ленин. Летом 1918 г. он писал: «Мы в своей стране, где пережили две революции, знаем, что нельзя предсказать хода революции, что нельзя ее вызвать. Можно только работать на пользу революции. Если работать последовательно, если работаешь беззаветно, если работа эта связана с интересами угнетенных масс, составляющих большинство, то революция приходит, а где, как, в какой момент, по какому поводу, сказать нельзя»⁷.

С ликвидацией Учредительного собрания автор косвенно связывает и возникновение партийно-советского «кентавра», причем подчеркивает, что его появление «было абсолютно закономерно» (с. 16). Я согласен с тезисом о закономерности этого процесса, но, наверно, по-иному понимаю суть этой закономерности. Мне представляется, что здесь сыграли свою роль два фактора. С одной стороны, — это неизбежное следствие (и одно из проявлений) однопартийной политической системы. Но есть и другая сторона. У нас существует давняя традиция — не отделять результаты революции от результатов гражданской войны. Действительно, сделать это трудно, т. к. с 1918 г. эти явления накладывались одно на другое. Но сделать это необходимо, чтобы понять тесную связь между формированием однопартийной политической

системы (как и чрезвычайщины всех видов) и той острой политической ситуацией, которая являлась неизбежной спутницей гражданской войны.

Подводя итоги, автор пишет, что «судьба Всероссийского Учредительного собрания показала несовместимость двух способов преобразования общества — грубо-насильственного, через вооруженный переворот, и демократического, через всенародное волеизъявление» (с. 28). Я думаю, что и с этим тезисом можно согласиться. Однако, с моей точки зрения, он нуждается в дополнении. Мирное («демократическое» и т. п.) преобразование общества возможно только в «реформистский» период развития, который может развертываться лишь в условиях стабильного, может быть, даже жесткого, политического режима. В условиях же революционного процесса, начавшегося в феврале 1917 г. и протекавшего в стране до весны 1921 г., все выборы, к сожалению, недорого стоят. Собственно, стоят они дорого, но, к несчастью, их результаты не окупают потраченных на них денег.

Примечания

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 40. С. 179.

² Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 212—215.

³ Свободная мысль. 1992. № 16. С. 114.

⁴ РЦХИДНИ, ф. 275, оп. 1, д. 15, л. 54—55.

⁵ Октябрь 1917 ... С. 215—217.

⁶ Сорокин П. А. Дальняя дорога. М., 1992. С. 37—38.

⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 458.

БЫЛА ЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ СОЗДАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Установление большевистской диктатуры стало следствием целого клубка причин объективного и субъективного свойства. Революция оказалась неизбежной в силу безмерного обнищания народа в ходе империалистической войны, развязанной реакционными правящими классами. Но она произошла в стране, во всех отношениях отсталой, в которой еще не сформировалась социальная база демократии. Запоздание с отменой крепостного права, проведение ущербной аграрной реформы 1861 г. с ее «отрезками» в пользу помещиков, т. е. с игнорированием принципа частной собственности для большинства народа, привели к тому, что это большинство представляло полностью обесособственниченный пролетариат с чрезмерно низким жизненным уровнем и разоренное крестьянство, в значительной части люмпенизированное. Четыре пятых населения страны — крестьянство, две трети которого — беднота, одна пятая — среднее крестьянство и только шестая-седьмая — зажиточное и кулацкое. Остальное население — городское: буржуазия, по рукам и ногам связанная феодальным землевладением и зависимая от государства; мелкая буржуазия, которую правильнее назвать полупролетариатом; чиновничество; пролетариат и тончайший слой интеллигенции, большинство которой составляли пролетарии умственного труда.

Естественным следствием такого состояния общества был низкий политический и культурный уровень масс, который явился первопричиной политической незрелости их демократических лидеров, усугубленной у одних большевистской доктриной, ориентированной на экстремизм, у других — социалистическими утопиями меньшевистского и эсеровского толка. Поэтому демократизм тех и других был весьма непоследовательным, а относительно большевиков, пожалуй, правильно утверждение вообще об их недемократизме. Историческая вина за создание после Октября тоталитарного государства, уведшего страну со столбовой дороги цивилизации, лежит и на тех, и на других. Общая теоретическая и политическая несостоятельность, амбициозность многих ее составных — вот, пожалуй, главная субъективная причина поражения демократии в России. Дабы убедиться в сказанном, проследим за тактикой попыток решения коренного вопроса революции о власти, которой придерживались социалистические партии после Февральской революции.

С апреля до июльского кризиса, а также в течение короткого срока после разгрома корниловщины лозунг о переходе власти к Советам был, как известно, лозунгом мирного развития революции. Он тогда означал требование передачи власти партиям эсеров и меньшевиков — им принадлежало большинство в Советах.

В некоммунистической историографии дается неточное толкование этого большевистского лозунга. Так, И. Г. Церетели писал, что лояльное отношение большевиков к демократии и к учреждениям, в которых она имела большинство, было «вынужденным», продиктованным «тактическими соображениями»¹. На деле же, предлагая эсерам и меньшевикам взять власть, большевики хотели

* Бурганов Агдас Хусаинович, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

создать совместно с ними единый революционный фронт против империалистической верхушки буржуазии².

Осуществление лозунга «Вся власть Советам!» возможно было лишь при условии коренной ломки политики партий эсеров и меньшевиков, и прежде всего отказа от коалиции с буржуазией. Только тогда было бы обеспечено «... мирное движение революции вперед, мирное изживание партийной борьбы внутри Советов»³. Ленин акцентировал внимание партии именно на этой сути лозунга: «Советы по своему классовому составу были органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры. Будь у них полнота власти, главный недостаток мелкобуржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, изжился бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий»⁴, т. е. речь шла бы об изживании иллюзий соглашательства у самих их носителей. В связи с этим мне представляется неправильным сталинское толкование ленинского плана перехода власти к Советам в период мирного развития революции, что будто бы он, «ставя у власти меньшевиков и эсеров и вынуждая их провести на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускорял их изоляцию, их отрыв от масс»⁵. По Ленину же, совсем наоборот: «...связь всех советских партий с массами могла бы оставаться прочной и неослабленной»⁶. Оно так бы и было, если бы, разумеется, они проводили угодную массам политику. Борясь с лидерами демократических партий, большевики пытались побудить их к разрыву коалиции с буржуазией, что, впрочем, признавал один из их лидеров И. Г. Церетели. Более того, он свидетельствовал: «...в июльских обращениях (большевиков.— А. Б.) подчеркивалась необходимость соглашения с большинством советской демократии в целях создания однородного правительства из представителей этой демократии»⁷. Угроза революции тогда исходила прежде всего от империалистических кругов буржуазии, борьбу против которых большевики не отождествляли с борьбой против демократии. В отличие, скажем, от Церетели и его единомышленников, полагавших, что демократия должна бороться с опасностью и справа, и слева, причем больше с последней.

В действительную борьбу против внутренней и внешней политики буржуазии большевики стремились вовлечь и демократические партии. Да и последние, когда им грозила непосредственная опасность, сами искали соглашения с большевиками для отпора контрреволюции, как это было в борьбе против корниловского заговора. В общем и целом следует сказать, что переход власти к Советам в любом случае объективно вынуждал бы правителей осуществлять демократические преобразования. Демократы «...получили бы сразу полную возможность осуществить программу своего блока, опираясь на заведомо громадное большинство народа и обеспечив себе „мирное“ пользование своим большинством в Советах»⁸. Большевики рассчитывали на то, что в партиях меньшевиков и эсеров найдутся силы, способные воспользоваться победой народа в революции, хотя бы для разрешения ее демократических задач.

ПЕРВОЕ СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ВИКЖЕЛЬ

От того, какое правительство было бы создано победившей в октябре 1917 г. революцией, зависела широта ее социальной базы и, в конечном счете, характер дальнейшего развития революционного процесса: сравнительно мирный или ожесточенно суровый, перерастающий в гражданскую войну.

Вначале несколько слов о том, как происходило формирование первого советского (большевистского) правительства. Непосредственно перед захватом власти, 24 октября* большевистский ЦК поручил Каменеву и Винтеру

* Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

(Берзину) войти в политический контакт с левыми эсерами и начать с ними переговоры о составе правительства⁹. Во время работы II съезда Советов в ЦК большевиков были приглашены лидеры левых эсеров В. А. Карелин, Б. Д. Камков и В. В. Спиро, которым предложили войти в правительство, формируемое большевиками. Но они отказались. Фракции правых эсеров и меньшевиков покинули II съезд Советов в самом начале его работы — до образования правительства. Большевики были вынуждены сформировать однопартийное правительство.

В разгар борьбы войск советского правительства против мятежных войск Керенского — Краснова, 29 октября Викжель (Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников) разослал по телеграфу под грифом «Всем, всем, всем!» свою резолюцию, требовавшую прекратить гражданскую войну, грозя в противном случае приостановить движение поездов по всей стране в ночь с 29 на 30 октября. На заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов в тот же день делегат Викжеля предъявил ультиматум обеим сторонам¹⁰ и предложил всем социалистическим партиям (от большевиков до «народных социалистов» включительно) послать своих делегатов на совместное заседание в Викжель для обсуждения вопроса о создании «однородного социалистического правительства».

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПОЗИЦИЯ

После того, как Викжель разослал по телеграфу свою резолюцию, состоялось заседание ЦК РСДРП(б) 29 октября, которое целиком было посвящено вопросу о расширении правительства. ЦК признал необходимым расширение базы правительства и возможным изменение его состава. ЦИК должен был пополниться представителями ушедших со II съезда Советов партий в пропорциональном количестве, а также представителями железнодорожников, почтово-телеграфного союза и других подобных организаций¹¹. Это были пункты, по которым большевики могли пойти на уступки демократам. ЦК подтвердил также программные требования, по которым не могло быть уступок: правительство создается ЦИКом и перед ним ответственно; правительство подтверждает декреты о земле и мире. На переговоры от ЦК делегировались Л. Б. Каменев и Г. Я. Сокольников. В соответствии с этим постановлением Каменев на заседании ЦИК 29 октября предложил принять приглашение Викжеля и послать своих представителей на совещание о создании однородного социалистического правительства. ЦИК назначил делегацию в составе Д. Б. Рязанова, Я. М. Свердлова (большевики), П. Д. Закса, Буткевича и Сагарашвили (левые эсеры)¹².

Первое совещание при Викжеле состоялось 29 октября. От большевиков на нем присутствовали Г. Я. Сокольников, Л. Б. Каменев и Д. Б. Рязанов. Каменев от имени ВЦИК выдвинул три условия соглашения: «...1) на почве определенной программы, возмещенной съездом Советов; 2) на основе ответственности перед СРС и Кр. Д.; 3) в пределах всех партий, входящих в коалицию Советов, т. е. от большевиков до народных социалистов включительно. Всякие изменения в составе правительства также должны решаться ВЦИК, являющимся органом, контролирующим правительство и замещающим все посты»¹³.

В ночь с 1 на 2 ноября состоялось заседание ЦИКа. На нем выступил большевик В. Володарский: «На данном заседании вряд ли найдется кто не желал бы соглашения, но мы не можем идти на соглашение при всяких условиях; < ... > В основу соглашения должно быть положено следующее положение: декрет о земле должен остаться в силе < ... > точно так же и декрет о мире < ... > Не можем мы идти на уступки в вопросе о контроле над производством. Соглашение мы считаем возможным, желательным с теми партиями, которые признают указанные мною основные требования»¹⁴.

ЦИК принял большевистскую резолюцию, в которой соглашение социалистических партий признавалось желательным. Условиями соглашения выдвигались следующие: « 1) признание программы советского правительства, как она выражена в декретах о земле, мире, в обоих проектах о рабочем контроле; 2) признание необходимости беспощадно бороться с контрреволюцией (Керенский, Корнилов, Каледин); 3) признание II Всероссийского съезда Сов. Раб. и Солд. Деп. с участием крестьян единственным источником власти; 4) правительство ответственно перед ЦИК; 5) полное отклонение представительства в ЦИК организаций, не входящих в состав Советов; 6) дополнение ЦИК представителями от непредставленных в нем Советов Рабочих, Солд. и Кр. Депутатов, всеросс. Професс. организаций, как-то: Совет Професс. союзов, Советов фабрично-заводских комитетов, Викжеля и Почтово-телеграфного Союза при условии и только после перевыборов Всеросс. Сов. Крес. Депутатов и тех войсковых организаций, которые не переизбирались за последние три месяца»¹⁵.

После принятия ЦИКом названного решения ЦК большевиков провел специальное заседание также ночью (с 1-го на 2-е ноября). Из выступления Ленина видно, что Каменев и некоторые другие члены большевистской фракции ЦИК на переговорах вышли за рамки полномочий, данных им Центральным Комитетом. Дело в том, что они проявили склонность делить власть не только с левыми, но и с правыми элементами демократии, более того, они не возражали против требования меньшевиков и эсеров отстранить Ленина и Троцкого и обсуждали с ними вопрос о том, чтобы «однородное» правительство возглавляли В. М. Чернов или Н. Д. Авксентьев.

На заседании ЦК 1 ноября ряд членов ЦК выразил недовольство поведением делегации на переговорах. Ф. Э. Дзержинский предложил «выразить недоверие делегации, отозвать ее и послать других»; А. И. Рыков предложил отстранить всех, кто стоит на точке зрения соглашения; Сокольников — «оборвать» переговоры; Троцкий, Луначарский, Урицкий настаивали на сохранении большевистского большинства в органах власти; Зиновьев, Винтер (Берзин), Милютин, Рязанов и Свердлов были за соглашение на платформе II съезда Советов¹⁶. Зиновьев, ссылаясь на переговоры с представителями фронта (ходаками), состоявшиеся 31 октября, говорил: «Все будут за нас, если будет доказано, что противная сторона провалила соглашение на программе»¹⁷. Каменев, выступая за соглашение, не указывал, на какой платформе оно могло быть достигнуто, хотя и оговаривал, что не обязательно все предложения правых должны быть приняты.

Ленин потребовал немедленного прекращения политики Каменева и переговоров с Викжелем, считая его сторонником Калединых — Корниловых (отказался доставить советские войска в Москву). Он внес резолюцию: «Викжель в Совет не входит, и его туда пускать нельзя; Советы — органы добровольные, а Викжель не имеет опоры в массах»¹⁸, а переговоры характеризовал как «дипломатическое прикрытие военных действий». В постановлении, принятом на этом заседании, констатировалось, что соглашательские партии вели переговоры не с целью создания объединенной советской власти, а с целью внесения раскола в среду рабочих и солдат, подрыва советской власти. Поэтому ЦК постановил: разрешить членам партии «...ввиду уже состоявшегося решения ЦИК, принять сегодня участие в последней попытке левых с.-р. создать так называемую однородную власть с целью последнего разоблачения несостоятельности этой попытки и окончательного прекращения дальнейших переговоров о коалиционной власти»¹⁹. Большевики исходили из признания невозможности соглашения.

На следующий день, 2 ноября, состоялось заседание ЦК, рассмотревшее вопрос, возникший в связи с оппозицией Каменева и других. В резолюции, предложенной Лениным, оппозиция осуждалась как отходящая от всех основных позиций большевизма и своими колебаниями саботирующая начавшуюся в

стране диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. В резолюции подтверждалось сделанное ранее левым эсерам предложение войти в большевистское правительство. Особо значимым, с точки зрения исследуемой проблемы, является третий пункт резолюции: «3) Центральный Комитет подтверждает, что без измены лозунгу советской власти нельзя отказываться от чисто большевистского правительства, если большинство II Всероссийского съезда Советов, никого не исключая со съезда, вручило власть этому правительству»²⁰.

Но в ночь со 2 на 3 ноября ЦИК при содействии большевистской фракции, на которую решающее влияние оказывали оппозиционеры, вопреки постановлению ЦК большевиков решил продолжать переговоры на следующих условиях: правительство ответственно перед ЦИК, который расширяется до 150 человек; в правительстве не менее половины мест должно быть предоставлено большевикам, включая министерства труда, внутренних дел и иностранных дел; войсками Московского и Петроградского округов распоряжаются уполномоченные Московского и Петроградского Советов рабочих и солдатских депутатов; правительство ставит своей задачей систематическое вооружение рабочих по всей России; настаивать на сохранении В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого в составе правительства²¹.

Ленинское большинство ЦК (10 человек), считая указанное выше постановление ЦИКа противоречащим политике партии, 3 ноября предъявило оппозиции ультиматум, потребовав от нее прекратить дезорганизаторскую работу²². В ответ на это Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и Милютин 4 ноября заявили о несогласии с политикой ЦК и выходе из состава ЦК и правительства. Свое решение они объясняли тем, что соглашение с эсерами и меньшевиками на условиях, утвержденных ЦИКом 3 ноября, является неотложным и необходимым для закрепления завоеваний Октябрьской революции, для предотвращения гражданской войны, обеспечения созыва Учредительного собрания и т. д. Оппозиционеры обвиняли ленинское большинство ЦК в нежелании образовать правительство из представителей всех советских партий, в отставании чисто большевистского правительства. Эту политику они квалифицировали как гибельную, проводимую вопреки воле большинства пролетариата и солдат. Они угрожали обратиться к массам с призывом: «Да здравствует правительство из советских партий! Немедленное соглашение на этом условии»²³.

ТАКТИКА ДЕМОКРАТОВ НА ПЕРЕГОВОРАХ

На совещании в Викжеле 29 октября демократы предложили составить правительство путем персональных переговоров деятелей различных партий. Каменев возразил, заявив, что «для ЦИК на первом месте стоит программа правительства и его ответственность, а отнюдь не личный его состав»²⁴.

Эсеры и меньшевики настаивали на ответственности правительства не перед ЦИКом, а перед «широкими кругами революционной демократии», выступали против кандидатур Ленина и Троцкого, требовали немедленного разоружения большевистских войск. Несмотря на протесты большевиков, совещание приняло предложение демократов о конструировании правительства комиссией, образованной тут же на совещании. От большевиков в комиссию вошли Каменев, Рязанов и Сокольников²⁵. Комиссия работала ночь и день 30 октября, но ни к каким результатам не пришла.

30 же октября состоялись два совещания при Викжеле, на которых обсуждались вопросы о заключении перемирия между войсками советского правительства и Керенского и о прекращении гражданской войны. Совещание приняло резолюцию с требованием к обеим сторонам отказаться от «террористических мер и исключительных судов». За резолюцию голосовала и большевистская делегация²⁶. Затем снова перешли к обсуждению предложения

демократов о власти, избрали комиссию для конструирования власти, которая работала в ночь с 30 на 31 октября, но безрезультатно.

Меньшевики еще до начала переговоров, 28 октября, заявили, что с большевиками надо разговаривать оружием. Меньшевистский ЦК постановил: «Впредь до полной ликвидации большевистской авантюры никакое соглашение с партией большевиков относительно совместной с ними организации власти совершенно недопустимо»²⁷. Но в связи со все усиливающимися требованиями масс покончить с противодействием советской власти и укреплением положения большевиков меньшевистский ЦК был вынужден пересмотреть свою позицию. Вначале ЦК РСДРП заявил, что, хотя меньшевики сами в правительство не войдут, они согласны поддержать его, если в нем будут представлены и большевики. Затем, на заседании 31 октября, ЦК РСДРП изъявил согласие войти в состав такого правительства²⁸. Но на заседании комиссии 30 октября меньшевики свое согласие обусловили созданием из сторонников Керенского некоего Народного Совета, перед которым правительство должно было быть ответственным²⁹. И на этой позиции они удержались недолго: уже на заседании 2 ноября их ЦК решил отказаться от возможного соглашения и участия в правительстве³⁰. На втором заседании в этот же день снова было решено продолжить переговоры, но потребовать от большевиков освобождения всех арестованных, восстановления свободы печати и объявления перемирия между войсками правительства и Керенского³¹. На Чрезвычайном съезде партии меньшевиков (ноябрь — декабрь 1917 г.) докладчик М. И. Либер заявил: «Никаких компромиссов с контрреволюционным большевизмом... Мы должны... поддержать кадетов в их борьбе за элементарные свободы, против большевиков. Органами нашей борьбы должны стать все общенародные органы, а не вырождающиеся Советы»³².

ЦК партии эсеров также с самого начала был против соглашения с большевиками. Его орган «Воля народа» в редакционной статье «Долой оружие» критиковал предложение Викжеля: «Да, большевики „принципиально“ готовы согласиться на блок потому, что это для них единственный якорь спасения»; «у них нет никакой реальной власти»; «блок с большевиками — это волчья яма, ловушка для демократии. Это триумф большевизма...»; демократия «не признает силы большевиков, ибо сила их эфемерная, ибо если бы у них была действительная сила, то они с презрением отвергли бы всякое соглашательство»³³. Затем ЦК эсеров, продолжая отказываться от переговоров с большевиками, тем не менее давал согласие на присутствие отдельных большевиков в министерстве, за исключением Ленина и Троцкого³⁴. Впоследствии, однако, правые эсеры заняли в отношении переговоров сугубо негативную позицию³⁵.

Каковы же мотивы поведения на переговорах правых демократов?

До 29 октября переговоры между большевиками, с одной стороны, и демократами — с другой, проходили по инициативе первых эпизодически и при явном нежелании правых. По инициативе же Викжеля, под его нажимом правые вынуждены были вступить в официальные и гласные переговоры с большевиками. Круг участников переговоров расширился; сами переговоры стали постоянными и обязательными для сторон. Викжель, выступив с ультиматумом, взял на себя посредничество на переговорах и председательство на совместных заседаниях представителей партий, и до конца настаивал на соглашении. В процессе переговоров Викжель занимал позицию, ведущую к примирению сторон. Его представитель, например, характеризует поведение большевиков, говорил: «...большевики идут искренно на соглашение...»³⁶. Во второй половине ноября Викжель завершил переговоры согласием послать 10 своих представителей во ВЦИК³⁷. Более того: на первом (после заключения соглашения о конструировании власти) пленарном заседании ЦИКа выступил представитель Викжеля Крушинский с заявлением о том, что он хотел бы создания правительства с участием всех социалистических партий, но что

«теперь железнодорожники прикладывают все усилия к тому, чтобы улучшить транспорт»³⁸. Думается, что такая позиция руководства Викжеля объясняется, во-первых, непосредственным давлением на него многотысячной массы железнодорожников, требовавших признания советской власти и соглашения с большевиками. Несмотря на то, что руководство Викжеля было представлено в основном правыми демократами, оно, будучи верхушкой реально действующей организации революционно настроенных масс, не могло совершенно игнорировать их волю. В противном случае оно было бы немедленно переизбрано. Да и состав Викжеля был неоднородным, в нем правые не имели устойчивого большинства³⁹.

Поведение правых лидеров меньшевиков и эсеров, напротив, объяснялось практически почти полным отсутствием связи с революционным народом. Длительное соглашательство с верхушкой буржуазии, отказ от решения демократических задач революции привели правых эсеров и меньшевиков в процессе нарастания кризиса к тому, что они не только потеряли свое руководящее положение в Советах, но и лишились поддержки революционных масс.

Осень 1917 г. характеризуется резким обострением обстановки в стране: крестьянские восстания охватили почти всю Европейскую Россию, пехота, как правило, присоединялась к крестьянам (власти охваченных восстаниями губерний и уездов требовали посылать для подавления бунтов казаuchy, но только не пехотные, войска); беспокойно было в городах — начиналось охлократическое перерождение революции. Большевистские лозунги: «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!», «Мир — народам!» — стали наиболее популярными. Ряды эсеров и меньшевиков редели. Центральные комитеты этих партий превратились в штабы без армий. В силу этого обстоятельства они, в отличие от своих единомышленников по Викжелю, на себе не ощущали непосредственного давления масс.

Не последнюю роль в определении тактики лидеров демократии на переговорах, быть может, сыграли соображения престижного порядка, так как политические вожди имеют обыкновение обвинять в своем банкротстве других. Задаваясь вопросом «кто виноват?», а затем — «что делать?», они думают над тем, что делать с другими, а не с самими собой. Крах собственных теоретических и тактических установок только озлобляет их и толкает к новым попыткам претворить в жизнь свои догмы во что бы то ни стало, подчас прибегая к физическому насилию над волей масс, на представительство которых претендуют. Это свойство тогдашних лидеров демократии подметил один из левых ее деятелей — Суханов. Он, критикуя правых за уход со II съезда Советов, писал: «Ведь „коалиция“ была большевикам не меньше ненавистна, чем „советская власть“ старому советскому блоку. Ведь большевики недавно, в эпоху диктатуры звездной палаты (так иронически называли эсеро-меньшевистский ЦИК Советов.— А. Б.), представляли собой такое же бессильное меньшинство, как теперь меньшевики и эсеры. Но ведь они не делали, не могли делать выводов, что им надо уйти из Совета. Старый блок не мог переварить своего падения и большевистской диктатуры... В парламенте и в коалиции — другое дело. С буржуазией и с корниловцами можно, а с рабочими и крестьянами нельзя»⁴⁰.

По-иному вели себя на переговорах левые демократы. Наибольшую активность проявляла группа, организовавшаяся вокруг газеты «Новая жизнь». Она пыталась занять надпартийное положение, поучала и меньшевиков с эсерами, и большевиков, как «должно» вести себя в столь «ответственное время». Из номера в номер начиная с 25 октября газета обращается к «крайним флангам революционной демократии». 26 октября образование однородной революционной власти она называет «единственным выходом»⁴¹; 27 октября пишет: «Во имя революции, во имя спасения страны от полного краха должно быть достигнуто соглашение в среде демократии»; 28 октября:

«Меньшевики-оборонцы, социалисты-революционеры, группирующиеся вокруг ЦК, не говоря уже о более правых партиях, делают отчаянную попытку образовать под именем „Комитета Спасения Родины и Революции“ собственное временное правительство, конкурирующее с большевистским. Они зовут всех граждан не только к отказу от повиновения большевистским властям, но и к активной борьбе против мятежников-большевиков, проповедуют саботаж, дезорганизацию снабжения Петербурга необходимыми продуктами, бросают лозунг: в борьбе с большевиками все средства хороши. Это уже полное помрачение»⁴². 30 октября в передовице «Час пробил»: «Все органы правого и умеренного социализма в один голос вопиют: прежде чем говорить о конструкции новой власти, надо решительно, не вступая ни в какие соглашения с „мятежниками“, подавить „большевистскую авантюру“»; газета, далее, обращаясь к ним, указывает, что реакционеры, «расправившись с большевиками, ...сбросят и вас в ту же самую яму...», поэтому рекомендует договориться с большевиками о создании однородной власти»⁴³. 31 октября в передовице «В огне» газета сообщала: «Соглашение наталкивается на упорство правой части демократии. Большевики идут официально на создание общедемократической власти. Меньшевики-оборонцы и правые эсеры считают невозможным образование Министерства с участием большевиков... правые группы, защищавшие до переворота „коалицию“, не в пример большевикам, отказываются принять платформу Всероссийского жел.-дор. союза и интернационалистов об образовании общедемократического правительства. В их аргументации нет ни слова, сколько-нибудь заслуживающего внимания и отвечающего серьезности момента»⁴⁴.

Аналогичную в основном позицию с новоженцами занимали меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым. 29 октября они провели собрание своих единомышленников и решили: «Предложить всем активным работникам: добиваться на заводах, фабриках и в войсковых частях посылки делегаций к обеим борющимся сторонам с категорическим требованием немедленного прекращения всяких военных действий, настаивать на образовании однородной демократической власти и протестовать самым решительным образом... против репрессий (с обеих сторон)»⁴⁵. Мартовцы одержали верх на Чрезвычайном съезде партии меньшевиков (30 ноября — 6 декабря 1917 г.). На съезде Мартов высказался за объединение революционной власти, включающей в себя представителей от народных социалистов до большевиков, причем «по мере роста неизбежных конфликтов внутри большевиков мы должны выступить,— говорил он,— в качестве силы, сплачивающей пролетариат вокруг идеи суверенности Учр. Собрания». В этом же духе съездом была принята резолюция⁴⁶, которая, однако, теперь уже никому не была нужна — переговоры были сорваны задолго до съезда.

К меньшевикам-мартовцам и новоженцам на первых порах примыкали и левые эсеры. На II съезде Советов, когда обсуждался вопрос о формировании первого советского правительства, В. А. Карелин заявил: «В оглашенном здесь списке членов нового правительства могли бы быть и несколько левых социал-революционеров. Но если бы мы пошли на такую комбинацию, то мы этим углубили бы существующие в рядах революционной демократии разногласия. Но наша задача заключается в том, чтобы примирить все части демократии»⁴⁷.

Чем было вызвано такое поведение вождей левых эсеров? Ведь как в Петроградском Военно-революционном комитете, так и в ряде местных комитетов, осуществлявших руководство восстаниями, левые эсеры принимали участие. Практически блок между большевиками и левыми эсерами был установлен до Октябрьского вооруженного восстания.

Позиция левых эсеров на съезде в известной мере объяснялась их желанием склонить правых к соглашению, а большевиков — к компромиссам. Соотношение фракций на съезде было таковым, что партия левых эсеров оказалась

там единственной, практически способной противостоять большевикам фракцией, представляющей демократию.

В ходе переговоров левые эсеры подписали составленное рядом демократических групп обращение к рабочим, солдатам и крестьянам под названием «Революция в опасности», в котором указывалось, что образованное II съездом Советов чисто большевистское правительство «не может встретить поддержки во всей организованной демократии», поэтому они обращались к обоим лагерям революционной демократии найти путь соглашения во имя создания однородно-демократической власти⁴⁸.

На позицию левых элементов демократии оказало определенное влияние примиренческое, уступчивое отношение к притязаниям правых демократов, колеблющихся товарищей из ЦК большевиков.

Со всей определенностью следует сказать, что, несмотря на колебания, левые эсеры, имевшие тесные связи с массами, последовательно поддерживая их требования мира, немедленного решения земельного и аграрного вопросов и, следовательно, ощущавшие на себе их давление, к концу переговоров круто изменили свою тактику. Сильное влияние на них оказало то, что соглашение было отвергнуто именно лидерами меньшевиков и правых эсеров, громче всех кричавших о демократии. О том, как происходил процесс переориентировки левых эсеров, свидетельствует один из их лидеров — Камков: когда левые эсеры увидели, что «...создать единый революционный фронт, хотя все возможное для этого сделано, не удастся», они решили, что их «...место в Смольном институте, на съезде С. Р. и С. Д., где представлена вся истинная революционная демократия, в тот момент, когда все силы мобилизуются в пользу контрреволюции, и другого места мы себе не находим»⁴⁹. Большевикам и левым эсерам пришлось закончить переговоры заключением правительственного блока только друг с другом. В состав советского правительства вошел ряд видных левых эсеров: А. Л. Колегаев, П. П. Прошьян, В. А. Карелин, И. З. Штейнберг, В. Е. Трутовский, А. А. Измайлович, Г. Д. Закс.

КТО ВИНОВАТ?

В «Обращении» ЦК РСДРП(б) ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам говорилось: «Нас обвиняют хоры буржуазных писак и люди, давшие себя запугать буржуазии,— в том, что мы неуступчивы, что мы непримиримы, что мы не хотим разделить власть с другой партией. Это неправда, товарищи! Мы предложили и предлагаем левым эсерам разделить с нами власть»⁵⁰. Это, во-первых. Во-вторых, меньшевики и эсеры отказались принять не только условия, выдвинутые на базе решений II съезда Советов, но и условия, навязанные оппозиционерами из ЦК большевиков ЦИКу на заседании 3 ноября, которые шли далеко навстречу желаниям правых демократов. На совещании в Викжеле 3 ноября левые меньшевики выдвинули предварительные условия, без выполнения которых они отказывались продолжать переговоры. Речь шла о требовании восстановить свободу печати, прекращении арестов и освобождении всех арестованных. Народные социалисты и правые эсеры на совещание не явились, правые меньшевики вообще высказались против соглашения⁵¹.

ЦИК на заседании 3 ноября констатировал, что значительная часть арестованных уже освобождена, что все газеты, кроме «Речи», «Нового времени» и т. д. (кадетско-буржуазные органы), могут выходить свободно.

На этом заседании, характеризуя принятое ЦИКом решение, Зиновьев сказал, что демократы не пожелали пойти навстречу ЦИКу: «Попытка соглашения была доведена до конца вопреки всем препятствиям (имеется в виду деятельность оппозиции.— А. Б.), но она не увенчалась успехом не по нашей вине. Теперь доказано, что меньшевики и эсеры соглашения не хотели и лишь искали повод, чтобы сорвать его. Теперь все рабочие и солдаты будут знать, на ком лежит ответственность за срыв соглашения»⁵².

В унисон с заявлением Зиновьева (или почти так) тогда выступили с редакционными статьями «Правда» («Кто против соглашения» — 2 ноября 1917 г.), «Известия» («Маски долой!», «Торг», «Кто сорвал соглашение?» — 31 октября, 3, 7 и 9 ноября 1917 г.), «Новая жизнь» («Соглашение на краю бездны» — 1 ноября 1917 г.). Если к первым двум газетам можно отнести с некоторым недоверием, то последняя была газетой демократии.

Однако всему этому противостоит высказанная Лениным на заседании ЦК РСДРП(б) 1 ноября цитированная выше мысль о переговорах как дипломатическом прикрытии военных действий⁵³. Об этом же пишет А. Ф. Керенский, утверждая, что большевики своими переговорами с лидерами меньшевиков и эсеров ввели их в заблуждение, и Л. Д. Троцкий солидаризируется с ним⁵⁴.

Проблема в том, как согласовать протокольную запись слов Ленина с его мыслями, что «люди, которые под политикой понимают мелкие приемы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение»⁵⁵; что «лучшая политика — это еще раз и всегда открытая политика»⁵⁶, а «прямая политика — самая лучшая политика. Принципиальная политика — самая практичная политика»⁵⁷; что тактику нельзя строить «на хитрости»⁵⁸, так как «...политика имеет свою объективную логику, независимо от предначертаний тех или иных лиц или партий»⁵⁹, ибо народ может применить к политикам, прибегающим ко лжи, известное изречение: «единожды солгавши, кто тебе поверит»⁶⁰? Замечу, кстати, что в своей докторской диссертации (1966 г.) я было усомнился в точности фиксации ленинской мысли в протокольной записи, поскольку уж слишком велика пропасть между нею и цитированными верными и высоконравственными положениями. И даже выстроил концепцию защиты Ленина (по этому вопросу) от «клеветников» — авторов официальных учебников и монографий. Но сегодня, когда мы узнали многое такое в ленинизме, что никак не согласуется с общечеловеческими нравственными установками, а подчас и со здравым смыслом, грешить на протоколиста не след. Боюсь, что нашим разочарованиям не будет конца. К величайшему сожалению, Ленин, будучи одним из наиболее совершенных адептов марксистской доктрины, был до мозга костей «политическим человеком», соизмерявшим свои действия не столько с им же самим сформулированными, казалось бы, непререкаемыми принципами, сколько с соображениями целесообразности. Расхождение между словом и делом — одна из характернейших черт большевизма.

В этой связи примечательна сделанная Джоном Ридом зарисовка поведения Ленина на заседании большевистского ЦК 26 октября, когда решался вопрос о создании первого советского правительства: «Ленин... стоял незыблемо, как скала: „Пусть соглашатели принимают нашу программу и входят в правительство! Мы не уступим ни пяди. Если здесь есть товарищи, которым не хватает смелости и воли дерзать на то, на что дерзаем мы, то пусть они идут ко всем прочим трусам и соглашателям! Рабочие и солдаты с нами, и мы обязаны продолжать дело“»⁶¹. На редкость ценное историческое свидетельство!

«Рабочие и солдаты с нами»... Вот это обстоятельство, полагаю, и толкало некоторых руководящих деятелей партии большевиков идти на переговоры с другими партиями, несмотря на противодействие Ленина. Дело в том, что в рядах трудящихся всех классов раздавались настойчивые голоса с требованием соглашения социалистических партий между собой. Газеты тех дней буквально пестрят соответствующими резолюциями собраний, митингов рабочих, солдат, матросов, служащих, общественных организаций⁶². Игнорировать волю масс тогда вряд ли было возможно: надо было попытаться исполнить ее, а если бы этого не удалось сделать, тогда показать массам на деле, на фактах, кто действительно хотел единения между всеми отрядами демократии, а кто лишь спекулировал на стремлении к нему⁶³. Известно, что воспитание масс на их собственном опыте — важнейшая задача и одно из условий победы

революции, ибо только так можно добиться расширения социальной победы базы революции. Стояла задача предотвратить гражданскую войну, не допустить междоусобицы в трудящихся классах. Объективные условия первых дней после Октябрьского переворота, революционный накал масс, их отказ поддерживать соглашательскую политику бывших вождей, легкое и быстрое свержение власти буржуазии, занятость враждующих лагерей мирового империализма междоусобной войной — все это в совокупности создавало возможности для положительного исхода переговоров — заключения соглашения между руководством различных организаций пролетариата и демократии, поскольку в низах, в массах было уже достигнуто фактическое единство: слияние крестьянской войны против помещиков с революцией пролетариата в городах. Соглашение было тем более необходимо, что осенью началось охлократическое перерождение революции, укреплявшее непримиримую позицию большевиков. Твердолобая политика демократов была более чем некстати.

«Новая жизнь», подводя итоги переговорам, писала: «Большевики до последнего момента, несмотря на явный перевес всюду (в ЦИКе, на фронте и вообще) соглашались дать 50% кабинета, но с условием некоторых обязательных министерств и Ленина с Троцким. Однако эти условия оказались для правых неприемлемыми. Им нужна была капитуляция большевиков»⁶⁴. В следующем номере газеты Б. Авиллов писал, что противники большевиков «...не хотят не только признать власть большевиков, но даже не соглашаются на образование правительства с участием большевиков. Отправляясь в поход, они предъявляют требование, чтобы большевики, располагающие вооруженными силами и опирающиеся на народные массы, добровольно сложили оружие и сдали свою власть другим»⁶⁵.

* * *

Анализ тактики всех участников переговоров позволяет сделать вывод: при всей невероятности соглашения между ними была необходимость добиваться его во имя предотвращения гражданской войны, во имя демократии. Была ли для этого почва? Была.— Прежде всего, большевистская программа революционно-демократических преобразований (мир, земля, рабочий контроль и т. п.), приемлемых для всех демократов. Большевики тогда еще не исключали Учредительное собрание из системы советского государства, так как надеялись добиться в нем совместно с левыми эсерами большинства. Этого не получилось. Тем не менее правым демократам не следовало торжествовать свою победу в Учредительном собрании; нужно было более гибкой политикой закрепить и продолжить демократические преобразования. Правые же всем своим поведением содействовали тому, чтобы большевики действовали, как говорится, «закусив удила». На это большевиков ориентировало и то, что сила была на их стороне.

Примечания

¹ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. Париж, 1963. С. 46, 47, 164, 165.

² Я хотел бы акцентировать эту мысль, ибо приписывать большевикам изначально злой умысел во всем и вся, как это напрашивается сегодня по конечным результатам их деятельности, было бы несправедливо, неверно. Я склонен полагать, что они руководствовались благими намерениями, но коль скоро в их стратегии и тактике главным принципом был макиавеллизм, случилось то, что и должно было при этом случиться: ими была вымощена дорога в ад. Это, во-первых. Во-вторых, при всем при том, что большевики были ортодоксальны, догматичны, негибки во взаимоотношениях с потенциальными союзниками, превращаемыми ими обычно во врагов, они, как вообще все люди, могли изменяться в том или ином направлении и необязательно в худшем. Для изменений, однако, требуется соответствующая социальная среда, в данном

случае — демократическая, в лице развитых демократических партий и организаций. Между тем при многих различиях в их среде все они так или иначе оставались социалистами-утопистами марксистской окраски или около того и непременно революционерами. Различия в основном касались тактики или темпов развития революции. Эсеро-меньшевистская тактика буксовала, а большевистская давала успех в атмосфере невиданной социальной напряженности.

- ³ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 135.
- ⁴ Там же. С. 11.
- ⁵ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 389.
- ⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 11.
- ⁷ Церетели И. Г. Указ. соч. С. 293.
- ⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 136.
- ⁹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г. М., 1958. С. 120.
- ¹⁰ Викжель направил делегацию с ультиматумом и к Керенскому в Гатчину (в штаб войск Керенского — Краснова), от которого потребовал: «...вступить в большевиками в мирные переговоры под угрозой ж.-дор. забастовки». Впоследствии Керенский вспоминал: «Произошла бурная сцена... Это предательство Викжеля делало наше положение прямо трагическим, ибо ж.-д. забастовка, ничем не отражаясь на состоянии вооруженных сил большевиков (уже сосредоточившихся в СПб. с резервом на Балтику), отрезала бы нас от всяких фронтов и от всех идущих подкреплений» (Керенский А. Издалека (1920—1921): Сб. статей. Париж, 1922. С. 219). Керенский не прав: забастовка угрожала большевикам реально; Викжель препятствовал переброске войск в помощь москвичам, а Керенскому в войсках было отказано командованием фронтов.
- ¹¹ Протоколы ЦК РСДРП(б). М., 1958.
- ¹² Протоколы ЦК РСДРП. Август 1917 — февраль 1918 г. М.; Л., 1929. С. 147; Известия. 1917. 31 октября.
- ¹³ Протоколы ЦК РСДРП. М.; Л., 1929. С. 156.
- ¹⁴ Правда. 1917. 15 ноября.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Протоколы ЦК РСДРП(б). М., 1958. С. 125—128.
- ¹⁷ Там же. С. 127—129.
- ¹⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 43.
- ¹⁹ Протоколы ЦК РСДРП(б). М., 1958. С. 130.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Протоколы ЦК РСДРП(б). М.; Л., 1929. С. 166, 167.
- ²² Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 47—49.
- ²³ Протоколы ЦК РСДРП(б). М., 1958. С. 135.
- ²⁴ Там же. С. 156.
- ²⁵ Там же. С. 156, 157.
- ²⁶ Там же. С. 157.
- ²⁷ РЦХИДНИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 44, л. 91; ед. хр. 49, л. 1; см. также: Меньшевики. Chalidze publications, 1988. С. 87.
- ²⁸ РЦХИДНИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 49, л. 2; Протоколы ЦК РСДРП. М.; Л., 1929. С. 158.
- ²⁹ Известия. 1917. 3 ноября.
- ³⁰ РЦХИДНИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 44, л. 94.
- ³¹ Новая жизнь. 1917. 2 ноября.
- ³² РЦХИДНИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 52, л. 7.
- ³³ Воля народа. 1917. 31 октября.
- ³⁴ Известия. 1917. 3 ноября.
- ³⁵ Воля народа. 1917. 2 ноября; Краткий отчет о работе Четвертого съезда партии социалистов-революционеров. Пг., 1918. С. 156.
- ³⁶ Новая жизнь. 1917. 8 ноября.
- ³⁷ Правда. 1917. 29, 30 ноября.
- ³⁸ Там же. 30 ноября.
- ³⁹ Из 40 членов левую часть представляли 15 человек, правую — 14 и беспартийное «болото» — 11.
- ⁴⁰ Суханов Ник. Записки о революции. В 7 кн. Берлин, 1923. Кн. 7. С. 193.
- ⁴¹ Новая жизнь. 1917. 27 октября.
- ⁴² Там же. 28 октября.
- ⁴³ Там же. 30 октября.
- ⁴⁴ Там же. 31 октября.
- ⁴⁵ Там же. 30 октября.
- ⁴⁶ РЦХИДНИ, ф. 275, ед. хр. 52, л. 10—11, 96.
- ⁴⁷ Второй Всероссийский съезд Советов. М.; Л., 1928. С. 26.
- ⁴⁸ Новая жизнь. 1917. 29 октября.
- ⁴⁹ Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). 1918. С. 44, 41—42.
- ⁵⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 75.
- ⁵¹ Известия. 1917. 5 ноября.
- ⁵² Протоколы ЦК РСДРП. С. 144.
- ⁵³ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 43.

⁵⁴ Керенский А. Указ. соч. С. 197—198; Троцкий Л. Соч. Т. III. Ч. 1. М., 1925. 925. С. XIII, XIII—XIV; Ч. 2. С. 317. См. также: Большевики. С. 86.

⁵⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 58.

⁵⁶ Там же. Т. 15. С. 18.

⁵⁷ Там же. Т. 14. С. 300.

⁵⁸ Там же. Т. 13. С. 86.

⁵⁹ Там же. Т. 14. С. 190.

⁶⁰ Там же. С. 68.

⁶¹ Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 115.

⁶² См.: Известия. 1917. 1, 2, 7 ноября; Новая жизнь. 1917. 29, 30, 31 октября и др.

⁶³ Один из правых лидеров меньшевизма — Либер — говорил тогда о предложении Дана на одном заседании ЦК меньшевиков поставить условия для соглашения с большевиками: «Я не был согласен с его точкой зрения и вначале, но тогда я понимал ее. Она могла иметь агитационное значение, вернее, можно было надеяться на это, полагая, что, продемонстрировав свое желание единого революционного фронта, мы заставим массы понять нас, пойти за нами... Само собой разумеется, тех членов Центрального Комитета, которые провели решение о соглашении, создав в Центральном Комитете новое большинство, я не обвиняю в желании идти вместе с большевиками. Я знаю, Дан вместе с большевиками не пойдет» (РЦХИДНИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 52, л. 19).

⁶⁴ Новая жизнь. 1917. 7 ноября.

⁶⁵ Там же. 8 ноября.

МЕСТНИЧЕСТВО В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Социальная природа местничества неоднократно являлась объектом исследования. Разнообразие суждений не колебало общей «платформы» — признания местничества, с одной стороны, чисто российским явлением, не имевшим иноземных аналогов; с другой — присущим феодальной стадии развития общества, хотя и в весьма специфической форме. Местничество наиболее ярко иллюстрирует характерные для феодализма взаимоотношения господства — подчинения (вассал — сюзерен), принципы взаимных обязательств сторон и службы за определенное пожалование. В нашу задачу входит не всеобъемлющее изучение института местничества, а попытка связать особенности его как специфически российской формы служебно-вассального регламентирования подчиненности сюзерену с более универсальными чертами феодального общества.

Местнические конфликты издавна привлекали внимание историков, во-первых, как чуть ли не единственный пример законной возможности оспаривания монаршей воли, а, во-вторых, как достаточно редкий для средневекового русского общества пример ситуации, в которой раскрывались и документально фиксировались индивидуальные особенности личности, свидетельства о которых столь ценны. В местнических спорах легко увидеть конкретных людей с их гордостью, честолюбием, мстительностью, великодушием, чувствами дружбы, клановой и корпоративной спайки.

Число специальных исследовательских работ по местничеству далеко не пропорционально количеству теоретических построений. Две основные концепции, сформировавшиеся к концу XIX в., удачнее всего вычленил медиевист А. Н. Савин. Первая заключалась в приложении к данному институту взглядов С. М. Соловьева о борьбе родового и государственного начал: местничество, по мнению А. И. Маркевича, это сугубо российский институт, своеобразное средство подчинить родовой дух правительственной воле. Согласно второй, местничество было формой самозащиты служилой знати от произвола сверху, в результате которой она стала правящей в государстве социальной группой¹.

Обе эти столь противоположные концепции объединяла одна идея, в которой проявилось мировоззрение их авторов — историков второй половины XIX — начала XX в. Вне зависимости от своих политических взглядов они отражали идеологические установки тогдашнего общества, «естественным состоянием» которого была оппозиция государству. «Легенда о местничестве как о выражении аристократической самодеятельности и институте, ограничивающем власть монарха... зародилась, очевидно, еще в первой половине XVIII в. Желаемое выдавалось за действительное, и некоторые историки оказались в плену этих представлений», — отмечал С. О. Шмидт². Нынешнему историку трудно понять огорчение А. И. Маркевича, когда результатом многолетнего исследования, вылившегося в двухтомную монографию, стало определение местничества как своего рода «табели о рангах», а вовсе не серьезной политической привилегии господствующего класса. Нашему современнику

* Эскин Юрий Моисеевич, заместитель директора Российского государственного архива древних актов.

проблемы взаимоотношений класса или сословия с государственной властью представляются ничуть не менее важными, чем те истинные или вымышленные «крупницы свободы», которые трудолюбиво искали исследователи прошлого.

В оценках автора второй концепции, В. О. Ключевского, сквозит аналогичное разочарование: местническая борьба аристократии была проникнута «политической беспечностью», отсутствием «вкуса к власти». Борьба эта одновременно ослабляла и государство, и «сословные силы» аристократии³.

Еще резче оценки Г. В. Плеханова, отчасти возвратившегося к «родовым» идеям и определявшего местничество как «воспоминание о кровной близости» с династией Калиты: «Спорившие бояре апеллировали к родословцу, а родословец опять напоминал об их родственной связи с владетельным домом», в то время как литовские «паны-рада» основывали свою вольность на завоеванных в упорной борьбе политических правах⁴.

Недооценены, на наш взгляд, суждения Н. П. Павлова-Сильванского⁵. Несмотря на то, что ему удалось, по выражению В. Б. Кобрин, «с поразительной находчивостью окрестить соответствующим западноевропейским термином почти каждое явление русского средневековья», прямого аналога местничеству он не нашел (что в дальнейшем было авторитетно подтверждено видным западным медиевистом Й. Хёйзингой). Н. П. Павловым-Сильванским, однако, была сделана попытка включить этот институт в схему «московской сословной монархии». Придавая большое значение «суверенности» местнического распорядка, представляя его как «нечто совершенно независимое от воли московского государя», ученый явно преувеличивал возможности сопротивления аристократа властям. Сеньориальный режим, по мысли Н. П. Павлова-Сильванского, — экономико-правовая, сугубо «феодалная» основа «московской сословной монархии» — должен был иметь какое-то политическое увенчание. Его роль в данной системе и была отведена институту местничества, обособлявшего российскую аристократию от дворянства.

Развивая эти взгляды, М. Н. Покровский утверждал, что местничество было своеобразной формой иммунитета, «первой политической гарантией, которую мы встречаем на русской почве». Ученый не согласен с Ключевским и Костомаровым, которые признавали местничество силой, раздроблявшей сословную группу⁶.

В послереволюционные десятилетия работа по изучению правящего класса была практически свернута, местнические материалы использовались историками лишь в качестве источника и иллюстрации. Исключение составили статьи А. А. Новосельского и С. К. Богоявленского, которые ввели в научный оборот материалы о доселе не изучавшемся местничестве иных социальных групп — городского дворянства и дьячества — и дали их первую научную оценку, и до сих пор остающаяся единственной в своем роде работа Е. А. Василевской, посвященная терминологии местничества⁷. В начале 50-х — середине 60-х гг. идет активное расширение основной источниковой базы: возобновляются исследования разрядных книг (В. И. Буганов и Д. Н. Альшиц) и начинается их планомерная публикация. Тогда же ведется изучение описей царского архива (А. А. Зимин, С. О. Шмидт), появляются отдельные работы, связанные с местничеством (В. Б. Кобрин), несколько позднее начинается изучение ранних генеалогических источников (М. Е. Бычкова).

Для нынешнего этапа исторических исследований характерно обращение к изучению собственно института местничества на обновленной источниковой базе. Возобновление концептуальной традиции связано с работой С. О. Шмидта «Местничество и абсолютизм: постановка вопроса»⁸. В ней автор не только заново рассмотрел историографию местничества и подвел определенные итоги, но и сформулировал предварительные выводы о природе института. Подчеркнув его служебно-родовой характер и его политическую роль — «своеобразного компромисса центральной власти с верхушечными группировками феодалов», С. О. Шмидт заметил, что оно было не только

обороной аристократии от центральной власти, как считал В. О. Ключевский, но и обороной не утвердившейся еще самодержавной центральной власти от аристократии⁹. В работе был поставлен целый ряд проблем, в том числе о поиске аналогов института в западных и восточных феодальных системах, о местнической «идеологии» и сословном самосознании, о взаимосвязи его с глубинными изменениями в формации и этапами развития абсолютизма.

Особняком стоит неудачная, на наш взгляд, попытка В. Т. Пашуто «удревнить» местничество, отодвинув его возникновение к эпохе домонгольской Руси. Следуя, видимо, за М. Н. Покровским, автор характеризовал его как «одно из проявлений иммунитета, защиты феодалом служебных прав и доходов от собратьев по классу»¹⁰. Приводя примеры из эпохи феодальной раздробленности и оперируя понятиями «вассал», «сюзерен» и т. д., автор не смог при этом указать ни на одно не «междукняжеское» столкновение, на конфликты между боярами и дружинниками, аналогичные позднему местничеству, и тем самым поставил под сомнение собственные построения (поскольку невозможно квалифицировать как местничество разнообразные конфликты князей одного дома, скажем, политические столкновения внутри дома Калиты, между Василием II и Дмитрием Шемякой).

А. А. Зимин, изучив ранние источники по истории местничества, пришел к выводу о первоначально исключительно служилом характере института, сформировавшегося на военных и административных должностях у старомосковских бояр, происхождение которых не давало преимущества какому-либо роду. Только в эпоху «боярского правления», когда служилые князья сравнялись с боярством и включились в систему этих отношений, к «служилому» принципу добавился «родословный», и институт вступил в период расцвета¹¹. Взгляд на служилый характер местничества развивается в работах ученика А. А. Зиминой, Ю. Н. Мельникова. Обширную главу диссертации автор посвятил природе института, выдвинув теорию «службы по отечеству» как основы российской государственной системы, при которой местничество — регулятор спорных вопросов, частных случаев, «сбоев» «системы отечества». Автор полностью отрицает «иммунитетный» характер института, но видит в нем отдельные черты вассалитета, оговаривая при этом, что вассалитет — это отношения между феодалами в основном «по вертикали», а местничество — более «по горизонтали». Автору принадлежат интересные наблюдения о возможной взаимосвязи между возникновением, оформлением, функционированием и отмиранием института местничества и земских соборов¹² и о служебно-финансовой основе местнических отношений. Обе идеи, однако, требуют подтверждения на более массовом материале XVII в. В работе П. В. Седова, посвященной политическим событиям эпохи отмены местничества, анализу аристократического проекта его отмены, подробно исследуется ситуация последней трети XVII в., когда институт быстро становится анахронизмом, перестает соответствовать процессам, имевшим место в Боярской думе, государевом дворе и правительственном аппарате¹³.

Отчасти на интересующую нас проблематику выходят появившиеся недавно работы культурологического характера американской исследовательницы Н. Коллмен и К. В. Петрова. Н. Коллмен рассматривает ритуал «выдачи головой» как элемент структуры взаимоотношений государства, олигархии и рода; К. В. Петров изучает обращение феодалов к своим родословным как часть культурной традиции сословия.

Итак, в последнее время оживился интерес к местничеству. Изложив основной круг мнений, вернемся к попытке проанализировать глубинные черты местничества как института. «Социальная структура феодального общества в Западной Европе,— отмечает А. Я. Гуревич,— характеризовалась двумя взаимно противоречивыми, но функционально между собой связанными признаками организации: отношениями господства и подчинения и отношениями корпоративными»¹⁴. Первый признак — «господство и подчинение» — в суц-

ности и понимается как основа феодальных отношений, базирующихся, как известно, на архаических представлениях о дарении и долге. Держатель лена обязан был службой сюзерену: М. В. Попович отмечает, что если в домонгольской Руси понятия о феодальной взаимоподчиненности были подвижны и неустойчивы (пример тому — бесконечно нарушавшиеся «крестоцелования»), то позднее Московское княжество пошло путем стабилизации и ужесточения вассальных отношений с точным учетом статуса «отчества» и служебной «чести»¹⁵. «Индивидуальность» этих вассальных отношений несколько затуманена «поголовностью» военной службы русских землевладельцев, столетия существовавшей в условиях постоянной военной угрозы; но «служебные» черты местничества несомненны. Местнические конфликты возникали почти исключительно при вступлении сторон в служебные отношения. Обычно дело начиналось при разрядном назначении («сказывании службы»), реже — при поверстании в оклад, при получении приказа во время боевых действий, пожаловании чином или наградой, при возникновении какого-либо служебного казуса, ставящего в «невместные» отношения отдельных представителей административного аппарата (приказных судей, городских воевод, дьяков, членов посольств). Чрезвычайно редки ситуации с началом местнического дела в иных обстоятельствах. Даже публично поругавшиеся, взаимно оскорбившие предков и родню (а порой и подравшиеся), служилые люди редко били друг на друга челом «в отеческом бесчестье». Дела с подобной формулировкой разбирались как местнические, но им придавалось совсем иное значение: в описях дел Разрядного приказа XVII в. (опись дьяка Д. М. Башмакова 1668 г.) местнические дела имели самостоятельные реестры¹⁶, а дела об «отеческом бесчестье» включались в реестры «Судных и сыскных и приводных всяких вершенных и невершенных дел»¹⁷. Разбирались они чаще не в главном — Московском, а в Приказном или территориальных столах. Многочисленные примеры таких случаев приведены И. Е. Забелиным: в ссорах с оскорблением предков участвуют представители знатных родов — Голицыны, Долгорукие, Измайловы, Мещерские, Мышецкие, Салтыковы, однако дела квалифицируются властями как стандартное оскорбление, драка и т. д., а разбирательство и судопроизводство идут обычным юридическим порядком, видимо, в связи с тем, что обстоятельства ссоры были «внеслужебными»¹⁸.

Другой признак феодальной структуры общества — «корпоративность» — также ограничен для местничества. Традиционный формуляр местнической челобитной включает обращенное к государю выражение: «чтоб я, холоп твой, и родители мои от иных родов в упреке не были»¹⁹. Употребляется и выражение «перед своей братьей в позоре не быть». «Иные роды», «своя братья», сообщество, от которого данный род может получить «упрек», — корпоративное объединение. Оно могло быть родовым (например, княжата общего корня — Белозерские, Оболенские), служебным — в рамках определенных иерархических ступеней (например, окольные, жильцы, дьяки, гости), служебно-территориальным (городовая дворянская корпорация). Родовая корпорация могла отвергнуть пошедшего против ее воли члена, например, «по дружбе» или из политических соображений не захотевшего вступить за свое собственное «место» и тем самым «утягивавшего» всю корпорацию. Хорошо известен инцидент 1598 г., когда кн. Ф. А. Ноготков просил записать челобитье от имени всех Оболенских на своего однородца кн. А. А. Репнина, который в угоду Ф. Н. Романову принял низшее, чем у кн. И. В. Сицкого, назначение, «теша Федора Никитича Романова, что князь Иван с Федором меж себя братья и друзи, а князь Александр им свой же». «Чтоб порухи и укору не было (...) тем Олександровым Репниным воровским нечелобитьем». Суд решил записать, что А. А. Репнин с И. В. Сицким «был» в походе (т. е. был подчинен) «по дружбе» и «виноват князь Ивану один, а роду ево, всем Оболенским, в том порухи нет»²⁰. «Поруха», таким образом, касалась только родовой ветви согласившегося на нее А. А. Репнина. Служебная

корпорация могла организованно потребовать изменения своего места в иерархии корпораций, о чем свидетельствуют местнические дела между дьяками и гостями²¹. В 1646—1648 гг. в связи с учреждением нового полкового чина — знаменщиков (которых Разряд планировал назначать из числа выборных дворян — верхушки «служилого города») прокатилась волна протестов городских корпораций, выраженных в местнической форме. Корпорации сочли такие назначения унижительными для себя, указав, что «в окрестных государствах» в ротах знаменщик третий после ротмистра и поручика, и потребовали назначения их «из средних статей»²². Городовая корпорация могла вступить в конфликт с государством-сюзереном в связи с попытками властей вмешаться в ее внутренние дела. Так, «местническим» путем корпорация боролась с внедрением «сверху» в ее среду нежелательных лиц, обвиняя их в «худородности», с попытками несправедливо поверстать окладами отдельных своих представителей, осуществить нажим при выборе окладчиков²³. Имеются факты местничества между «служилыми городами». В 1644 г., например, коломнички успешно били челом о неправильной записи их ниже других корпораций²⁴. Позднее подобные столкновения могли происходить уже среди более «молодых» территориальных групп служилого сословия: в 1670 г. интригами дьяка С. Федорова чуть не началось местничество Яблоновского и Усердского полков с Козловским в составе Белгородского разряда²⁵.

Типичный конфликт — столкновение корпорации с одним из воевод. В известных нам 17 случаях подобного рода чаще всего участвовали, с одной стороны, второй воевода, с другой — территориальная корпорация, «служилый город»²⁶, правда, бывали выступления «города» и против третьего воеводы, и против городского воеводы или должностного лица, присланного с другими целями (например, на пограничные переговоры). Конфликтовали в местнической форме с должностным лицом и корпорации различных московских чинов²⁷. В сентябре 1637 г. при осеннем сборе войск в Туле служилые люди трех чинов (стряпчие, московские дворяне, жильцы) били челом на второго воеводу И. Я. Вельяминова, отказавшись ему подчиниться: «А преже сево не токмо что твой, государев, двор, из городов дворяна, выбор и дворовые, с меньшими воеводами не бывали, а были везде с большими бояры <...> Вели, государь, нам быть <...> по прежнему твоему, государеву, указу, чтоб мы впредь при своей братье позорны не были»²⁸. Конечно, каждый рядовой член «служилого города» не мог местничать с воеводой (хотя представители верхушки «города» могли быть близки ему по «чести», быть ему «в версту»). Городовые дворяне «попроще» вообще «лично» почти не местничали. Все вместе, корпорацией в целом, они претендовали на более полноправные (по типу договорных) вассальные отношения с государством, чем каждый городской дворянин в отдельности. Очевидно, уровень «чести» всей корпорации, этого своеобразного коллективного вассала, значительно превосходил уровень «чести» рядового ее члена²⁹. Для последнего могло быть лестным даже родство со столичным дьяком (о чем свидетельствует вмешательство членов рода звенигородцев и суздальцев Козловых в местничество дьяков А. И. Козлова и В. В. Брехова³⁰), однако, объединившись «всем городом», он желал подчиняться не меньше, чем думному чину, претендовал на воеводу «максимального» по знатности уровня.

В «классическом» западноевропейском варианте существовало определенное равновесие между «вертикальными» связями господства и подчинения (сеньор — вассал) и «горизонтальными» — внутри корпорации, т. е. своему сеньору вассал был подчинен индивидуально, а статус получал от группы, социально-правового разряда, и с этим вынужден был считаться его господин³¹. Элемент «горизонтальности» в России, видимо, превалировал. Для русского типа вассалитета была характерна большая степень коллективности: не только «статус», но и отношения господства — подчинения шли в значительной степени через корпоративную группу, «свою братью». Ю. Н. Мельников, как уже отмечалось,

также определяет местнические отношения как «горизонтальные» в сравнении с «вертикальностью» вассалитета. Л. В. Милов отмечает, что сложные и разветвленные вассально-корпоративные отношения в западноевропейском феодализме возникли благодаря аллодиальному разложению общины и частнособственническим традициям позднеантичных структур³². Там развивалось понятие свободы, которое Г. П. Федотов условно именовал «свободой тела», — рост феодального иммунитета, противоборство светской и духовной властей воспитали вольного сеньора, который на оскорбление со стороны короля имел право ответить объявлением войны.

Западноевропейский монарх, даже превратив на исходе средневековья вольных сеньоров в подданных, не превратил их в холопов. Наоборот, нивелирование пошло как бы по «высшей», а не по «низшей» мерке: иммунитет, привилегии стали охватывать все более широкие социальные группы. Сам король был «первым из дворян». Он мог распорядиться жизнью и смертью дворянина, но не смел его ударить³³. Традиция физической неприкосновенности представителя «благородного сословия» защищала члена корпорации, обрекала нарушителя (даже монарха) на конфликт со всей корпорацией.

Произвол российского монарха в отношении личности подданных почти не ограничивался традицией или законом. Телесное наказание было нормой полковой и придворной службы в XVI—XVII вв.³⁴ Однако с независимостью служебно-родового старшинства русский государь был вынужден считаться так же, как французский король с иммунитетом «благородной» личности. Парадоксальность, общая для обеих систем, заключалась в том, что личность монарха и здесь, и там все более приобретала характер «источника чести», поскольку само «благородство» (дворянство) жаловалось; но монарх жаловал то, над чем в дальнейшем становился как бы не вполне властен. Российская феодально-государственная система имела, видимо, черты, характерные для того типа господства, который М. Вебер определял как «патриархальный». В ней «подчинение (государю, вождю) рассматривается как дело чести, но содержание распоряжений (т. е. права и обязанности сторон. — Ю. Э.) определяется традицией, и расходящиеся с последней правовые новшества принципиально невозможны. Неизбежное обновление происходит по конкретным поводам (например, „находки“ и „потерьки“ в местничестве. — Ю. Э.) и освящается отысканием „случаев“, т. е. как бы реставрацией забытой „старины“». Но тогда, когда эти старые формы совсем «не работают», «воля господина перестает быть чем-либо ограниченной, кроме его собственных представлений о справедливости»³⁵. «И в том твоя, государева, воля, — писал в 1640 г. кн. Ф. С. Куракин, — что ты, государь, на меня, холопа своего, положил свою государеву опалу и велел меня выдать своему государеву изменнику без суда и без сыску. Хотя ты, государь, нивисть кому велишь выдать или смертью казнить без вины, и в том твоя государева воля (разрядка наша. — Ю. Э.), а наказу и списков мне взять не мочно за князь Алексеем Трубецким»³⁶. В понимании русского служилого человека (во всяком случае, аристократа) XVII в. государь имеет полное право сломить отдельную личность, заставить служить «ниivistь с кем» или даже «казнить смертью», но его права по отношению ко всей корпорации все же не таковы; он не может заставить признать свои «волевые решения» справедливыми: «не мочно» — таков ответ не столько лица, сколько корпорации.

Итак, в западноевропейских условиях корпорация защищала, «прикрывала» сначала личность, а затем род; в России же — наоборот: сначала род и его место в иерархии внутри корпорации, а уже затем — личность как составную часть рода и корпорации. Поэтому отношение «вассал — сюзерен» здесь точнее выразить формулой «род вассала — род сюзерена»: преемственность

службы предков местника предкам государя — постоянный сюжет челобитных, демонстрирующий глубину патриархальности их связей. История России не знала смены династий; возвышение Московского дома Рюриковичей шло постепенно, но неуклонно, вместе с «подминанием» других княжеских династий, и в глазах масс приобрело харизматический смысл. Возможно, именно социально-психологический шок, осознание пресечения «государского корня» в конце XVI в. наряду с общим экономическим кризисом выступило катализатором Смуты, способствуя легковерию общества, готового стать под знамена любого самозванца. К концу XVII в. патриархальная связь государства и служилого рода расшатывается. «Государственная уступка личностному началу и одновременно принижение начала родового» — так оценивает А. М. Панченко отмену местничества, подметив, что к его кануну, 1680 году, отнесены события «Повести о победоносном парвеню Фроле Скобееве». В общественном сознании тогда «уходила в прошлое единообразная личность, которая раз за разом воплощалась в бесконечной лестнице поколений»³⁷.

При феодализме отношения господства и подчинения, о которых говорилось выше, по мысли А. И. Неусыхина, растут и развиваются в двух направлениях: с одной стороны, складывается аппарат центральной власти в лице монарха и его окружения, с другой — политическая власть возникает в недрах самой вотчины³⁸. В России второй процесс отставал по сравнению с первым. Домонгольская Русь практически «не знала... замков и воинственных баронов за их стенами... бояре не защищали свои села в случае вражеского нападения, а съезжались в княжеский град; с западноевропейскими баронами сопоставимы скорее удельные князья, чем бояре»³⁹. Поэтому, если на Западе вассальные отношения не были отношениями подданного к монарху, а отношениями одной договаривающейся стороны к другой, причем обе были связаны определенными правилами и обязанностями⁴⁰, то в России шло постоянное усиление центральной власти и наступление на иммунитетные права. «Новый тип феодальной иерархии, — подчеркивает Л. В. Милов, — создавался на основе всемерного развития служилого землевладения, опорой которого служила поместная система»; чем шире и прочнее была последняя, «повсюду расползавшаяся», тем прочнее и эффективнее становилась политическая консолидация; ссылаясь на Л. В. Черепнина, Л. В. Милов отмечает, что механизм государственной власти приобретал ко второй половине XVII в. все более явные тенденции к абсолютизму с отчетливыми чертами восточной деспотии⁴¹. Б. Ф. Поршнев писал, что в ряде стран Востока феодализм пошел не по пути дробления ленов, а по пути укрепления собственности государя на всю землю: феодальное государство в таком случае выступает как единый гигант-помещик⁴². В обществе с подобными чертами личность не могла быть защищена от произвола так, как во внешне более аморфном феодальном обществе западного типа, где существовал не один, а тысяча государей. В России XV—XVII вв. отмирание одних иммунитетных прав и чрезвычайно медленное формирование других усиливали зависимость держателей, нивелировали их перед верховной властью, препятствовали развитию внутрисословной иерархии. Общий единый сюзерен, государь, единый тип служебного вознаграждения — поместный и денежный оклад — при неравномерности его количественного распределения и разной степени участия в службе создавали благоприятную почву для взаимных «счетов» во время постоянных служебных столкновений. Определенную зависимость между местом в боярском списке, возможным при данном окладе, и местническим столкновением установил для конца XVI в. Ю. Н. Мельников⁴³. Борьба шла за более высокое место в служебной иерархии, а значит, и за более высокий оклад, выделенный из государевых земельных или денежных фондов. Последние являлись как бы «общими» для всего сословия. Вспомним, что в Византии господствующий класс осуществлял феодальную монополию на земельную

ренту не через частное право, а через государственную собственность. Сравнительное изучение феодально-служебных форм русского, византийского и восточных (прежде всего турецкого как наследника византийского) средневековых обществ — давно назревшая задача, что в свое время было подчеркнуто С. О. Шмидтом, и решать ее надо при помощи византистов и востоковедов⁴⁴. В Византии довольно поздно укоренилось даже само понятие «знатности рода» — примерно с конца IX в.⁴⁵, в России же термин «боярин» (за исключением правящей знати Новгорода и Пскова) означал княжеского вассала, слугу высокого ранга⁴⁶. Вотчинное землевладение бояр в домонгольский период развивалось довольно медленно, считает А. А. Горский, по-прежнему сохранялась государственно-корпоративная форма эксплуатации лично свободного населения, а доля участия в доходах зависела от деятельности в системе государственного управления; поэтому члены старшей дружины ценят близость к князю больше, чем свои села⁴⁷. Следует учитывать и «кадровый» момент, значительно повлиявший на пути развития сословия. Ордынское нашествие уничтожило более половины личного состава старых княжеских дружин. В родословцах почти не встречаются нетитулованные роды, происшедшие от дружинников — членов княжеских дворов домонгольского периода. Как отмечают В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганов, носители вассально-рыцарской, дружинной психологии были истреблены физически. Новые дружины — зародыш новой генерации господствующего класса — формировались из непривилегированных слоев населения. Так произошел переход от вассалитета к подданству-министериалитету, не позволившему феодалам сохранить свои права и гарантии от монаршего произвола⁴⁸. В выделяемых А. А. Горским трех типах дружинников между первым типом («чистый дружинник», т. е. обеспеченный государственно-корпоративной формой эксплуатации) и третьим (вассал-вотчинник, т. е. феодальный держатель земельного владения) имеется тип вотчинник-вассал (т. е. извлекающий часть доходов из участия в структуре управления, возглавляемой князем)⁴⁹. Этот тип и оказался наиболее приемлемым для формирующейся государственности после освобождения от ордынского ига. «Корни местничества как феодально-иерархического института можно искать еще в период формирования и утверждения отношений вассалитета», — справедливо полагает С. О. Шмидт⁵⁰. Однако вопрос о хронологических рамках этого периода пока остается открытым. Видоизменение форм вассалитета шло параллельно видоизменению форм феодальной собственности, влияя на институт местничества на всем протяжении его существования. Правительственная политика в XVII в., как показал Л. В. Милов, шла по пути усиленного насаждения условной формы феодального землевладения — поместья, и, несмотря на то, что с начала того же века появилась тенденция к расширению вотчинной формы, почти в течение столетия поместье постепенно «подтягивали» до уровня вотчины, пока Указом о единонаследии 1714 г. те и другие не были окончательно нивелированы⁵¹.

Анализ памятников отечественного средневекового права (вплоть до Соборного уложения 1649 г.) позволил Б. Н. Флоре сделать вывод, что возмещение «бесчестья» определялось не родовитостью — «отечеством» оскорбленного, а размером и характером жалованья, т. е. положением на служебно-административной лестнице⁵². Любой попавший на государеву службу иноземный аристократ, например, молдаванин или литвин, чрезвычайно быстро включался в систему местнических отношений, иногда и «заезжая по иноземству» старую знать; порой ему официальным актом «определяли место», как было с самозванным графом Л. А. Шляковским⁵³. Однако пополнение государева двора иностранной знатью шло, как правило, за счет выходцев из феодальных систем азиатского типа («царевичей», «князей», мурз), носителей скорее министриальной (причем в весьма грубой форме), а отнюдь не вассально-рыцарской традиции и психологии. «Пополнение» это постоянно

как бы «понижало» и общий культурный уровень, и (наряду с насаждением поместной формы феодальной собственности) уровень «иммунитетного самосознания» русского служилого сословия.

Природу местничества можно попытаться проанализировать, исходя из сравнения с такой известной нормой феодальных отношений во многих западноевропейских государствах, как майорат.

Феодальному государству на определенных стадиях его развития был выгоден состоятельный вассал, выставивший со своих владений гарантированное (качественно и количественно) число воинов-рыцарей, шляхтичей, послужильцев, боевых холопов⁵⁴. Н. И. Кареев отмечал, что на феоде (западноевропейском) лежали разного рода обязанности, а потому сеньоры, дававшие имения другим, были заинтересованы, чтобы феоды не дробились и переходили по наследству к таким лицам, которые способны были исполнять свои вассальные обязанности. Отсюда — право одного только старшего сына наследовать феод, или майорат⁵⁵. Первоначально майорат в Западной Европе был элементом частноправовых, а не государственно-правовых отношений, которые значительно позднее стали средством поддержания и сохранения статуса (социального и имущественного) феодального рода. В России отсутствовала данная правовая норма, на что обратил внимание еще в XVI в. Дж. Флетчер⁵⁶. Это отсутствие отчасти объясняется сравнительным обилием земли, неполным закрепощением крестьян (при постоянной нехватке рабочей силы), иными юридическими традициями. В то же время русское феодальное государство стояло перед той же проблемой обеспечения жизнеспособности своего вассального ополчения. Н. П. Павлов-Сильванский сделал любопытные наблюдения о сословной обособленности высших и низших слоев дворянства и о преимуществах маленьких, немногодетных семей при местническом распорядке, позволявшем им возвышаться, по сравнению с мельчавшими большими семьями⁵⁷. Н. Коллмен определила, что наследование боярского титула тоже могло зависеть от численности рода. Шанс на получение боярства утрачивался родом (как, например, Акинфовичами) в результате ранней смерти прямого наследника, опалы семьи, ухода к удельному князю⁵⁸. Таким образом, функциональное сходство внешне чрезвычайно далеких друг от друга институтов — местничества и майората — базируется именно на взаимоотношениях «род — государство», «род подданного (вассала) — род сюзерена». На сходство регулирующих функций обоих институтов обратил внимание А. Н. Медушевский (в основном разбиравший Указ 1714 г. и законодательство начала XVIII в.)⁵⁹.

«Майоратные» черты местничества проявляются в наследственном закреплении за определенными родами и представителями их старших ветвей возможности и права поверстания в определенные чины: некоторых родов — сразу в думные, других — в московские и т. д. Те или иные чины и ранги влекли за собой поверстание соответствующими поместными и денежными окладами. Именно чины именовались «честью», термин этот обозначал и почетное назначение, и запись о нем. Г. Л. Кобяков в деле с М. М. Дмитриевым объяснял: «А розрядные писма и чести старые родственников наших жалованные грамоты (...) у нас на Москве», указывая при этом, что у отца его соперника «честь перед нами молодая»⁶⁰. «Честь» зависела от государя, ее можно было отнять, как у кн. Г. А. Козловского в 1691 г.: «честь у него, боярство отнять»⁶¹.

Стабильная наследственность в поверстании членов рода в чины и поместный и денежный оклад была необходима ввиду того, что характерной особенностью феодального общества является самостоятельное материальное обеспечение дворянином своей военной или гражданской службы. В России XVII в. городской воевода должен был участвовать в строительстве стен острога сообразно своему поместному окладу, дипломаты вплоть до XIX в. должны

были поддерживать свой статус за рубежом за свой счет; жалование офицера и даже полицейского чиновника в дореформенной России не покрывало его служебных расходов. Во Франции XVIII в., а в Англии вплоть до середины XIX в. существовала официально признаваемая система покупки воинского чина с должностью, что было генетически связано с обычаем покупки феода с лежащими на нем воинскими службами, отрядом вассалов и т. д.⁶² Регламентационный характер местничества, «фамильно-генеалогический ценз», по определению В. О. Ключевского, ограничивавший численность сословной группы, «пропалывавший» ее, проявлялся в вычлениении ограниченного числа лиц с преимущественным правом на получение большей доли совокупной феодальной собственности всего сословия⁶³. Б. Н. Флоря выяснил, что при раздаче кормлений принималось в расчет в первую очередь «отечество», а не «дородство» (состоятельность и боеспособность). Государство тем самым стремилось поддержать статус служилого человека, когда-то от государства же приобретенный. Известны случаи, видимо, местнических по природе отказов от не соответствовавших «отечеству» кормлений: не столь состоятельный, но знатный феодал мог рассчитывать на получение доходного кормления скорее, чем феодал более состоятельный, но менее знатный⁶⁴. История России знает примеры аристократических родов, сконцентрировавших состояние и влияние отчасти в результате «естественного майората» (Романовы-Юрьевы, кн. Воротынские в XVI—XVII вв., Шереметевы в конце XVII—XVIII вв.), который открывал путь к спокойному занятию наследственных мест в системе государева двора и соответствующему им материальному обеспечению. Монарх, естественно, имел возможность корректировать ситуацию. Высокий думный чин, крупное земельное пожалование, бывало, приобретались и не «по отечеству». В системе патриархального типа (по М. Веберу) возникают две сферы господства, в одной из которых носитель власти связан традицией, а в другой действует по собственному произволу. Первая ограничивалась и хронологически (временно объявлялось безместие), и должностной регламентацией (объявлялось безместие при назначениях в некоторые службы, определенными судебными прецедентами пресекалось расширение местнических порядков на новые, низшие сословные группы, устанавливался порядок возбуждения местнических претензий между воеводами разных рангов). Иногда обходились просто системой исключения — так, родственники цариц, зачастую представители далеко не высшей знати (Апраксины, Грушецкие, Нарышкины), во избежание конфликта и в связи с неудобством ситуации для самого государя или царевича (царский тесть, а должен сидеть «ниже» других) просто не присутствовали на многих придворных церемониях.

Насколько «отечество» служилого человека зависело от государственной власти? С одной стороны, знатный аристократ считает, что «за службу государь жалует поместьем и деньгами, а не отечеством», а с другой: «Не вели, государь, моего отечества у меня, холопа своево, отнять и от таких детей боярских неродословных людей оборонить», — взывает М. М. Дмитриев, жалуясь на местничающего с ним Г. Л. Кобякова⁶⁵. В В «отечестве» можно было понизить за какие-то проступки целый род⁶⁶. «Отечество» можно было и «восстановить». Князь Д. М. Пожарский, скажем, не смог бы даже местничать с многими из равных себе по родовитости лиц, если бы не пробился в период Смуты своими подвигами в аристократическую «обойму» думных чинов, вернув своему роду утраченное отцом и дедом положение, достигнув его службой⁶⁷. Фактически «отечество» как бы жаловалось ему заново. Именно этим объясняется тот факт, что Пожарский — своеобразный чемпион по количеству местнических конфликтов. Объясняется это неразрешимостью противоречия, заключавшегося в несоответствии очень высокой родовитости и низкому служебному положению ближайших его предков, когда неоспоримое право на занятие высоких мест законно же и оспаривалось; высота же

личных заслуг и политический авторитет не позволяли игнорировать его личность или удовлетворять «нейтральными» назначениями.

Утверждение местнических норм совпадает с завершением процесса создания единого государства, изменение местнических норм — с процессами перераспределения феодальной собственности, усиления зависимости последней от служебного положения феодала, возрастанием роли самодержца и бюрократического начала⁶⁸. Не существует ли определенной связи между двумя событиями, разделенными не таким уж большим историческим периодом? Речь идет об уничтожении местничества Соборным деянием 1682 г. и о неудачной попытке «вживления» в русскую феодально-абсолютистскую систему не свойственного ей института — майората — Указом о единонаследии 1714 г. Оба института базировались, на наш взгляд, на служебно-ленных отношениях вассалитета⁶⁹. Как заметил А. Н. Медушевский, жесткая система местничества использовалась для государственной регламентации численности феодальных верхов независимо от демографического фактора, осуществляясь как система сословного регулирования⁷⁰. До определенного времени местническая система удовлетворяла обе стороны в отношениях «господство—подчинение» — и государство, и феодала, охраняя иерархию родов внутри дворянского войска и государева двора, ограничивая число родов и лиц с правом поверстания в определенные чины и оклады. Падение института связано было, как неоднократно отмечалось, с угасанием роли дворянского ополчения и постепенным ослаблением связи поместного оклада с воинской службой по мере перехода к регулярной армии. На смену ему, возможно, и пришла новая неудачная попытка законодательного регулирования социальных противоречий — Указ 1714 г. Попытка поставить заслон на пути распыления крупных земельных владений показывает, что государство Петра I пыталось, с одной стороны, предотвратить обнищание крепостных (следствие чрезмерной эксплуатации), а с другой — произвести «внутрисословную революцию», выделив обширную группу безземельных «джентльменов», «активного дворянского элемента», всецело зависящего от государственной службы.

Почему же не оправдались надежды на «активный дворянский элемент»? Видимо, дворянству майорат был еще не нужен именно потому, почему у же не нужно было местничество. Основная часть сословия воспрепятствовала новому повороту к резкому социальному дифференцированию, к вычленению «магнатских» групп. Но государство, постепенно приравнивая поместную форму землевладения к вотчинной, по сути, самоустранилось от роли сюзерена в классическом феодальном стиле, предоставлявшего вассалам условные держания. Главное, что произошло, — был нанесен мощнейший удар по самому принципу взаимоотношений на базе ленной феодальной собственности. Тем самым исчез способ воздействия на землевладельца, начавшего превращаться в частного собственника. Отныне принуждение его к военной, скажем, службе идет по линии государственно-бюрократической, как и принуждение представителей других сословий к иным службам. Однако пусть на первых порах и ценой «закрепощения сословия», отмирание ленной и складывание элементов частной собственности способствовали регенерации едва теплившегося имущественного иммунитета, были ступенями к развитию «свободы тела». Таким образом, попытка создать одной рукой определенную социальную систему, при этом другой рукой выбивая из-под нее экономический фундамент, была заведомо обречена.

Итак, хотя мы и рассматривали институт местничества как безусловно имеющий феодальную природу, тем не менее сознаем неуместность аналогий с институтом какого-нибудь развитого феодального западноевропейского общества. Реалии России XV—XVII столетий, складывавшейся в могучее, но «прифронтовое» государство, столетиями вынужденное дважды в год, концентрируя все свои экономические и людские резервы для отражения опустошительных нашествий, а в силу давнего религиозного выбора лишенной прочного

политико-идеологического тыла, обусловили длительную консервацию начальных военно-феодальных форм, одной из которых и стал изучаемый нами институт. В этих обстоятельствах «консолидация сил господствующего класса реализовывалась только через небывало возросшую роль самодержца», подчеркивает Л. В. Милов, причем «государству в силу этой специфики в значительной мере стали свойственны черты раннефеодальной надстройки»⁷¹. Регрессивные или консервационные тенденции свойственны обществу, поставленному в сложные политические и экономические условия, или же — в условиях соприкосновения с обществами, находящимися на более низкой стадии развития. А. Л. Станиславский в работе о казачестве эпохи Смуты характеризует создававшиеся тогда институты приставств (своеобразных кормлений) как типичные для раннего феодализма, объясняя это эффектом «наложения» казацких обычаев на социальную структуру страны и влиянием на казаков кочевых народов — обществ патриархально-феодального типа⁷². Высокий уровень бюрократизированности местнических отношений не противоречит их «патриархальной» и «раннефеодальной» природе, поскольку, как считает М. Вебер, жесткая дисциплина и отсутствие собственных прав у «штаба управления» в «патриархальной» системе внешне напоминает служебную дисциплину в «легальной» системе господства; и в этом отношении патриархальная система ближе к бюрократической, чем сословная⁷³. Два разных вида генеалогического старшинства, являвшиеся в разных феодальных системах элементами, организующими порядок службы ленников-держателей⁷⁴, различаются по форме: первый — как элемент частнопроводных отношений (характерный для западного имунитетного правосознания), второй — как бюрократизированная система генеалогического старшинства службы, но оба имеют общий корень — вассалитет, что и позволяет рассматривать местничество как особый, развившийся в силу специфических условий тип феодальных внутрисословных отношений.

Примечания

¹ Савин А. Н. Местничество при дворе Людовика XIV // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 278. Основные историографические обзоры по местничеству см.: Маркевич А. И. О местничестве. Киев, 1879; Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV — первой половине XVI в. // Археологический ежегодник за 1968 г. М., 1969; Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973; Мельников Ю. Н. Местничество и политическая борьба в России 80-х гг. XVI в.: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; Седов П. В. Социально-политическая борьба 70—80-х гг. XVII в. и отмена местничества: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

² Шмидт С. О. Указ. соч. С. 306.

³ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т.: Т. 2. М., 1988. С. 135—146.

⁴ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1918. С. 185.

⁵ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1909. С. 64—79, 131—146; его же. Феодализм в России. М., 1988. С. 125—128.

⁶ Покровский М. Н. Очерк о истории русской культуры. Ч. 2. М., 1918. С. 125—126.

⁷ Новосельский А. А. Правящие группы в служилом «городе» XVII в. // Ученые записки Института истории РАН ИОН. Т. 5. 1929. С. 315—335; Богоявленский С. К. Приказные дьяки XVII в. // Исторические записки. Т. 1. М., 1937. С. 220—239; Василевская Е. А. Терминология местничества и родства // Труды МГИАИ. Т. 2. 1946. С. 155—182.

⁸ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 262—307. Краткий вариант той же работы см.: Абсолютизм в России. М., 1964. С. 168—205.

⁹ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 276—277.

¹⁰ Пашуто В. Т. Общественно-политический строй Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 55—57.

¹¹ Зимин А. А. Указ. соч.

¹² Мельников Ю. Н. Указ. соч. С. 70—74, 76—78, 105—108.

¹³ Седов П. В. Указ. соч. С. 179.

¹⁴ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 202.

¹⁵ Попович М. В. Мировоззрение древних славян. Киев, 1985. С. 148.

¹⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 20, д. 221, л. 176—182.

¹⁷ Там же, д. 224.

- ¹⁸ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей. М., 1990. С. 263, 266—294.
- ¹⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 17, стб. 18, л. 4 (кн. Б. В. Касаткин-Ростовский — кн. В. И. Туренин, 1617 г.). Кн. Я. П. и Г. Я. Волконские в 1668 г. пишут: «и от товарищей наших (т. е. лиц их ранга.— Ю. Э.), с которыми бывали Барятинские, в безчестье и попреке не быть» (Там же, оп. 12, стб. 637, л. 5).
- ²⁰ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 316—317; Разрядная книга 1950—1636 гг. Т. 2, Вып. 1. М., 1976. С. 162; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 144—145.
- ²¹ ПСЗ-1. Т. 1. № 247. С. 483—485; Маркевич А. И. Указ. соч. С. 226, 227; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 84—85.
- ²² Новосельский А. А. Указ. соч. С. 330—331. Любопытно, что в конце конфликта владимирская корпорация во главе с кн. С. Вяземским била челом о награждении за исполнение указа о знаменщиках, указывая, что под их влиянием перестали местничать и другие «служилые города» (Акты Московского государства... т. 2. СПб., 1894. С. 253—255).
- ²³ Врем. МОИДР. Кн. 11. М., 1851. Смесь. С. 24; Маркевич А. И. Указ. соч. С. 524, 697; Новосельский А. А. Указ. соч. С. 321.
- ²⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 9, стб. 1118, л. 111—112.
- ²⁵ Там же, оп. 12, стб. 1210, л. 277—300; см. также: Высоцкий Д. А. Общественно-политические взгляды поместного дворянства и внутреннее развитие Русского государства XVIII в.: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 78—81.
- ²⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 9, стб. 176, л. 204—205; стб. 299, л. 1—4, 40—41, 98, 321а; стб. 1118, л. 111—112; оп. 12, стб. 1210, л. 277—300; оп. 13, стб. 561, л. 329—331; оп. 14, стб. 157, л. 262; оп. 18, стб. 160, л. 18; Акты исторические... Т. IV. СПб., 1842. С. 206; Акты Московского государства... Т. 2. С. 58—59; Т. 3. СПб., 1901. С. 253—255; Врем. МОИДР. Кн. 11. Смесь. С. 24; Дворцовые разряды... Т. II. СПб., 1851. С. 179, 286; Лихачев Н. П. Библиотека и архив московских государей. СПб., 1894. С. 68; Тамбовская ученая архивная комиссия. Журнал общего собрания. Тамбов, 1886. С. 22, 26—29; ЧОИДР. 1848. № 7. С. 86—87.
- ²⁷ Например: *жильцы* — С. Д. Змеев (1659/60 г.) — Акты Московского государства... Т. 3. С. 58—59.
- ²⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 13, стб. 351, л. 140.
- ²⁹ Ср. также положение «имперских городов» в Священной Римской империи — города были коллективными вассалами императора, но горожане в своей массе не пользовались привилегированным статусом. См.: Колесницкий Н. Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977. С. 153.
- ³⁰ «Прародители (...) наши служили (...) по Суздалю и по Рузе (...) и по московскому списку и из житья и в городе по выбору (...) а сродник наш, по роду брат, а иным дядя. Артемей Иванов сын Козлов служит во дьячех» (РГАДА, ф. 210, оп. 17, л. 97).
- ³¹ Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 202.
- ³² Милов Л. В. Общее и особенное российского феодализма // История СССР. 1989. № 2. С. 49—50.
- ³³ Один из фаворитов Людовика XIV — граф де Лозен — выпросил пост генерал-фельдцейхмейстера, но не получил его, поскольку военный министр Лувуа убедил короля, что они «не сработаются». Тогда Лозен учинил скандал — сломал и бросил на пол шпагу, заявив, что не будет служить монарху, не выполняющему обещания. В ответ Людовик XIV сдержался: он лишь переломил трость и выкинул ее в окно, заметив, что не ударит столь знатного дворянина. Правда, позднее за свое неслыханное хамство Лозен отсидел несколько дней в Бастилии (Сен-Симон. Мемуары. Кн. 2. М., 1991. С. 404).
- ³⁴ В Записных книгах Московского стола фиксируется много случаев телесных наказаний дворян за служебные провинности, например, за «нетии». Только в Дворцовых разрядах (СПб., 1850—1855. Т. I—IV) упоминается около 30 прецедентов телесного наказания «родословных людей» за местничество: Т. I. С. 110, 111, 137—140, 173—174, 202—204, 286—287, 324, 330, 435—436, 504—505, 660—661, 794—795; Т. II. С. 649—650, 682—683, 749—750; Т. III. С. 50, 64, 112, 119, 124, 154, 155, 158, 178, 303, 344, 482; Дополнения к т. III... С. 106, 112, 123, 223—224. Обычно это батоги, реже — кнут или битье по щекам. Иногда приговоренного только приводили к месту экзекуции и раздевали (см.: РГАДА, ф. 210, оп. 12, стб. 63, л. 50). Сословных ограничений на применение телесных наказаний не существовало (см.: Рогов В. А. Уголовные наказания и репрессии в России середины XVI — середины XVII вв. М., 1992. С. 71, 77).
- ³⁵ Вебер М. Три типа господства // Двадцать два. 1990. № 72. С. 187—188.
- ³⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 9, стб. 157, стп. 1, л. 52—53.
- ³⁷ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 152—154.
- ³⁸ Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 229.
- ³⁹ Кобрин В. Б. Иван Грозный: Избранная рада или опричнина? // История Отечества: Люди, идеи, решения. М., 1991. С. 142. Археологические исследования последних десятилетий выявили существование в домонгольской Руси определенного числа хорошо укрепленных центров феодальных вотчин, в какой-то мере приближающихся к замкам раннефеодальной Западной Европы. Однако в силу каких-то причин (возможно, из-за ордынского нашествия) эта «линия» не получила своего дальнейшего развития. Русская история не знает войн между князем и боярином, осады боярского замка князем (или княжеского — боярином) (библиографию см.: Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 102. Примеч. 65).

- ⁴⁰ Кареев Н. И. Поместье — государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1906. С. 118.
- ⁴¹ Милов Л. В. Указ. соч. С. 49—50. См. также: Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 105.
- ⁴² Поршнева Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 38.
- ⁴³ Мельников Ю. Н. Указ. соч. С. 82—95.
- ⁴⁴ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 272—273.
- ⁴⁵ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII веков. М., 1974. С. 228; его же. Византийская культура. М., 1968. С. 58—59.
- ⁴⁶ Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 142.
- ⁴⁷ Горский А. А. Указ. соч. С. 79.
- ⁴⁸ Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы)//История СССР. 1991. № 4. С. 58.
- ⁴⁹ Горский А. А. Указ. соч. С. 79—81.
- ⁵⁰ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 269.
- ⁵¹ Милов Л. В. Указ. соч. С. 49—50.
- ⁵² Флоря Б. Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси//История СССР. 1983. № 1. С. 73. Так, автор указывает, что размер возмещения за бесчестье по Судебнику 1550 г. определялся размером кормления.
- ⁵³ РГБ ОР, ф. 178, № 738, л. 467 об.
- ⁵⁴ Последние еще в конце XVII в. представляли солидную боевую силу. Одним из поводов к стрельечному восстанию 1682 г. послужил проект замены $\frac{3}{4}$ стрельцов московского гарнизона отрядами крупных вельмож. Так, кн. М. Я. Черкасский имел тогда три «сотни» численностью 321 человек; в 1684 г. иностранных послов встречали 25 «сотен» «боярских людей» (Седов П. В. Указ. соч. С. 63, 64).
- ⁵⁵ Кареев Н. И. Указ. соч. С. 120. Даже там, где строгого майората не существовало, как в Германии X—XIII вв., неделимость лена соблюдалась во взаимоотношениях вассала с сеньором. Хотя по земскому праву раздел наследства должен был быть равным, за службу перед сеньором отвечал только один из братьев, уполномоченный остальными (Колесницкий Н. Ф. Особенности вассально-ленных отношений в Германии X—XIII вв.//Средние века. Вып. 32. М., 1969. С. 112).
- ⁵⁶ Флетчер Дж. О государстве Русском//Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII вв. глазами дипломатов). М., 1991. С. 43—44.
- ⁵⁷ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. С. 77.
- ⁵⁸ Коллмен Н. О праве и обычае наследования высших думных и дворцовых чинов в России в конце XV — первой половине XVI в.: Доклад в Институте истории СССР АН СССР. 1985 г.
- ⁵⁹ Медушевский А. Н. Законодательство как источник по истории поместно-вотчинного землевладения в России (XVII—XVIII вв.)//Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1989. С. 164.
- ⁶⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 12, стб. 1032, л. 34.
- ⁶¹ Русский исторический сборник. Т. 3. М., 1842. С. 344.
- ⁶² Полнота собственности на какой-либо объект феодальных отношений между вассалом и сюзереном (земельное владение, придворную, военную или судебную должность, наконец, дворянский титул) выражалась в ряде стран Западной Европы в возможности узаконенной их купли-продажи, в России же эти отношения жестко контролировались государством. Наличие иных, негосударственных регуляторов проявилось в Западной Европе в праве личности более полно распоряжаться своим социальным положением. Так, английские сквайры в середине XVII в. коллективно отказались принять от Карла I титулы баронетов, сопряженные с увеличением налогов (Барг М. А. Кромвель и его время. М., 1950. С. 103, 106). Во Франции трубадур «равенства» П. Карон де Бомарше гордился именно тем, что дворянский титул купил на честно заработанные деньги, а не получил от предков как знатный бездельник (Грандель Ф. Бомарше. М., 1985. С. 34). Несколько ранее герцог Сен-Симон сетовал, что даже заслуженные ветераны-разночинцы, порой имевшие генеральский чин, возвращались при отставке в свое податное сословие, если не имели средств купить дворянское звание. «Благородство» не «выслуживалось» у государства, а было объектом купли-продажи и не зависело, как и любая собственность, от взаимоотношений личности и власти.
- ⁶³ Удачной попыткой вычленить интересующие нас особенности местничества была одна из формулировок В. О. Ключевского: «... оно стремилось: 1) замкнуть высшее управление в кругу родословных фамилий и 2) подчинить распределение должностей в управлении установившейся когда-то раз навсегда классификации этих фамилий, указывая места в управлении отдельным лицам по их генеалогическому положению в своих фамилиях. Поэтому ценз, которым обуславливалось занятие руководящих должностей, можно назвать фамильно-генеалогическим» (Ключевский В. О. Указ. соч. С. 409).
- ⁶⁴ Флоря Б. Н. Указ. соч. Но в то же время получение кормления и его размер зависели как раз от «отчества».
- ⁶⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 12, стб. 1032, л. 29.
- ⁶⁶ Одна из ветвей Протасьевичей «опали для в своем роду в счете не стояли» (Бычков в М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. М., 1975. С. 154; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России. М., 1988. С. 157). См. также в местнических делах В. П. Морозов — кн. Д. Т. Трубецкой, 1619 г.: «А прежнее ваше государево уложение, которые в удел

збежали, и те у себя и у своего роду за то теряли многие места» (РГАДА, ф. 210, оп. 9, стб. 9, ч. 2, л. 81); *кн. Ф. С. Куракин — А. Н. Трубецкой, 1640 г.*: «А как, государь, князь Ондрей Курбской отъехал в Литву при деде твоём, государе нашем <...> Иване Васильевиче <...> дед твой <...> приговорил, которово роду хоти кто меншой отъедет, и того роду и у болшово отнять 12 мест <...> и тот, государь, приговор в твоих государевых розрядах записан» (там же, стб. 157, ч. 1, л. 5).

⁶⁷ Принцип самостоятельного восстановления утраченного статуса характерен для сословного общества. Так, в Кастилии XII—XIII вв., а в Бретани и в XVIII в. дворянин мог официально выйти из своего сословия, а через какое-то время в него вернуться, заработав «неблагородно» (например, торговлей) нужный капитал. Акты эти особо юридически оформлялись (История Европы. Т. 2, М., 1992. С. 325; Стерн Л. Сентиментальное путешествие. М., 1968. С. 612—613).

⁶⁸ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 270.

⁶⁹ Система вассалитета не обязательно воплощается в сложной феодальной иерархии. Не только в России, но и в ряде других стран Европы (например, Испании) значительная часть простых дворян служила непосредственно монарху. Ср.: «имперское дворянство» Священной Римской империи.

⁷⁰ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 64.

⁷¹ Милов Л. В. Указ. соч. С. 49—50.

⁷² Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 244.

⁷³ Вебер М. Указ. соч. С. 190. Под «сословным» типом «патриархального господства» автор понимает развитую феодальную систему, когда «власть разделена между захватившими ее по частям сословными группами».

⁷⁴ Н. Ф. Колесницкий, сравнивая вассально-ленные отношения в раннесредневековых Англии, Франции и Германии, отмечает, что если французская монархия шла путем расширения домена и реализации своих сюзеренных прав, а в Англии сложилась ленная система с общегосударственной военной повинностью вассалов всех рангов, то в Германии в силу ряда причин не удалось использовать ни ту, ни другую возможность (Колесницкий Н. Ф. Указ. соч. С. 110, 115). В России XVI—XVII вв., видимо, сложилась ситуация, когда государство сумело использовать и те и другие возможности. С. М. Каштанов полагает, что «Россия неуклонно, хотя и с опозданием, проделывала общеевропейский путь развития» (Каштанов С. М. О типе Русского государства в XIV—XVI вв. // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма / Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992. С. 86), но генезис абсолютизма здесь совпал с процессом развития бенефициарной формы собственности, тогда как на Западе она уже приобрела черты частной.

НАСЛЕДСТВО П. Л. ЛАВРОВА В ИДЕЙНОЙ БОРЬБЕ 1920-х ГОДОВ

К 170-летию со дня рождения

«... Наспех сколоченный антисоветский концерт, которым неизменно управляла отрубленная Октябрьской революцией рука политической проституции...»¹ Право, умеют выражаться большевистские публицисты! А чего удивляться: в газете «Правда» в 1923 г. слова напечатаны. И подпись под статьей выразительная: Лев Римский. Что же подвигло ретивого корреспондента на такие клеймящие пассажи? Да всего лишь вечер в Политехническом музее, посвященный столетию со дня рождения Петра Лавровича Лаврова. Состоялся он 15 июня, а 19-го в «Правде» и появился «отчет» о нем Льва Римского.

Признаться, эпитет «политическая» к слову «проституция» автор недаром употребил. Не то, чтоб к месту (об этом ниже), а явно в духе времени. И потому не случайно чествование Лаврова волей-неволей приобрело, так сказать, характер политический: не о философских идеях или нравственных заветах его рассуждали, не о Лаврове — математике, антропологе, историке мысли, а больше о Лаврове-политике, точнее политическом мыслителе, и, конечно, о тех произведениях, в которых его политическая теория и была прежде всего представлена.

За истекшие десятилетия наши историки немало внимания уделили изучению политических взглядов Лаврова. Однако их освещение имело несколько своеобразный характер: само существо его политической теории, а конкретнее говоря, его учения о государстве (что и составляет собственно центральный пункт любого политического учения) осталось как-то в тени. Если его и касались, то, как правило, в связи с характеристикой Лавровым Парижской коммуны 1871 г.; и тут исследователи зачастую сетовали, что Лавров, хоть и испытал влияние Маркса, все же не дошел до марксистского — единственно научного! — учения о диктатуре пролетариата, во многом отдав дань представлениям анархистского толка. Иногда эта «политическая незрелость» Лаврова прямо связывалась с принадлежностью его к народничеству, к крестьянской идеологии; в других случаях запросто объяснялась ссылками на присущий ему «эклектизм».

Нам думается, что эти объяснения — вовсе не объяснения, а своего рода отговорки, чтобы не заниматься рассмотрением политического учения Лаврова, его концепции государства предметно, по существу. Сейчас, кажется, настала пора заново обратиться к этому важному аспекту идейного наследия Лаврова, что имеет, мы убеждены в этом, не только исторический интерес, но и мотив злободневности — хотя бы в том смысле, что именно Лавров был среди тех немногих мыслителей России и Европы второй половины XIX в., которые при подходе к решению кардинальных вопросов социальных преобразований во главу угла ставили проблему «политика и нравственность». Она и является сегодня одной из центральных в нашей бурной общественной жизни.

* Володин Александр Иванович, доктор философских наук, профессор Гуманитарного центра Российской академии управления.

Итенберг Борис Самуилович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник-консультант Института российской истории РАН.

И потому, прежде чем познакомить читателя с событиями «вокруг Лаврова» далекого 1923 года и попытаться объяснить причины злогневности «правдинского» корреспондента, нелишне, думается, сказать об особенностях политической теории Лаврова. Без этого просто-таки невозможно понять и верно оценить столкновение различных направлений русской общественной мысли, наложившее свою печать на его столетний юбилей.

1. МЕЖДУ ЭТАТИЗМОМ И АНАРХИЗМОМ?

В принципе свое отношение к центральной проблеме политической теории — к проблеме государства — Лавров уже определил к концу 60-х гг. в «Исторических письмах». Здесь он выступает противником этатизма, т. е. государственничества — той линии в мировой мысли, которая шла от Платона и получила свое философское оправдание и обоснование в учении Гегеля. Оценив гегелевский этатизм крайне отрицательно еще в своей статье «Практическая философия Гегеля» (1859), что, между прочим, звучало как скрытая, подцензурная критика самодержавия², Лавров в «Исторических письмах» утверждает, что настало время «отнестись гораздо более критически» к государству, как к «началу, недавно еще боготворимому», и удостовериться, насколько оно на самом деле «может удовлетворять условиям развития личности и воплощения истины и справедливости в общественные формы». Лавров полагает, что государственный принцип, необходимо связанный с «элементом принудительности», в конце концов должен исчезнуть из человеческой жизни: «Государственный союз все более приближается к общественному...», хотя пока еще повсеместным фактом остается «подчинение значительного числа личностей юридическому договору или классовому господству, которых эти личности не обсуждали или относительно которых они заявляют свое несогласие».

Вместе с тем Лавров явно отмежевывается от теоретиков анархизма, которые положили идею устранения государства в основу своего учения, «отрицая необходимость его существования даже в эпоху упорной борьбы» за новое общество: государственный элемент, полагает Лавров, есть необходимое орудие в борьбе сил прогресса против «регрессивных партий». Но, используя это орудие, необходимо помнить, что оно имеет свои особенности, вынуждающие обращаться с ним крайне осторожно: «... Усиление государственной власти, по самой сущности ее, может быть вредно для общественного прогресса, едва лишь это усиление идет несколько далее крайней необходимости в данном частном случае. Оно соответствует всегда увеличению обязательного насильственного элемента общественной жизни, всегда подавляет нравственное развитие личности и свободу критики. Это и составляет главное затруднение в прогрессивной деятельности государственными средствами»³.

Осмысление опыта Парижской коммуны привело к конкретизации и обогащению лавровской концепции государства. И дело здесь отнюдь не просто во влиянии идеи марксизма, как это иногда изображается. Дело — в самостоятельном и оригинальном размышлении о первой попытке установления пролетарского государства, размышлении, основанном и на личных впечатлениях, и на документах Коммуны, и на работах ряда историков.

Тут следует обратить внимание не только на то, что роднило оценку 72-дневного опыта Коммуны, данную Лавровым, с марксистской, например, на идею тщательной подготовки пролетарской революции, несовместимости современного государства с будущим обществом, на положение о том, что новое политическое устройство вполне может обойтись без специального слоя профессиональных чиновников и т. п.

Гораздо больший интерес представляет то, что увидел Лавров в Коммуне в отличие от Маркса, Энгельса и ряда других революционеров. Так, признавая, как и Маркс, необходимость диктатуры при переходе к новому строю, ибо

всякая революция есть «поддержание силою новой общественной программы», Лавров писал: «Но чем многочисленнее класс, совершающий сознательно революцию и захватывающий, таким образом, диктатуру, и чем теснее с этим многочисленным классом нравственно, умственно и материально связаны те выборные из его среды лица, которые осуществляют на деле эту диктатуру, тем более теряет свое значение принудительность, связанная с этим понятием. Немногие диктаторы, которые, поставленные случайно у конца государственного рычага, навязывают механическою силою свои личные фантазии несочувствующему, непонимающему и инертному большинству, суть отвратительные представители принудительной государственности и могут сделать только зло, как бы, впрочем, ни были направлены к общему благу их намерения»⁴.

Громадное значение Лавров придал тому факту, что среди руководителей Коммуны оказались не только люди разной социально-политической ориентации, но и личности, наделенные громадным тщеславием и властолюбием, сосредоточившие основные свои силы на борьбе за влияние и власть, стремившиеся протаскать на государственные посты *своих* людей — «независимо от их умственного и нравственного достоинства»: «Внутренняя политика Совета Коммуны и Комитета Общественного Спасения представляет поэтому такое же печальное зрелище, как и политика всякой старой политической среды, где люди борются за власть и влияние»⁵. Падение Парижской коммуны было фатально неизбежно в особенности потому, что «революция, поднявшая свое передовое знамя, по необходимости передала его в руки людей, которые внесли в борьбу слишком много личных недостатков, личных столкновений из-за власти...»⁶.

Лавров прямо писал о том, что деятельность Международного Товарищества Рабочих, в котором он видел прообраз будущего мирового правительства рабочего класса, обнаружила во время Коммуны не только сильные, но и слабые свои стороны. Принявшая вскоре острейшие формы борьба различных группировок в Интернационале была предметом внимательного изучения Лаврова. Он не занял здесь ни марксовых, ни бакунинских позиций, видя в их борьбе, помимо столкновения «чисто личных честолюбий», прежде всего постановку не решенных еще проблем будущего политического устройства и полагаая вместе с тем их спор в известном смысле никчемным, поскольку в главном, по его мнению, оппоненты сходились: современное государство не совместимо с «основанами» социализма. Лавров оказывался как бы между государственным Марксом и анархизмом Бакунина, но эта межеумочность, при всей ее очевидной слабости, представляла собою форму теоретического поиска — поиска ответов на вопросы, которые даже не были, с его точки зрения, правильно поставлены ни марксистами, ни бакунистами.

Итоговый характер размышлениям Лаврова о государстве придала его до сих пор не вполне изученная и оцененная большая работа «Государственный элемент в будущем обществе» (1876). Она впитала в себя весь прошлый опыт теоретически-философского обращения к данной проблеме и политической публицистики на эту тему — и его выступления в газете «Вперед!», и заметки, связанные с переводом и комментированием работы Цезаря де-Папа «Общественная служба в будущем обществе», и те рекомендации по вопросам политической стратегии и тактики, которые Лавров направил в виде пространного письма в Россию (1875), отвечая на запрос действовавших там революционно-народнических групп⁷.

Считая основой возникновения всех форм общественных отношений и социальных институтов общечеловеческие *потребности* и подразделяя их на естественные, временные и патологические, Лавров рассматривает государство как одну из форм удовлетворения определенной *временной* потребности, фундамент его составляет охранение личной и общественной безопасности.

В ходе «фатального» развития истории государство меняло свои формы и функции, превратившись в новое время в средство обслуживания эко-

номических интересов буржуазии и даже само став экономическим эксплуататором, причем во всемирном масштабе (биржа правит миром). Вследствие этого рабочий класс, втягиваемый всеми условиями жизни в революцию, ни в какой степени не может воспользоваться этим государством (тут Лавров давал критику лассальянства): государство чиновников в момент революционного переворота неизбежно должно быть ликвидировано.

Строй будущего общества видится Лаврову как безгосударственный: «Государственный элемент в будущем обществе, когда это общество вполне проникнется началами рабочего социализма, может не только дойти до известного минимума, но может и совершенно исчезнуть. Совсем не будет существовать какой-либо — меньшей или большей⁸ доли общества, которая была бы поставлена в возможность, при каждом случае, навязать свою волю остальной доле общества, следовательно, не будет класса управляющего и класса управляемого. Все существенные потребности, личные и общественные, которым удовлетворяла в разные эпохи государственная власть, будут удовлетворены иным путем, а временная потребность в государственной власти, неоспоримая в давно минувшие периоды, окажется несуществующею для общества, устроенного по началам рабочего социализма. Власть будет существовать в обществе как форма руководства всякой коллективной деятельности, но эта власть, которую неизбежно будут „употреблять“... не будет иметь возможности принять „бесчеловечной формы“, так как не будет ни одного человека, который был бы властью во всех проявлениях своей жизни...»⁹.

Однако суть социалистической революции не только в ликвидации старого государства как изжившей себя политической формы. Главное — в радикальном экономическом перевороте: в ликвидации частной собственности и установлении общественной собственности («общности имущества»), если угодно — в экономической диктатуре, осуществляемой не столько центром, сколько на местах. Позиция Лаврова здесь довольно жесткая: он принципиальный противник государственной собственности, делающий акцент на федерализации экономической жизни, где главным субъектом собственности выступает своеобразная трудовая община.

Вместе с тем Лавров, в отличие от анархистов, полагает необходимым и неизбежным использовать государственный элемент «на другой день» после революции, т. е. в переходный период. Но это будет государство принципиально иного типа, вынужденное защищать только что родившееся общество от внешних врагов, а также от действий, враждебных новому порядку, исходящих изнутри. Тут тоже для обеспечения безопасности «рабочей России» будет применяться принуждение, диктатура, но, выступая против «остатков паразитов старого общества» и против огромного большинства лиц, поначалу, вопреки своим действительным интересам, живущих «по привычкам и влечениям прежнего времени», новое государство должно действовать по-новому. Может показаться с первого взгляда, пишет Лавров, что всего удобнее устранить социальные опасности привычными приемами старого общества: «составить кодекс социалистических законов с соответствующим отделом „о наказаниях“, выбрать из среды наиболее надежных лиц (преимущественно из членов социально-революционного союза, конечно) комиссию „общественной безопасности“ для суда и расправы; организовать корпус общинной и территориальной полиции из сыщиков, разнюхивающих нарушения закона, и из охранителей благочиния, наблюдающих за „порядком“; подчинить людей „заведомо опасных“ социалистическому полицейскому надзору; устроить надлежащее количество тюрем, а вероятно, и виселиц, с соответственным персоналом социалистических тюремщиков и палачей; и затем для осуществления социалистической легальной справедливости пустить в ход всю эту обновленную машину старого времени во имя начал рабочего социализма.

Не знаю, как это может показаться иному читателю, но я нахожу, что подобный „удобный“ (как все привычное и рутинное) прием представляет

более опасности для общества, имеющего в виду организовать по началам рабочего социализма, чем всевозможные враги внутренние и внешние, всевозможные увлечения личной страсти и всевозможные беспорядки.

Он опасен особенно в двух отношениях: во-первых, потому что он развращает мысль членов нового общества, соединяя в ней понятие о справедливости (нравственной цели нового общества) с явлениями, не заключающими в себе и следа какого-либо нравственного побуждения; во-вторых, потому что он с самого начала нового строя приучает считать целесообразными такие приемы, из которых выросло большинство вредных элементов старого общества и из которых также может вырасти едва ли искоренимое зло и в новом строе»¹⁰.

По Лаврову, даже вынужденное обстоятельствами политическое насилие жестко ограничивается лишь сферой «борьбы за существование» молодого общества, однако ни в каком случае оно не оправдывается с нравственной точки зрения. Основная же тенденция развития нового строя — сведение этой диктатуры, осуществляемой непосредственно самими массами в строгих границах «целесообразности», необходимости, к минимальному. Главной формой общественного воздействия все больше будет становиться влияние общественного мнения. «Ни одна серьезная революция не может совершиться без пролития крови, частью ненужного; невозможно будет держать пролетариат, раздраженный в продолжение длинного периода бессовестною эксплуатациею и варварскими притеснениями, от некоторых проявлений мести в первую же минуту. Но всякий, серьезно желающий, чтобы социальная революция повела как можно скорее к прочному основанию солидарного общества, должен употребить все свои усилия, чтобы проявления народного возмездия, каковы бы они ни были *в самую минуту* революции, прекратились *на другой же день* после победы пролетариата. Всякая *ненужная* жестокость к врагам, на другой день после победы, только подрывает нравственное значение общезития, которое должно сделаться воплощением справедливости и потому должно дать *наименьшую возможную долю* необходимости. Всякая *ненужная* суровость к преступнику против начал, которые он не успел вполне усвоить, подрывает солидарность нового общества. Поэтому одна из важных нравственных обязанностей, лежащих на членах социально-революционного союза, вследствие лучшего усвоения ими начал рабочего социализма и вследствие того руководства событиями, которое им усваивает их большая подготовленность к этим событиям, заключается тоже в их обязанности оградить новый строй от подрыва его нравственного значения, от подрыва его солидарности *ненужными* увлечениями общества в борьбе за свою безопасность против внутренних врагов и против неизбежной отрывки старых привычек и влечений»¹¹.

Инициатором и организатором всех этих преобразований может и должна быть только социально-революционная партия, которая еще накануне революции разрабатывает ее программу и работает непосредственно в массах. От состава партии, от ее решительности и подготовленности зависит судьба будущего строя. Основное для революционера — знание и нравственность. Партия нужна потому, чтобы во главе переворота не оказались люди недостойные. «Руководство и почин организации составляют *обязанность* убежденных и организованных социалистов-революционеров (...). Но эти люди могут быть при полной добросовестности недостаточно подготовлены к встретившимся обстоятельствам; могут неясно видеть *настоящие* цели, *настоящие* средства для этих целей и, вследствие своей слепоты, могут повести массы по ложному пути; могут подвергнуть революционное движение, только что одержавшее победу, самым большим опасностям; могут затруднить или даже совсем затормозить развитие начала рабочего социализма в новом обществе. Эти люди, наконец, могут быть даже расчетливыми эгоистами и честолюбцами, которые постараются эксплуатировать новое движение в свою пользу и изменят ему, как только извлекут из него все для них нужное. Убежденным социалистам *во имя их убеждения* обязательно нужно устранить

ненадежных, предупредить расчетливых честолюбцев, стать впереди слепых. Вопрос в этом случае заключается не в том, *большинству* или *меньшинству* будет принадлежать на другой день после революции руководство дел и закладка первых, основных камней нового общественного здания; вопрос в том, какому меньшинству будет принадлежать эта роль: *случайному* ли меньшинству наиболее решительных людей или меньшинству, *подготовленному* к этому делу и своей организацией, и доверием достаточной доли восставших масс, и собственной работой мысли над программами рабочего социализма <...>»¹².

Однако уверенности в том, что к руководству обществом после революционного переворота придут именно «подготовленные» во всех отношениях, нравственно чистые люди, Лавров, в сущности, не имеет. Поэтому он с такой силой подчеркивает необходимость строжайшего взаимоконтроля внутри социалистической партии, исключая во взаимоотношениях ее членов даже намеки на «государственный элемент»¹³.

«Люди, которым досталась на долю завидная историческая роль окончательных подготовителей нового строя, — писал Лавров, — несут на себе ответственность и за охранение его как от небрежного отношения к его началам, так и от всяких излишеств. Внимательное исполнение ими своих разнообразных обязанностей в эту самую критическую для рабочего социализма эпоху, которая наступит на другой день после победы пролетариата, может быть поддержано лишь самым строгим взаимным контролем, который они должны *добровольно* признать необходимым в своей среде.

Он тем более необходим, что члены социально-революционного союза, как я уже несколько раз сказал, фактически образуют *власть* в минуту революции и на другой день после нее, а сделавшись властью, весьма могут злоупотребить ею сознательно или бессознательно <...>»¹⁴. Лавров далее настойчиво доказывал, что от нравственного достоинства и от нравственной состоятельности этих людей зависит в значительной доле правильное развитие нового строя. «Они должны это понимать, если они понимают важность наступающей минуты и важность своей роли в этих событиях. Пред *этим* делом вопрос о личной независимости, о самолюбии, даже о личной безопасности должен для людей убежденных отступить на второй план. Поэтому мне кажется, что накануне революции они должны *добровольно* подчиниться строгому взаимному контролю <...>. Чем более должны остерегаться ненужной жестокости строители нового порядка в отношении к бессильным остаткам старого мира, которые не по своей вине находились в другом лагере и которых жизнь в новой среде может переработать в полезный элемент нового общества; чем снисходительнее они могут быть к лицам, примкнувшим к новому порядку при недостаточной подготовке к нему и невольно поддающимся привычкам старого мира, тем строже и неумолимее должны быть один к другому те, которые сознательно и с достаточной подготовкой стали в ряды борцов за новый порядок. Сознательные борцы¹⁵ за начала рабочего социализма составляют неизбежно *власть* в новом обществе, но *потому именно* не могут ни желать, ни ожидать для себя *никакого снисхождения* от своих товарищей при нарушении этих начал. Как только они оказываются несостоятельны в своей важной роли, они должны быть от нее удалены; как только они изменяют ей и становятся опасны для рабочего социализма, для них нет более места в новом мире. Эту тяжелую ответственность за свою деятельность должны нести члены прежнего социально-революционного союза во все время, пока для них необходимо играть в обществе роль руководителей и пользоваться своей дореволюционной организацией для временной поддержки против инерции, непонимания и увлечения, около них господствующего <...>»¹⁶.

При всей наивности, даже, можно сказать, книжности этих предначертаний, прогноза и предостережений Лаврова, они могли сыграть определенную

эвристическую роль в эпохи революционного переворота. Если мы сравним с тем, что на этот счет имелось в марксизме, то там эти разработки — о государстве «на второй день» после революции, в переходный период,— практически отсутствовали: Маркс так и не ответил на бакунинские обвинения насчет демагогического характера марксового положения о диктатуре рабочего класса, лишь прикрывавшего, по мнению Бакунина, домогательства власти со стороны пролетарских вождей...

Во всяком случае, лавровская концепция государства лишь при очень поверхностном подходе может быть охарактеризована как смесь (обычно добавляют — эклектическая) государственничества и анархизма: «элементы» того и другого, в частности, и «марксистские влияния», в ней обнаружить действительно нетрудно; куда сложнее и результативнее понять, что самостоятельный теоретический поиск привел Лаврова к своеобразной «комбинации» этих элементов, делающей его концепцию, при всей ее противоречивости, относительно стройной и «проработанной», что лично он считал обязанностью теоретика-социалиста. В своих основных чертах эта концепция государства и его будущего — так, как она была изложена Лавровым еще за четверть века до его смерти,— осталась неизменной, получив, в частности, свое конкретное приложение в его книге о Парижской коммуне (1879). Однако практически она, по существу, оказалась невостребованной в качестве программной ни одной из партий.

Не захотели посчитаться с предостережениями Лаврова и большевики... Но иногда они все же обращались к Лаврову за помощью.

2. КАК Л. ТРОЦКИЙ ДЕЛАЛ П. ЛАВРОВА СВОИМ СОЮЗНИКОМ В БОРЬБЕ С К. КАУТСКИМ

Революция в России не могла пойти «по Лаврову» — и не пошла. Но до поры до времени иные альтернативы еще не были практически отсечены — и тут опыт Лаврова мог бы пригодиться. Характерен интерес к наследию Лаврова в первые годы советской власти: новый политический режим проявил заинтересованность в некоторых идеях «ветерана революционной теории», прежде рассматривавшегося как идеолога народнического движения, враждебного российской социал-демократии. Провозглашенный уже давно лозунг «отказа от наследства» народников не то, чтобы забылся вовсе — стало выгоднее как бы привлечь определенные их идеи на свою сторону. (Кстати, в этот ряд становится и заигрывание с Кропоткиным, и появление массы работ о Бакунине и т. п.) Происходила среди прочего своеобразная «большевизация» некоторых положений Лаврова, в особенности из его книги «Парижская коммуна 18 марта 1871 г.»¹⁷

Типичный случай — апелляция к этой книге Л. Д. Троцкого в его работе «Терроризм и коммунизм», появившейся в 1920 г. Эта работа была направлена против работы К. Каутского под аналогичным названием «*Terrorismus und Kommunismus*», вышедшей в Берлине в 1919 г. Возмущение Троцкого было вызвано прежде всего критикой Каутским святого святых большевизма — идеи диктатуры пролетариата, обернувшейся на деле насилем верхушки партии над целым народом. Троцкий писал, что надежда Каутского на то, что такие страны, как Франция и Англия, придут к социализму «нормальным мирным» путем, является «одной из наиболее нелепых иллюзий»¹⁸.

Так вот, для борьбы с Каутским Троцкий и взял себе в союзники Лаврова. Он многократно цитировал тексты лавровской «Парижской коммуны», делая акцент на тех ее положениях, которыми подчеркивалась революционная роль пролетариата в событиях весны 1871 г. Например, раздел книги Троцкого «Парижская коммуна и Советская Россия» начинался эпиграфом из Лаврова: «Короткий эпизод первой революции, совершенной пролетариатом для про-

летариата кончился торжеством его противников»¹⁹. Обвиняя Каутского в тенденциозности, искажении фактов, в том, что он противопоставлял деятельность Коммуны советской власти, руководимой большевиками, Троцкий писал: «Мы ценим в Коммуне первую, хотя весьма бледную зарю республики пролетариата, по выражению Лаврова. Совсем иное дело — Каутский», видящий главные преимущества Коммуны «в том, в чем мы видим ее беду и вину»²⁰. Все это якобы проделывается Каутским с одной целью: «оклеветать и унижить живую и победоносную диктатуру пролетариата». С присущим ему темпераментом Троцкий утверждал, что «в революции высшая энергия есть высшая гуманность». И вновь для убедительности обращался он к автору «Парижской коммуны»: «Именно те люди, — справедливо говорит Лавров, — которые дорожат человеческой жизнью, человеческой кровью, должны стремиться организовать возможность быстрой и решительной победы и затем действовать как можно быстрее и энергичнее для подавления врагов, так как лишь этим путем можно получить минимум неизбежных жертв, минимум пролитой крови»²¹.

Весьма показательной была трактовка Троцким темы заложничества. Приводя в своей книге декрет Коммуны о заложниках, Троцкий полагает, что полицейские мероприятия, осуществлявшиеся Раулем Риго — председателем Комиссии общественной безопасности, имели чисто террористический, но не всегда «целесообразный характер». В чем же причина этой «не всегда целесообразности?» В том именно, что меры «устрашения парализовались бесформенным соглашательством руководящих элементов Коммуны, их стремлением примирить буржуазию с совершившимся фактом при помощи жалких фраз, их метаниям между фикцией демократии и реальностью диктатуры». И вновь для доказательства своей правоты Троцкий обращался к высказыванию (впрочем, не относящемуся к вопросу о заложниках) Лаврова: по словам Троцкого, Лавров «требовал революционных, т. е. диктаториальных мер относительно врагов нового строя»²².

Но как на самом деле оценивал Лавров декрет Коммуны о заложниках? Он действительно излагал в своей книге декрет Коммуны о заложниках от 6 апреля 1871 г. Но как относились к нему участники Коммуны? Сам Лавров? Насколько широко и как именно он применялся? Лавров приводил мнение коммунара Артура Арну: «Эта мера была совершенно нецелесообразна», больше того, этим декретом Коммуна «нанесла удар лишь самой себе». Густав Лефрансэ также считал, что угроза, предназначенная «единственно для устрашения версальцев, была неловкостью, так как, не будучи выполнена — и это было, вообще, к счастью — она даром придавала Коммуне характер кажущейся жестокости, к которой были совершенно неспособны почти все ее члены»²³.

Правда, Лавров признавал, что когда версальцы вступили в Париж и все было «представлено личной инициативе», когда не существовало ни гражданской, ни военной власти, способной делать распоряжения, тогда выступили от своего имени личности, которые убивали и поджигали без цели... «Между ними был Риго, были другие делегаты Общественной безопасности. Для этих людей чувство мести заглушало все остальное и они не в состоянии были уже судить насколько целесообразны, насколько для их знамени полезны их действия»²⁴.

Иначе говоря, Лавров вовсе не одобрял ни декрета о заложниках, ни тем более того, как его пытались осуществлять люди, подобные Риго. Так что апелляция Троцкого в данном случае к Лаврову была попросту спекулятивной. Тем не менее характерен сам факт апелляции к авторитету Лаврова одного из большевистских политических лидеров.

Это вполне соотносилось с тем, как оценивали лавровскую «Парижскую коммуну» некоторые историки-большевики. Вот что писал, к примеру, И. И. Скворцов-Степанов: «Надо прямо сказать: за исключением Маркса и Энгельса, ни один социалист Запада не сделал таких плодотворных выводов из уроков

Коммуны, ни один не изучил этих уроков с такой глубиной, ни один с таким удивительным революционным прозрением не уяснил действительной обстановки будущего революционного переворота»²⁵. Также и Н. М. Лукин отмечал, что, несмотря на народнические взгляды Лаврова, его книга о Парижской коммуне содержит в себе верные обобщения, которые, по его словам, «сделали бы честь любому последовательному марксисту». Лавров, писал Лукин, исходя из опыта Парижской коммуны, дал «поразительно верное разрешение многих тактических проблем пролетарской революции, которые в наши дни получили особенно жизненный интерес»²⁶. Эти высказывания являются свидетельством конъюнктурной модернизации идей Лаврова, «подтягивания» их к большевистским взглядам на революцию.

Своеобразной вершиной такой модернизации стала в юбилейные дни статья «П. Лавров о роли партии в пролетарской революции (К столетней годовщине его рождения)», опубликованная за подписью «Н. Л.—р» в журнале «Молодая гвардия»²⁷. Вот как она начиналась: «По-разному будут вспоминать Лаврова в этот юбилей Россия коммунистическая и Россия эсеро-народническая (белогвардейская). Последняя написала и напишет еще немало на тему о преимуществах субъективной социологии (отцом которой в России был Лавров) над узким „догматическим марксизмом“ коммунистов. Вспоминая Лаврова, эсеры будут звать назад „к Великому Канту“, будут клясться и потрясать „Историческими письмами“, говорить, что именно они, эсеры-народники, выполняют этические заветы Лаврова (ведь недаром же они называются социалистами-революционерами). Одним словом, лишний раз этот юбилей даст России эсеровской возможность показать, что она единственный наследник Лаврова, что она... Но как только она заговорит о том, что и вся ее тактика в пролетарской революции России тоже „завещана“ Лавровым... здесь подыметя Россия коммунистическая и скажет: Лаврова — субъективного социолога, Лаврова-кантианца, наконец, Лаврова „Исторических писем“ бери себе, ибо сданное историей в архив за негодностью пролетариату ненужно... Но Лаврова-революционера, Лаврова автора „Парижской коммуны“ не смей касаться: он мой, ибо я осуществила то, о чем мечтал автор „Парижской коммуны“; он не твой, ибо твою тактику в пролетарской революции он заклеил еще 45 лет тому назад. Не смей касаться Лаврова-революционера, ибо он проклял твоих духовных родителей по части предательства — мэров Парижа и прочную буржуазную дрянь, заклеил и их подголосков, дав великий завет пролетариату: первый *твой долг* после твоей победы раздавить эту соглашательскую змею»²⁸.

И всю остальную свою статью публицист «Молодой гвардии» посвятил рассмотрению «Парижской коммуны», а точнее доказательству того, что Лавров был провозвестником пролетарской революции и большевистской революционной тактики. Какие же задачи пролетарской партии вытекают из книги Лаврова? Дисциплинированная партия должна иметь «ясность цели», четкую программу действия, не отрываться от народа, формировать органы власти, непримиримо бороться с соглашательством.

И вот еще что важно: «То предостережение, которое сделал Лавров на опыте Парижской коммуны (имелись, вероятно, в виду мысли Лаврова относительно роли революционной партии.— *Авт.*), мы теперь делаем пролетариату Запада», — без тени смущения учительствовал автор, имея в виду, оказывается, речь Г. Зиновьева на II Конгрессе Коминтерна: «В странах, где у нас нет налицо сильной компартии, как, например, в Англии и Америке, где товарищи сопротивляются ее организации, они горько пожалеют со временем об этой своей ошибке. Лишь когда начнется борьба, они убедятся на деле, как легкомысленно было не выковать вовремя оружие, не зажечь путеводной звезды, которая в нужный час могла бы указывать дорогу рабочему классу»²⁹. Это уподобление лавровского «предостережения» зиновье-

евской директиве, большевистски прямолинейному политическому дидактизму ясно показывает, каким образом чествовала Лаврова «большевистская Россия».

На ее стороне против «мнимых» наследников Лаврова в дни юбилея выступил и И. Горев. В статье «П. Л. Лавров и утопический социализм» он указывал, что Лавров якобы «всегда причислял себя к сторонникам научного социализма и охотно называл себя учеником Маркса», хотя «до самой смерти» так и не смог понять сути марксизма — исторического материализма и марксистской диалектики³⁰. «Но великий исторический опыт Коммуны и революционизирующее влияние Маркса,— утверждал Горев,— заставляли Лаврова нередко глубоко проникать в сущность и характер грядущей социальной революции, относительно которой он сделал ряд прямо пророческих предсказаний», особенно в работах «Государственный элемент...» и «Социальная революция и задачи нравственности»³¹. И, наконец, исторический опыт сделал Лаврова «в области тактики непримиримым и выдержанным революционером, который теперь гораздо ближе к тактике III Интернационала, чем к его мнимым ученикам — эсерам»³².

3. СКАНДАЛ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ

Выпады И. Горева, и Н. Л-ра против эсеров не были случайными. В московском Доме союзов с 8 июня по 7 августа 1922 г. состоялся политический процесс над 12 членами ЦК и 10 активистами партии эсеров. Подсудимых постигла суровая кара. Это событие, разумеется, наложило свою печать на публицистику. Но дело не только в этом...

В начале 20-х гг. в среде отечественной интеллигенции еще находились историки и публицисты, которые усматривали — и не без оснований! — в лавровских политических идеях объективную критику возникшего и все укреплявшегося диктаторского строя и пытавшихся выразить свою оппозиционность к нему посредством апелляции к Лаврову.

И тут мы вновь обращаемся к упомянутой нами в начале корреспонденции Льва Римского в большевистской «Правде». Вот ее первые строчки: «Несмотря на то, что программа вечера была искусно составлена в тонах самого тяжелого академизма, устроители его ухитрились, против всякого ожидания, превратить чествование Лаврова в эсеро-меньшевистскую обывательскую демонстрацию против ненавистной их сердцу советской власти и особенно компартии». Речь шла, как уже говорилось, о юбилейном заседании, посвященном столетию со дня рождения Лаврова, состоявшемся в Политехническом музее в Москве 15 июня. Что же на самом деле там произошло? Сохранившаяся, и, к сожалению, неправленная стенограмма доносит до нас голоса того вечера...

Председательствовала Вера Николаевна Фигнер. Сначала почтили память Лаврова вставанием, прозвучала музыка П. И. Чайковского. Лавров, сказала в своем вступительном слове Фигнер, был ученым, публицистом, идеологом революционного народничества и наряду с Бакуниным «одним из самых крупных участников и деятелей нашего революционного движения 70-х годов». По словам Фигнер, особое значение имели «Исторические письма»: они указали пытливой молодежи цель жизни и определили, «какой дорогой ценой» достигается «прогресс в человечестве»³³.

Председательствующая старалась, видимо, провести обсуждение в спокойных тонах, далеких от политики; но уже доклад эсера-максималиста Г. А. Нестроева (Цыпина) «Элементы максимализма в учении П. Л. Лаврова»³⁴ явно накалил атмосферу — подспудно в нем содержалась критика существующих советских порядков. Всякая организация социалистов, заявил Нестроев, еще накануне революции должна иметь конкретную программу «строительства нового общественного строя и мероприятий на другой день после победы революции». Именно об этом писал Лавров в своем «Государственном элементе...», определяя это общество как федеративное устройство. Эта его концепция совпадает со

взглядами эсеров: «лавризм и максимализм тождественны»³⁵. Как и Лавров, максималисты считают, что результатом революции должна стать трудовая республика. В настоящее время, по словам докладчика, в России еще нет завершенной трудовой республики, есть лишь ее элементы, страна переживает «переходный момент». И Лавров в своих произведениях («Государственный элемент...», «Социальная революция и задачи нравственности») говорил о необходимости такого переходного момента: он указывал, что одной из причин поражения Парижской коммуны было как раз отсутствие «определенной программы» такого переходного периода. Да, Лавров признавал необходимость революционного насилия, защиты пролетариатом своей экономической и политической победы, но в то же время он подчеркивал опасность политической диктатуры: «Всякая диктатура портит самых лучших людей, всякой диктатуре приходилось насильно давить не только реакционеров, но и людей, просто не согласных с этим способом действия»³⁶. Изложив, таким образом, сущность взглядов Лаврова, Нестроев в заключение под аплодисменты аудитории указал на задачи левых эсеров-максималистов: «Мы не можем принять революцию в пользу диктатуры. С приверженцами диктатуры не только мы будем бороться завтра, мы не можем идти с ними сегодня». Напомнив, что Лавров предупреждал против диктатуры партийного центра над периферией, отрицал казарменную дисциплину, выступал за свободу критики, докладчик заключил: «Мы чтим Лаврова не только как основоположника народного социализма, мы чтим его еще как духовного нашего учителя, как основоположника левонароднического максимализма»³⁷.

Следующий докладчик, анархист А. А. Боровой, заявил: «Я далек от мысли, чтобы устанавливать право собственности на П. Л. Лаврова. Однако я скажу, что стихия анархизма не раз владела им и его творчеством»³⁸. Цитируя «Исторические письма», Боровой соглашался, что Лавров «не анархист по своим убеждениям», но ведь, определяя государство, он отмечал в нем «насильственный элемент», признавал, что государство всегда «подавляет нравственное развитие и свободу критики», становится «тормозом прогресса». Не без оснований Боровой отмечал внутреннюю противоречивость суждений Лаврова о государстве: идея «государственного элемента» находится в «резком разрыве» с лавровским же учением о свободе личности. Из некоторых высказываний Лаврова можно сделать вывод о признании им — в конкретных условиях — необходимости «чрезвычайных мер, усиленной чрезвычайной охраны», что может повести и к признанию диктатуры, «начиная с Римской и кончая большевистской»³⁹. И хотя «практические пути анархизма и лавризма разные», все же «каждый по-своему, но каждый в равной мере утверждает свое убеждение в неограниченности человеческой свободы и неограниченности роста человеческих возможностей, и на этом пути Петр Лаврович является естественным союзником анархизма, его великим другом — и вот почему на радостных поминках революционной мысли, всегда для меня радостных... радостных потому, что каждый революционер есть символ грядущих достижений анархизма,— всегда с радостью называю имя великого революционера Лаврова»⁴⁰.

Сопоставлению марксизма с учением Лаврова было посвящено выступление левого эсера О. Л. Чижикова. Марксизм, по его словам, приходит к идеям социализма, исходя из «объективного мира». Лавризм тоже призывает к построению социалистического общества, но идет он к этому «совершенно с другой стороны — он идет от конкретной живущей человеческой личности» и в этом — его «величайшая заслуга»⁴¹. Кроме того, в своем учении Лавров раскрыл процесс отмирания государства, он был сторонником федеративного общественного устройства, «ни в какой мере не полагал организовать тот тип государства», который возник после Октября 1917 г. «Конечно, учение Лаврова не повинно в той организации у нас, которая именовалась военным коммунизмом. Конечно, в частности, Лавров не повинен в той диктатуре партии, которая официально объявлена на XII-м съезде партии. В этом

отношении нет ничего общего между учением Лаврова и учением большевистского марксизма... Он не причастен к тому государственному централизму, который имел место и имеет место в нашем советском государстве»⁴².

Еще более острым — в смысле поворота к современности — был доклад левого эсера Я. В. Брауна, вызвавший бурную реакцию присутствовавших. Браун в открытую заявил, что «ни к одному насильственному акту Советского правительства Лавров не приложил бы руки», — он всегда выступал против диктатуры партии, отстаивал свободу личности. Опираясь на положения Лаврова, Браун заявил, что нэп есть в сущности союз захватившей власть компартии с буржуазией, направленный против рабочих и крестьян. В этой связи докладчик подверг резкой критике Л. Троцкого за искажение взглядов Лаврова, будто бы утверждавшего в своей книге о Парижской коммуне целесообразность заложничества. Это делалось Троцким только для того, чтобы «нравственно светлым именем Лаврова» освятить «уродства нынешней революции»⁴³.

Полемика Брауна с Троцким вызвала бурную реакцию зала. Стоило Брауну привести выдержку из книги Лаврова о заложничестве (Лавров так излагал этот декрет: «Всякий, обвиненный в сношениях с врагом, должен был быть в 24 часа отдан под суд присяжных обвинителей, приговор должен был быть произнесен в 48 часов, и всякий, признанный виновным, становился „заложником парижского народа“, за всякого расстрелянного версальцами пленного или сторонника Коммуны тройное число „заложников“ должно быть расстреляно»⁴⁴) как аудитория взорвалась:

«Браун: Ибо здесь, как Вы видите, заложниками Коммуны объявлялись лишь...

Голоса: Клевещете на Лаврова.

В. Н. Фигнер: Соблюдайте, товарищи, порядок. [Давайте] закончим благополучно этот вечер.

Браун: Значит, разница заключается в том, что здесь, очевидно, заложниками объявлялись лица, заведомо виновные, что вина была доказана вооруженной борьбой против Коммуны, лишь после того, как над ними производился суд, я подчеркиваю „суд“.

Голоса: Довольно. /Аплодисменты.../

Браун: Приговор над ними выносился в 24 часа судом, я подчеркиваю — всего лишь в 24 часа, и после этого их не казнили, а объявляли заложниками. Вы понимаете разницу [между] этим...

/Аплодисменты... крики.../

Голоса: А работа эсеров в Сибири?!

Браун: Лавров всегда утверждал, что мы не имеем права бороться с буржуазией ее же средствами и это...

Голоса: Неправда.../Аплодисменты.../Продолжайте, довольно.../Крики... Аплодисменты.../

Браун: Здесь меня перебивают какие-то недоучки, которые [воображают], что против Лаврова можно сражаться криком. /Аплодисменты.../

Браун: Но пусть, говорю я...

/Крики.../

В. Н. Фигнер: Дайте кончить оратору.

Голоса: Довольно./Аплодисменты.../Просим...

Браун: Но пусть Вам отвечу не я, пусть Вам ответит Лавров. Я цитирую Лаврова.../Читает.../

Голос: Дайте высказаться коммунисту.

В. Н. Фигнер: Товарищи, здесь не митинг и очень жалко, что здесь такой беспорядок... Теперь прошу соблюсти несколько минут молчания. Прочтут приветствия, присланные из многих городов и даже из-за границы по поводу нашего сегодняшнего собрания.

Нестроев:/читает приветствия. Аплодисменты./

Голос: От рабочих нет телеграммы.

Нестроев /читает./

В. Н. Фигнер: Считаю собрание закрытым»⁴⁵.

Естественно, что *такой* юбилейный вечер никак не мог пройти незамеченным. Вот его и заметила «Правда». На ее страницах Лев Римский клеймил эсера-максималиста за его «махровую» речь, отличавшуюся «всеми цветами белогвардейской радуги» и призывавшую «высоко нести знамя борьбы с тиранией»⁴⁶. Как видим, слова для оценок не очень-то выбирались, а может, напротив, подбирались очень умело. Выразив свое возмущение тем, что присутствовавшая «обывательская моль» (!) неистово аплодировала выступавшим, «правдист» так закончил свою корреспонденцию: «Наиболее знаменательным моментом следует считать чтение телеграмм — резолюций, присланных неизвестно откуда по поводу чествования Лаврова. Здесь не было ни одного сообщения от рабочих (уж не сам ли „Римский“ требовал от Нестроева телеграммы от рабочих? — *Авт.*). Все телеграммы облиты слюной бешеной, побитой собаки, зато они с таким вкусом и были зачитаны»⁴⁷.

Когда несколько лет спустя, летом 1928 г., Ф. И. Седенко-Витязев обратился к В. Н. Фигнер устроить в феврале следующего года вечер в память Н. К. Михайловского и издать сборник по случаю 25-летия со дня его смерти, то получил такой ответ: «О чествовании Михайловского. Сомневаюсь, чтоб разрешили. По поводу вечера Лаврова вышел такой конец, что организатора сослали, а оратора посадили в Ярославльский изолятор, где он сидит и по сю пору»⁴⁸. В комментариях к этой публикации сообщается, что организаторы вечера левые эсеры К. Н. Прокопович и О. Л. Чижиков и эсер-максималист Г. А. Нестроев были арестованы, а основной докладчик Я. В. Браун действительно оказался в Ярославльском политизоляторе, а затем в ссылке в Усть-Сысольске⁴⁹.

Конечно, тут сказались последствия статьи-доноса Льва Римского. Это сразу заметили в эмиграции: «Какой-то секретный сотрудник ГПУ, сообщалось в берлинской газете „Дни“, под кличкой „Лев Римский“... свое очередное донесение о настроениях в общественных кругах отправил не непосредственно в ГПУ, а через редакцию „Правды“. „Правда“ это донесение с готовностью напечатала — полицейские и литературные обязанности в редакциях советских газет часто смешиваются — и не всегда случайно». Изложив далее донос «Льва Римского», газета «Дни» привела заключительные слова его «отчета»: «В общем было скушно и тошно», — и так высказалась по этому поводу: «Что советскому шпику на этом собрании было тошно, это понять можно, но что ему было также и скучно — это вряд ли, если судить по тому чувству, с каким все донесение написано. Кстати: напрасно „Правда“ смущает своих читателей, что газета всех убедила, что партия эсеров „разложилась“ и от эсеров во всей России ничего не осталось, а теперь вдруг сама же сообщает о телеграммах, полученных из России от партийных организаций и обществ»⁵⁰.

А на следующий день газета «Дни» рассказала об аресте организаторов «Лавровского вечера»: донос не оказался безрезультатным, «по сведениям, полученным в Берлине, три организатора московского вечера — Нестроев, Цыплина и Браун (этому последнему автор доноса уделил особое внимание) — были арестованы вслед за появлением „отчета“ в официальном органе. По тем же сведениям, арестованы и разные случайные лица, не имевшие отношения к организации вечера. Сообщают, что Браун освобожден — без последствий или с какими-нибудь предстоящими еще последствиями — пока неизвестно. Интересно отметить, что арестованные лица имели официальное разрешение на устройство вечера. Сообщение о московских арестах было сделано вчера И. З. Штейнбергом в Берлине на лавровском вечере»⁵¹.

3 июля парижские «Последние новости» (газета, издававшаяся кадетами) также дали информацию о статье Льва Римского и об аресте организаторов и участников московского вечера в память Лаврова.

4. «ЭТО БЫЛА ЦЕЛАЯ МАСТЕРСКАЯ, ЛАБОРАТОРИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛАВРОВА»

На юбилейном вечере в Политехническом музее должен был выступить и Ферапонт Иванович Седенко-Витязев, но по неизвестным для нас причинам не выступил — не приехал из Петрограда. Между тем именно он был в то время самым крупным знатоком Лаврова, очень много сделавшим в изучении его творчества. Историком было о чем рассказать в юбилей своего героя.

Витязева, думается нам, не очень-то интересовали разгоревшиеся политические страсти. Его главной целью было во всех мельчайших деталях восстановить жизненный путь Петра Лавровича, собрать все его литературное наследство. Увлечение началось еще в вологодской ссылке, где Витязев находился в 1912—1914 гг. (Напомним, что вологодскую ссылку отбывал в свое время и Лавров.) Там, в Вологде, в 1915 г. и появилась первая работа начинающего исследователя — «Ссылка П. Л. Лаврова в Вологодской губернии и его занятия антропологией». Приехав в Петроград, Витязев встречается с людьми, знавшими Лаврова, публикует их воспоминания⁵², сближается с дочерью Петра Лавровича — Марией Петровной Негрескул, полюбившей его как сына. Начинает создаваться картотека трудов Лаврова: библиографирование, разыскания целиком захватывают необычайно трудолюбивого исследователя. Каждая новая находка его радует. 26 мая 1915 г. Витязев сообщает М. П. Негрескул: «Я разыскал одну очень интересную статью, которая, хотя и анонимна, но мне удалось установить принадлежность ее Петру Лавровичу. Говорит она о задачах литературной критики»⁵³.

После ссылки Витязев возобновил было занятия в Петроградском университете, но весной 1915 г., вопреки советам Марии Петровны, бросил учение — решил целиком посвятить себя занятиям «по Лаврову». К пятнадцатой годовщине со дня смерти Петра Лавровича появляется статья Витязева «Чем обязана русская общественность П. Л. Лаврову?»⁵⁴ «Главная, — по словам автора, — заслуга Лаврова в том, что он в конце 60-х годов слил разрозненные силы русской интеллигенции в цельную общественную силу. Ряды разночинцев и кающихся дворян были влиты «Историческими письмами» в одно русло. Лавров вывел эпоху 60-х годов из того тупого угла, в который она зашла благодаря Писареву. Он дал ей положительный идеал и направил русскую социалистическую мысль от теории к практике»⁵⁵.

Но шла война. 6 декабря 1915 г. Витязев с Псковского вокзала отправил весточку дочери Лаврова: «Дорогая Мария Петровна. Простите, простите меня за то, что я покинул Петроград, не попрощавшись с Вами... Сейчас еду на Северный фронт»⁵⁶.

Только в 1917 г. он снял шинель, вновь отдавшись своему любимому делу: продолжает изыскательскую и библиографическую работу по народничеству, организует публикацию Собраний сочинений Лаврова в издательстве «Колос», которое сам возглавлял с июля 1918 г. (до закрытия в 1926 г.), издает ряд сборников и статей, посвященных биографии и революционной деятельности Лаврова⁵⁷.

В 1922 г. в издательстве «Колос» выходит подготовленный еще в 1919 г. объемистый (522 стр.) сборник «П. Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы». В нем участвуют Э. Л. Радлов, Г. Г. Шнет, Н. И. Кареев, П. А. Сорокин, А. А. Гизетти, А. З. Штейнберг, А. В. Васильев, П. А. Кропоткин и др. Редактор сборника не указан, предисловие, помеченное «Петербург. 12 июля 1922 г.», почему-то анонимно. Однако, судя по некоторым данным, редактором этого сборника был несомненно Витязев. Предисловие заканчивалось такими словами: «15 июня 1923 г. исполняется *сто лет* со дня рождения Петра Лавровича. Не подлежит сомнению, что эта дата заставит всю мыслящую Россию обратить свои взоры в сторону Лаврова (...). В эти дни настоящий сборник может явиться тем звеном, которое пособит соединить грядущие

подростающие поколения Новой России с крупнейшим представителем нашей культуры, нашей мысли, нашей общественности»⁵⁸.

А сам Витязев отметил столетний юбилей своего героя так. Узнав (а может быть, сам проявил инициативу?), что в Берлине в издательстве «Скифы» готовится к публикации в 1923 г. систематическая хрестоматия произведений Лаврова, он, не будучи официальным ее составителем, принял в этом предприятии самое активное участие: указал наиболее ценные работы Петра Лавровича, его анонимные статьи, опубликованные в журнале и газете «Вперед!», определил, вероятно, и структуру хрестоматии⁵⁹.

Здесь, явно отступая от темы нашей статьи, мы тем не менее не можем не рассказать о том, что случилось с этим крупнейшим исследователем жизни и творчества Лаврова несколько лет спустя.

Шли годы насыщенной, увлекательной и кропотливой работы. Завершался многолетний труд Витязева: собраны и систематизированы произведения Лаврова, изучены архивные материалы, раскрыты псевдонимы, выявлены многие письма, создана, наконец, уникальная картотека.

Возникла, казалось, реальная возможность для написания фундаментальной монографии о замечательном человеке — ученом и революционере. Тем более, что некоторые сюжеты уже появились в печати.

Однако 25 апреля 1930 г. в Ленинграде Витязева арестовывают и привлекают по так называемому «академическому делу». По нему проходили директор Библиотеки Академии наук академик С. Ф. Платонов, его ученики и сотрудники — всего 115 человек. Все они обвиняются в антисоветской деятельности и организации монархического заговора. Постановлением «тройки» ОГПУ Витязев приговаривается к пяти годам заключения. Затем приговор смягчается — наказание отбывает в Нижнем Новгороде, затем — в Ульяновске. Невинно пострадавший возмущен. Он пишет друзьям: «В деле моей биографии *нет*. Она очень важна для хлопот обо мне. Я имею заслуги и как участник 1905 г. и как революционер вообще. *Все* зависит от Веры Николаевны Фигнер. Пусть посетит Енукидзе и вручит ему биографию. Клянусь ей, что я никакого отношения к платоновскому делу не имею»⁶⁰.

Друзья не остались в стороне. Они хлопочут, пытаются выяснить судьбу библиотеки и архива заключенного. Вера Николаевна со свойственной ей суровостью призывает Ферапонта Ивановича держать свои нервы под контролем: «Довольно плакаться по-московски, а если Вы будете так нервничать, то не буду писать „дорогой“, а только „многоуважаемый“. Право, посадить бы Вас в Шлиссельбург, научились бы владеть собой. Так нельзя. Ваша участь несравненно лучше многих других...»⁶¹.

Это письмо Фигнер от 24 апреля 1933 г. вызвало у ссыльного бурную реакцию, нашедшую отражение в большом ответном послании ссыльного к своей корреспондентке. В мае 1933 г. из Ульяновска он писал Вере Николаевне, что добивается возвращения в Москву для одной лишь цели: «Я хочу, чтобы мне дали возможность работать над Лавровым, чтобы не пропала зря 22-летняя работа и мои знания»⁶². С болью, гневом и тревогой он рассказывает о том, какую мучительную трагедию переживает. Погибла не только его знаменитая картотека по Лаврову. «Чтобы Вы уловили суть вопроса, я Вам расскажу, что у меня было. 1) свыше 400 томов в переплетах различных работ Лаврова и о Лаврове; 2) 800 оттисков всех журнальных работ Лаврова, начиная с 1852 года, нарезанных мною; 3) 50 папок (синего цвета) с газетными и журнальными вырезками о Лаврове, начиная с 70-х годов, т. е. за 50 лет!; 4) полный подбор всех заграничных подпольных брошюр Лаврова и его многочисленных речей, сказанных за 30 лет своей эмиграции; 5) замечательная коллекция всех изданий „Исторических писем“, включая немецкое, французское, литографированные и даже рукописные. Был даже личный экземпляр Лаврова с целым рядом отметок на полях, сделанных его рукою; 6) полный комплект всех заграничных органов, где печатался Лавров, — „Вперед“.

„Вестник Народной Воли“, „С родины и на родину“ и т. д.; 7) все энциклопедические словари (военный и словарь русских литераторов 60-х годов), которые редактировал Лавров, различные сборники, где он участвовал, и т. д.; 8) целый ряд книг с автографами Лаврова и с его пометками на полях; 9) целый ряд подлинных писем Лаврова и к нему, его рукописи, заметки и т. д. И все это смешали в одну кучу, „обезличили“ и неизвестно куда дели! Разве это не преступление, не величайшее вредительство и вандализм?!»⁶³

В 1934 г. Витязев возвратился в Москву, сотрудничал в различных изданиях, восстанавливал картотеку о Лаврове. В конце 1937 г. его вновь арестовывают; приговор: 10 лет лагерей... В 1938 г. Витязев погиб в заключении.

Судьба его архива имела свое продолжение. 28 июня 1939 г. директор Гослитмузея В. Д. Бонч-Бруевич обратился к народному комиссару внутренних дел Л. П. Берия с письмом. В нем указывалось, что Ф. И. Витязев составил уникальную картотеку библиографии Лаврова, в которой содержались «решительно все сведения по поводу того, что Лавров напечатал в легальной печати и нелегальной прессе... Я наткнулся на сведения,— сообщает Бонч-Бруевич,— что при аресте Ф. И. Витязева те лица, которые были уполномочены на этот обыск, и управляющий домом, в котором проживал Витязев, всю эту картотеку и все письма просто сожгли в печке. Этот факт требует самой строжайшей проверки»⁶⁴. Ответа, как водится, не последовало...

Просим прощения у читателя за это, представлявшееся нам необходимым, отступление. Вернемся к событиям 1923 г.

5. В ЗАРУБЕЖЬЕ

Удивительно, но факт: русская эмиграция отмечала столетний юбилей Лаврова как-то более спокойно, чем эсеры и анархисты в самой России. Так, в издававшемся в Праге эсеровском журнале «Воля России» В. Г. Архангельский поместил статью «П. Л. Лавров (К столетию со дня рождения)», почти лишенную налета политической публицистичности. В ней бесстрастно излагался жизненный путь Петра Лавровича и лишь в самом общем виде говорилось о связи его учения с проблемами тогдашней России, высказывалась робкая надежда-пожелание: может быть, духовное общение с «властителем дум» поможет установить «более правильное отношение к тем проклятым вопросам, над которыми теперь бьется русская общественная мысль»⁶⁵.

Неделей позже газета «Дни» поместила большую статью-информацию Г. Раковского «Вечер памяти П. Л. Лаврова (К 100-летию со дня рождения)». Председательствовал Г. И. Шрейдер. Констатируя, что Лавров является идеологом «определенного политического направления», он отметил неслучайность того, что докладчиками на вечере выступают члены партии эсеров... Однако роль и значение Лаврова выходит далеко за пределы узких политических рамок»⁶⁶.

Первый докладчик — уже упомянутый выше В. Г. Архангельский, всячески подчеркивая единство в творчестве Лаврова научности и революционности, его роль как защитника прав и интересов человеческой личности, приходил к заключению: «Как истинный ученый он был далек от политического авантюризма и от преклонения перед массовыми стихийными движениями. Он с негодованием, точно о большевиках, говорил об отвратительных представителях принудительной государственности, которые могут сделать только зло, как бы, впрочем, ни были направлены к общему благу их намерения»⁶⁷.

М. Л. Слоним посвятил свой доклад главным образом месту Лаврова в истории русской философии и публицистики. В центре оказались «Исторические письма», приложение их идей к современности: «Велика цена прогресса. Тяжек и тернист путь, которым мы идем к нему. Только незначительное меньшинство может думать, работать, творить. Массы находятся в состоянии

бесправия, угнетения и эксплуатации». То есть ничего, мол, не изменилось. И далее: «Лавров приемлет социализм не только как экономическое учение. Исходным пунктом для него является человеческая личность, желающая ответить запросам своей совести. Социализм должен дать возможность свободного развития этических, нравственных сторон души человека. Кто хочет принять участие в прогрессе человечества, тот должен бороться против рабства во всех его формах и проявлениях...»⁶⁸ Лавров, по Слониму,— и это особенно ценно — является преимущественно представителем «этического социализма», и этот «этический элемент» вообще отличает русский социализм от западноевропейского.

А в «Днях» от 28 июня печатается уведомление о предстоящем вечере, устраиваемом на сей раз в Берлине издательством «Скифы». Планировались доклады Роккера (на немецком языке) «Лавров, Маркс и Бакунин», А. З. Штейнберга «Философские и социологические взгляды Лаврова», анархо-синдикалиста В. Володина (В. М. Эйхенбаума) «Анархические моменты в мировоззрении Лаврова», А. А. Шрейдера «Лавров и Герцен», эсера И. З. Штейнберга «Социально-революционные взгляды Лаврова и современность».

Особенно резко актуализируется Лавров И. З. Штейнбергом. Об этом мы можем судить по его статье «П. Л. Лавров как социально-революционный мыслитель», напечатанной в журнале «Анархический вестник». Начиналась статья своеобразной трактовкой учения Лаврова о личности как о «взрывчатой идее», адекватной революции. И вот как это раскрывалось: «Так как личность поругана, то она должна быть освобождена для расцвета своего. И это освобождение должно быть полным и немедленным, т. е. *максималистичным* (по охвату и спешности)».⁶⁹ В социально-революционном мировоззрении Лаврова И. З. Штейнберг видит прежде всего решение двух коренных проблем — переворота (разрушения) и переходного периода (созидания). «Для первого нужен максимализм воли, для второго — максимализм знания и веры в людей. В оба же периода нужна духовная *свобода*: от робости перед старым миром и от подражательности ему»⁷⁰.

Во время переходного периода вступают в силу слагаемые государства: власть и диктатура. В этой связи автор и обращается к положениям лавровского «Государственного элемента...», названного им почему-то «библией народничества». Как же он оценивает идеи этой «библии»? Прежде всего отмечается прозорливость Лаврова, сумевшего предсказать негативные стороны революционных преобразований. Далее следуют рассуждения о сущности диктатуры. В результате революции возникает «диктатура меньшинства». Но тут встает естественный вопрос: не попадает ли революция тем самым в хищные лапы новых захватчиков? Лавров допускал такую возможность. Да, революция начинается всегда меньшинством, что имеет следствием борьбу «честолюбцев за власть». Но ведь народ-то продолжает страдать. Так какая же нужна революция? Ответ на этот вопрос автор находит в работе Лаврова «Задачи революционной пропаганды в России»: «Революция, действительно произведенная в пользу народа, может быть произведена только народом, не меньшинством, а большинством»⁷¹. Анализируя произведения Лаврова (в том числе, «Парижскую коммуну»), Штейнберг приходит к выводу: всякая неограниченная власть портит «самых лучших людей»; только революционная власть, «покоящаяся в недрах масс, теряет свое старое обличье». Отсюда и идея «массовой диктатуры», выдвигавшаяся Лавровым. А вывод такой: Лавров — «открытый *противник* государственно-принудительной системы общества», понимающий, что «*гарантия* отмирания власти» находится не столько в реорганизации органов управления, сколько в перевоспитании людей, «в выкорчевывании ростков власти из ежедневного быта и жизни»⁷².

«Перед лицом российской революции,— читаем мы далее в статье,— хочется задать еще один вопрос. Кому же досталось в разгаре ее духовное наследство

Лаврова? Могут ли на него ссылаться правые социалисты-революционеры (тоже народники) и большевики (тоже революционеры!)? Мы говорим: не могут ни те, ни другие. Это духовное наследство одни *растратили*, другие живо себе *присвоили*⁷³. Штейнберг не согласен с теми, кто считает, что «пропало лицо российской революции, что изуродовали его навсегда сначала те, кто растерялись перед величием ее задач, а потом те, которые взяли ее мертвой хваткой». Нет, не все так безнадежно. Существует еще надежда выхода России из создавшейся ситуации — и «старик Лавров об этом напоминает»: еще пятьдесят лет назад он предвидел все те невзгоды, которые впоследствии, т. е. теперь именно, обрушились на Россию и ее левое народничество. «И если, переключаясь с ним сегодня, мы видим такие изумительные совпадения его мысли и нашего дела, мы вправе сказать, что революция непобедима, и что торжество свое она найдет на иных путях. Эти пути — через Лаврова — будут одинаково близки и левому народничеству и анархизму»⁷⁴.

Столетний юбилей Лаврова в зарубежье ознаменовался не только вечерами, докладами, статьями. Мы уже говорили о выходе в Берлине в 1923 г. «Систематической хрестоматии» его работ. Издатели этой книги так заявляли о цели публикации: перед современными революционными событиями «русские революционные мыслители прошлого века оказались пророками и в собственном своем отечестве и далеко за его пределами»⁷⁵. Таким «пророком» стал и Лавров, утверждавший необходимость построения «нового мира», основанного на сознательном усилии «человеческой воли». «Социализм,— указывалось в предисловии к „Хрестоматии“,— есть нравственная задача — такова центральная точка народничества и его основоположника Лаврова»⁷⁶.

...Пройдут годы. И вновь из-за рубежа раздастся заинтересованное слово о Лаврове: «Если бы Лавров чудом дожил до Октябрьской революции и остался в России, его, несомненно, постигла бы участь всех независимых русских ученых и представителей демократического социализма. Он либо умер бы с голоду, как в первые годы большевизма умерли многие русские ученые, не принявшие большевизма, либо погиб в ленинско-сталинских застенках или в ссылке, как погибло большинство последователей Лаврова». Так говорилось в 1960 г. в статье, напечатанной в эмигрантском журнале «Мосты»⁷⁷.

А в Советском Союзе в эти же самые годы продолжали бичевать Лаврова за эклектизм и субъективизм, обвиняя заодно и в иных смертных грехах. Я. Эльсберг прямо писал, что в наследии Лаврова много «органически чуждого мировоззрению советского народа»⁷⁸, а В. А. Калинин и М. И. Сидоров утверждали, что субъективная социология Лаврова «оказала вредное влияние на революционно настроенную интеллигенцию», теоретически обосновала ее отрыв от масс, «внушала пренебрежительное отношение к действиям»⁷⁹. За истекшие три с лишним десятилетия многое изменилось; во всяком случае трудами многих исследователей восстановлено доброе имя русского мыслителя. Но вот парадокс: политическое его наследие, в его главной, теоретической части, остается пока всерьез не востребованным.

Между тем сегодня, когда в таких муках рождается новая российская государственность, многие идеи Лаврова вполне могут послужить источником в поиске верных решений ряда актуальнейших, даже кровоточащих проблем. Скажем лишь об одном — о лавровском подходе к вопросу о сепаратизме. Суждения Лаврова по этому поводу оказываются удивительно злободневными, во всяком случае заслуживают глубоких раздумий. «Сепаратизм,— писал он,— ослабляет общество тем, что он есть начало раздора и недоверия внутри общества: вызывает охлаждение одной части граждан к общему делу; заставляет другую часть тратить — большею частью непроизводительно — на охранение государственного единства огромные капиталы в деньгах и людях, когда эти капиталы нужны на развитие общества». Сепаратистские наклонности очень

живучи в сознании людей. Даже после того, как происходит разделение государств, требуется длительное время, чтобы «остыло предание вражды и чтобы недавние *невольные* союзники, вчерашние враги, пришли в спокойные отношения соседей, товарищей по общечеловеческому делу». Предупреждал Лавров и о другом. Борьба государственной власти с сепаратизмом вызывает недовольство,— насилие только временно «отдаляет опасность», но усиливает «взаимное раздражение граждан», понижает человеческое достоинство, приводит, в конечном итоге, к ослаблению государства, к ухудшению жизни народа...⁸⁰

Юный Лавров записал в дневнике 2 января 1841 г.: «Всякий народ имеет свою философию... В России не было философов, еще эта часть размышлений совершенно не развилась в ней, но в ней есть все-таки своя врожденная, природная философия, она заключилась в слове „авось“»⁸¹.

И всю свою жизнь Лавров посвятил разработке такой теории, которая исключила бы в борьбе за свободу человеческой личности (а это он считал и «нервом» всемирной истории и главным делом собственной жизни) действия «на авось», *особенно в России*. Отсюда, в частности, и непримиримость его ко всякого рода политическому авантюризму и экстремизму. Отсюда же и громадь его разработок, посвященных подготовке и осуществлению «социального переворота» — перехода к столь желанному им будущему обществу, где прекратится не только эксплуатация, но и «управление человека человеком»⁸².

В этих разработках немало чрезмерной дотошности и профессорского педантизма: в ряде отношений они платят большую дань своеобразному утопизму и сильно отдают непростительной наивностью; нет труда обнаружить в них и положения явно ошибочные. Но в них же — столько доверия науке, столько веры в разум людей, в громадную силу нравственных убеждений человека, его достоинство, столько еще не услышанных нами резонных рекомендаций и исторически обоснованных предостережений. Пробриться сквозь отдающую кабинетным духом толпу лавровских размышлений на тему будущего, к их ценному, живому содержанию — задача, к которой пора бы уже и как следует подступить.

Но для этого надо изучать *все* Лаврова, а сочинения его до сих пор не собраны, не изданы полностью. Дважды начинали издавать их собрания, в 1917-м и 1934 г.; оба издания были прерваны. Первое — гражданской войной, второе — войной окрепшего тоталитарного режима со своим народом, с интеллигенцией, с культурой...⁸³

А сегодня так нужны те идеи, которые помогли бы уберечь всех нас от возможного очередного, столь непредсказуемо-трагического по последствиям действия «на авось».

Примечания

- ¹ Лев Римский. «Вечер памяти Лаврова»//Правда. 1993. 19 июня. № 134.
- ² «...Гегель требовал, чтобы человек заколол свою личность на алтаре государства» (Лавров П. Л. Философия и социология. Избр. произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 245).
- ³ Лавров П. Л. Философия и социология. Т. 1. С. 192, 197—198, 200, 201, 202.
- ⁴ Лавров П. Л. Парижская коммуна 18 марта 1871 года. Изд. 2. Пг., 1919. С. 169—170.
- ⁵ Там же. С. 183.
- ⁶ Там же. С. 190.
- ⁷ ГА РФ, ф. 1762 (П. Лавров), оп. 2, д. 177.
- ⁸ Исправлено по смыслу; в тексте: «меньшей и большей».
- ⁹ Лавров П. Л. Избранные сочинения на социально-политические темы. Т. IV. М., 1935. С. 281—282.
- ¹⁰ Там же. С. 323—324.
- ¹¹ Там же. С. 329.
- ¹² Там же. С. 306.
- ¹³ Там же. С. 317—318.
- ¹⁴ В письме к народникам в Россию (1875) Лавров предупреждал: «Самую большую опасность

- можно ожидать от раздоров, честолюбия, самолюбия и эгоизма в рядах самих социалистов-победителей». (ГА РФ, ф. 1762, оп. 2, д. 117, л. 1—3.)
- ¹⁵ Исправлена опечатка; в тексте — «сознательно».
- ¹⁶ Лавров П. Л. Избр. соч. Т. IV. С. 330—332.
- ¹⁷ В советское время первые два издания этой книги появились в Петрограде в 1919 г., в 1922 г. вышло третье, в 1925 г.— еще два издания.
- ¹⁸ Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. Изд. 2. М.; Л., 1925. С. 12.
- ¹⁹ Там же. С. 69.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 73—75.
- ²² Там же. С. 76.
- ²³ Лавров П. Л. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. Пг., 1919. С. 151.
- ²⁴ Там же. С. 153.
- ²⁵ Степанов И. Парижская коммуна. М., 1921. С. 128—129.
- ²⁶ Лукин Н. (Н. Антонов) Парижская коммуна 1871 г. М., 1922. С. 6.
- ²⁷ Молодая гвардия. 1923. № 4—5 (11—12). С. 130—146.
- ²⁸ Там же. С. 130.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Под знаменем марксизма. 1923. № 6—7. С. 127—130.
- ³¹ Там же. С. 131.
- ³² Там же. О близости Лаврова марксизму, об элементах большевизма в его мировоззрении говорилось и в книге И. С. Книжника-Ветрова «П. Л. Лавров» (М.; Л., 1925).
- ³³ РГАЛИ, ф. 1023 (А. А. Боровой), д. 116, л. 17.
- ³⁴ О Нестроеве см.: Павлов Д. Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989.
- ³⁵ РГАЛИ, ф. 1023, д. 116, л. 22.
- ³⁶ Там же, л. 24—26.
- ³⁷ Там же, л. 27—28.
- ³⁸ Там же, л. 30.
- ³⁹ Там же, л. 32.
- ⁴⁰ Там же, л. 36.
- ⁴¹ Там же, л. 38.
- ⁴² Там же, л. 41—42.
- ⁴³ Там же, л. 46.
- ⁴⁴ Лавров П. Л. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. 150—151.
- ⁴⁵ РГАЛИ, ф. 1023, д. 116, л. 46—49. Цит. по: Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 461.
- ⁴⁶ Правда. 1923. 19 июня.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Звенья. С. 444.
- ⁴⁹ Там же. С. 460.
- ⁵⁰ Дни. 1923. 29 июня.
- ⁵¹ Там же. 30 июня.
- ⁵² См.: Витязев П. Лавров в воспоминаниях современников//Голос Минувшего. 1915. №9, 10.
- ⁵³ Везирова Л. А. Ферапонт Иванович Витязев (1886—1938)//Книга: Исследования и материалы: Сб. 53. М., 1986, с. 95. Речь идет, по всей вероятности, о статье Лаврова «Письмо провинциала о задачах современной критики», напечатанной без подписи в «Отечественных записках» (1868. № 3. Отд. II. С. 123—142).
- ⁵⁴ Ежемесячный журнал, издаваемый В. С. Миролюбовым. 1915. № 2, 3.
- ⁵⁵ Там же, № 3, с. 87.
- ⁵⁶ Везирова Л. Указ. соч. С. 82.
- ⁵⁷ См.: «Вперед!» Сборник статей, посвященных памяти Петра Лавровича Лаврова/Под ред. П. Витязева. Пг., 1920; Материалы для биографии П. Л. Лаврова/Под ред. П. Витязева, Вып. 1. Пг., 1921 (в этом сборнике была помещена статья Витязева «П. Л. Лавров в 1870—1873 гг.»); П. Витязев. П. Л. Лавров в эпоху 60-х годов и его статья «Постепенно»//Книга и революция. 1922. № 6 и др.
- ⁵⁸ П. Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пг., 1922. С. VI. Высказывая в Предисловии сожаление, что в сборнике не удалось затронуть «целый ряд крайне важных моментов в творчестве и жизни Петра Лавровича», в частности, не освещены его взгляды на государство, редакция сочла нужным сообщить: «На эту тему была написана Я. И. Новомирским статья „Лавров на пути к анархизму“, но она не вошла в настоящий сборник по обстоятельствам, независящим от редакции» (с. V). Однако изъятая (вероятно, по указанию цензуры) из сборника (на это указывает ее пагинация: с. 285—448) работа Я. Новомирского (псевдоним анархо-синдикалиста Я. И. Кирилловского) под указанным выше названием вышла в том же году в издательстве «Колос» на правах рукописи в количестве 30 экз. В ее начале автор утверждал, что «в общем и целом... тактика современного большевизма построена на принципах, развитых Лавровым» (с. 385), а заканчивалась она так: «Лавризм есть анархизм, который ушел от себя, чтобы прийти к социализму, но в социализме он любит все-таки анархизм» (с. 448).
- ⁵⁹ См. Лавров П. Л. Систематическая хрестоматия/Сост. С. Н. Каплан. Под ред. А. З.

Штейнберга. Берлин, 1923. С. 21. Составитель благодарит за оказанную помощь Витязева — «неутомимого исследователя жизни и творчества П. Л. Лаврова».

⁶⁰ Звенья. С. 446.

⁶¹ Там же. С. 447.

⁶² Там же. С. 449.

⁶³ Там же. С. 449—450.

⁶⁴ Шумихин С. Письмо к наркомам//Знание — сила. 1989. № 6. С. 72. Эти сведения не совсем точны — не все сожгли. 11 апреля 1935 г. Витязев писал из Ульяновска И. Ф. Масанову: «Только вчера мне удалось разобрать часть своей картотеки по Лаврову — именно библиографию о нем. Уцелело всего 2000 карточек, а их было свыше 4000 (!) Видите, какой это непоправимый урон, тем более, что исчез мой дневник, где я отмечал просмотренную периодику — годы, отдельные номера и т. д. Поправить это немислимо! На днях займусь карточками с работами самого Лаврова. Тогда соберу для Вас все его псевдонимы». («Поздно мы с Вами познакомились...» Из переписки И. Ф. Масанова и Ф. И. Витязева. Публикация Е. Н. Никитина//Советская библиография. 1991. № 2. С. 122).

⁶⁵ Воля России. 1923. 15 июня. С. 47. В тот же день в кадетском «Руле» сообщалось, что 23 июня в большом зале «Русского дома» пражского Земгора состоится посвященный Лаврову вечер с речами В. Г. Архангельского, М. Л. Слонима и Е. Е. Лазарева.

⁶⁶ Дни. 1923. 22 июня.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Анархический вестник (Орган объединенных анархических организаций). 1923. № 3—4. Сентябрь — октябрь. С. 44.

⁷⁰ Там же. С. 45.

⁷¹ Там же. С. 46.

⁷² Там же. С. 46—47.

⁷³ Там же. С. 48.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Лавров П. Л. Систематическая хрестоматия. С. 7.

⁷⁶ Там же. С. 11.

⁷⁷ Шуб Д. Петр Лавров и современность//Мосты. 1960. № 4. С. 255.

⁷⁸ Эльсберг Я. Лавров — предшественник социал-демократии и марксизма?//Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 147.

⁷⁹ Малинин В. А., Сидоров М. И. Предшественники научного социализма в России. М., 1963, с. 211.

⁸⁰ Лавров П. Л. Философия и социология. Т. 2. С. 204—205.

⁸¹ ГА РФ, ф. 1762, оп. 2, д. 341, тетр. 1, л. 38—38 об.

⁸² Лавров П. Л. Избр. соч. Т. IV, с. 257 и след.

⁸³ Вскоре после убийства С. М. Кирова, выступая 25 февраля 1935 г. на заседании бюро Ленинградского горкома ВКП(б), А. А. Жданов привел замечание Сталина: «...Если мы на народных участках будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов...» (цит. по: Седов М. Г. Советская литература о теоретиках народничества//История и историки. Историография истории СССР: Сб. статей. М., 1965. С. 257). По директиве органов и с личного согласия Сталина было ликвидировано Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев, издававшее Избранные сочинения П. Л. Лаврова в восьми томах. На четвертом томе это издание было приостановлено. Члены парткомиссии Я. Петерс и П. Поспелов, на основе доклада которых Н. И. Ежову и М. Ф. Шкирятову и была прекращена деятельность Общества, одним из криминалов его деятельности посчитали, что в своих изданиях «Общество» особый упор делает на Бакуanine, Лаврове, Ткачеве, Радищеве, Огареве, Луние и др.» (ГА РФ, ф. 3316, оп. 2, д. 1613, л. 3—18; цит. по: Волкoнoв Дм. Троцкий: Политический портрет: В 2 кн. Кн. 2. М., 1992. С. 283).

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ

(Численность, материальное положение,
репатриация)

Немногие из участников белого движения и их «попутчиков», оказавшихся в эмигрантском рассеянии, дожили до того дня, когда Россия вновь признала в них своих сыновей и дочерей. Сотни тысяч россиян ушли из жизни «белоэмигрантами». Ушли с верой в «оздоровление» России и надеждой, что народ вспомнит о них, «когда над бедной нашей страной почитет мир и всеисцеляющее время обратит кровавую быль в далекое прошлое»¹. Мало кто из них в начале 20-х гг. предполагал, что расстался с Отечеством навсегда, что «кровавая быль» не закончилась гражданской войной, и пройдет еще семь десятилетий, прежде чем народы Советского Союза помянут ушедшие поколения без разделения на «красных» и «белых».

Научным и нравственным долгом историков, и не только историков, стало сегодня восстановление нашей духовной связи с соотечественниками, которые в результате «великих потрясений» 1917 г. и беспощадной гражданской войны вынуждены были искать спасения на чужбине. Исходным моментом в решении этой задачи является, на наш взгляд, исследование расселения и самоорганизации беженцев в 1920—1922 гг., когда за пределами России формировались основы такой уникальной социально-политической среды, как российская антибольшевистская эмиграция.

Особый интерес представляет изучение эмиграции 1920—1922 гг. в Константинополе, превратившемся тогда в «главные ворота», через которые покинули Россию остатки белых армий и беженцы из центральных и южных районов страны — будущие «граждане Российского зарубежья». В эти же годы Константинополь, как и весь Ближний Восток, стал одним из узлов острых противоречий между многими государствами, что оказало значительное влияние на судьбу российской эмиграции, ее расселение по всему миру. Этим проблемам, а также численности, составу, материальному положению эмигрантов, деятельности различных государственных и общественных организаций по оказанию им помощи посвящена данная статья.

Константинопольский период оставил глубокий след в памяти тех, кто покинул Россию через эти «ворота». Многочисленные мемуаристы с различной степенью информированности рисуют страшную картину «стамбульского бродяжничества»². В 20—30-х гг. во многих «столицах» российского зарубежья были опубликованы работы, авторы которых на основании личных впечатлений и газетных публикаций затрагивают вопрос о численности российских войск и гражданских беженцев в Константинополе в 1920—1922 гг., освещают их материальное положение и моральное состояние, возвращение на Родину и переселение в другие страны³. Из современных работ можно выделить книгу П. Е. Ковалевского, хотя она и носит более справочный, нежели исследова-

* Ипполитов Сергей Сергеевич, аспирант Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Карпенко Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент РГГУ.

Пивовар Ефим Иосифович, доктор исторических наук, профессор РГГУ.

тельский характер⁴, и обстоятельные труды биографов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля⁵.

Рассматриваемой темы прямо или косвенно касались многие западные исследователи, писавшие о революции и гражданской войне в России, антибольшевистском лагере и его лидерах⁶. Константинопольский период в наиболее обобщенном виде, хотя и кратко, отражен в новой монографии профессора Колумбийского университета М. Райфа⁷.

В советской исторической литературе изучение послереволюционной эмиграции, едва начавшись в 20-е гг.,⁸ было свернуто в условиях «наступления социализма по всему фронту». С конца 70-х гг., когда после десятилетий забвения этой темы зародилась и набрала силу тенденция конкретного исследования белого движения и эмиграции, вышло в свет несколько работ по истории российского зарубежья⁹. Однако их авторы не ставили своей целью обстоятельное изучение константинопольского периода. В последние годы усилиями прежде всего журналистов тема российской антибольшевистской эмиграции получила, наконец, непредвзятое освещение, свободное от идеологических штампов и пропагандистских ярлыков тоталитарного прошлого. Наиболее удачной следует признать книгу В. В. Костикова, хотя и в ней в соответствии со сложившейся традицией константинопольский период освещается лишь в самых общих чертах¹⁰.

Главную трудность в освещении этой темы составляет неполнота сохранившихся документальных источников и их рассредоточенность по многочисленным архивохранилищам в России и за рубежом. В основу статьи легли две группы источников: материалы российских общественных организаций в Константинополе, переданные на хранение в Русский заграничный исторический архив в Праге (так называемый «Пражский архив», перевезенный из Чехословакии в СССР в 1946 г.), и документы разведорганов Красной Армии.

«Пражский архив», хранящийся ныне в Государственном архиве Российской Федерации (бывший ЦГАОР СССР), представляет собой богатейшую коллекцию документов правительственных учреждений и общественных организаций, действовавших на территории белых режимов и в зарубежье, а также материалов военных и политиков, деятелей науки и культуры, сыгравших заметную роль в антибольшевистском движении и в эмиграции. Для изучения российской эмиграции в Константинополе в начале 20-х гг. особую ценность представляют фонды Уполномоченного Российского общества Красного Креста и Главного комитета Всероссийского союза городов в Константинополе и Праге, переписка Центрального объединенного комитета российских общественных организаций с представителями обществ Красного Креста иностранных государств и командованием оккупационных вооруженных сил Антанты в Турции.

Эти материалы удачно дополняются хранящимися в Российском государственном военном архиве (бывший ЦГАСА) документами разведорганов Красной Армии, рассматривавшими белую эмиграцию в странах Черноморского и Средиземноморского бассейнов как своеобразный «тыл» врангелевского режима, а по окончании гражданской войны — как источник военной угрозы из-за рубежа. Разведсводки за 1920—1922 гг., составленные на основе анализа материалов врангелевской и эмигрантской прессы, показаний пленных, перебежчиков и возвратившихся в Россию, трофейных документов противника и донесений агентуры, дают, хотя и не всесторонние, но близкие к достоверным сведения¹¹.

Наиболее сложным является вопрос о численности и составе российских эмигрантов в Константинополе в 1920—1922 гг.

В январе — марте 1920 г., когда армии генерала А. И. Деникина отступали на всем фронте и из российских черноморских портов хлынул поток беженцев в Турцию и на Балканы, британские оккупационные власти в Константинополе

организовали регистрацию прибывающих из России, система которой была далека от совершенства. В мае решением Центрального объединенного комитета российских общественных организаций было создано Главное справочное бюро (с августа 1921 г. — Главное регистрационное бюро), в задачу которого входила полная регистрация уже прибывших и ожидающихся беженцев, а также справочная работа с целью оказания им помощи в поиске родных и близких. Бюро сразу же приступило к повторной регистрации русских в Константинополе и окрестностях. К концу июня их было зарегистрировано 25 тыс. (с адресами)¹².

В ноябре 1920 г., после прибытия в Константинополь гражданских лиц, эвакуировавшихся из Крыма вместе с остатками русской армии генерала П. Н. Врангеля, картотека бюро стала быстро пополняться и в конце 1920 г. достигла 190 тыс. имен с адресами¹³.

К сожалению, регистрационные данные бюро за 1921 г. не сохранились. В октябре 1921 г. оно было закрыто из-за отсутствия средств, хотя еще около месяца единственный служащий бюро продолжал заниматься справочной работой¹⁴.

Данные Главного справочного (регистрационного) бюро в Константинополе в основном совпадают со сведениями, полученными разведорганами Красной Армии. В январе 1920 г. разведка зафиксировала начало организованной эвакуации из Новороссийска, Севастополя и Одессы больных и раненых офицеров, чиновников вооруженных сил на юге России и членов их семей. Вывозимых размещали в лагерях, устроенных союзниками в районе Константинополя и на Принцевых островах, а также в Болгарии¹⁵. В конце апреля, когда положение врангелевского Крыма несколько упрочилось, эвакуация оттуда прекратилась. К этому времени, с учетом гражданских беженцев, выехавших из Севастополя и эвакуированных из Одессы и Новороссийска, в Константинополе, на Принцевых островах, в городах Сербии и Болгарии находилось около 45 тыс. русских, среди которых почти половину составляли офицеры¹⁶.

Генерал П. Н. Врангель, задавшись целью восстановить руководящий состав для восполнения потерь и развертывания Русской армии, издал несколько приказов об их мобилизации и отправке в Крым. Однако большинство офицеров, потеряв веру в идеалы белого движения, всеми правдами и неправдами уклонялось от выполнения этих приказов. Они покидали содержавшиеся английской и французской администрацией лагеря, где фактически были на положении военнопленных, и уезжали в Константинополь, соглашаясь на любую работу и переходя на положение «частных беженцев». В Крым вернулось не более 4 тыс. офицеров¹⁷. Вместе с ними возвратилось около 5 тыс. гражданских лиц — пожилых мужчин, женщин и детей¹⁸.

Одновременно с апреля по октябрь Крым покидали представители властей, аристократии и бюрократии, а также торговцы, нажившиеся на спекулятивных махинациях в белом тылу или вывозившие сырье. Этим людям вполне были по карману визы, билеты, установленные сборы и взятки (сумма всех расходов на выезд одного человека из Севастополя в Константинополь в этот период выросла со 150 до 500 тыс. руб.)¹⁹. Минувя лагеря, они разъезжались из Севастополя по европейским странам, главным образом во Францию и Германию. Поток этот резко возрос в октябре и начале ноября, составив 35—40 тыс. человек²⁰.

Советские историки традиционно относят начало возвращения белоэмигрантов в Советскую Россию ко второй половине 1921 г. Между тем уже летом 1920 г. стали возвращаться офицеры деникинских армий, покинувшие родину в январе — марте. Как правило, это были выходцы из средних слоев. Они пробирались в Россию в одиночку и мелкими группами, тайно или по подложным документам, через Румынию, Польшу и Закавказье, а также морем с помощью рыбаков и контрабандистов. По данным Полевого штаба

РВСР, к середине ноября в основном из Константинополя возвратилось 2850 человек²¹.

С 11 по 14 ноября завершилась операция по эвакуации последней белой армии с юга России. Ввиду острой нехватки тоннажа врангелевское командование стремилось переправить за рубеж главным образом военнослужащих. Однако, по данным войсковой и агентурной разведки, из крымских портов было эвакуировано до 15 тыс. казаков боевых частей, 12 тыс. офицеров и 4—5 тыс. солдат регулярных частей, 10 тыс. юнкеров военных училищ, 7 тыс. раненых офицеров, более 30 тыс. офицеров и чиновников тыловых частей и учреждений и до 60 тыс. гражданских лиц, среди которых большую долю составляли семьи офицеров и чиновников²².

В конце 1920 — начале 1921 г. разведорганы Красной Армии получали самые разные, порой сильно расхоdivшиеся данные о численности войск, сосредоточенных в военных лагерях Галлиполи, Чаталджи и Лемноса, а также о количестве гражданских беженцев, живущих в Константинополе и специальных лагерях в его окрестностях и на Принцевых островах. По уточненным сведениям, численность войск определялась в 50—60 тыс., из которых почти половину составляли офицеры; количество гражданских беженцев — в 130—150 тыс., из них — около 25 тыс. детей, около 35 тыс. женщин, до 50 тыс. мужчин призывного возраста от 21 до 43 лет, находившихся вне армии, и около 30 тыс. мужчин пожилого возраста, неспособных к службе в армии²³.

В декабре 1920 г. мировую и русскую эмигрантскую печать обошли сообщения о первой попытке подсчета численности эмигрантов из России, предпринятой американским Красным Крестом на основании сообщений государственных и общественных организаций. На 1 ноября 1920 г. число бывших российских граждан было определено в 1 млн 964 тыс. человек. 130 тыс. военных и гражданских беженцев врангелевской «волны» довели эту цифру до 2 млн 92 тыс. человек. Разведорганы Красной Армии неизменно включали эти данные в сводки, в том числе и те, где содержалась наиболее важная и достоверная информация, предназначенная для высшего военно-политического руководства страны²⁴. Очевидно, В. И. Ленин, стоявший первым в списке рассылки разведсводок Полевого штаба РВСР, приводя в своих выступлениях данные о двухмиллионной численности русских эмигрантов, пользовался именно этим источником.

Количество российских эмигрантов в Константинополе и прилегающих к нему районах постоянно менялось. Самая состоятельная их часть в течение одной-двух недель, быстро получив визы и купив билеты, уехала в Европу. В Константинополе остались прежде всего малоимущие и неимущие, а также офицеры, казаки и солдаты Русской армии, обладавшие лишь казенным обмундированием и оружием. Одновременно началась стихийная реэвакуация. В Россию устремились крестьяне и пленные красноармейцы, захваченные общим эвакуационным потоком или силой удержанные в строю, солдаты технических частей и матросы из рабочих и ремесленников, рядовые казаки и даже офицеры, кто не был тесно связан с белой армией и считал, что может не опасаться репрессий со стороны советской власти. Для возвращения они использовали лодки, шлюпки и маленькие шхуны турецких рыбаков и контрабандистов, которые охотно помогали русским, беря плату оружием. С декабря мелкие партии возвращавшихся высаживались в различных пунктах Черноморского и Азовского побережья, от Одессы до Новороссийска. К концу февраля 1921 г. морским путем, а также через Румынию на территорию России и Украины возвратилось до 5 тыс. человек²⁵.

Главным фактором, определявшим стремление этих людей вырваться из Константинополя и лагерей, было тяжелейшее материальное положение, когда вся жизнь сводилась к продаже остатков личного имущества, поискам, зачастую безуспешным, работы, денег, пропитания и жилья. В городе резко обострились продовольственная и жилищная проблемы, безудержно росли цены, возникла

угроза массовых эпидемий. Центрами эмигрантской жизни стали здания российского посольства, представительства Российского общества Красного Креста, Всероссийского Земского союза и Всероссийского Союза городов. «Все эти учреждения были центральным нервом всей жизни беженцев в Константинополе. Если кто желал что-нибудь узнать, навести справку, разыскать знакомого, найти или предложить работу,— все шли сюда со всех концов города. Обычным местом сбора был посольский двор, своего рода беспроволочный радио-телеграф и клуб. Здесь получались всевозможные сведения, невероятные слухи и распространялись отсюда с неправдоподобной быстротой по всему городу и „беженскому миру“»²⁶.

Далеко не всем удавалось находить работу, даже временную и самую тяжелую, за самую мизерную плату. Наиболее предприимчивые и удачливые, вывезя из Крыма некоторые средства и сохранив нужные связи, открыли множество ресторанов, кафе, клубов и увеселительных заведений. Уже в начале 1921 г. среди эмигрантов выделилась своеобразная элита, которая могла позволить себе жить на широкую ногу и не спешила уезжать в Европу, наживаясь на нужде и отчаянии своих соотечественников. Основную же массу, напротив, быстро охватил беспощадный процесс пролетаризации и люмпенизации. Офицеры работали грузчиками и открывали мастерские, дамы из «общества» служили официантками и кельнершами, нередко зарабатывая на жизнь и проституцией. Немало было и таких, кто влачил жалкое существование, прося милостыню, ночуя в общежитиях и питаясь по талонам в столовых, организованных наскоро Российским обществом Красного Креста. Эти люди за кусок хлеба соглашались на любую работу. Господствующим настроением большинства беженцев был страх за завтрашний день²⁷. В этих условиях особое значение приобрела благотворительная деятельность Российского общества Красного Креста. Созданная им система бесплатного питания в столовых спасла многих русских от смерти. Типичной была «столовая № 1» в районе Харбие, представлявшая собой две тентовые зеленые палатки, расположенные посреди небольшого двора, огороженного высокой каменной стеной. К входу в палатки постоянно тянулась очередь не менее 500 человек. Столовая использовалась и как место ночлега²⁸.

Беженцы, потерявшие последнюю надежду выжить, имели возможность попасть в лагеря (стать «гостями английского короля», как они горько иронизировали), где союзниками выдавались продовольственные пайки и старое военное обмундирование. Однако жизнь там была сопряжена с выплнением тяжелых работ по нарядам и моральным унижениям, которым попавшие в лагерь подвергались как со стороны колониальной охраны, так и русских комендантов и их помощников.

Лагеря были построены наспех, не были рассчитаны на длительное использование, в них зачастую не хватало самого необходимого. Например, один из них — Бернадот — представлял собой «пустынную местность... Кое-как, наспех полуотремонтированные деревянные бараки. Палатки, большие американские и круглые французские — марабу; свыше тысячи беженцев, скученность в бараках и палатках превосходит всякую возможность, пресной воды нет, за ней надо ходить в город...»²⁹. Такие условия деформировали человеческие отношения. Несмотря на запрещение комендантов, беженцы, назначенные в наряд, нередко посылали вместо себя детей. При этом если женщины в освободившееся время занимались домашним хозяйством, то мужчины тратили его на карты, выпивку, политические «дискуссии» с мордобоем и обсуждение слухов («пластинок», по местной терминологии)³⁰. Жизнь в лагерях развращала вынужденным бездельем и пьянством. Многие успокаивали себя надеждой вернуться через какое-то время к нормальной жизни. Но ничегонеделание приводило к нравственному опустошению, и большинство оставалось «в гостях» до расформирования этих учреждений в конце 1921 г. Максимальной величины численность беженцев в лагерях достигла в июне

1921 г.— 29 тыс.³¹ Когда работа лагерей была прекращена, многие их жители превратились в константинопольских нищих³².

В подобных учреждениях для войсковых частей соблюдался относительный порядок. Однако болезни и жизнь впроголодь, муштра и тяжелые наряды не позволяли большинству офицеров и нижних чинов считать свое положение сколько-нибудь удовлетворительным. Они постоянно посылались на сбор дров, рытье землянок и устройство дорог. Питание было весьма скудным. Паек — в два раза меньше обычного фронтового. Но и от него от половины до трех четвертей крали интенданты. Настроение большинства личного состава было самое удрученное. В прошлом видели одни, ошибки «вождей», в возможность продолжения вооруженной борьбы с большевиками никто серьезно не верил. К призывам командования и агитаторов готовиться к новому «весеннему походу на Москву» относились настороженно и враждебно. Многие, особенно донские и кубанские казаки, склонялись к мысли о возвращении на Родину. О Советской России нередко говорили: «Правда там, а не здесь». Хотя опасения мести со стороны советской власти в значительной степени сохранились³³.

Острое недовольство своим положением чины Русской армии обращали уже не столько против большевиков, сколько против Антанты. Союзников считали предателями и главными виновниками поражения в гражданской войне. На этой почве произошло несколько вооруженных стычек с охранявшими лагерь подразделениями французской и английской армий³⁴. Часть офицеров бежала в Константинополь. Одни после долгих безуспешных поисков работы возвращались обратно, другие пополняли толпы бродяг и нищих. На этой почве в городе резко выросла преступность; русские офицеры создавали вооруженные группы, которые грабили банки, рестораны, магазины и частных лиц³⁵. Казаки группами бежали в Болгарию, рассчитывая получить работу на селе. Надеясь перебраться в Польшу или Германию, бежала на Балканы и часть офицеров. В январе — апреле 1921 г. продолжались попытки, иногда удачные, вернуться морем в Россию³⁶.

Наибольшее беспокойство союзного оккупационного командования вызывали многочисленные случаи бегства русских офицеров из района Константинополя в сторону Ангоры (Анкары) с целью вступить в турецкую армию Кемаль-Паши, которая вела национально-освободительную войну против Антанты и которой многие русские офицеры сочувствовали. Турки считали всех русских беженцев такими же жертвами захватнической политики Антанты, какими стали и они сами. В военных лагерях часто можно было слышать такие разговоры: «Надо объединиться с Кемалем и вместе набить морду этим сволочам — союзникам». Офицеры и казаки охотно откликались на предложения агентов Кемаль-Паши продать оружие, десятки соблазнялись предложением перейти на службу в его армию, где высоко ценились их боевая выучка и опыт. Попытки в одиночку и мелкими группами бежать в армию Кемаль-Паши были более рискованным предприятием, чем стремление нелегально возвратиться в Россию. Патрули союзников беспощадно расстреливали русских, задержанных по пути в сторону Ангоры³⁷.

Весной 1921 г. положение беженцев в Константинополе стало катастрофическим. Эмигрантский Женский совет опубликовал в марте воззвание, в котором говорилось о нищете, достигшей в городе «ужасающих размеров: сотни тысяч обречены на гибель, цены возросли на 1400% по сравнению с довоенными, к нищете и безработице присоединяется невообразимый голод... город переполнен беженцами из России, находящимися в самых чудовищных условиях существования»³⁸. В этой ситуации особое значение приобрела способность российской эмиграции к самоорганизации, к созданию действенной структуры для решения всего комплекса проблем, связанных с жизнеобеспечением. Такой структурой стал Центральный объединенный комитет Российского общества Красного Креста, Всероссийского Земского союза и Всероссийского

Союза городов. Он субсидировался державами Антанты и фактически превратился в своего рода министерство по гражданским делам, если иметь в виду, что штаб главнокомандующего Русской армией П. Н. Врангеля и функционировавшие при нем учреждения занимались прежде всего вопросами обеспечения и размещения войск. Через Центральный объединенный комитет шло снабжение российских беженцев продуктами питания и предметами первой необходимости, им были организованы и содержались два госпиталя, приемные покои, амбулатории, общежития и инвалидный дом в различных районах города и в беженских лагерях³⁹. Специально для инвалидов, которых в октябре 1921 г. насчитывалось в Константинополе более 2200, было организовано пять мастерских, в том числе протезные, и даже курсы иностранных языков. Была создана целая система по реабилитации и устройству чинов белых армий, получивших увечья⁴⁰.

Настойчивые предупреждения представителей французского правительства о скором прекращении снабжения армии и беженцев в Турции подтолкнули штаб главнокомандующего Русской армией и общественные организации к объединению своих усилий по спасению соотечественников от голода, обнищания и эпидемий. 2 июня 1921 г. при Комитете Российского общества Красного Креста на Ближнем Востоке было образовано Временное медико-санитарное совещание из представителей общественных организаций и санитарного отдела штаба главнокомандующего Русской армией. Его работа привела к некоторой координации усилий, что имело немалый положительный эффект. Именно в медико-санитарном обслуживании общественные организации сыграли решающую роль. Военное командование было озабочено прежде всего сохранением кадров армии. В августе 1921 г. военные лечебные и санитарные заведения были переданы под управление Российского общества Красного Креста. Эта мера оказалась весьма своевременной, поскольку в августе в странах Ближнего Востока началась эпидемия холеры. В Константинополе благодаря всеобщей обязательной вакцинации ее удалось избежать, в том числе и среди беженцев⁴¹.

В августе 1921 г. состоялась встреча между генералом П. Н. Врангелем и членами Центрального объединенного комитета на яхте главнокомандующего Русской армией «Лукулл». П. Н. Врангель попытался поставить под свой контроль деятельность общественных организаций и использовать их возможности и авторитет прежде всего для сохранения армии. Он предложил объединить все российские организации в одно учреждение, которое действовало бы под его управлением. Члены Центрального объединенного комитета, заявив П. Н. Врангелю, что «в вопросе о желательности сохранения армии... нет никаких разногласий между его точкой зрения и точкой зрения руководящих кругов константинопольских общественных организаций», тем не менее отвергли предложение главнокомандующего, аргументируя это тем, что «нельзя соединить в одну организацию совершенно разнородные и даже враждебные элементы». Тогда П. Н. Врангель попытался переложить на общественные организации заботы по оказанию материальной помощи войсковым частям: «Если объединение невозможно, будем действовать врозь, но в таком случае вопрос должен быть поставлен отчетливо и ясно: до такого-то момента армия находится на моем попечении, и общественные организации к ней касательства не имеют, а с такого-то времени она переходит на попечение общественных организаций, но это должно быть объявлено во всеобщее сведение, и ответственность должна лечь на общественные организации». Такая постановка вопроса также не вызвала энтузиазма у членов Центрального объединенного комитета, и встреча закончилась безрезультатно⁴².

Однако уже весной 1921 г. стало совершенно очевидным, что судьба двухсот тысяч гражданских беженцев и остатков Русской армии зависит от военных и дипломатических представителей держав Антанты в Константинополе, их политических интересов. Наличие русских беженцев обостряло

экономическую, социальную и политическую ситуацию в Константинополе и прилегающих к нему районах. Самым серьезным дестабилизирующим фактором были остатки Русской армии, которые, по мнению союзников, представляли куда большую угрозу им самим, нежели Советской России. С другой стороны, стало ясно, что огромные материальные средства, которые приходилось тратить на содержание войск и беженцев (по официальным данным французского правительства, 1 млн франков в день), уже никогда и никем не будут компенсированы. В середине марта Франция уведомила, что ввиду отказа других государств разделить расходы, после 1 апреля отказывается от дальнейшего снабжения русских беженцев продуктами питания, на которые уже израсходовала более 200 млн. франков. Она сочла, что только четвертая часть этой суммы была покрыта стоимостью судов и товаров, которые передал Франции П. Н. Врангель накануне эвакуации из Крыма (стоимость этого имущества французы оценивали в 30—50 млн. франков)⁴³. Скептически оценивали французы и «рентабельность» дальнейшей помощи Русской армии, поскольку реальных шансов на использование ее остатков в антисоветской политике не было: «напрасно было бы думать, что большевиков можно победить русскими или иностранными вооруженными силами, опорная база которых находится вне пределов России, и вдобавок победить с помощью солдат, которые в момент наилучшего состояния армии в Крыму, на родной почве, оказались не в состоянии защитить его от прямого нападения советских войск»⁴⁴. По сообщениям советской агентуры из Константинополя, правительства Франции и Великобритании заключили секретный договор, в соответствии с которым первая обязалась предпринять все меры для «распыления» остатков Русской армии и ликвидации ее лагерей на территории Турции, на чем особенно настаивали марионеточное турецкое правительство и Греция, войска которой вели борьбу против армии Кемаль-Паши и которая рассчитывала получить обещанную Антантой территорию Анатолии⁴⁵. Державы Антанты в качестве одной из своих главных задач на Ближнем Востоке поставили расселение всех беженцев в качестве гражданских лиц по разным странам. Учитывая сильную тягу большого количества к возвращению на Родину, одним из методов «распыления» была выбрана репатриация.

Начиная с апреля 1921 г. Франция последовательно сокращала размеры материальной помощи, оказываемой армии и гражданским беженцам. Один за другим следовали приказы о полном прекращении снабжения, хотя некоторое время эти приказы являлись больше средством психологического давления — снабжение продолжалось, но во все более сокращенных масштабах⁴⁶. В мае союзные миссии сократили ассигнования Центральному объединенному комитету. Например, Всероссийскому Земскому союзу — с 79 тыс. до 18 тыс. турецких лир.⁴⁷ В июле французы закрыли лагерь русских беженцев Тузла⁴⁸. В октябре был значительно сокращен продовольственный паек во всех лечебных заведениях, содержащихся французской администрацией, а в некоторых из них (в госпитале Жанны д'Арк, приюте при этом госпитале, в лагерях Галлиполи, Чаталджа и Лемнос) выдача продовольственных пайков прекратилась вовсе⁴⁹. Наконец, французы сняли с продовольственного пайка детей до 17 лет, беременных женщин и кормящих матерей⁵⁰.

Аналогичную линию стала проводить и американская оккупационная администрация и американский Красный Крест, отличавшийся наибольшей щедростью на юге России в годы гражданской войны и в конце 1920 г. в Константинополе. В июле 1921 г. он прекратил выдачу продуктов для бесплатных столовых и питательных пунктов для больных, в результате чего часть из них была закрыта⁵¹.

Летом Центральный объединенный комитет обратился с ходатайствами о помощи к верховным комиссарам держав Антанты в Константинополе и национальным обществам Красного Креста. Однако ему удалось добиться только смягчения официально объявленных союзниками графиков и планов

свертывания материальной и продовольственной поддержки⁵². Разумеется, такие отсрочки не могли существенно смягчить удар. Российские беженцы вынуждены были ради собственного физического спасения либо переезжать в другие страны, либо возвращаться на родину.

Французская оккупационная администрация развернула массированную пропаганду, суля беженцам райскую жизнь в Австралии, Южной Америке и Африке, где якобы легко можно было получить работу. Особенно настойчиво рекламировались кофейные плантации в Бразилии. Офицерам и казакам предлагалось записываться в иностранный легион либо возвращаться в Советскую Россию⁵³.

Невыносимые материальные условия, угроза голода и обнищания, желание вырваться из-под опостылевшей власти военного начальства уже в феврале — марте 1921 г. вызвали почти массовое желание беженцев покинуть «гостеприимный Босфор». Пропаганда в сочетании с организационными усилиями оккупационных властей быстро дала положительный результат.

К сожалению, из имеющихся отрывочных данных трудно составить целостную и достоверную картину расселения бывших российских граждан из Константинополя и прилегающих к нему районов по всему свету. Во всяком случае, несколько тысяч человек уехало на пароходах попытать счастья в Латинской Америке. От 13 до 15 тыс. офицеров и казаков записалось в иностранный легион. В апреле 1921 г. они были перевезены из Константинополя в Марсель и впоследствии весьма успешно действовали в Алжире, используя, в частности, пулеметные тачанки⁵⁴.

В марте 1921 г. французскому командованию удалось преодолеть сопротивление начальников русских частей и выделить партию казаков в 6,5 тыс., которая была отправлена пароходом в Советскую Россию. С апреля такие рейсы из Константинополя в Одессу или Новороссийск стали регулярными. Беженцев убеждали, что советские власти приняли репатриантов хорошо, никаких репрессий по отношению к ним применено не было. Более того, французские агенты усиленно распространяли слухи о благополучном положении в России, об улучшении хозяйственной ситуации и прекращении всякого сопротивления большевикам и, наконец, о скором прибытии большого числа советских пароходов, которые заберут всех желающих возвратиться на родину⁵⁵.

Правительства Советской России и Советской Украины, хорошо осведомленные через разведку РККА о реальных условиях жизни и настроениях константинопольской эмиграции, предприняли меры к возвращению на родину наибольшего количества беженцев. Была организована переправка в Константинополь агитационной литературы. Агентура также получила задание проводить соответствующую работу в Константинополе и лагерях. В частности, широко использовались письма репатриантов из России и Украины о «великолепном» с ними обращении властей и т. п.⁵⁶

Со своей стороны, врангелевское командование и эмигрантская печать развернули пропагандистскую кампанию против возвращения в Советскую Россию. Однако отношение генерала П. Н. Врангеля к репатриации в действительности не было столь однозначно отрицательным, как это традиционно изображается в мемуарной и исследовательской литературе. Стараясь сохранить во что бы то ни стало наименее разложившиеся части Русской армии, он в то же время считал, если не желательным, то вполне допустимым возвращение на родину гражданских лиц. Тем самым он пытался сократить расходы на их содержание и улучшить снабжение войск. Во всяком случае сохранившиеся документы свидетельствуют, что в штабе главнокомандующего и «правительственных» учреждениях при нем разрабатывались планы репатриации, изучались настроения беженцев, подсчитывалось возможное количество желающих вернуться в Россию⁵⁷.

Активность союзников по репатриации прежде всего военнослужащих

вынудила генерала П. Н. Врангеля предпринять самостоятельные и весьма решительные шаги по переводу Русской армии на территорию тех стран, где ведущие державы Антанты уже не могли бы в одностороннем порядке определять ее будущее. С этой точки зрения наиболее оптимальным вариантом была переброска войск в Болгарию и Сербию, правительства которых, исходя из традиционно хороших связей с Россией, во время гражданской войны проявили наибольшую бескорыстность в деле оказания помощи вооруженным силам на юге России. Начальник штаба главкома генерал П. Н. Шатилов весной 1921 г. посетил Болгарию и Сербию, где провел успешные переговоры, добившись согласия на размещение частей Русской армии в этих странах с сохранением войсковой организации и даже части вооружения. В период с мая по декабрь 1921 г. в Болгарию и Сербию было перевезено при помощи союзников около 29 тыс. офицеров и казаков. Одновременно около 10 тыс. бывших чинов армии было переправлено в другие страны в качестве гражданских лиц (в частности, студенты были перевезены в Чехословакию, где смогли продолжать обучение)⁵⁸.

Определить точное число константинопольских беженцев, возвратившихся в 1921—1922 гг. на родину, а также переехавших при помощи различных международных и российских эмигрантских организаций в другие страны, не представляется возможным. Приводимые в литературе и сохранившиеся в документах отрывочные сведения противоречат друг другу. Достоверно известно лишь то, что к концу 1923 г. в Константинополе и прилегающих к нему районах из 200 тыс. осталось около 10 тыс. российских беженцев⁵⁹.

Подводя итоги, следует сказать, что история российской эмиграции в Константинополе, конечно, нуждается в дальнейшем глубоком изучении на основании новых документов и материалов, «распыленных», как и сами эмигранты, по многим странам. Однако уже сейчас очевидно, что их горькая участь стала закономерным результатом не только большевистской революции и гражданской войны, но и противоречий между различными антибольшевистскими силами, действовавшими в своих собственных интересах. Взаимное недоверие и конфликты между военно-политическим руководством белого движения, с одной стороны, и российскими общественными организациями либерального толка — с другой, а также противоречия между руководством белого движения России и державами Антанты в значительной степени усугубили тяготы российских эмигрантов, снизили эффективность оказывавшейся им материальной помощи. Хотя, разумеется, в деятельности зарубежных общественных организаций, прежде всего национальных обществ Красного Креста, по оказанию помощи российским эмигрантам значительную роль играли общечеловеческие, а не только классовые соображения.

Примечания

¹ Деникин А. И. Очерки Русской смуты. Т. 2. Париж, 1922. С. 345.

² См., напр.: Лукомский А. С. Воспоминания. Т. II. Берлин, 1922. Калинин И. М. Под знаменем Врангеля. Л., 1925 (изд. 2. Ростов н/Д, 1991); Слободской А. Среди эмиграции. Харьков, 1925; Федоров Г. Путешествие без сентиментов. Л.; М., 1926; Чебышев Н. Н. Близкая даль. Париж, 1933 и др.

³ Раковский Г. Конец белых. От Днепра до Босфора. Прага, 1921; Русские в Галлиполи. Берлин, 1923; Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923; Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920—1921 гг. Белград, 1924; Даватц В. Х. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1929; Краинский Н. В. Без будущего. Белград, 1931 и др.

⁴ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971.

⁵ Lehovitch D. White against Red. The life of general Anton Denikin. N. Y., 1974; Wrangel A. General Wrangel. Russia's white Crusader. N. Y., 1987.

⁶ См., напр.: Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolution [N. Y.], 1974; Pipes R. Struve, Liberal on the Right, 1905—1944. Cambridge (Mass.), 1980.

- ⁷ Raeff M. *Russia abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919—1939.* N. Y.; Oxford, 1990.
- ⁸ Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. М.; Пг., 1923; Русская эмиграция в Дарданеллах // Военная мысль и революция. 1923. № 4.
- ⁹ Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; Барихновский Г. В. Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921—1924 гг.). Л., 1978; Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1981 (изд. 2. М., 1986; изд. 3. М., 1987); Мухачев Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982.
- ¹⁰ Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990.
- ¹¹ См. подробнее: Карпенко С. В. Разведсводки штабов Красной Армии как источник по истории внутренней контрреволюции и интервенции (на примере врангелевщины) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. Л., 1989.
- ¹² ГА РФ, ф. 5809, оп. 1, д. 98, л. 189.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же, л. 184.
- ¹⁵ РГВА, ф. 102, оп. 3, д. 584, л. 89; ф. 109, оп. 3, д. 248, л. 1.
- ¹⁶ Там же, ф. 6, оп. 3, д. 100, л. 14; ф. 109, оп. 3, д. 273, л. 7 об.
- ¹⁷ Там же, ф. 101, оп. 1, д. 174, л. 133; ф. 102, оп. 3, д. 561, л. 70 об.; д. 584, л. 102.
- ¹⁸ Там же, ф. 6, оп. 3, д. 54, л. 8; д. 100, л. 14.
- ¹⁹ Там же, ф. 198, оп. 3, д. 625, л. 456.
- ²⁰ Там же, ф. 101, оп. 1, д. 148, л. 58; ф. 102, оп. 3, д. 584, л. 89, 90.
- ²¹ Там же, ф. 6, оп. 3, д. 100, л. 14; ф. 102, оп. 3, д. 584, л. 102.
- ²² Там же, ф. 6, оп. 4, д. 418, л. 30—30 об.; д. 596, л. 187—187 об.; ф. 33988, оп. 2, д. 213, л. 307.
- ²³ Там же, ф. 6, оп. 4, д. 596, л. 187 об.; ф. 7, оп. 2, д. 734, л. 10; ф. 109, оп. 3, д. 360, л. 4 об.; д. 373, л. 20.
- ²⁴ Там же, ф. 7, оп. 2, д. 730, л. 208, 251 об.; д. 734, л. 10; ф. 109, оп. 3, д. 238, л. 182; д. 368, л. 8 об.
- ²⁵ Там же, ф. 7, оп. 2, д. 386, л. 4, 9; ф. 109, оп. 3, д. 365, л. 4 об.; д. 373, л. 22; ф. 33988, оп. 2, д. 213, л. 364 об.
- ²⁶ Слободской А. Указ. соч. С. 58.
- ²⁷ РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 734, л. 10; ф. 109, оп. 3, д. 365, л. 9 об.—10.
- ²⁸ См.: Федоров Г. Указ. соч. С. 117.
- ²⁹ ГА РФ, ф. 5809, оп. 1, д. 44, л. 153.
- ³⁰ Там же, л. 138.
- ³¹ См.: Давац В. X. Указ. соч. С. 147; Слободской А. Указ. соч. С. 58.
- ³² См.: Слободской А. Указ. соч. С. 65.
- ³³ РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 460а, л. 46; д. 730, л. 275 об.
- ³⁴ Там же, д. 730, л. 251.
- ³⁵ Там же, д. 4609, л. 45; ф. 109, оп. 3, д. 373, л. 23.
- ³⁶ Там же, ф. 6, оп. 3, д. 157, л. 14; ф. 109, оп. 3, д. 365, л. 4 об.
- ³⁷ Там же, ф. 7, оп. 2, д. 460а, л. 45; ф. 33988, оп. 2, д. 213, л. 362 об., 364 об.
- ³⁸ Американский вестник (Нью-Йорк). 1921. 23 марта.
- ³⁹ ГА РФ, ф. 5809, оп. 1, д. 4, л. 16.
- ⁴⁰ Там же, л. 20.
- ⁴¹ Там же, д. 44, л. 90.
- ⁴² Там же, л. 38—39.
- ⁴³ РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 365, л. 1 об.; д. 373, л. 7.
- ⁴⁴ Цит. по: Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 35.
- ⁴⁵ РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 730, л. 368, 460 об.
- ⁴⁶ Там же, ф. 109, оп. 3, д. 373, л. 16; ф. 7, оп. 2, д. 730, л. 276.
- ⁴⁷ Последние новости (Париж). 1921. 16 июля.
- ⁴⁸ ГА РФ, ф. 5809, оп. 1, д. 44, л. 60.
- ⁴⁹ Там же, д. 98, л. 154—155.
- ⁵⁰ Там же, д. 98, л. 102.
- ⁵¹ Там же, д. 44, л. 29 об.
- ⁵² Там же, д. 32.
- ⁵³ РГВА, ф. 6, оп. 3, д. 157, л. 14; ф. 7, оп. 2, д. 730, л. 480 об.; д. 734, л. 7 об.
- ⁵⁴ Там же, ф. 7, оп. 2, д. 460а, л. 30; ф. 109, оп. 3, д. 216, л. 138 об.
- ⁵⁵ Там же, ф. 7, оп. 2, д. 386, л. 4; д. 734, л. 6 об.; ф. 33988, оп. 2, д. 313, л. 411—411 об.
- ⁵⁶ ГА РФ, ф. 5809, оп. 1, д. 98, л. 98; Последние известия (Париж). 1921. 5 июля.
- ⁵⁷ ГА РФ, ф. 6021, оп. 1, д. 8, л. 1—91.
- ⁵⁸ РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 730, л. 481; д. 734, л. 10—13.
- ⁵⁹ Ковалевский П. Е. Указ. соч. С. 42.

ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ: СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС (1924—1925 гг.)

В политике советской власти по отношению к крестьянству 1924—1925 годы занимают особое место. В это время РКП(б) выдвинула лозунг «Лицом к деревне!», который на первых порах не был связан с определенной политикой, а отражал совокупность различных мероприятий, проводимых по отношению к селу. Рассмотрим, чем было вызвано усиленное внимание партии и правительства к крестьянству и как оно отразилось в решении политических и экономических вопросов. Важно также уяснить, когда и почему был отменен этот новый курс и являлся ли он действительно «поворотом» в крестьянской политике, как утверждала партия.

В середине 20-х гг. восстанавливаемые после разрухи промышленность и сельское хозяйство еще только приблизились по уровню развития к довоенному 1913 году, а в таких областях, например, как транспорт, внешняя торговля, итоги четырех лет нэпа выглядели значительно хуже. Однако большевики считали, что «строительство социализма», суть которого заключалась в быстрой индустриализации и усилении государственного управления экономикой, должно было уже стоять на повестке дня. Поэтому 1925 год рассматривался в партийных дебатах тех лет как год решающего перелома. Каким образом финансировать индустриализацию, какая сфера экономики — сельское хозяйство или промышленность — должна стать ведущей? — по этим вопросам происходили споры в партии и правительстве. Центральной же темой этих дискуссий стала аграрная и крестьянская политика.

* * *

Период, известный под названием «лицом к деревне», до сих пор еще недостаточно освещен в исторических исследованиях. В советской историографии рассмотрены массовые пропагандистские мероприятия по улучшению партийной работы в деревне, но в этих немногочисленных трудах результаты указанной кампании были слишком завышены, экономические же вопросы остались вне научного анализа¹. Так, появившаяся еще в 1986 г. «История советского крестьянства», в первом томе которой периоду 20-х гг. отведена специальная глава «Лицом к деревне», не исследует важнейшие экономические решения в области аграрной политики 1925 г. и по идеологическим соображениям слишком упрощает главную политическую тенденцию фазы «лицом к деревне», заключающуюся в «высвобождении среднего крестьянства из-под влияния кулака» и «укреплении союза...беднейших слоев деревни со средним крестьянством»². Известный английский историк Э. Х. Карр иначе, но тоже несколько односторонне описывает крестьянскую политику 1924—1925 гг. как «ставку на кулака». Значение экономических проблем аграрной политики в середине 20-х гг. исследует немецкий историк Ш. Мерль, но освещению партийной дискуссии тех лет о деревне он не уделяет

* Венер Маркус, аспирант Института Восточной Европы. Свободный университет (Берлин). Перевод В. С. Чеснокова.

достаточного внимания. Эта дискуссия является темой работы бывшего меньшевика и сотрудника аппарата ВСНХ Н. Валентинова (Н. В. Вольского). Он характеризует главную политическую линию середины 20-х гг. как «доктрину правого коммунизма», суть которой он видел в аграрной программе «правых коммунистов». Валентинов наглядно воссоздает политическую атмосферу 1924—1926 гг., но его анализ, однако, слишком схематичен: эту работу можно, скорее, отнести к мемуарам, чем к научным исследованиям³.

* * *

В начале 20-х гг. вследствие упадка промышленности и торговли деревня в культурном и экономическом отношении была изолирована от города. Введение натурального налога вместо продразверстки весной 1921 г. принесло крестьянам определенное облегчение. Однако эта мера, с которой связывают начало нэпа, не привела к немедленному и решительному изменению положения крестьян. Во многих деревнях взывание налогов на практике мало отличалось от методов времен «военного коммунизма». И в сфере торговли до 1923 г. политика нэпа не оказала на деревню сколько-нибудь значительного влияния. Если в Москве в начале 1922 г. происходил «торговый ренессанс» и «магазины стали расти, как грибы, окропленные живым дождем нэпа», как писал М. Булгаков⁴, то в деревнях зачастую отсутствовали даже простые лавки. «Во всяком случае нэп, возвещенный в Советской России весной 1921 года, у нас в волости, в смысле открытия лавок, трактиров и пр., начал разворачиваться только в 1923 году», — отмечал А. М. Большаков, знаток крестьянства и автор книги «Советская деревня», которая впервые была издана в начале 1924 г.⁵ В центре плохо знали о реальном положении дел в провинции. Партия столкнулась в деревне с глубоко враждебным отношением к власти со стороны крестьянства, которое представлялось ей темной, стихийной и опасной силой. Комиссии, посылаемые партийными и государственными органами, рассматривали деревню только на «макроуровне», т. е. на уровне территориального и административного деления, а не на «микроуровне», как отдельное крестьянское хозяйство со своим деревенским бытом⁶. Хотя информация таких комиссий о деревенской реальности носила партийно-идеологический налет, тем не менее она не могла не произвести впечатления на центральные власти. Сообщения о состоянии партийного и советского аппарата на селе свидетельствовали о его крайней слабости, в большинстве же сельских мест таковой просто отсутствовал.

Заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б) Я. А. Яковлев в 1923 г. посетил одну из волостей Тамбовской губернии, чтобы увидеть там «ростки нового». Он с удовлетворением констатировал, что крестьянская молодежь знала имена руководителей партии. «Про Ленина, Троцкого, Калинина знают все. Даже то, что Рыков заменил Ленина, известно почти всем. От Калинина, Троцкого и Рыкова до волисполкома — огромный разрыв, зияющая пустота»⁷. Однако, по свидетельству другого корреспондента из Пензенской губернии, «крестьяне, за исключением бывших красноармейцев и побывавших на стороне, не имеют понятия о том, кто такой тов. Ленин»⁸. Яковлев пришел к заключению, что РКП(б) была в основном городской партией. Он предложил послать в деревню несколько тысяч партийных работников из Москвы и губернских центров, чтобы проводить там культурную работу в Советах, школах, кооперативах и в избах-читальнях⁹. Для 9 тыс. волостей с их более чем 387 тыс. сельских населенных пунктов это число «просветителей» было крайне незначительно.

Понимание партийным руководством неустойчивости своих позиций в деревне никоим образом не сказалось на содержании крестьянской политики.

Только внешнеполитические неудачи и внутривнутриполитическое напряжение заставили партию и правительство всерьез задуматься об изменении положения на селе.

* * *

К началу 1924 г. политическая обстановка в стране сильно изменилась. Надежды российских коммунистов на укрепление своих позиций в мире разбились из-за революционного спада в Европе; провал «немецкого Октября» 1923 г. был одним из самых больших разочарований. «Стабилизация капитализма» при всей революционной риторике стала на ближайшие годы лейтмотивом большевистского анализа международного положения. Расчет большевиков на помощь пролетариата развитых западноевропейских государств не оправдался, сменившись убеждением, что восстановление экономики должно опираться на собственные силы. Ввиду отсутствия зарубежных займов и инвестиций коммунистам не оставалось ничего другого, как сконцентрировать свое внимание на внутреннем рынке, прежде всего сельскохозяйственном.

XIII съезд РКП(б) в мае 1924 г. усилил ориентацию партии на крестьянскую политику. В своем политическом отчете ЦК Г. Е. Зиновьев, упоминая о книгах Яковлева и Большакова, говорил о том, что «мы партия слишком городская, мы слишком мало знаем деревню — это надо зарубить себе на носу, ибо иначе мы все будем повторять слова о смычке»¹⁰. Партийный съезд перенес акцент на усиление культурной работы в деревне, а также на восстановление кооперативного движения. Перед кооперативами была поставлена цель овладеть рынком, вытеснить частную торговлю и защитить бедняков от эксплуатации кулаками. Как «школа коллективного хозяйствования» кооперативы должны были способствовать преодолению индивидуализма крестьянства и расширению базы социалистического строительства в деревне. Но и кооперативы, которые с 1923 г. пытались реорганизовать на основе добровольного членства и взносов, оставались слишком слабыми во всех отношениях. Кооперирование, как подчеркивалось на XIII партийном съезде, это «задача на десятилетия»¹¹. Такие же долговременные усилия предстояло предпринять и в отношении просветительской работы в деревне. Н. К. Крупская описала ужасающее состояние народного образования в деревне, где не имелось ни книг, ни газет, а школы являли собой жалкую картину¹². Весной 1924 г. партия вынуждена была признать свою недостаточную информированность о деревне и слабую постановку там организаторской работы. Поэтому, укрепив свои позиции в городе и рабочем классе, большевики теперь были готовы решиться на новую попытку «завоевания деревни» в экономическом, культурном и политическом отношениях.

* * *

В 1924 г. в районах Средней Волги, в восточной части Украины, а также на Северном Кавказе с мая до конца августа вообще не выпало осадков. Сообщения из этих мест, которые поступали в центр в мае и июне, были в высшей степени тревожными. Население, помня об ужасах голода 1921 г., в панике покидало деревни, забивало или продавало личный скот, чтобы на вырученные деньги закупить зерно. В июне в областях, подвергшихся засухе, цена на лошадей, другой скот и мясо быстро падала, скачкообразно росла цена на зерно¹³.

Правительство было весьма обеспокоено создавшимся положением. 23 июня новый глава правительства А. И. Рыков подчеркнул на первом заседании комиссии по работе в деревне, организованной при ЦК партии, что вновь предстоит борьба с голодом¹⁴. Тем не менее, несмотря на тревожную ситуацию, масштабы будущего неурожая в июне еще недооценивались в верхах. Центральное статистическое управление (ЦСУ) в своих расчетах исходило из

завышенных прогнозов на урожай, предлагая, что засуха охватит лишь территорию в 5 млн. дес. и коснется 5,5 млн. человек¹⁵.

Только 10 июля при СНК под руководством Рыкова была образована Комиссия по борьбе с последствиями неурожая, в которую вошли сотрудники различных народных комиссариатов и ведомств¹⁶. Она была создана «в целях руководства, объединения и согласования деятельности народных комиссариатов и прочих учреждений Союза ССР и союзных республик, всех существующих организаций помощи нуждающемуся населению, кооперативных и торговых предприятий как в центре, так и на местах»¹⁷. Наряду с предоставлением селу прямой помощи продовольствием следовало в ближайшее время определить области, наиболее сильно пострадавшие от бедствия. Дальнейшие задачи заключались в своевременной выдаче семенного зерна, снижении цен на хлеб в засушливых областях, хотя бы минимальном обеспечении наличного скота фуражом, предоставлении ссуд и установлении налоговых льгот для пострадавших крестьянских хозяйств. Прежде всего нужно было разработать детальную программу борьбы с последствиями неурожая, продумать план финансирования всех этих мероприятий.

17 июля руководитель ЦСУ П. И. Попов на заседании СНК сообщил о том, как скажутся последствия неурожая на реализации экспортных поставок сельхозпродуктов, на ценах, зарплате, налоговой системе и темпах восстановления промышленности. Чтобы смягчить эти последствия, Попов предложил рискованный план: пустить в оборот прошлогодние запасы зерна, снизить нормы потребления хлеба на душу населения и изъять «излишки» зерна у крестьян. Неконтролируемый же скачкообразный рост цен предлагалось предотвратить выполнением к январю на две трети плана заготовок зерна, что могло быть обеспечено только усилением налогового пресса. В противном случае только что восстановленная денежная система могла потерпеть полный крах. Но все эти выдвинутые для выхода из кризиса меры мало обнадеживали. Высшее руководство особенно беспокоила перспектива ограничения развития промышленности. По словам Ф. Э. Дзержинского, который одновременно возглавлял ОГПУ и ВСНХ, «весь наш аппарат стоит на точке зрения свертывания промышленности», но такая позиция, по его мнению, могла привести к «полному провалу»¹⁸. Правительство в тот момент оказалось не в состоянии предложить конкретные меры. Оно поручило Госплану в течение одной недели разработать проект мероприятий в сфере торговли, промышленности, финансов и кооперации при сохранении достигнутого уровня промышленного производства и товарооборота¹⁹. Для своевременного обеспечения села семенным фондом уже 15 июля была создана «семенная тройка» из представителей Наркомзема, Наркомвнугорга и Наркомпути, которая учредила соответствующие органы на нижних этажах управления²⁰. 25 июля был представлен предварительный финансовый план в размере 62 млн. руб.²¹ Центральному союзу потребительских кооперативов и другим кооперативным объединениям была поручена организация продовольственной помощи, обеспечение сохранности и доставка семенного зерна.

В кризисной ситуации 20-х гг. большевики обратились к методам, апробированным еще во время гражданской войны. Ввиду неэффективности транспорта, отсутствия надежной связи, опасаясь задержки с доставкой семенного фонда в засушливые регионы, Рыков принял решение направить в конце июля семь уполномоченных в области, производящие зерна, чтобы усилить давление на местные власти и обеспечить выполнение планов²².

В середине августа Попов представил правительству новый отчет с оценкой положения. По подсчетам ЦСУ, от неурожая 1924 г. пострадало более 8 млн. человек²³. Урожай целиком погиб на 11% посевных площадей, потери составили 25% по сравнению с 1921 г. Однако, отмечалось в отчете, голода и паники среди населения не было благодаря поставкам зерна, организованным правительством. «Республика из неурожая 1924 г. выйдет, несомненно, не-

ослабленной. Процесс восстановления хозяйства Союза республик не будет нарушен. Денежная система не будет поколеблена» — заключал Попов²⁴. Эта оценка укрепила уверенность правительства в том, что оно справится с последствиями неурожая без иностранной помощи и без серьезной ломки сложившихся экономических структур. Однако выводы Попова были излишне оптимистичными. Сообщения с мест свидетельствовали о голоде среди населения в течение всего лета²⁵.

24 августа Рыков с несколькими членами комиссии совершил десятидневную поездку в пораженные засухой области Поволжья — Саратовскую и Царицынскую губернии, а также в Автономную республику немцев Поволжья²⁶, чтобы на местах ознакомиться с реальным положением дел и выяснить возможности улучшения сельскохозяйственного производства. Выступая перед крестьянской аудиторией, Рыков особо остановился на том, что должно было стать лейтмотивом новой политики на селе: «...крестьянский труд определяет благополучие всего народа, рост нашего хозяйства, всю устойчивость государства и богатство всего населения. Необходимо, чтобы крестьяне стали более богатыми, более зажиточными, чтобы у них нужды не было, чтобы они стали покупать больше городских товаров, сельскохозяйственных машин...»²⁷.

В своем отчете о поездке членам Политбюро Рыков отметил полную пассивность местных партийных и кооперативных органов, агрономов, усиление «кулаков» и с горечью констатировал «культурную отсталость» сельского хозяйства, в котором еще не было повсеместно распространено обычное трехполье²⁸. Ознакомление сотрудников центральных правительственных органов с реальной ситуацией в деревне во многом способствовало корректировкам аграрной политики на ближайший год. Кампания помощи пострадавшим областям поставила крестьянский вопрос в центр внимания советской внутренней политики. Существенное влияние на новую ориентацию в крестьянской политике оказало и настроение самого селянина.

* * *

Летом и осенью 1924 г. в центральные органы управления стали поступать сведения о недовольстве крестьянства. Партия заключила из этого, что возросла политическая активность крестьян в целом и кулаков в частности. «Анτισоветские высказывания» и акты насилия против представителей местной власти наблюдались на селе и раньше. Теперь эти явления рассматривались партией как обострение классовой борьбы, что якобы было неизбежным следствием экономического укрепления крестьян в рамках нэпа. Факты нападений, «массовых избиений», убийств селькоров и деревенских коммунистов осенью 1924 г. и весной 1925 преподносились в центральной прессе обстоятельно и яркими красками²⁹. После убийства корреспондента Малиновского из украинского села Дымовка эта тема стала предметом широкого обсуждения, в том числе и в высших партийных кругах³⁰. Дымовка стала символом возрастающей «кулацкой опасности» и доблести крестьянских корреспондентов. Партийные лидеры рассматривали селькоров как своего рода передовой отряд партии в деревне, и случившееся стало поводом для начала дебатов о вновь развязанной классовой борьбе на селе. Политбюро потребовало публичного суда над преступниками и периодического проведения «показательных процессов»³¹.

«Земсводки» сотрудников ОГПУ из провинции свидетельствовали о недовольстве крестьян, вызванном налоговым прессом и высокими ценами на городские товары. Оно резко усилилось из-за неурожая. Прежде всего крестьян озлобляли методы взимания налогов. В случае неуплаты крестьянами сельскохозяйственного налога неизменно следовали «массовые конфискации имущества и скота», а также аресты. В одном уезде исполнительный комитет арестовал сразу 200 жителей из-за неуплаты налога, исключая, само собой

разумеется, коммунистов³². Во многих сводках сообщалось о том, что сельские бедняки вынуждены были продавать последнюю лошадь, чтобы уплатить налоги.

Наряду с налогами поводом для жалоб были высокие цены на промышленные товары, причем при относительно низких ценах на хлеб. Эти товары были недоступны для многих крестьян. Летом 1924 г. были повышены государственные закупочные цены на зерно. Чтобы предотвратить инфляцию, правительство отказалось от дальнейшей денежной эмиссии для покрытия стоимости закупок, ввело в конце августа предельные цены на хлеб, чем усугубило положение крестьян.

Недовольство крестьянства выразилось также в выдвижении требования создания Крестьянского союза или Крестьянской партии. Крестьяне задавались вопросом: почему рабочие имели свои профсоюзы, а они остались без соответствующих объединений? Многие большевистские лидеры рассматривали требование создания крестьянских союзов как показатель растущего влияния кулаков в деревне, хотя из сообщений ОГПУ было ясно, что этого добивались прежде всего середняки, а также часть бедняков.

* * *

Огромное влияние на изменение курса крестьянской политики имело восстание крестьян в Грузии в конце августа 1924 г. Меншевики, которые до 1921 г. были здесь правящей партией, продолжали активно действовать и после захвата власти большевиками, несмотря на эмиграцию многих своих лидеров, а также аресты и высылки. Совместно с другими антибольшевистскими партиями они в конце 1922 г. основали подпольный Комитет борьбы за независимость Грузии, который осенью 1923 г. принял решение о восстании. Хотя ОГПУ и знало об этих планах, правительство и Коммунистическая партия Грузии, казалось, были застигнуты врасплох, когда 28 августа 1924 г. началось восстание в Чиатуре. Восстание охватило преимущественно сельские районы Западной Грузии. Наиболее сильным оно было в Гурии. По некоторым сведениям, здесь насчитывалось несколько тысяч восставших³³. Уже через несколько дней восстание было подавлено войсками Красной Армии и частями ОГПУ: по непроверенным данным, тысячи людей пали в бою или были ликвидированы чекистами, многие арестованы и сосланы в трудовые лагеря на север России³⁴.

Восстание такого масштаба усилило беспокойство партийного руководства относительно надежности крестьянства. Осенью и зимой 1924 г. оно не раз возвращалось к анализу сложившейся ситуации. И. В. Сталин заявил на собрании партийных секретарей деревни, что «восстание в Грузии было искусственное, не народное», но что «в некоторых местах меньшевикам удалось вовлечь часть крестьянской массы в восстание». Участие же в восстании районов, «наиболее насыщенных коммунистическими силами»³⁵, по мнению большевистских лидеров, свидетельствовало о полной изоляции партии от крестьянства. На Пленуме ЦК в октябре 1924 г. Сталин назвал причиной недовольства грузинских крестьян их экономическое положение. Крестьяне приграничных районов, в частности Гурии, знали о низких ценах на промтовары за границей и требовали снижения цен на изделия советской промышленности или повышения цен на хлеб. «В этом — экономическая основа гурийского восстания в Грузии»³⁶. Но мотивы восстания против большевиков не были однозначными, на них накладывала отпечаток местная национальная и политическая специфика, о чем свидетельствовали многочисленные сообщения с мест. На том же Пленуме ЦК Зиновьев говорил о 10 тыс. восставших только одного из уездов и определил причины восстания как «меньшевизм плюс национализм» плюс неудовлетворенность экономическим положением³⁷. При всех различиях в оценках причин «грузинского урока» партийное руко-

водство восприняло его в целом как «тревожный сигнал, осознав необходимость пересмотра политики по отношению к деревне, чтобы недовольство крестьян не выплеснулось в восстания, подобные тамбовскому, грузинскому и др.³⁸

* * *

Вскоре появляются многочисленные комиссии по различным проблемам аграрной и крестьянской политики. Уже 2 июня 1924 г. Пленум ЦК постановил создать Постоянную комиссию по работе в деревне под руководством В. М. Молотова. В сентябре комиссия была преобразована в более расширенное Совещание по работе в деревне при ЦК РКП(б). При нем в течение одного года работали 27 подкомиссий, рассматривавших вопросы партийного строительства, кооперации, политического просвещения, низового советского аппарата, деревенской печати, профсоюзной работы, борьбы с самогонварением, сельскохозяйственного кредита и т. п. В целом Совещание до декабря 1925 г. заседало примерно 40 раз. Заседания проходили с сильно колеблющимся числом участников (от 15 до 40). Партийные лидеры, которые числились в Совещании, либо совсем не принимали участия в его заседаниях (Сталин), либо появлялись на них от случая к случаю (Рыков). В основном Совещание носило пропагандистский характер и поэтому его роль постепенно свелась к нулю. Основные решения по аграрной и крестьянской политике принимались в более узких кругах партийного руководства.

С 25 по 27 октября заседал Пленум ЦК партии, в резолюциях которого впервые в концентрированной форме отразилось изменение политического курса по отношению к селу. Официальный доклад Молотова о новом курсе в деревне не вышел за рамки самых общих рассуждений. Предложения же Зиновьева можно было на самом деле интерпретировать как политическую переориентацию в крестьянской политике. Руководитель Ленинградской партийной организации уже летом стал ее главным пропагандистом. В июне им впервые был выдвинут лозунг «Лицом к деревне!»³⁹, он также предложил создать вместо Совещания Крестьянский отдел ЦК. Зиновьев, которого московское студенчество в то время прозвало «крестьянофилом», критиковал не только произвол деревенских коммунистов, но и полное игнорирование партией коренных крестьянских интересов. Он отмечал, что «крестьянством мы начинаем интересоваться только тогда, когда нужно брать продналог». Сельские Советы, кооперативные и партийные организации должны были привлечь крестьян на свою сторону, иначе они сами «через голову этих организаций» создали бы собственный Крестьянский союз. Зиновьев предложил покончить с грубой антирелигиозной пропагандой в деревне, «окрестьянить» народные комиссариаты и местные исполнительные комитеты, увеличить число беспартийных крестьян в ЦИКе. Для этой фракции ЦИКа (60—70 крестьян), по его мнению, нужно было организовать «еженедельную газету под флагом беспартийных, которая фактически, конечно, была бы в наших руках»⁴⁰. Этим довольно скромным предложением Зиновьев «перегнул палку», как выразился Сталин, который к этому времени начал открыто выступать против него: «Руль должен остаться в руках партии теперь больше, чем когда бы то ни было. Тут говорят некоторые товарищи о создании беспартийной крестьянской фракции с центральной газетой во главе. Я против этого, товарищи... Я думаю, что создание такой фракции означало бы начало организации политической партии крестьян». Сталин считал, что «лучше воздержаться от таких экспериментов»⁴¹. Конфликт между Зиновьевым и Сталиным был в конце концов улажен. Слово «фракция» было заменено на слово «группа», остальные предложения Зиновьева приняты. Постановление Пленума предлагало, между прочим, членам ЦК и ЦКК, а также сотрудникам народных комиссариатов поехать на два-три месяца на работу в провинцию. Во всех кампаниях и публикациях должно было преобладать «действительно

бережное и внимательное отношение к запросам, нуждам и настроениям широкой массы крестьянства»⁴². В октябре 1924 г. Сталин говорил о необходимости «чуткого подхода» к крестьянам. В обращении к сельским партсекретарям он подчеркивал: «Не только учить беспартийных, но и учиться у них. А учиться нам есть чему у беспартийных»⁴³. Но ввиду слабости позиций партии в деревне все эти намерения вряд ли могли быть реализованы.

Чтобы обеспечить поддержку беспартийного крестьянства и направить его растущую активность в желаемое русло, решено было организовать кампанию «по оживлению Советов» в деревне. Октябрьский Пленум постановил провести свободные выборы в Советы; этой акцией намечалось привлечь беспартийных крестьян к работе в Советах, передав им часть полномочий непопулярных и малоэффективных деревенских партийных ячеек. Активность на выборах в сельсоветы осенью 1924 г. была, однако, существенно ниже, чем ожидала партия. Только 28,9% имеющих право голоса пришли на выборы, что было значительно меньше по сравнению с прошлым годом. Партийное руководство расценило это как «своеобразный бойкот». Растущая политическая активность крестьян «ищет форм неявных и скрытых», что сигнализировало партии об «опасности» современной ситуации, отмечал Яковлев⁴⁴. Президиум ЦИК своим решением от 29 декабря 1924 г. признал недействительными выборы, проведенные с сентября по декабрь во всех областях, где доля участвовавших была ниже 35% или имело место нарушение порядка выборов. Это касалось 40% всех сельских и волостных Советов. «Совещание по советскому строительству», организованное при Президиуме ЦИК в декабре 1924 г. под председательством М. И. Калинина, разработало новый регламент выборов, по которому не только избирательные комиссии, но также общественные организации и отдельные граждане имели право выдвигать кандидатов в депутаты. Постановлением Пленума (октябрь 1924 г.) и кампанией по оживлению Советов партия провозгласила курс «лицом к деревне», который должен был наложить свой отпечаток на всю внутривластную жизнь страны.

* * *

Мероприятия нового курса были главными во внутренней политике и в начале 1925 г. С января по май происходили повторные выборы в Советы в тех областях, в которых они были признаны недействительными. Ожидания, связанные с результатами кампании, на которую делали высокую ставку, оказались нереалистическими, противоречивыми. Рыков видел в деревенских Советах своего рода крестьянские профсоюзы, к которым всегда можно было обратиться для решения конкретных проблем. Для преодоления «чисто формального отношения» крестьян к Советам необходимы были свободные выборы, несмотря на единичные случаи, которые могли привести к «болезненным результатам (усиление кулаков)»⁴⁵. Для придания большей привлекательности советской власти в деревне коммунисты были готовы на некоторое умаление своей роли. Их влияние в деревне, по словам Рыкова, зачастую было значительно, если они не занимали официальных постов, а оставались рядовыми в деревенских организациях, играя роль своего рода «корректива». Такая позиция была показателем для настроений в партийном руководстве весной 1925 г.

Участие в весенних перевыборах достигло уже 41%. Доля коммунистов в сельсоветах значительно снизилась по сравнению с прошлым годом⁴⁶. Этот результат не был неожиданным, так как власти стремились к привлечению в Советы беспартийных крестьян. Сравнительный анализ, предпринятый ЦК партии, показал, что осенние выборы 1924 г., прошедшие под партийным нажимом, привели к «перенасыщению коммунистами сельсоветов и ВИКов»⁴⁷. Весенние же выборы 1925 г. отразили реальное соотношение сил в деревне. Несмотря на отдельные заявления относительно усиления кулаков и «антисо-

ветских элементов», партийное руководство рассматривало выборы 1925 г. как «первый действительный шаг в сторону поворота „лицом к деревне“»⁴⁸. Однако незначительное повышение числа участников выборов не могло свидетельствовать о решительном политическом переломе в деревне. Наконец, кампания по оживлению Советов страдала внутренними противоречиями, которые партия была не в состоянии устранить. С одной стороны, чтобы завоевать симпатии населения по отношению к советской власти, выборы должны были происходить без вмешательства и нажима партии; с другой стороны, партия хотела сохранить контроль над Советами, и политика оживления Советов заключалась не столько в идее предоставления крестьянам самоуправления, сколько в том, чтобы служить проводником партийного влияния в деревне.

Вопросы крестьянской политики в начале 1925 г. были главными на всех партийных и советских собраниях. В прессе статьи на эту тему часто вытесняли с первых полос сообщения о международном положении. В партийных верхах старались перещеголять друг друга в проявлении заботы о крестьянстве, что своеобразно выразилось в «любви» партийных функционеров к поездкам в провинцию. Так, например, чтобы ознакомиться с положением на местах, Молотов потратил весь февраль на поездку в Тамбовскую, Курскую и Тульскую губернии. Секретарь ЦК А. А. Андреев провел шесть недель в сибирских деревнях, на Урале и Кавказе⁴⁹.

Знаменитые слова Ленина о том, что нэп это «всерьез и надолго», в начале 1925 г. Зиновьев перефразировал на свой лад: «Лицом к деревне — всерьез, надолго ... „навсегда“, т. е. до тех пор, пока социализм не победит у нас окончательно, станет реальностью в полном смысле слова, и чем больше социализм будет побеждать в нашем хозяйстве в городах, тем больше внимания мы будем уделять задаче переработки, переделки, перевоспитания деревни»⁵⁰. С лозунгом «Лицом к деревне!» партия связывала также снижение цен на промышленные товары, землеустройство, строительство деревенских школ, издание массовой крестьянской газеты, укрепление комсомола и работу среди крестьянок. С осени 1924 г. предпринимаемые в этой связи меры составили важную часть кампании «лицом к деревне» и существенно сказались на политической атмосфере в стране. По решению Пленума ЦК летом 1925 г. на село было направлено 6 тыс. коммунистов. Это добровольно-принудительное «хождение в народ» оказалось таким же безуспешным, как и действительно добровольная акция интеллигентской молодежи за 50 лет до этого. Коммунисты из Москвы, Ленинграда и других городов были встречены деревенскими жителями как «незваные гости». Четверть мобилизованных была почти сразу же отозвана назад губернскими комитетами, другая четверть была использована для работы в городах, и только половина прибыла в деревню, откуда значительная часть вскоре дезертировала⁵¹.

Несмотря на то, что на практике партии не удалось реализовать «живую связь с крестьянством», центральные газеты были полны сообщений с мест о выдвижении крестьян на ответственные посты⁵², о передаче им участков леса, о снижении сельхозналога, о предоставлении тракторов, устройстве детских яслей и т. п. В середине апреля в этой обстановке Бухарин выдвинул свое знаменитое «Обогащайтесь!»⁵³ Политическая кампания «лицом к деревне» достигла своей высшей точки в первые месяцы 1925 г. Одновременно началась подготовка к проведению экономических реформ на селе, прежде всего в отношении кооперации.

* * *

На заседании 3 января 1925 г. Политбюро РКП(б) занималось исключительно вопросом «О положении кооперации». На него были приглашены руководитель Центросоюза Л. М. Хинчук и заместитель председателя Сельскосоюза Г. Н.

Каминский. В своем выступлении Каминский остро критиковал вмешательство партии в работу местных кооператоров, которое препятствовало их деятельности, несмотря на быстрый рост этого движения. В действительности крестьяне не интересовались кооперативами до тех пор, пока это членство не сулило им реальных выгод. Принципы добровольного вступления и свободного выбора руководящих органов по-прежнему нарушались «сплошным назначением» коммунистов в руководство кооперативами («мы больше администрируем, чем кооперируем»). Исключение крепких крестьянских хозяйств из кооперативов было неправильным и основывалось на нереалистических представлениях о кулаке. «Мы теряем в кооперации наиболее крепкие хозяйства, что экономически ослабляет кооперацию... Нам важно в сельскохозяйственной кооперации объединить все крестьянство, пусть даже кулаков, потому что гораздо выгоднее нам иметь кулака в сельскохозяйственной кооперации под нашим наблюдением, нежели вне ее, распыленного, следовательно, несравненно более вредного и опасного»⁵⁴.

Вопросы, которые задавали Сталин и Бухарин деятелям кооперативных союзов, показали, что в партийных инстанциях до сих пор серьезно не интересовались кооперацией. Из присутствующих только народные комиссары финансов и земледелия Г. Я. Сокольников и А. П. Смирнов понимали суть проблем. Сокольников подчеркнул, что о «настоящей» кооперации не могло быть речи, так как средства, вносимые крестьянами, составляли ничтожную часть имущества кооперативов. Это объяснялось бедностью крестьянских хозяйств, потому что «если у крестьянства нет в достаточном размере этих средств, то не может быть их в сельскохозяйственной кооперации. Кооперация может начать развиваться в большом масштабе только при известном уровне подъема крестьянского хозяйства». Чтобы «паупер-крестьянин» стал «мелким фермером», нужно было добиться того, чтобы старательный крестьянин не был дискриминирован, «чтобы крестьянин не боялся накопления»⁵⁵. Смирнов и Калинин тоже поддержали предложения Каминского и выступили против господствовавшего тогда понимания кулака. Поражала сдержанность Зиновьева и Каменева. Они высказались очень неопределенно, очевидно, не одобряя поворот в вопросе о кулаке. Сталин подвел итоги дискуссии следующим образом: «Кулака в кооперацию надо обязательно допустить... но не надо допускать в правление общества... В правлении общества даже один кулак будет опасен. Кулак — человек умный и опытный. В составе правления он может повести за собой десять не-кулаков»⁵⁶. Теперь дело было за комиссиями — они должны были разработать различные проблемы кооперации, чтобы представить этот вопрос для обсуждения на XIV партконференции.

* * *

В западной историографии XIV партконференция (27—29 апреля 1925 г.) характеризуется обычно как апогей нэпа. Важнейшим на этой конференции был вопрос о новой крестьянской политике, особенно в области кооперации. В начале апреля комиссия в составе представителей центральных кооперативных союзов, Наркомзема и других народных комиссариатов представила на обсуждение новую линию развития кооперации и проект резолюции по этому вопросу. Результаты дискуссии в комиссии, которую возглавлял Рыков, были подытожены в его докладе на конференции⁵⁷. Они сводились к следующему. Для развития производительных сил деревни необходимо было использовать имевшуюся в наличии свободную землю и свободную рабочую силу. Вопросы найма рабочей силы и аренды земли должны были решаться без административного давления. С частным капиталом можно было конкурировать только на основе экономических методов. Кулак получал право на участие в кооперативах, так как только путем использования его хозяйственных возможностей можно было поднять национальный доход. Коопе-

ративам было предписано направлять аккумулируемые средства в государственные каналы, через которые реализовывалась бы возможность кредитования средних и бедных крестьянских хозяйств. Применение наемного труда и аренда могли бы вместе с тем уменьшить безработицу в деревне, обусловленную «избыточным населением». Такие меры способствовали бы успешному проведению нэпа в деревне, хозяйственное развитие которой сдерживалось из-за администрирования еще со времен «военного коммунизма».

Очень важным моментом в новой ориентации крестьянской политики была проблема «аграрного перенаселения». Быстрый рост населения деревни и связанный с ним раздел крестьянских дворов вынуждали многих крестьян искать работу в городе. Миграцию сельского населения в города пытались всячески затормозить, тем более что такие городские проблемы, как безработица, нехватка жилья и др., имели уже тогда значительные размеры. Рабочие места необходимо было создавать не в городской промышленности, а в сельском хозяйстве, на что и была направлена политика в области аренды и наемного труда.

На XIV партконференции роль кооперации была сформулирована по-новому. Была поставлена цель вывести советские кооперативы на высокий экономический уровень российских товариществ довоенного периода, когда кооперация объединяла более 12 млн. крестьянских хозяйств. В идеологическом плане новый курс был подкреплен статьей Ленина «О кооперации», написанной в январе 1923 г. В ней были кратко представлены общие соображения о кооперации (позднее выданные за «Ленинский кооперативный план»), которые играли большую роль в партийных дебатах 1924—1925 гг. Бухарин видел в ленинской статье «на долгие годы программу нашей партии»⁵⁸. С новой ролью, которая теперь предназначалась кооперативам, тезисы Ленина имели мало общего. Они, скорее, служили «теоретическим успокоением» партии, для того чтобы застраховать себя в новой кооперативной политике с идеологической стороны⁵⁹.

Теперь Рыков называл кооперативы «нашим главным, почти единственным рычагом», способным привести «докапиталистические и частично капиталистические формы хозяйствования» к социализму. Для кооперирования широких слоев крестьянства необходимо было начинать кооперацию «со стороны товарооборота». Главная задача заключалась в организации крестьян в сфере торговли. Противоположную точку зрения, которая представляла кооперацию прежде всего как «непосредственное обобществление процессов сельскохозяйственного производства», Рыков осторожно охарактеризовал как «менее правильную». Масса середняков оставалась при тогдашнем состоянии техники «еще на долгое время... за бортом колхоза». Нужно было и дальше развивать различные формы коллективизации сельского хозяйства, однако было бы иллюзией полагать, что на «ближайший ряд лет из колхозов сумеем создать такую форму производства, удельный вес которой был бы сколь-нибудь значительным в общей системе нашего хозяйства». Коллективные формы ведения социалистического сельского хозяйства требовали, по словам Рыкова, более высокого технического уровня. «Коллективная организация нескольких крестьянских хозяйств, обрабатывающих землю деревенской сохой, это вовсе не социалистическое строительство»⁶⁰. Ввиду отсутствия технического базиса дальнейшего кооперирования в области производства кооперативы намечалось создавать в сфере потребления, что могло уже предоставить государству возможность контролировать и регулировать экономические процессы в деревне.

Конечно, было не ясно, каким образом кооперирование с его ориентированностью на сферу обращения должно быть связано с созданием коллективного социалистического хозяйства, которое предстояло направить на развитие сферы производства. Идея о переходе крестьянских хозяйств «от организации

торговли к организации коллективного производства» принадлежала Бухарину⁶¹. Но как это должно было выглядеть на практике, никто не знал.

Новая концепция едва ли могла учесть реальное положение кооперативов. Число всех сельскохозяйственных кооперативов за последние два года сильно выросло и охватило примерно 3 млн. хозяйств. По данным Сельскосоюза, удовлетворительно работали только 25% кооперативов⁶². Делегаты из провинции, выступившие в прениях по докладу Рыкова, в полной мере прояснили трудности ситуации. Низкая квалификация и зачастую «безответственное поведение» кооперативных работников усилили недоверие крестьян к кооперативам, многие из которых существовали только на бумаге. Сельскохозяйственные кооперативы страдали прежде всего от нехватки собственного капитала, поэтому они работали нерентабельно и нередко самоликвидировались. В этом заключалась суть проблемы — без привлечения финансовых средств предложенная программа экономически не могла быть реализована. Отсюда и допущение кулаков в кооперативы.

Аграрная программа XIV партконференции предлагала конкретные шаги по улучшению сельского хозяйства. Ввиду постулированных целей по увеличению агропродукции и товарооборота принятой программе не было реальной альтернативы. Против предложенного эволюционного плана развития выступил только известный своими полемическими выпадами Ю. Ларин, который толковал курс «лицом к деревне» как усиление классовой борьбы: «Когда мы поворачиваемся лицом к деревне — чьим лицом поворачиваемся? Пролетарским лицом нашей партии, партии пролетариата. Этот поворот, поворот такого лица, вызывает сильнейшее обострение борьбы в деревне». Лучше, по словам Ларина, если кулаки теперь работают открыто, чем скрытно, но «лет через 15—20 мы конфискуем, экспроприруем крупные частные хозяйства, когда придет для этого время»⁶³. Такие представления в партии были не только у одного Ларина. Уже в начале года Рыков критиковал отдельных товарищей, которые видели свою главную задачу в «уничтожении мелкого крестьянства». Однако проблема коллективизации не выдвигалась партией «как задача, которая подлежит разрешению в настоящий момент»⁶⁴. Не только Рыков и Бухарин, но все партийное руководство весной 1925 г. публично отвергло идею ускоренной коллективизации и решительно осудило теорию обострения классовой борьбы⁶⁵.

III съезд Советов (13—20 мая 1925 г.) принял ряд важных мер «для быстрого укрепления и подъема всей массы крестьянских хозяйств с целью поднятия их доходности»⁶⁶. Они явились конкретным выражением политической линии XIV партконференции. Решения съезда были направлены против ограничений частной торговли и предоставляли крестьянам уступки в области налоговой и ценовой политики. Для повышения производительности сельского хозяйства необходимо было решительно улучшить снабжение села техникой и продолжить дорогостоящее землеустройство на более благоприятных условиях, а также осуществить переселение крестьян из малоземельных областей на «свободные земли». С развитием аренды и разрешением наемного труда снимались все ограничения на создание хуторов и отрубов. Совхозы, пользовавшиеся у крестьян, как правило, плохой репутацией, было решено принципиально поддерживать и в дальнейшем, но экономически нерентабельные хозяйства предлагалось сократить. «Нужно пересмотреть и поискать, не найдем ли мы чего-нибудь лишнего у совхозов для того, чтобы передать крестьянам», — так высказался Рыков на съезде Советов⁶⁷.

Съезд принял пакет мероприятий, рассчитанных на значительные коррективы проводимой до сих пор аграрной политики. Они частично совпадали с реформами сельского хозяйства, проводившимися в довоенной России, и основывались на проекте перспективного плана развития сельского хозяйства на 1923/24—1927/28 гг., разработанного Наркомземом под руководством Н. Д. Кондратьева.

Насколько были реализованы намеченные мероприятия? Что касается ценовой политики, то в ней больше не опирались на практику лимитирования хлебных цен, а ввели гибкое государственное регулирование цен и контракты с кооперативами и заготовителями зерна. Введение обязательных цен для крестьян, продающих хлеб, исключалось. Однако уже осенью 1925 г. в ходе хлебозаготовок это решение было нарушено. Весной 1926 г. для кооперативов вновь стали обязательными госцены на зерно⁶⁸. В связи с медленными темпами хлебозаготовок в конце 1925 г. право торговли хлебом для частных было сильно ограничено. Не получило воплощения на практике и запланированное максимальное обеспечение их сельхозмашинами. Так как такая покупка для большинства крестьян была не по карману, в мае 1925 г. правительство приняло решение о кредитовании их для обзаведения сельхозмашинами. Но уже зимой предоставление кредитов было значительно сокращено⁶⁹. В течение года должно было коренным образом измениться отношение и к другим вопросам аграрной политики. В одном из декабрьских постановлений ЦК 1926 г. об аренде говорилось как об «отсталой форме использования земли», которую предстоит ликвидировать. Одновременно одну из важнейших задач партия видела в «необходимости дальнейшего укрепления и развития» совхозов и колхозов⁷⁰.

Концепция кооперации, разработанная весной 1925 г., изначально была практически вряд ли реализуемой. Если III съезд Советов считал «нецелесообразным применение каких-либо административных мер против вырастающей на почве свободной торговли буржуазной (кулацкой) верхушки деревни» и признавал необходимой «поддержку трудового крестьянского хозяйства», т. е. растущего середняка, то оставался открытым вопрос, что делать с массами бедняков. Кооперирование бедняков и середняков объявлялось III съездом Советов «наиболее мощным и самым правильным способом поднятия крестьянского хозяйства»⁷¹ и, по словам Каменева, «орудием защиты от эксплуатации «буржуазной верхушкой». Государство обязывалось помогать крестьянам, объединившимся в кооперативы, развивать их хозяйства до такого уровня, чтобы можно было обеспечить существование на основе «трудового землепользования». Укрепление крестьянских хозяйств и их техническое оснащение должны были создать предпосылки для коллективизации. Для развития большого числа бедных хозяйств, не располагавших ни сельхозинвентарем, ни рабочим скотом, необходимы были значительные кредиты. В кооперативы часто не принимали бедных крестьян, банки отказывали им в выдаче кредитов, так как они считались неплатежеспособными. Беднякам могли помочь, пожалуй, только дорогостоящие долгосрочные государственные кредиты, которые III съезд Советов требовал выделять всем крестьянам, но государство не располагало для этого финансовыми возможностями. Без того, чтобы само крестьянство научилось отдавать свои сбережения на хранение государству, утверждал Каменев, «организовать... дешевый долгосрочный кредит нам будет чрезвычайно затруднительно»⁷². Большевики в своей кооперативной политике исходили из противоречащих друг другу целевых установок. С одной стороны, их усилия направлялись на перевод средств зажиточных крестьян «на социалистические рельсы», с другой — они хотели использовать кооперативы «в качестве средства проведения государственной социальной политики»⁷³, с помощью которой намеревались поддержать бедняков. В. П. Данилов указал на идею Бухарина о «кооперативных ступенях», которые должны были разрешить эти противоречия. Согласно этой идее, колхозы были задуманы для бедняков, потребительские кооперативы — для середняков и кредитные кооперативы — для зажиточных крестьян. Подобное представление В. П. Данилов удачно охарактеризовал как «дань схоластике, возникшей из восторга перед абстрактно-логическими конструкциями»⁷⁴.

Противоречивость кооперативной политики заключалась в различиях идеологических и экономических аспектов. Об экономическом повороте в аграрной

политике можно говорить более в теоретическом, нежели в практическом смысле. «Поворот» не означал, однако, отказа от конечной цели — коллективизации. Скорее наоборот, принятые меры должны были лечь в основу последующей коллективизации. Возникает вопрос, почему большая часть намеченных мероприятий не была реализована, и уже к концу 1925 г. появились новые политические ориентиры. В этой смене курса решающее значение имели дискуссия о расслоении крестьянства и «кулацкой опасности», а также трудности с хлебозаготовками.

* * *

С экономическим подъемом в рамках нэпа проблема социального расслоения крестьянства вновь стала актуальной. Вопрос о кулаке в 1924—1925 гг. выдвинулся в центр внимания партии. Было совершенно не ясно, каким образом отличить эксплуататора-кулака от зажиточного крестьянина или старательного труженика, в котором партия теперь наряду с бедняком видела своего союзника. Если в начале 1924 г. XIII партсъезд высказался за решительные меры против кулаков, то с развертыванием кампании «лицом к деревне» у отдельных партийцев сложилось несколько иное мнение. Нарком земледелия Смирнов на октябрьском Пленуме ЦК (1924 г.) предостерегал относительно действий против сильных хозяйств, так как это привело бы к разрушению производительных сил деревни. Учитывая запутанный характер дискуссии о кулаке и находясь под впечатлением бедственного положения хозяйств в засушливых районах, заместитель Смирнова А. И. Свидерский при подведении итогов инспекционной поездки заявил 9 сентября 1924 г.: «Кулаков в деревне нет, их можно подыскивать только по резолюции XIII съезда»⁷⁵. Такие высказывания были возможными, конечно, только в закрытых кругах.

На заседании Политбюро 3 января 1925 г. отдельные партийные лидеры четко отмежевались от политики, проводившейся до того в отношении богатых крестьян. Калинин заявил, что понятие «кулак» не имеет ничего общего «с материальным состоянием» крестьянина. Так называемый кулак «материально, вероятно, расходует гораздо меньше среднего рабочего... Он живет, во всяком случае, хуже наших представителей в деревне... а работает больше, и все-таки его зовут кулаком»⁷⁶. Сокольников и Смирнов выступили за изменение политики в кулацком вопросе, так как любой старательный середняк расценивался местными коммунистами как кулак, вследствие чего политика по накоплению капитала в сельском хозяйстве и крестьянских кооперативах могла быть доведена до абсурда. Смирнов высказался даже за избрание богатых крестьян в руководящие органы кооперативов.

Разрешив аренду и наемный труд, партия опасалась быстрого расслоения деревни и усиления кулака, но поначалу рассматривала это как явление временное, неизбежное и контролируемое. Сложнее было, как сказал на XIV партконференции Рыков, «в большей мере, чем до сих пор, повернуться лицом к бедняку и середняку»⁷⁷, чтобы новый курс не был воспринят на селе как поворот к «деревенской буржуазии».

Сформировавшаяся к осени 1925 г. «ленинградская оппозиция» сталинско-бухаринскому руководству решила использовать XIV партконференцию для проведения атаки на политику большинства, якобы направленную на поддержку кулака. Как бы в ответ на эти нападки правительство наметило подробно изучить процессы дифференциации в деревне в условиях новой возможности использования аренды и наемного труда, чтобы разработать соответствующие меры по защите бедняков. Из статистических данных, которые ЦСУ во второй половине 1925 г. предоставило Рыкову, следовало, что «процесс дифференциации... идет вперед, но далеко не тем быстрым темпом, какого ожидали в начале новой экономической политики» (весной 1925 г.)⁷⁸.

Основываясь на такой информации, Рыков защищал весеннюю программу 1925 г. от критики со стороны оппозиции следующим образом: «Строить могучую сеть кооперативных организаций, охватывающих со всех сторон крестьянскую экономику, на одной бедноте... на разжигании антагонизма между ею и середняком и на обострении классовой борьбы между ею и кулаком никто, даже самые „ультралевые“ деревенские работники, не смогут»⁷⁹. Очевидно, однако, что Рыков, Смирнов, Калинин и другие партийцы, которые высказывались за смягчение политики по отношению к кулаку, уже осенью 1925 г. оказались в политической обороне. Отказ от лозунга «Обогащайтесь!» накануне XIV партсъезда, вызванный политическим давлением на Бухарина, показал им, что в данной дискуссии лучше не заходить слишком далеко. Сталин, Молотов и Андреев еще в июне открыто осудили бухаринский лозунг⁸⁰. Пленум ЦК (осень 1925 г.) был посвящен «работе среди деревенской бедноты». В качестве конкретных политических мер Молотов требовал создания групп бедняков по «совместному с середняками выдвижению кандидатов при пере выборах». Бедноту требовалось организовать «для руководящей работы во всех общественных органах деревни», так как только она считалась «наиболее крепкой опорой Коммунистической партии в деревне»⁸¹. Тот факт, что эти предложения спустя полгода после решения XIV партконференции были единодушно одобрены, показывает, что уже осенью 1925 г. обозначился новый политический поворот, ставший не только тактическим маневром, «с помощью которого хотелось сгладить опасения бедняков и идейных активистов»⁸², а неявным отказом от политики «лицом к деревне». Если весной партия считала кулаков только потенциальной опасностью, то уже на XIV съезде (декабрь 1925 г.) говорилось о «реальной опасности», состоявшей в том, «что кулацкий слой пытается вести и очень часто ведет середняка за собой»⁸³. Неужели характер кулака так основательно изменился за считанные месяцы?

Партийную дискуссию о роли кулака и расслоении деревни можно понять только с учетом идеологической и политико-тактической обстановки того времени. Большевики переоценили процесс дифференциации деревни, которая в 20-е гг. находилась еще в стадии экономического возрождения. Слова «кулак» и «бедняк» использовались в партии чаще как средство политической борьбы, а не как понятия социального анализа. Поэтому вся партийная дискуссия о кулацкой опасности основывалась на неадекватной классовой модели крестьянства, принятой на вооружение большевиками и свидетельствующей, скорее, о страхе за существование правящей партии, чем о реальных социальных процессах. Иррациональный страх большевиков перед крестьянской контрреволюцией направлял дискуссию о социальном расслоении деревни на неверный путь и стал одним из основных мотивов радикального «решения» крестьянского вопроса к концу десятилетия.

Уже с осени 1925 г. партия затормозила осуществление своей политики, направленной на дальнейший подъем сельского хозяйства, вновь взяв на вооружение концепцию классовой борьбы. «Если (в определении кулака.— М. В.) принимается во внимание мощь хозяйства, то тогда не нужно власти писать и говорить об улучшении сельского хозяйства в общем, так как известно, что улучшенные формы землепользования делают хозяйство мощным»⁸⁴, — так высказался один крестьянин, который довольно точно уловил противоречие между политикой классовой борьбы и курсом «лицом к деревне». Даже так называемые «правые» в партийном руководстве не отрицали кулацкой опасности. Хотя отдельные партийные лидеры весной 1925 г. открыто выступали против политики классовой борьбы, они же чуть позже предупреждали о растущем влиянии кулака на широкие деревенские массы. Другие мнения, согласно которым понятие «кулак» считалось неподходящим для послеоктябрьского периода⁸⁵, тогда не воспринимались, а уже с осени 1925 г. осуждались весьма резко.

Дискуссия в партии о крестьянской политике 1924—1925 гг. носила печать

острого противоречия: с одной стороны, партия видела экономическую необходимость в том, чтобы все крестьяне стали богаче, с другой — она не могла удержаться от борьбы с фантомом «кулака», не имея даже точного определения этого понятия. Взгляд большевиков на деревню с позиций классовой борьбы был, однако, несовместим с политикой развития производительных сил сельского хозяйства. Для обновленной пропаганды классовой борьбы в деревне важную роль играла заготовительная кампания 1925 г.

* * *

Ввиду провала государственных хлебозаготовок 1924/25 г., вызванного неурожаем, пришлось вместо запланированного экспорта ввозить хлеб⁸⁶. В 1925 г. рассчитывали на рекордный урожай, который позволил бы за счет экспорта зерна осуществить большой скачок в развитии промышленности. Но из-за дороговизны промышленных товаров крестьяне не спешили с продажей хлеба, надеясь, что цена на него возрастет. В итоге ход хлебозаготовок сильно замедлился. Если в сентябре выполнение плана составило 87,5%, то в первой декаде октября оно снизилось до 25%⁸⁷. Правительство в октябре вынуждено было признать, что «план Госплана, Рыкова и Каменева» был перечеркнут «планом» крестьянина, а также «планом» мирового рынка, основанным на снижающейся цене на хлеб⁸⁸. В конце концов, даже урезанный план оказался невыполненным. Вместо первоначально запланированного количества удалось получить не более 75%, а экспорт достиг лишь 40% от намеченного. Вместе с тем цены на хлеб на мировом рынке падали, поэтому вместо ожидаемой прибыли от внешнеторговой деятельности в размере 35 млн. руб. имел место дефицит, оцениваемый примерно в 80 млн. руб.⁸⁹ Надежды на быстрый рост промышленности рухнули.

Очень низкие по сравнению с частным рынком расценки, по которым кооперативы и госзаготовители расплачивались с крестьянами, неблагоприятно повлияли на объем хлебозаготовок. Перед советским правительством в ценовой политике стояла дилемма: повышение закупочных цен способствовало бы сбыту зерна, однако при этом возникала опасность инфляции и нерентабельности экспорта; снижение же цен вело бы к уменьшению объема продаж. Решение проблемы хлебозаготовок при данных обстоятельствах было весьма труднодостижимым. Более высокие цены могли, по крайней мере, улучшить положение государственных заготовителей и кооперативов по сравнению с частниками. Повышение прямых налогов увеличило бы сбыт и уменьшило трудности заготовок, но эта мера противоречила принятой осенью 1924 г. политической линии по отношению к крестьянству. Экономические методы решения не были задействованы; вместо этого приняты меры, идущие вразрез с политическим курсом, объявленным весной. Провал заготовительной кампании осенью 1925 г., таким образом, привел к невыполнению аграрной программы. Вместе с тем росло и сопротивление новой крестьянской политике партии.

* * *

Партийное руководство после октябрьского Пленума ЦК 1924 г. должно было уяснить, что новый курс не пользовался единодушным одобрением деревенских коммунистов. С осени 1924 г. в центральные инстанции стали поступать сообщения, которые свидетельствовали о широком сопротивлении партийных низов новой крестьянской политике. Лозунг о свободных выборах без партийного принуждения и о привлечении беспартийных в Советы воспринимался коммунистами в провинции с обидой. Работники Курского укома писали, что «позиция ЦК в отношении „свободных“ выборов и вовлечения

беспартийных неправильна, так как, выполняя директиву ЦК, мы не удержим за собой руководства в Советах»⁹⁰. Как резюмировали в ЦК, повсюду после объявления нового курса у деревенских коммунистов господствовали «угнетение, уныние и растерянность»⁹¹. Фактически новый курс означал для многих партийцев, занимавших посты председателей сельсоветов, лишение их средств к существованию, не говоря уже о потере власти и привилегий. Часть деревенских коммунистов понимала новую политику как «поворот лицом к кулаку». К тому же многие деревенские коммунисты очень настороженно и зачастую с неприязнью восприняли новые постановления об аренде и наемном труде; к тому же инструкции центра грешили нечеткостью и противоречивостью. Как замечал Яковлев, «не виноват же только деревенский коммунист, который три года просидел в армии, а четыре года командовал в селе, в том, что он не может в 24 часа изменить методы работы среди беспартийных крестьян»⁹². Действительно, функционеры в деревне оказались в крайне незавидном положении. Там, где они весной 1925 г. проводили предвыборную кампанию привычными административными методами, партия их порицала за это, а там, где осенью они выказывали большую сдержанность, их упрекали за промахи в организационной работе с бедняками. Если партийная ячейка запаздывала «с поворотом лицом к деревне не менее, чем на год»⁹³, то за это время в центре уже менялись ориентиры.

Наряду с пассивным сопротивлением партийных низов одновременно наблюдался и нараставший разброд в партийных верхах. «Тройка» — Сталин, Каменев и Зиновьев — фактически распалась. Каменев и Зиновьев в конце 1925 г. выступили открыто на партийном съезде в качестве «новой оппозиции», но конфликт в руководстве партии обозначился еще во время XIV партконференции. Осенью 1925 г. Зиновьев, Каменев, Крупская и Сокольников представили в Политбюро секретную докладную записку, которую «девятка» (все члены Политбюро за исключением Троцкого) осудила как атаку на партийное единство. Их упрекали в «извращении ленинизма» и в «подмене ленинизма ларинизмом» в крестьянской политике, в дискуссиях по которой раскол ощущался особенно остро. Зиновьев, который теперь опирался прежде всего на свою ленинградскую «домашнюю власть», т. е. на партийную организацию с явно выраженными пролетарскими традициями, летом 1925 г. из страстного защитника новой крестьянской политики превратился в ее решительного противника. Уже в своем выступлении в конце июня 1925 г. он снова говорил о перспективах классовой борьбы против кулака, который якобы представлял собой гораздо большую опасность, нежели городской эппман⁹⁴.

Провал заготкампании 1925 г. усилил оппозицию в критике курса партийного большинства. Используя недовольство рабочих растущей дороговизной и безработицей, она требовала решительных действий против кулаков и частной торговли. Каменев видел основную причину провала заготовок в сокрытии хлеба зажиточными крестьянами, в так называемой «забастовке кулаков». Он опирался при этом на оценки ЦСУ июня 1925 г., по которым 12% богатых крестьян владели 33% всего хлеба и 54% его излишков, которые они скрывали от рынка. В нервной обстановке затянувшейся заготовительной кампании это заявление лило воду на мельницу критиков новой аграрной политики. Рыкова явно раздражали эти цифры, потому что они противоречили его концепции, согласно которой доминирующей силой в деревне был середняк. Поэтому он назвал их несерьезными⁹⁵. РКК при В. В. Куйбышеве было поручено проверить работу ЦСУ. Комиссия под председательством Яковлева в конце ноября признала данные ЦСУ некорректными, а именно доля кулаков (в хлебе) была преувеличена за счет середняков. 10 декабря Политбюро решило освободить руководителя ЦСУ Попова за допущенные «крупные ошибки», подчеркнув при этом, что «всякая попытка подгонять цифры под

предвзятое мнение будет рассматриваться как уголовное преступление»⁹⁶. Эта мера была, по-видимому, предпринята для того, чтобы накануне партийного съезда политически дискредитировать оппозицию Каменева и Зиновьева⁹⁷.

Несмотря на решительную борьбу против оппозиции, ее взгляды повлияли на точку зрения партийного большинства. Были высказаны серьезные претензии к крестьянской политике последних месяцев. На октябрьском Пленуме (1925 г.) Молотов уже обозначил оба так называемых уклона, о которых предстояло объявить на следующем партсъезде. Первый уклон заключался в «недооценке отрицательных сторон нэпа», второй — в «недопонимании значения нэпа как необходимого этапа перехода к социализму»⁹⁸. Если второй уклон подвергал опасности союз рабочих и крестьян, то первый пренебрегал интересами бедняков и игнорировал кулацкую опасность. На XIV партсъезде в декабре 1925 г. была утверждена официальная трактовка нэпа, разделявшаяся большинством. Ленинградская оппозиция потерпела сокрушительное поражение. Резолюции съезда подтвердили решения XIV партконференции, подчеркнув значение смычки и середняка, назвав недооценку значения нэпа главным уклоном⁹⁹. Несмотря на громкие слова, политика партии, проводимая с весны 1925 г., оказалась в основном отброшенной назад из-за принятия новой линии на индустриализацию, утвержденной партсъездом.

* * *

С началом осени 1925 г. интерес к крестьянскому вопросу внезапно упал. Сообщения из деревни в ежедневных газетах резко уменьшились в объеме и переместились на последние страницы¹⁰⁰. Политическое настроение после прямо-таки эйфорической, дружественной по отношению к крестьянам фазы коренным образом изменилось. После провала амбициозных планов сельскохозяйственных заготовок руководство, по-видимому, было разочаровано. Пропагандисты аграрной программы находились с осени в более трудной ситуации, чем их критики, так как осуществление решений XIV партконференции, особенно в отношении кооперации, оказалось более сложным, чем предполагали. Денежные вклады в кооперативы, несмотря на их быстрый рост в 1925 г., оставались незначительными. Рыков критиковал партийные организации за пассивность в выполнении решений XIV партконференции о привлечении крестьянских сбережений в кредитную и кооперативную сферы¹⁰¹. Курс на восстановление сельского хозяйства не был прерван, но по решению партийного руководства индустриализация была признана первоочередной и главной задачей.

Еще в начале 1925 г. Рыков объявил, что обеспечение сельского хозяйства кредитами в текущем хозяйственном 1924/25 г. значительно возросло, но и этого не хватало даже на «самые насущные потребности крестьянского хозяйства». Поэтому необходимо было дальнейшее увеличение кредитов, чтобы сделать «большой шаг вперед» в сельском хозяйстве¹⁰². Сокращение плана снабжения сельхозмашинами и ограничение его государственными кредитами осенью 1925 г. свидетельствовали о том, что развертывание тяжелой промышленности получило явное преимущество в развитии экономики страны. Хозяйственный 1924/25 год был в 20-е гг. единственным исключением, когда бюджетные ассигнования на сельское хозяйство превысили расходы на промышленность¹⁰³.

Партийные лидеры, однако, пока еще публично не заявили о смене политического курса. В конце февраля 1926 г. на III совещании земорганов РСФСР Рыков в ответ на недоуменные вопросы заверил собравшихся, что «правительство и партия не собираются менять свою политику по отношению к деревне» и что решения XIV партконференции и XIV партсъезда остаются «в полной силе» и никто не собирается их отменять¹⁰⁴. Новая линия партии наиболее отчетливое выражение получила в речи Куйбышева на пленуме

ЦКК в начале апреля 1926 г. Многие понимали директивы XIV партийного съезда таким образом, что партия отвернулась от деревни и повернулась к промышленности. Такая позиция, сказал Куйбышев, была совершенно неверной, но промышленность должна была тащить за собой сельское хозяйство. Но если для развития промышленности требовались огромные капитальные вложения, то сельское хозяйство, как полагали, могло развиваться без внешней помощи¹⁰⁵. После того, как крестьянам были сделаны уступки, в партии господствовало в основном мнение, что быстрый рост сельского хозяйства может происходить «автоматически», т. е. главным образом за счет средств населения¹⁰⁶, что было явной переоценкой возможностей развития сельского хозяйства. Таким образом, обозначилась основная политическая линия. В итоге большая часть принятых весной решений была пересмотрена еще до их проведения в жизнь.

* * *

Итак, курс под лозунгом «лицом к деревне», взятый летом — осенью 1924 г., спустя всего год прекратил существование. Общий поворот партии к проблемам аграрной и крестьянской политики был обусловлен не только спадом революционного развития в Западной Европе, но и неурожаем 1924 г., а также недовольством крестьян. Политические уступки крестьянству нашли свое выражение в решениях октябрьского Пленума ЦК 1924 г. Предпринятые меры были нацелены на включение крестьян в политическую жизнь, но прежде всего на усиление влияния партии и советской власти в деревне. Решения XIV партконференции и III съезда Советов внесли коррективы в планы развития сельского хозяйства. Выдвинутые партией и правительством программы содействия развитию производительных сил деревни должны были способствовать укреплению личных крестьянских хозяйств, что могло послужить в дальнейшем ускоренному накоплению средств для намечаемой индустриализации. При этом были явно переоценены возможности накопления капитала в сельском хозяйстве. Надежды на то, что ускоренное кооперирование крестьянства создаст дополнительные источники накопления, не оправдались.

Первоочередные задачи планового развития промышленности оттеснили проблемы деревни на второй план. Основываясь на ложных предпосылках, в соответствии с которыми сельское хозяйство могло развиваться за счет собственных средств, важные решения весны 1925 г. были отброшены. Без преувеличения можно констатировать, что распространение нэпа на крестьянство, отражавшее суть политики «лицом к деревне», было ликвидировано за несколько месяцев.

Случается, что лозунги переживают те политические периоды, для которых они были задуманы. В 1928—1930 гг., когда происходил переход от первых «чрезвычайных мер» к жестко проводимой, принудительной коллективизации, издавался журнал под названием «Лицом к деревне». Теперь этот лозунг, утративший свой первоначальный смысл, содержал уже иной призыв — «Лицом к коллективизации».

Примечания

¹ См.: Молчанова А. П. Из истории борьбы за упрочение союза рабочего класса и крестьянства (1924—1925). (Партийно-массовая работа в деревне в 1924—1925 гг.). М., 1956; Марговецкий В. И. Лозунг партии «Лицом к деревне» и его осуществление в БССР в 1924—1925 гг. Минск, 1961.

² История советского крестьянства. В 5 т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие советской власти 1917—1927. М., 1986. С. 317.

³ Carr E. H. Socialism in One Country. 2 vols. L., 1965. Vol. 1. P. 180 etc; Vol. 2. P. 304 etc; Merl S. Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik: die Anfänge staatlicher Lenkung

der Landwirtschaft in der Sowjetunion 1925 bis 1928. München, 1981; idem. Entwicklungsprobleme des Agrarsektors in der Sowjetunion//Bergmann T., Schäfer G. «Liebling der Partei». Bucharin — Theoretiker des Sozialismus. Hamburg, 1989. S. 266—277; Валентинов Н. (Вольский Н. В.). Доктрина правого коммунизма. 1924—1926 годы в истории Советского государства. München, 1960. См. также: Валентинов Н. В. «Наследники Ленина». М., 1991. С. 82—159.

⁴ Булгаков М. «Торговый ренессанс»//Похождения Чичикова (Повести, рассказы, фельетоны, очерки. 1919—1924). М., 1990. С. 70.

⁵ Большаков А. М. Советская деревня за 1917—1925 гг. Изд. 2, доп. Л., 1925. С. 104. Автор исследовал хозяйство и деревенский быт своей родной волости в Тверской губернии.

⁶ Lewin M. The *Obshchina* and the Village//Bartlett R. (Ed.). Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society. L., 1990. P. 21, 27.

⁷ Яковлев Я. Наша деревня. Новое в старом и старое в новом. Изд. 2. М., 1924. С. 118.

⁸ Росницкий Н. Лицо деревни: По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. М.; Л., 1926. С. 76.

⁹ Яковлев Я. Указ. соч. С. 144—145.

¹⁰ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: Стеногр. отчет. М., 1963. С. 100.

¹¹ Там же. С. 438.

¹² Там же. С. 454 и др.

¹³ См.: РГАЭ, ф. 478, оп. 1, д. 1372, л. 1422.

¹⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 68, д. 262, л. 5.

¹⁵ Крылов С. Неурожай и мероприятия по борьбе с ним//Власть Советов. 1924. № 5.

С. 44.

¹⁶ Постановлением СНК от 26 августа 1924 г. был утвержден следующий состав комиссии: А. И. Рыков, А. П. Смирнов, Л. Б. Красин, А. М. Лежава, М. П. Фрумкин, А. И. Свидерский, А. Б. Халатов, П. И. Попов, А. Н. Винокуров, С. Н. Крылов (секретарь) и Г. И. Петровский как представитель Украины. 31 июля 1925 г. комиссия была ликвидирована.

¹⁷ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1924 г. Вып. 1. М., 1924. С. 4.

¹⁸ ГА РФ, ф. 5446с, оп. 55, д. 448, л. 33.

¹⁹ РГАЭ, ф. 478, оп. 15, д. 19, л. 43.

²⁰ ГА РФ, ф. 7820, оп. 1, д. 1, л. 40, 46, 52. План поставок семенного зерна в пострадавшие районы был выполнен в конце августа.

²¹ В целом расходы центральных государственных органов после окончания работы комиссии по борьбе с последствиями неурожая составили примерно 108 млн. руб. В эту сумму не были включены расходы из местных источников и государственные льготы (освобождение от сельхозналога). См.: Поляков Ю. А. Недород 1924 г. и борьба с его последствиями//История СССР. 1958. № 1. С. 77.

²² ГА РФ, ф. 7820, оп. 1, д. 1, л. 59—69. О борьбе с неурожаем см. также: Огонек, 1987. № 50. С. 7 (воспоминания А. И. Микояна).

²³ Весной 1925 г., по официальным данным, неурожай охватил территорию в 6338 тыс. дес. и коснулся 7611 тыс. человек. Поскольку не все пострадавшие районы были признаны неурожайными, реальные цифры составили: 9352 тыс. дес. и 12 254 тыс. чел.: РГАЭ, ф. 478, оп. 1, д. 1379. л. 43.

²⁴ ГА РФ, ф. 5446, оп. 81а, д. 377, л. 23.

²⁵ РГАЭ, ф. 478, оп. 1, д. 1372, л. 1422.

²⁶ См.: Юдин В. Восхождение//Годы и люди: Сб. Саратов, 1989. С. 202—230. Рыкова сопровождали также американские журналисты. См.: Reswick W. I Dreamt Revolution. Chicago, 1952. P. 84—96.

²⁷ Рыков А. И. Неурожай и народное хозяйство СССР. М., 1924. С. 12—13.

²⁸ ГА РФ, ф. 5446с, оп. 55, д. 597, л. 187—188.

²⁹ Только в ноябре — декабре 1924 г. «Известия» сообщали о целом ряде убийств селькоров (см. номера газеты от 21 ноября, 10 и 12 декабря и др.). Весной 1925 г. часто появлялись сообщения о нападениях на корреспондентов (см.: Известия. 1925. 25 января, 12 февраля, 17 мая и др.).

³⁰ См.: Зиновьев Г. Лицом к деревне: Статьи и речи. М.: Л., 1925. С. 78. Также см.: Сталин И. Соч. Т. 7. М., 1953. С. 19—24 (речь Сталина «О Дымовке» в январе 1925 г.).

³¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 490, л. 4; д. 504.

³² ГА РФ, ф. 5446с, оп. 55, д. 876, л. 6.

³³ Трифонов И. Разгром меньшевистско-кулацкого мятежа в Грузии в 1924 году//Вопросы истории. 1976. № 7. С. 48. См. также: Suny R. G. The Making of the Georgian Nation. Bloomington, 1988. P. 222—223; Голников Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М., 1978. С. 196—202.

³⁴ Lang D. M. A Modern History of Georgia. L., 1962. P. 243—244. Автор говорит о 7—10 тыс. убитых и 20 тыс. депортированных, однако без указания источника.

³⁵ Сталин И. Соч. Т. 6. М., 1954. С. 308.

³⁶ Там же. С. 317.

³⁷ Зиновьев Г. Указ. соч. С. 76.

³⁸ Там же; Сталин И. Соч. Т. 7. С. 22.

³⁹ Правда. 1924. 30 июля.

⁴⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 150, л. 57.

- ⁴¹ Там же, л. 67.
- ⁴² КПСС в резолюциях... Т. 3. 1924—1927. М., 1970. С. 139.
- ⁴³ Лицом к деревне: Сборник докладов, статей и резолюций по вопросам кооперативной и партийной работы в деревне. Л., 1924. С. 257—259.
- ⁴⁴ Сельсоветы и волисполкомы: Сборник статей и материалов/Под ред. Я. Яковлева и М. Хатаевича. М.; Л., 1925. С. 3.
- ⁴⁵ Рыков А. И. Роль низового аппарата в советской стране//Лицом к деревне. Статья товарища Зиновьева и речи гг. Калинина и Рыкова. Курск, 1925. С. 54.
- ⁴⁶ В сельских Советах доля коммунистов сократилась с 11,3 до 5,9%, в волостных Советах — с 60,6 до 42,3% (Сельсоветы и волисполкомы. С. 6, 38). К вопросу об участии в выборах в сельсоветы в 20-х гг. см.: Slatter J. Communes with Communists: The *sel'sovety* in the 1920s//Bartlett R. (Ed.). Op. cit. P. 272—286.
- ⁴⁷ Сельсоветы и волисполкомы. С. 6.
- ⁴⁸ Там же. С. 40.
- ⁴⁹ Правда. 1925. 2 апреля; Известия. 1925. 1 и 3 февраля.
- ⁵⁰ Правда. 1925. 13 января.
- ⁵¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 68, д. 213, л. 143—156; Carr E. H. Op. cit. Vol. 2. P. 342.
- ⁵² О выдвижении см.: Известия. 1925. 3 и 21 февраля, 24 апреля. Выдвижение крестьян в 20-е гг. было незначительным: 1925 год был рекордным — 7454 крестьянских выдвиженцев, среди которых 80% были членами партии. Slatter J. Op. cit. P. 282.
- ⁵³ Правда. 1925. 24 апреля. См.: Большевик. 1925. № 9—10. С. 3—15 (спорное изречение здесь отсутствует).
- ⁵⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 865, л. 4.
- ⁵⁵ Там же, л. 7.
- ⁵⁶ Там же, л. 9.
- ⁵⁷ XIV конференция РКП(б): Стеногр. отчет. М.; Л., 1925. С. 81—95.
- ⁵⁸ Правда. 1925. 19 июня.
- ⁵⁹ Валентинов Н. (Вольский Н. В.) Указ. соч. С. 12.
- ⁶⁰ XIV конференция РКП(б). С. 88 и др.
- ⁶¹ Цит. по: Danilov V. P. Alternative Strategie für das Land//Bergmann T., Schäfer G. Op. cit. S. 232.
- ⁶² XIV конференция РКП(б). С. 91, 93.
- ⁶³ Там же. С. 141—144.
- ⁶⁴ Экономическая жизнь. 1925. 21 февраля. Рыков развивал эту мысль в неопубликованной части своей речи: «Как можно представлять себе конец нэпа? Конечно, он выразится в том, что коллективизация будет окончательно введена прежде всего в городе, в области фабрично-заводской промышленности. Наряду с этим еще остается существовать мелкое неколлективное хозяйство. На смычке города с деревней, путем овладения товарооборотом пролетарское государство сможет вовлечь сельское хозяйство в русло коллективизации. Коллективизация деревни пойдет, несомненно, по линии обращения, товарообмена города с деревней». (ГА РФ, ф. 5446с, оп. 55, д. 874, л. 30)
- ⁶⁵ См.: Экономическая жизнь. 1925. 9 мая (Молотов), 14 мая (Сталин). См. также: Валентинов Н. (Вольский Н. В.). Указ. соч. С. 30—33.
- ⁶⁶ Третий съезд Советов Союза ССР. Бюллетень 10. М., 1925. С. 2.
- ⁶⁷ Там же. Бюллетень 3. С. 66.
- ⁶⁸ Mehl S. Der Agrarmarkt... S. 165—169.
- ⁶⁹ Ibid. S. 276.
- ⁷⁰ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. С. 416—419.
- ⁷¹ Третий съезд. Бюллетень 10. С. 13—14.
- ⁷² Там же. С. 16.
- ⁷³ Mehl S. Entwicklungsprobleme... S. 271.
- ⁷⁴ Danilov V. P. Op. cit. S. 232.
- ⁷⁵ ГА РФ, ф. 5446, оп. 81а, д. 433, л. 49.
- ⁷⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 865, л. 8.
- ⁷⁷ XIV конференция РКП(б). С. 86.
- ⁷⁸ ГА РФ, ф. 5446, оп. 81а, д. 464, л. 24.
- ⁷⁹ Рыков А. И. Перед новыми задачами: Доклад на собрании партактива Красно-Пресненского района 22 октября 1925 г. М.; Л., 1926. С. 35.
- ⁸⁰ См. письмо, адресованное всем членам редакции «Комсомольской правды»: «Лозунг этот не наш, он неправилен, он вызывает целый ряд сомнений и недоразумений» (Сталин И. Соч. Т. 7. С. 153. См.: Правда. 1925. 13 декабря).
- ⁸¹ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. С. 234.
- ⁸² Lewin M. Russian Peasant and Soviet Power. A Study of Collectivization. L., 1968. P. 54.
- ⁸³ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. М.; Л., 1926. С. 407.
- ⁸⁴ Цит. по: Грандов М. О расслоении деревни. М., 1926. С. 8.
- ⁸⁵ Например, В. Богушевский, который исходил из того, что кулак — «экономический тип дореволюционной России» и кулаки — «уже вымирающие единицы» (Большевик. 1925. № 9—10. С. 63).
- ⁸⁶ Dohan M. R. Foreign Trade//Davies R. W. (Ed.). From Tsarism to the New Economic Policy. Continuity and Change in the Economy of the USSR. Houndsmills (u. a.). 1900. P. 221.
- ⁸⁷ ГА РФ, ф. 5446, оп. 81а, д. 467, л. 62.

- ⁸⁸ Рыков А. И. Перед новыми задачами. С. 8.
- ⁸⁹ Doğan M. R. Op. cit. P. 222.
- ⁹⁰ Сельсоветы и волисполкомы. С. 19.
- ⁹¹ Там же. С. 5.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Розит Д. П. Проверка работы низового аппарата в деревне. Основные итоги проверки низового аппарата членами ЦКК РКП(б) в 12 уездах и округах СССР/Под ред. Я. А. Яковлева. М., 1926. С. 60.
- ⁹⁴ Известия. 1925. 30 июня.
- ⁹⁵ На аграрном фронте. 1925. № 10. С. 14.
- ⁹⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 534, л. 2.
- ⁹⁷ Об этом см.: Яковлев Я. А. Об ошибках хлебфуражного баланса ЦСУ и его истолкователей. М., 1926. См. также: Rees E. A. State Control in Soviet Russia. The Rise and Fall of the Workers' and Peasants' Inspectorate, 1920—1934. Houndsmill, 1987. P. 124—125.
- ⁹⁸ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. С. 231—232.
- ⁹⁹ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 959 и др.
- ¹⁰⁰ Лозунг «Лицом к деревне!» весной почти ежедневно появлялся в «Известиях», в сентябре—октябре — только в отдельных номерах, а в дальнейшем больше не упоминался.
- ¹⁰¹ Известия. 1926. 23 апреля.
- ¹⁰² Рыков А. И. Очередные задачи советской власти и учительство. М., 1925. С. 24.
- ¹⁰³ См.: Merl S. Der Agrarmarkt... S. 260—261.
- ¹⁰⁴ Известия. 1926. 3 марта. Речь Рыкова появилась с подзаголовком «По-прежнему — лицом к деревне». Это был единственный случай появления этого лозунга в «Известиях» в 1926 г.
- ¹⁰⁵ Правда. 1926. 9 апреля.
- ¹⁰⁶ См.: Lewin M. The Making of the Soviet System. L., 1985. P. 93, 116.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 1993 г. В. Л. ЯНИН, Л. А. БАССАЛЫГО *

ПУСТОРЖЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ В XV ВЕКЕ:
ТЕРРИТОРИЯ И ГРАНИЦЫ

Ржева как административно-фискальная единица в составе новгородских владений дважды упомянута в летописных рассказах о событиях XV в. Под 1435 г. сообщается о карательном походе новгородцев на ржевичей из-за их отказа платить традиционную дань: «Тоа же зимы новгородци ходиша на Великия Луки рать и повоеваша; тогда же и Ржеву воеваше своих данщиков: а они не почаша дани давати новгородцем»¹. 1 января 1478 г., во время последних переговоров еще независимого Новгорода с Иваном III, новгородцы, пытаясь откупиться от великого князя, «явили ему волостей: Луки Великие да Ржеву Пустую; он же не взя того»².

Новгородская государственная принадлежность этой территории четко обозначена в новгородско-литовских докончаниях 1431-го и 1441/42 гг.³, а также в договоре 1471 г.: «А что Ржова и Великия Луки, и Холмовски погост четыре перевары, а то земли новгородские; а в то ся тебе, честному королю, не вступати, а знати тебе своя черна куна, а те земли к Великому Новгороду. А Ржеве и Лукам, и Холмовскому погосту, и иным землям новгородским и водам от Литовской земли рубежь по старине»⁴. Как видно из приведенной цитаты, Ржева, принадлежа Новгороду, платит Литве черную куну. Размер последней договорами с Литвой обозначен в виде индивидуальной нормы обложения: «а во Ржеве по две куницы и по две бели, а с перевары мед, пиво по силе»⁵. В валовом выражении это образует весьма солидную сумму: общий объем следующих с Ржевы ежегодных податей равен 178 рублям, из которых 165 идет королю, 3 — подскарбьему, а 10 выплачивается в виде коровщины (яловщины)⁶.

Вопрос об обстоятельствах сложения такого совместного новгородско-литовского владения названными выше землями составляет особую проблему и нуждается в специальном изучении⁷. Целью же настоящего исследования является локализация как самого ныне несуществующего города Пустой Ржевы, так и его административной округи в системе Новгородского государства XV в. Решение этой задачи представляется достаточно сложным. При организации московского фиска на новгородских территориях в конце XV в. Ржева (равно как и Великие Луки) не вошла в пятинное деление, будучи, следовательно, изъята из новгородских земель и подчинена прямо московской администрации. Поэтому в комплексе новгородских писцовых описаний рубежа XV—XVI вв. пусторжевских писцовых книг не имеется, из-за чего Ржева с ее округой осталась вне поля зрения К. А. Неволина в его основополагающем исследовании по исторической географии Новгородской земли. Первая (и единственная) попытка локализации этой округи была предпринята в 1951 г.

* Янин Валентин Лаврентьевич, действительный член РАН, заведующий кафедрой Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Бассалыго Леонид Александрович, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем передачи информации РАН.

А. Н. Насоновым на ограниченном материале источников⁸ и оказалась, как будет показано ниже, далеко не безупречной.

Ощутимый налет дилетантизма в суждениях о местоположении Пустой Ржевы, постоянное ее отождествление с Ржевом на Волге (Ржевой Володимировой) имели источником пренебрежение историографической традицией в изучении этой проблемы. В свое время К. А. Неволин, даже не занимаясь специально «ржевскими загадками» и используя наблюдения Н. М. Карамзина, совершенно правильно писал: «В 1536 г. вместо прежней Ржевы поставлен город на озере Заволочье, на острове Груде, и по этому озеру назван Заволочьем. Великий князь повелел перевезти сюда дворы из прежней Ржевы. По чему новому городу присвоились два названия: Заволочье и Пустая Ржева. Последнее название важным считалось сохранять для сношений с королями польскими и великими князьями литовскими, которые собственно знали только древнюю Ржеву. Местоположение нынешнего Новоржева, уездного города Псковской губернии при озере Посце, отлично от местоположения как древней Ржевы, так и Заволочья»⁹. Между тем А. Н. Насонов оказался глух к этому основанному на летописных свидетельствах положению и, игнорируя «заволочский этап» истории Ржевы, писал: «Ржева — с. Пустая Ржева, бывшее до 1777 г. уездным центром, когда уездное управление было перенесено в Аршанский стан, где учредили новый город — Новоржев»; под селом Пустой Ржевой исследователь, разделяя популярную точку зрения, понимал не Заволочье, а д. Подоржевку в районе погоста Бардово¹⁰.

Досадным образцом поверхностности суждений по интересующей нас проблеме оказались представления М. Н. Тихомирова, который, рассматривая местоположение городков в верховьях Волги, писал: «Ржев (Ржева) был крупнейшей пограничной крепостью, часто упоминаемой в разрядных книгах и в летописях. Ржевский рубеж соседил с Литовским великим княжеством и считался опасным местом, где обычно стояли большие военные силы. В 1536 г. у ржевского рубежа была построена крепость, получившая название Заволочье. Во время Ливонской войны Ржева и Заволочье выделялись в разрядных книгах как местонахождение особого воеводы»¹¹. Спутав, таким образом, Ржеву Пустую с Ржевой Володимировой, автор был последователен в своем заблуждении: «Запись о ржевской дани» конца XV в., трактующую о доходах с Пусторжевской земли, он посчитал относящейся к Ржеве Володимировой, так как упомянутую в этой записи «Туровскую треть» идентифицировал с Турами в Торопецкой земле у границы с Ржевой Володимировой¹². «Что касается Пустой Ржевы, — писал М. Н. Тихомиров, — то под этим названием известен был городок в Псковской земле поблизости от Воронача. Между тем этот городок, чаще называемый просто Ржевой, почему-то отсутствует среди собственно псковских городов», перечисленных в «Списке городов русских дальних и ближних»¹³. Здесь проявилось еще одно заблуждение: ведь к Псковской провинции С.-Петербургской губернии Пустая Ржева была приписана только в 1719 г., а до того к Псковщине никакого отношения не имела¹⁴. Что касается Ржовы, то она как новгородский город в «Списке городов русских дальних и ближних» фигурирует, подобно другим новгородским городам, среди «Залесских» городов¹⁵.

Тот же набор неверных представлений находим в труде К. В. Базилевича: «К северу от Вяземского княжества, у границ Тверского княжества и Новгородско-Псковской земли, также лежали земли, вызывавшие многолетние споры об их принадлежности: Ржева, Торопец и Великие Луки. Экономическое и военно-политическое значение Ржева определялось его положением в верховьях Волги... В особой записке, составленной для великого князя литовского о „Ржевской дани“, сообщалось: „Дань ржовьская здавна по тому шла господарю королю его милости и к Новугороду и к Москве“. Это дало возможность Казимиру послать в Ржевские волости своих наместников»¹⁶. Как и М. Н. Тихомиров, К. В. Базилевич ошибочно идентифицирует Ржеву

Пустую с Ржевой Володимеровой, а на карте в своей книге истинные территории Пусторжевской волости обозначил в пределах Псковской земли.

Проблема Пустой Ржевы действительно трудна. Став в какой-то момент «пустой», Ржева была затем перенесена на новое место. Следы ее прежнего местоположения затерялись и до сих пор не установлены. Будучи пограничной с Литвой, Пусторжевская земля могла увеличиваться за счет отвоеванных у Литвы в конце XV и начале XVI в. территорий, непосредственно к ней примыкавших, но в эпоху новгородской независимости входивших не в состав Пустой Ржевы, а в состав Полоцких волостей. Так, уже упомянутый город Заволочье, который на долгое время в XVI—XVIII вв. сделался административным центром Пусторжевского уезда, находился в пределах Острейской волости, отвоеванной у Литвы только в конце княжения Ивана III. Поэтому для определения территории Пусторжевской земли эпохи новгородской самостоятельности нельзя без необходимых оговорок и тщательного исследования использовать материалы более позднего, хотя и очень близкого к 70-м гг. XV в. времени, поскольку они могут оказаться деформированными теми коррективами, какие неизбежно привносила изменчивая обстановка московско-литовской войны.

И тем не менее исходным источником для определения пределов Пусторжевской земли XV в. является писцовое описание — книга черных волостей и станов Пусторжевского уезда 1582/83 (7091) г. В РГАДА имеются два списка 20-х гг. XVII в. с этой книги: 1) ф. 1209, кн. 8183 — со скрепою по листам подьячего Григория Гаврилова, 834 л., 2) ф. 1209, кн. 8167 — со скрепою по листам дьяка Венедикта Мохова, 880 л. Оба списка сохранились со значительными дефектами, сами же списки идентичны вплоть до перестановки нескольких листов, объяснимой, возможно, последующими реставрационными и переплетными работами (во втором списке, сравнительно с первым, недостает нескольких последних листов). Думается, появление списков связано с составлением книги Ржевы Пустой письма и меры князя С. Д. Шеховского и подьячего Григория Гаврилова 1624/25 и 1625/26 (135 и 136) гг. Сама писцовая книга не сохранилась. В РГАДА имеется составленная по этой книге платежная книга превосходной сохранности (ф. 1209, кн. 8170). Далее ссылаемся на писцовую книгу 1582/83 г. по первому из указанных списков как на «книгу 1583 г.», а на платежную с писцовой книги 1624/25 и 1625/26 гг. как на «платежницу».

Книга 1583 г. описывает поместные земли в черных волостях и станах Пусторжевского уезда — в общем итоге указано наличие в них 2528 селений (701 живущих, 265 сожженных, 1562 пустых). Сохранилось описание примерно 200 поместий и 2100 селений. Из этого числа удалось идентифицировать на 3- и 10-верстных картах Генштаба второй половины XIX — начала XX в. около 500 селений. Результаты работы представлены на топографической схеме (рис. 1), и возможные ошибки вряд ли могут существенно исказить основные выводы о границах поместных земель Пусторжевского уезда конца XVI в. Здесь мы специально подчеркиваем, что речь пока идет только о поместных землях, которые все находились в восьми станах Пусторжевского уезда: Кудеверском, Оршанском, Борутцком, Ошевском, Полиском, Влицком, Ополенском, Пятницком. В этих же станах находились и черные волости, розданные в поместья. Так как при описании каждого поместья делались указания, где еще были расположены земли того же помещика (в том числе и его земли в Невельском уезде), то можно с уверенностью утверждать, что никаких других поместных земель в Пусторжевском уезде в это время не было. Однако это не означает, что не существовало других черных земель, не розданных в поместья, в этих же, либо в других, неописанных станах, тем более что некоторые намеки на наличие других станов и земель имеются и в самой книге 1583 г.: «д. Смогиревичи была Туровского стану, а приписана в Борутцкий стан» (л. 30); «д. Мосеева Молодь была Вязовенского стану, а

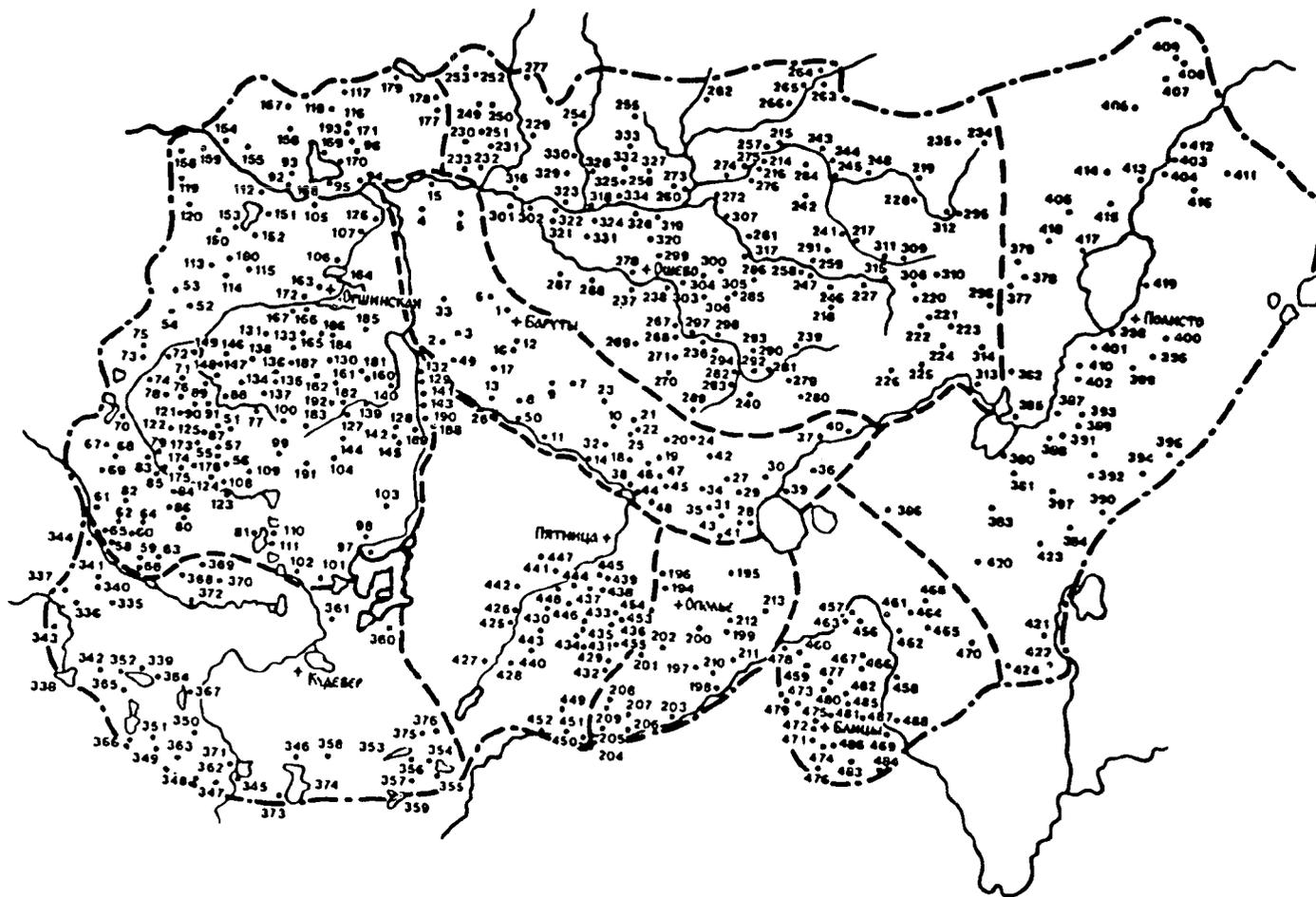

Рис. 1. Пусторжевская земля в конце XVI в. по материалам книги 1583 г. (экспликацию см. в приложении)

ныне та деревня припущена к Борутцкому стану» (л. 41 об.); «написано было в Олянском стану» (л. 751 об.); «сшел в Весноболоцкую черную волость» (л. 782); «сшел в черную в Олянскую волость» (л. 782); «вышли в Олянский стан в черную волость» (л. 784).

Если про Вязовенский и Острейский станы (Весноболоцкая волость находилась в Острейском стане) известно, что они в это время входили в состав Невельского уезда (см. неоднократные ссылки на это в книге 1583 г.), то с Туровским и Олянским станами ситуация иная (достаточно упомянуть, что в «Записи о ржевской дани» наличествуют и Туровская, и Олянская трети). Здесь нам помогает обращение к платежнице: помимо перечисленных выше восьми станов она включает в состав Пусторжевского уезда еще четыре стана: Туровский и Олянский, а также Острейский и Подгородный. Последние два были приписаны к Пусторжевскому уезду из Невельского между 1582 и 1626 гг., поскольку в 1582/83 г. Острейский стан, как уже отмечено, числился в Невельском уезде, а Подгородный стан (окрестности города Заволочье), отделенный от Пусторжевского уезда Острейским станом, скорее всего также входил в Невельский уезд, хотя город Заволочье и являлся административным центром Пусторжевского уезда (его описание входит в книгу 1583 г.).

Рассмотрим теперь ситуацию с Туровским и Олянским станами. Надо учесть, что, в отличие от писцовых книг, в платежнице для каждого поместья указываются название лишь центрального селения и общее число селений в поместье, так что, к примеру, в указанных выше восьми станах перечислено только около 370 названий селений, из которых около 280, т. е. около 75%, встречаются в книге 1583 г., причем ни в одном из станов этот процент «встречаемости» не опускается ниже 50%. Подробное рассмотрение этих данных по восьми станам показывает, что не произошло никаких сколько-нибудь заметных изменений их территорий в период между письмом 1582/83 и 1624—1626 гг. (об этом, кстати, свидетельствует и тот факт, что платежница, как и книга 1583 г., числит в восьми станах около 2500 селений). Действительно, в книге 1583 г. лишь Пятницкий стан описан полностью и для него процент «встречаемости» равен 95% (мы не нашли в книге 1583 г. лишь 2 из 42 селений, приведенных в платежнице). В Борутцком и Кудеверском станах этот коэффициент равен примерно 50%, что вполне ожидаемо, так как эти станы описаны в книге 1583 г. с большими пропусками. В четырех станах — Оршанском, Ошевском, Влицком и Ополенском — он составляет примерно 90%, что показывает достаточную полноту описания этих станов в книге 1583 г. Из всех восьми станов лишь Полиской доставил сюрприз: в платежнице обнаружилась Радежская черная волость с центром в большом селе Ратча, следов которой не было в книге 1583 г. (но она названа в «Записи о ржевской дани»).

Что касается Туровского и Олянского станов, для которых в платежнице указано соответственно 53 и 20 названий селений, то нам не удалось с достаточной достоверностью обнаружить ни одного из этих селений среди тех, что перечислены в книге 1583 г. В то же время те из них, какие удается локализовать, заполняют как раз пустое пространство в центре схемы (рис. 1) южнее р. Льсты и в окрестностях оз. Але. Таким образом, представляется несомненным факт вхождения Туровского и Олянского станов, а также Радежской черной волости в состав Пусторжевского уезда уже в 1582/83 г., а отсутствие их описания в книге 1583 г. вполне удовлетворительно объясняется тем, что они не входили в это время в состав поместных земель, которым посвящена указанная книга. Учет этих земель, однако, практически не влияет на границы Пусторжевского уезда конца XVI в., как они показаны на нашей схеме. Граница же эта выглядит следующим образом.

Находившиеся в западной части уезда Оршанский и Кудеверский станы соседствовали с Псковской землей. Оршанский стан с центром в погосте

Оршанском (ныне д. Орша Оршанского с/с Новоржевского р-на Псковской обл.¹⁷ на северном берегу одноименного озера; на его южном берегу в 1777 г. был основан г. Новоржев) граничил на севере с псковскими пригородами Выбор и Дубков, а на западе с псковским пригородом Вороначем. Центром Кудеверского стана был погост Кудевер у южного берега одноименного озера (ныне с. Кудеверь Кудеверского с/с Бежаницкого р-на Псковской обл.). Этот стан на западе граничил с псковским пригородом Опочкой. Локализация пограничной с Псковской землей линии Пусторжевского уезда полностью подтверждается материалами писцовой книги Пскова 1585—1587 гг.¹⁸ Отметим особо, что эта линия и в XIX — начале XX в. служила границей Новоржевского уезда, с одной стороны, а Островского и Опочецкого — с другой, т. е. сохранялась на протяжении столетий как традиционный административный рубеж.

К востоку от Оршанского располагался Ошевской стан, а к востоку от последнего — Полиской стан, северные рубежи которых образовывали границу Пусторжевского уезда. Ошевской стан с центром в погосте Ашево на левом притоке Сороти — речке Ашевке (ныне с. Ашево Ашевского с/с Бежаницкого р-на) соседствовал с псковским пригородом Дубков, Пажеревицким и Дегожским погостами Шелонской пятины Новгорода. Полиской стан с центром в погосте Полисто у южного берега одноименного озера — истока р. Полисть (ныне д. Полисто Бежаницкого с/с и р-на) граничил на севере с Дегожским погостом Шелонской пятины, а на востоке — с Офремовским погостом Шелонской пятины и Холмским погостом Деревской пятины. Пусторжевско-псковская граница и здесь полностью соответствует материалам псковской писцовой книги 1585—1587 гг. Что касается пусторжевско-шелонского рубежа, то здесь мы можем опираться на работу А. М. Андрияшева, исследовавшего границы Шелонской пятины на основании данных ее писцового описания конца XV в. и 30-х гг. XVI в. К сожалению, имевшиеся у него данные позволили удовлетворительно восстановить только границы Пажеревицкого погоста (границу с Ржевской землей он провел, придерживаясь современной ему южной границы Порховского уезда) и эта граница полностью подтверждается нашими данными. С Дегожским погостом ситуация иная: «Границы погоста, за исключением восточной, проведенной по нынешней границе Новгородской губ., очень неопределенны. Указания писцовой книги 1539 г. на то, что дд. Городище и Лебяжья лежали близко от ржевского рубежа, заставили провести на карте пятины границу погоста к северу от оз. Полиста и р. Гвезденки; почти вся граница с Ржевской землей очень сомнительна»¹⁹. Наши данные говорят о том, что эта граница проходила еще немного севернее, нежели указано А. М. Андрияшевым. Кроме того, А. М. Андрияшев не отметил границы с Пусторжевской землей Офремовского погоста, распространив слишком далеко на запад Холмский погост. Традиционность границ позволяет с большой вероятностью провести северную границу по административному рубежу Новоржевского уезда.

Граница с Холмским погостом проходила по линии озер Дулово — Русское и Межницкое (в названии последнего отразилось его порубежное положение): пограничные деревни Пусторжевского уезда расположены к западу от этой линии, а пограничные деревни Холмского погоста, фигурирующие в писцовой книге Деревской пятины конце XV в.²⁰, — к востоку от нее. В районе оз. Дулова находится стык границ Пустой Ржевы, Холмского погоста и Великих Лук, так как в Лукинском десятке Холмского погоста, объединяющем деревни у оз. Дулова, существует сельцо Передина «на Лутцком рубеже на речке Передина»²¹.

Центральную часть Пусторжевского уезда занимали Борутцкий, Туровский и Олянский станы. Центр Борутцкого стана находился в погосте Баруты, в 15 км восточнее Орши (ныне с. Барута Юхновского с/с Новоржевского р-на). Центром Туровского стана был погост Турово, в 19 км к западу от Бежаниц

(ныне д. Турово на р. Льсте в Успенском с/с Бежаницкого р-на). Олянский стан получил свое название от оз. Але, в 20 км севернее Бардова; вопрос о наименовании его центра оставляем открытым за неимением убедительных данных. Названные здесь станы удалены от внешних границ уезда.

К южной границе Пусторжевской земли выходили станы Кудеверский, Пятницкий, Ополенский и Влицкий, а на небольшом участке также и Полюской. Кудеверский стан на всем протяжении своей южной границы соседствовал с волостями Веснеболог, Острие, Вяз, бывшими до рубежа XV—XVI вв. литовскими; остальные станы — с Великолуцкой землей. От стыка волости Вяз с Пусторжевской и Великолуцкой землями граница шла по речке Рубеженке (левому притоку р. Локни в верховьях последней; несомненно, она обязана своим названием пограничному положению), затем по р. Локне, образующей южный рубеж Пятницкого и Ополенского станов, поворачивая резко на юг от места впадения в Локню справа речки Дрегуты на границе между Влицким и Ополенским станами. Существует позднейшее (1683/84 г.) описание небольшого участка границы между Пустой Ржевой и Великими Луками как раз в этом месте²². От устья Дрегуты рубеж идет по этой речке до дороги, «которую ездят с Лук Великих Пусторжевского уезду в Николаевский монастырь, что именуется Дворцы»; далее, оставляя в пределах Великолуцкого уезда пустошь Акулину, граница направляется к дороге, «которую ездят Луцкого уезду с Михайловского погосту Пусторжевского уезду в деревню Жукову», оставляя затем в пределах Великолуцкого уезда д. Старостину и сельцо Шабаново (на картах XIX в. — Шипанева), а в Пусторжевском уезде д. Исакову. Отсюда граница поворачивает на северо-восток к оз. Дулову, т. е. к стыку Пусторжевской, Великолуцкой земель и Холмского погоста.

Центром Пятницкого стана был погост Пятница на р. Льсте (ныне не существует) рядом с ныне существующей деревней Дворцы Дворицкого с/с Бежаницкого р-на, в 12 км к юго-западу от Бежаниц. Центр Влицкого стана — погост Блицы (ныне не существует), находившийся около совр. поселка Локня — центра Локнейского р-на Псковской обл. Центр Ополенского стана — совр. д. Аполье Аполинского с/с Бежаницкого р-на, в 13 км к югу от Бежаниц.

Таким образом определяется территория Пусторжевского уезда в конце XVI в. Существуют ли основания утверждать, что именно таким он был и в XV в., в эпоху новгородской независимости? Ведь, как уже отмечено выше, он мог быть деформирован административными процессами конца XV—XVI в., связанными с отвоеванием у Литвы соседних русских волостей. Оказывается, что такие основания имеются.

В непосредственной близости от южной границы Пусторжевского уезда, как она была установлена по писцовому описанию 1582/83 г., находятся бывшие литовскими до конца XV в. волости Вяз, Веснеболог, город Острие. Между тем в духовной Ивана III 1504 г. эти пункты не числятся за Пустой Ржевой. После отвоевания у Литвы волость Вяз включена в состав «Лутцких волостей», а город Острие обозначен как центр самостоятельного административного округа: сыну Василию «даю город Острее с волостями и со всем, что к нему потягло, а волости Березаи, Невле, Усваи, Ловцо, Веснеболого»²³. Позднее Острейский стан был включен в Невельский уезд, на территории которого находился в виде анклава и центр Пусторжевского уезда — город Заволочье.

Традиционность пусторжевско-псковской границы подтверждается летописным сообщением 1435 г., согласно которому новгородцы по время уже упомянутого карательного похода «села вся пожгоша по Ръжове, по плесковьским рубежь и на Бардове»²⁴. Бардово находилось в юго-западном углу Пусторжевской земли (рис. 1, пункт 345); это самый удаленный от Новгорода пункт Пусторжевской земли, действительно соседствовавший не-

посредственно с «плесковским рубежом». О принципиальном соответствии границы Пустой Ржевы с новгородскими пятнами конца XVI в. с рубежами этих земель в XV в. выше уже сказано.

Еще одним доводом является пообезное обложение селений Пусторжевского уезда по книге 1583 г. (в поместных землях числится около 2100 обеж). Учитывая, что обжа была специфической мерой обложения именно новгородских земель, можно думать, что обезное обложение Пустой Ржевы было произведено в то же время, что и в пятинах, а, следовательно, в тот момент пусторжевские земли рассматривались как несомненно новгородские.

Однако решающим для подтверждения этого вывода оказывается суммарное описание Пусторжевской земли в «Записи о ржевской дани» 1479 г., излагающей традиционную схему распределения доходов от финансовой эксплуатации этой территории, как она сложилась «здавна»²⁵.

Следует отметить прежде всего, что отраженная в этом документе административная система Пустой Ржевы еще не знает деления на станы, которое, следовательно, было учреждено уже московской администрацией. Надо полагать, что такое нововведение датируется еще концом XV в., т. е. временем, непосредственно последовавшим за падением Новгорода, поскольку в писцовом описании соседнего с Пустой Ржевой новгородского Холмского погоста рубежа XV—XVI вв. также фигурируют станы²⁶, которых не было еще в 1471 г.: тогда Холмский погост делился на перевары²⁷.

Согласно показаниям «Записи о ржевской дани», территория Пустой Ржевы в 1479 г. состояла из двух погостов — Ошевского и Бардовского, каждый из которых делился на трети, или губы²⁸.

Центр Ошевского погоста — уже известное нам с. Ашево, на речке Ашевке, в 20 км к северу от Бежаниц.

К первой трети этого погоста относились Влицы, Цебло и Рачьчин.

Влицы — уже упомянутый погост Блицы, который в конце XVI в. был центром Влицкого стана. Цебло — совр. д. Цебло на южном берегу одноименного озера в Цевельском с/с Бежаницкого р-на, в 28 км к востоку от Бежаниц. Рачьчин — совр. д. Ратча, между озерами Полисто и Русским, в Бежаницком с/с и р-не, в 58 км к северо-востоку от Бежаниц. Таким образом, описанная треть Ошевского погоста занимала восточную часть Пусторжевской земли, гранича на севере с Пажеревицким и Дегожским погостами Шелонской пятины, а на востоке и на юге с Офремовским погостом Шелонской пятины, Холмским погостом Деревской пятины и Великолукской землей. Территория этой трети в дальнейшем была разделена на Влицкий и Полиский станы.

Вторая треть Ошевского погоста называлась Будкинской. Ее центр находился в д. Будки (в XIX в. — Будкиничи, Бутки) совр. Дворицкого с/с Бежаницкого р-на, в 16,5 км к юго-западу от Бежаниц (и в 4 км к юго-западу от погоста Пятница). Поскольку в «Записи о ржевской дани» в рамках рассказа об Ошевском погосте упоминается и Опольский «въезд» (уезд), к Будкинской трети следует отнести также и Ополье — уже упомянутую выше д. Аполье, ставшую в XVI в. центром Ополенского стана. Будкинская треть примыкала с запада к южной части описанной выше первой трети, гранича на юге с Великолукской землей, а на западе — с Бардовским погостом Пустой Ржевы.

С севера к Будкинской трети примыкала третья треть Ошевского погоста, которая называлась Туровской. Ее центр — уже известная нам д. Турово на р. Лысте, в 19 км к западу от Бежаниц. В «Записи о ржевской дани» имеются сведения о том, что в Туровской трети на сорока жеребьях, принадлежавших новгородцам «Киприяновичу», Василию Костелеву и Илье, «тые люди живут по самому рубежу Новгородскому»²⁹. В силу самой географической ситуации речь здесь может идти только о рубеже между Пусторжевской землей и Пажеревицким погостом Шелонской пятины, иными словами, о том, что Туровская треть примыкала к первой трети Ошевского погоста с запада, простираясь на север до границы Пусторжевской земли с Шелонской пятиной.

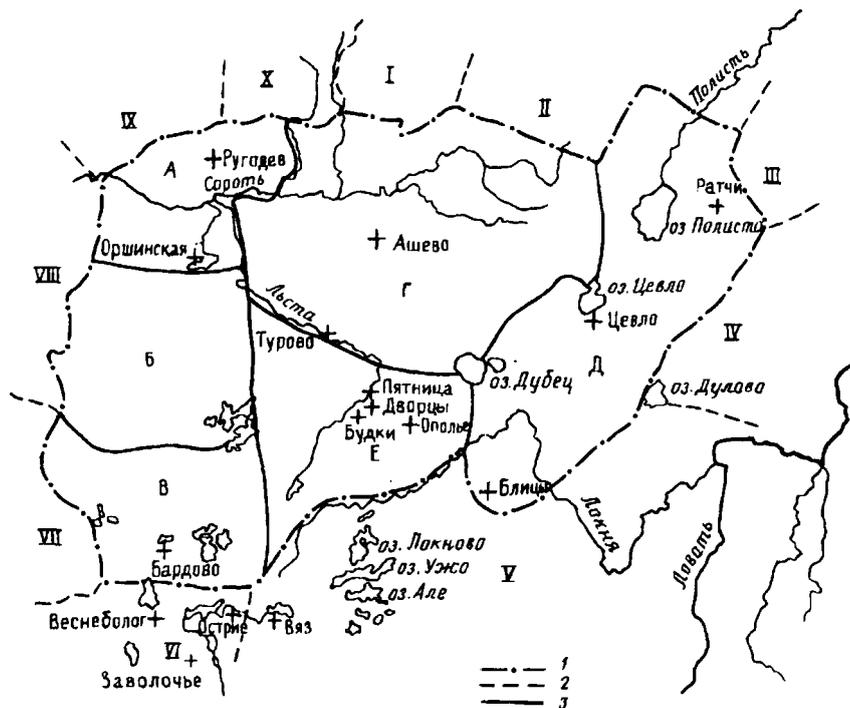

Рис. 2. Пусторжевская земля в XV в.

Границы: 1 — Пусторжевской земли; 2 — соседних земель, погостов и пригородов; 3 — третьей (губ). Трети погостов Бардовского: А. Ругодевская, Б. Ольская, В. Бардовская; Ошевского: Г. Туровская, Д. Влицы, Цевло, Рачьчин, Е. Будкинская. Соседние территории: в Новгородской земле погосты — I. Пажеревицкий, II. Дегожский, III. Офремовский, IV. Холмский; V — Великолукская земля; VI. Литовские земли; в Псковской земле пригороды — VII. Опочка, VIII. Воронач, IX. Выбор, X. Дубков

Подтверждение этому можно извлечь из наблюдений над составом новгородских землевладельцев Туровской трети. Из 109,5 обжи, зафиксированных в Шелонской пятине как принадлежащих Василию Костелеву, 32,5 обжи находились в Пажеревицком, а 64 обжи — в соседних с ним Вышегородском, Облучском и Дегожском погостах³⁰. В других пятинах Василий Костелев земли не имел. В Пажеревицком погосте также числилось 113 обож Кузьмы Киприянова; еще 8,5 обжи принадлежало ему в соседнем Дегожском погосте³¹. В том же Пажеревицком погосте 84,5 обжи принадлежали Есифу Киприянову, который владел еще 12 обжами в соседнем Ясенском погосте³². Ни Кузьма, ни Есиф Киприяновы земли в других пятинах не имели. Очевидно, что землевладение Василия Костелева и «Киприяновича» (был ли он Кузьмой или Есифом) в Туровской трети Ошевского погоста было как бы продолжением их земельных массивов в примыкавших с севера к Пусторжевской земле погостах Шелонской пятины Новгорода.

Надо полагать, что, хотя центром Туровской трети XV в. и Туровского стана XVI в. было одно и то же селение, однако подвластные ему в разное время территории не совпадали. Туровский стан вместе с Пятницким и Опольским станами возникли при разделении на станы Будкинской трети. Туровская же треть была в дальнейшем поделена на Борутский и Ошевской станы.

Центр Бардовского погоста локализуется в д. Бардово близ южного берега одноименного озера в совр. Бардовском с/с Бежаницкого р-на, в 57 км к юго-западу от Бежаниц, на «псковском рубеже». Бардово было центром и

первой — Бардовской — трети Бардовского погоста, совпадавшей с позднейшим Кудеверским станом.

Вторая его треть называлась Ольской по оз. Але, в 20 км севернее Бардова. Позднее она превратилась в Олянский стан.

Третья треть Бардовского погоста — Ругодевская. Ее центр — д. Ругодево на речке Ругодеве совр. Стехновского с/с Новоржевского р-на, в 20 км к северу от Новоржева. В московское время Ругодевская треть наверняка совпадала с Оршанским станом.

Таким образом, Бардовский погост XV в., располагаясь к западу от Ошевского, представлял собой вытянутую с юга на север полосу вдоль границы с Псковской землей. С ней же он граничил на севере, где территория псковских пригородов Выбора и Дубкова образует выступ, направленный в сторону новгородско-пусторжевского пограничья.

Погосты Пусторжевской земли не были равновелики, как не были равновелики и составлявшие их трети. Сравнительную оценку территорий возможно извлечь из сопоставления сумм, следовавших с них в литовскую казну согласно «Записи о ржевской дани». Из общей суммы в 178 руб. на Ошевской погост приходилось 111,25 руб. (103 руб. королю, 6,25 руб. яловщины, 2 руб. подскарбьему), а на Бардовский погост — 66,75 руб. (62 руб. королю, 3,75 руб. яловщины, 1 руб. подскарбьему). Если расклад дани по третям в Бардовском погосте не был регламентирован («которая треть больши людеи въ неи, отътуль дани больше идеть, а которая меньша треть, съ тое дани меньши по головамъ биривали»³³), то расклад по третям в Ошевском погосте жестко фиксирован. Там королю с первой трети (Влицы, Цебло, Рачьчин) идет 28 руб., с Будкинской трети — 48 руб., с Туровской трети — 29 руб.³⁴ Наименьшая сумма указана для самой обширной по площади первой трети, однако это и наименее населенная часть Пусторжевской земли, изобилующая болотами и лесами (большое пространство в ней занимал район непроходимых Полистовских болот). Наибольшая сумма идет с Будкинской трети с ее самым плотным в пределах Пусторжевской земли населением.

Установленная, таким образом, территория древней Пустой Ржевы имеет протяженность с запада на восток около 90 км, а с севера на юг — около 60 км (рис. 2).

Полученные результаты близки к предложенным А. Н. Насоновым, однако в локализации Пусторжевской земли, предпринятой этим исследователем, имеются три существенные погрешности. Во-первых, он не смог идентифицировать Будкинскую треть и определить местонахождение ее центра. Во-вторых, Ольскую треть он связал с д. Олисово, «находившейся в 22 км от Новоржева, между левою стороною Святогорского тракта, правую Опочецкого и б. границей Опочецкого уезда»³⁵. Между тем эта деревня не имеет никакого отношения к Пустой Ржеве, находясь уже в псковских пределах. В-третьих, — и это наиболее существенная ошибка, — намечая южную границу Пусторжевской земли, А. Н. Насонов пишет: «Рубеж этот проходил южнее так называемого „Заволочья“ и озера Подце, расположенного к востоку от верховьев р. Великой»³⁶. Как уже отмечено выше, эта территория была отвоевана у Литвы уже в московское время, а в эпоху новгородской независимости составляла часть округа литовского города Острие. По свидетельству «Записи о ржевской дани», в Острие, за литовский рубеж, укрывались из Пустой Ржевы ее жители от произвола московских наместников. В частности, в Острие к пану Богдану бегут оба ржевских королевских наместника — и ошевской, и бардовской³⁷.

* * *

В особом рассмотрении нуждается вопрос о местонахождении древнего центра Пусторжевской земли — города Пустой Ржевы. В ранних его летописных упоминаниях (1406—1435 гг.) Ржева не называется «Пустой». Впервые «Пустая

Ржева» фигурирует с ошибкой в ее локализации («Пустая Ржева на Волге»), свидетельствующей еще о непривычности нового термина, в рукописи середины XV в.³⁸ Поэтому заустение Ржевы и обретение соответствующего эпитета к ее названию естественно связывать с событиями 1435 г., уже упоминавшимися выше по их изложению в Псковский летописи. Подробнее этот эпизод описан в Новгородской I летописи: «В лето 6943. Ездиша воеводы новгородчкыи в зиме: посадник новгородчкои Иван Васильевич, и посадник Григории Кюрилович, и тысячкои Федор Олисиевич, Есиф Васильевич, Онанья Семенович, Остафеи Есифович, и бояри новгородские и новгородчов много, а с рушаны Федор Остафьев, Михаила Буиносос и порховице; и идоша триима путми, и казниша ржевиць, и села вся пожгоша по Ръжове, по плесковский рубеж и на Бардове, Божию помощью приидоша в Новгород вси здрави и с полоном»³⁹. В «Записи о ржевской дани» Пустая Ржева не упоминается вовсе, равно как и в более поздних писцовых материалах. В летописном рассказе 1478 г. о предложении новгородцев Ивану III взять «под свою руку» Ржеву Пустую и Великие Луки, очевидно, имеются в виду волости с таким названием, а не их центры.

В январе 1536 г. «велел князь велики поставити во Ржевском на литовском рубежи град землян, нарек его Заволочье, и двory ржевские велел перевести»⁴⁰. Очевидно, что поход 1435 г. оказался роковым для Ржевы, хотя ее агония и затянулась на целое столетие. С возникновением Заволочья в него был перенесен административный центр Пусторжевского уезда. В качестве местопребывания воеводы город Заволочье в писцовых и разрядных книгах, как правило, носит двойное обозначение: «во Ржеве и в Заволочье», «во Ржеве в Заволочье», «во Ржеве Пустой и в Заволочье»⁴¹. Центром Пусторжевского уезда город Заволочье оставался до 1777 г., когда администрация уезда была переведена в основанный тогда же город Новоржев.

Где же находился в XV в. город Пустая Ржева? Вероятно, первая версия о его местонахождении могла бы основаться на данных И. К. Кирилова в его знаменитом труде 1727 г. Различая Заволочье и Пустую Ржеву, И. К. Кирилов изложил следующие сведения, касающиеся ямской гоньбы: «Во Ржеве Пустой ям. Гоняют до Пскова 180 в., до Лук Великих 70, до С.-П. 500, до Новгорода 300, за польский рубеж до гор. Мемля 50, до Опочка 60»⁴². Под Мемлем здесь подразумевается Невель, а Пустая Ржева в системе указанных Кириловым расстояний соответствует нынешнему городу Пустошке (точнее его пригородному пункту — Старой Пустошке). Однако Пустошка была во времена Кирилова лишь ямской станцией Заволочья (у Кирилова — «Заволочье — городок деревянный к польскому рубежу»), находившегося от Пустошки в 10 верстах, и, поскольку в первой половине XVIII в. Заволочье было синонимом Пустой Ржевы, Пустошка и возникла как ям Пустой Ржевы, заимствовав от нее и свое упрощенное название.

В 1822 г. профессор П. Цеплин высказал мнение о том, что местом древней Пустой Ржевы является с. Подоржевка, находящееся в 5 км к западу от Бардова, т. е. на псковском рубеже Пусторжевской земли⁴³. Это мнение было затем сочувственно воспроизведено Н. С. Арцыбашевым и К. А. Неволиным⁴⁴, после чего превратилось в традиционное⁴⁵, хотя никаких сколько-нибудь серьезных аргументов в его пользу в литературе не приводилось. Не привел их и один из последних исследователей проблемы — М. Е. Васильев, называющий Подоржевку городищем, хотя никаких следов фортификаций там нет. Находки на селище в Подоржевке относятся или к IX—X вв., или же к XVI в.⁴⁶, что никак не соответствует летописной Пустой Ржеве. Между тем локализация Пустой Ржевы в Подоржевке вступает в явное противоречие с уже цитированным показанием Новгородской I летописи под 1435 г., где крайним пределом похода новгородцев показаны псковский рубеж и Бардово, хотя Подоржевка находится ближе к псковскому рубежу, нежели Бардово. Цитированное место по существу содержит очень простую мысль: новгородцы прошли и пожгли села во всей

Ржевской земле вплоть до псковского рубежа и самого дальнего от Новгорода пусторжевского пункта — Бардова. Если город Пустая Ржева находился в непосредственном соседстве с Бардовым и даже ближе к псковской границе, предпочтение Бардова нелогично и непонятно. Столь же нелогичным представляется и расположение центрального пункта обширной земли в ее крайнем юго-западном углу, на опасном пограничье с Литвой и Псковом.

Более обоснованным представляется намерение искать место Пустой Ржевы там, где существовало более густое население и где положение административного центра было бы более удобным для его коммуникаций с подведомственной ему территорией. По-видимому, из подобных соображений исходили К. А. Неволин, который, вопреки сочувственному цитированию мнения о Подоржевке, показал на своей карте место Пустой Ржевы около Кудевера, и М. К. Любавский, поместивший Пустую Ржеву близ восточного берега оз. Але⁴⁷. Наиболее перспективными, однако, кажутся такие поиски в Будкинской трети Ошевского погоста, с которой не только собирались наиболее значительные суммы дани, но которая, по всей вероятности, играла особую роль в системе административного управления, по крайней мере, Ошевского погоста: в «Записи о ржевской дани» говорится, что князь Константин (московский наместник) приехал «в тую треть в Будкиничи, как мужи собрались, и он, немъши королева наместника Онисима, въбил до смерти»⁴⁸.

Существует возможность указать пункт достоверной локализации Пустой Ржевы. Он прямо назван в тексте, хорошо известном исследователям, но не понятом из-за неправильного воспроизведения в изданиях. Приведем рассказ псковской летописи об основании города Заволочья в той транскрипции, которая всегда употреблялась в публикациях: «Тоя же весны замысли государь наш князь великий Иван Васильевич новой город поставити от литовского рубежа на Заволочье озеро Подце, а остров Груда, начаша его звати по озеру город Заволочье; и церкви постави Покров Святеи Богородицы, а приделы Ивана Усекновение главы да Георгия Великого, и присуд з дворец и наместников дву, и посажан свел на Заволочье, и повеле им там дворы ставити»⁴⁹. В приведенной цитате издатели, начиная с Н. М. Карамзина⁵⁰, конец не был понят. В публиковавшемся виде он синтаксически бессмыслен. Правильная следующая транскрипция: «...и присуд з Дворец, и наместников дву, и посажан свел на Заволочье, и повеле им там дворы ставити», где слово «Дворец» является топонимом. До перевода в Заволочье присуд (т. е. административный округ), двое наместников (как и в системе литовской администрации XV в.) и посажане имели своим местопребыванием некий пункт, носивший наименование Дворцы⁵¹. Но именно так назывался погост на р. Льсте в пределах Будкинской трети Ошевского погоста — нынешняя д. Дворцы Дворицкого с/с Бежаницкого р-на. Бок о бок с ним расположен еще один погост — Пятница (будущий центр Пятницкого стана), практически неотделимый от Дворцев, а в 4 км — Будки (Будкиничи), центр Будкинской трети. Такая концентрация центров указывает на особую административную освоенность ближайшей округи Дворцев.

Подтверждение такой локализации Пустой Ржевы обнаруживаем в «Выписи из новгородских изгонных книг» 1703 г., в которой сообщается, «сколко от которого яму до которого города и до урочища верст». В этой выписи указано, в частности, «по счетным списком», что от Новгорода «до Ржовы Пустые и до Дворец 220 в.»⁵² Очевидно, что Дворцы не могли бы находиться на равном удалении от Новгорода с Пустой Ржевой, если бы последняя идентифицировалась с Подоржевкой, отстоящей от Новгорода на 36 верст дальше Дворцев.

В системе ямской гоньбы Дворцы были важнейшим узлом дорог. Через них проходила Луцкая дорога, соединявшая Новгород с Великими Луками, которая начиналась от Сухловского яма на дороге из Новгорода в Псков. На этой дороге «от Ошевского яму до Дворецкого яму 25 в., от Дворецкого яму до Дунянского яму 30 в.». В Псковскую землю из Дворец уходила

Воронетцкая дорога, на которой «от Дворецкого ж яму до Оршанского яму 30 в., от Оршанского яму до Воронеча 30 в.; и всего от Дворецкого яму до Воронеча 60 в., а от Новгорода 280 в.». Еще одна дорога, начинаясь от Дворец, называлась Заволоцкой и вела к Полоцку: «По Заволоцкой дороге от Дворецкого яму до Елинского яму 30 в. (...) Ям в городе Заволочье, от Заволочья до Полотска 150 в. А до Невельского и до Горожанского яму по 60 в., а до Елинского 35 в.»⁵³ О наличии яма в Дворцах говорит уже платежница: «Никольского монастыря на Дворцах, у монастыря слободка, а в ней живут бобыли (...) На Дворцах же ямские слободы земля да к той же слободской земле 3 пустоши»⁵⁴.

Дворцы называются городом в «Книге Большому Чертежу»: «На Великой же реке город Выбор. От Воронеча 25 верст город Дубков; от Дубкова 20 верст город Володимерец да город Дворца (...) Полотск от Озерища 100 верст, на реке на Двине на правом берегу; от Невля города до Нещорды 30 верст; Нещорда стоит на озере; от Нещорды 40 верст город Заволочье; от Заволочья 25 верст Дворца»⁵⁵. Все указанные здесь расстояния совершенно фантастичны, поэтому не могут быть приняты в расчет для каких-либо локализаций; важно только именование Дворцев городом.

В высшей степени показательным представляется следующий эпизод, приведенный Н. В. Пиотух. В середине XVII в. возникла необходимость в восстановлении крепости в Заволочье, однако местные помещики, стремясь предотвратить бегство холопов из сильно вдавшейся в Литовскую землю территории, просили «для воровства и управы» быть по-прежнему «губному старосте, а не воеводе (...) на Дворцах»⁵⁶.

Все приведенные здесь характеристики Дворцев (одинаковая с Пустой Ржевой удаленность от Новгорода, центральное положение в пусторжевских коммуникациях, именование городом, прямые указания на важное положение в административной системе) способствуют локализации Пустой Ржевы в районе Дворцев — Пятницы на р. Лъсте. Разумеется, наиболее действенным способом проверить эту локализацию послужили бы археологические раскопки, которые, однако, не должны ограничиваться поисками в Дворцах или Пятнице древних фортификаций: Пустая Ржева, упоминаемая лишь с 1406 г., могла иметь только острог, а не систему валов и рвов. Главным доказательством правильности изложенных наблюдений послужило бы открытие городского характера древностей из культурного слоя Дворцев.

Примечания

¹ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 132.

² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 25. М.; Л., 1949. С. 319; Т. 8. СПб., 1859. С. 194; Т. 6. СПб., 1855. С. 216; Т. 12. СПб., 1901. С. 183.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 105—106. № 63; С. 116. № 70. В dokonчании 1431 г., дошедшем в сильно фрагментированном виде, интересующее нас место не сохранилось, однако расчет конъектур убедительно показывает полную тождественность договоров 1431 и 1441/42 гг.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 130—131. № 77.

⁵ Там же. С. 116. № 70; С. 131, № 77.

⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. (1340—1506). СПб., 1846. С. 87—92. № 71; Сборник Муханова. Изд. 2. СПб., 1866. № 29; Русская Историческая библиотека. Т. 27. СПб., 1910. № 140.

⁷ Формуляр новгородско-литовского dokonчания, возобновлявшегося при перемене на литовском престоле, восходит, по крайней мере, к первой половине XIV в. См.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 178—179.

⁸ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 124—126.

⁹ Неволин К. А. О пятнах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853. С. 225—226. Прим. 1.

¹⁰ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 125.

¹¹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 199.

- ¹² Е го же. «Список русских городов дальних и ближних» // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 117.
- ¹³ Там же. С. 116.
- ¹⁴ Неволин К. А. Указ. соч. С. 233—234.
- ¹⁵ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.; Л., 1950. С. 477. По мнению Н. В. Пиотух, «совершенно очевидно», что залесская Ржева и была Володимировой, а Пустая якобы в XIV в. была литовской (Пиотух Н. В. Ржева Пустая // Вопросы истории. 1992. № 11—12. С. 175). В действительности Литве в момент составления «Списка городов русских дальних и ближних» принадлежала как раз Ржева Володимирова, ошибочно обозначенная в нем как «Пустая», но в окружении других литовских городков Верхней Волги. Ср.: Успенский Вл. Литовские пограничные городки Селук, Горышин и другие. Тверь, 1892; Кучкин В. А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // История СССР. 1984. № 6.
- ¹⁶ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 285 и карта-вкладка.
- ¹⁷ Привязка к современной ситуации осуществлена с помощью издания: Административно-территориальное деление Псковской области (1917—1988 гг.). Справочник. Кн. 1 и 2. Л., 1988, а также 3-километровой карты «Псковская область», отражающей состояние местности на 1981—1990 гг.
- ¹⁸ Сборник Московского архива Министерства юстиции (далее — Сб. МАМЮ). Т. 5. М., 1913.
- ¹⁹ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. Вып. 1: Списки селений. М., 1914. С. 286, 313; Вып. 2: Карты погостов. М., 1914. Карты IX и X. На нашей схеме (рис. 1) северная граница Пусторжевской земли проведена согласно карте А. М. Андрияшева. На рис. 2 она несколько уточнена по материалам рассматриваемой здесь писцовой книги.
- ²⁰ Новгородские писцовые книги. Т. 2. СПб., 1862. Стб. 826—880.
- ²¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 3, № 17750, л. 175.
- ²² Там же, оп. 1, кн. 478, лл. 488—492: «Межа учинена меж Луцкого и Пусторжевского уездов по старожилowym разводам и по скаскам».
- ²³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 357. № 89.
- ²⁴ НПЛ. С. 418.
- ²⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 87—92. № 71.
- ²⁶ Новгородские писцовые книги. Т. 2. Стб. 826—880.
- ²⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 131. № 77.
- ²⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. № 71. Н. В. Пиотух неверно относит этот документ к 1484—1488 гг. (Указ. соч. С. 177—178). Правильную дату — 1479 г. — дает сам контекст «Записи о ржевской дани» (см.: Янин В. Л. Указ. соч. С. 200—202). Документ недвусмысленно отождествляет треть и губу. Указание Н. В. Пиотух (Указ. соч. С. 176) о том, что Ошевская треть якобы делилась на три губы, неверно.
- ²⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 89.
- ³⁰ Андрияшев А. М. Указ. соч. Вып. 1. С. 22, 143, 270, 313, 349.
- ³¹ Там же. С. 285, 313.
- ³² Там же. С. 165, 313, 367, 401.
- ³³ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 91.
- ³⁴ Там же. С. 87.
- ³⁵ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 125.
- ³⁶ Там же. С. 124—125.
- ³⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 87—92.
- ³⁸ НПЛ. С. 476.
- ³⁹ Там же. С. 417—418.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 291; Т. 13. 1-ая половина. СПб., 1904. С. 89.
- ⁴¹ См., напр.: Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 49, 131, 152, 169; Васильев М. Е. Городище Заволочье // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 144. М., 1975. С. 95—99.
- ⁴² Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 92.
- ⁴³ Северный архив. 1822. № 23. С. 366.
- ⁴⁴ Арцыбашев Н. С. Повествование о России. Т. 3. М., 1843. Примеч. 1131; Неволин К. А. Указ. соч. С. 225.
- ⁴⁵ Василев И. И. Псковская губерния. Историко-географические очерки. Псков, 1896. С. 236—237; Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков, 1912. С. 188; Насонов А. Н. Указ. соч. С. 125; Васильев М. Е. Городище Ржева Пустая // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 150. М., 1977. С. 96—97; Янин В. Л. Указ. соч. С. 200.
- ⁴⁶ Труды Псковского археологического общества за 1913—1914 гг. Вып. 10. С. 164; Васильев М. Е. Городище Ржева Пустая. С. 96—97.
- ⁴⁷ Неволин К. А. Указ. соч. Карта; Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовского государства. М., 1893. Карта; Голубцов И. А. Пути сообщения на бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII в. // Вопросы географии. Сб. 20. 1950. С. 301 и карта.
- ⁴⁸ Отказ от традиции локализовать Пустую Ржеву в Подоржевке демонстрирует Н. В. Пиотух (Указ. соч. С. 176), предпринявшая попытку искать ее на территории Боротского стана.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 301; Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 108.

- ⁵⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VIII. Примеч. 49.
- ⁵¹ Досадно, что Н. В. Пиотух, заметившая некоторое административное значение Дворцев в XII в. (Указ. соч. С. 177), не обратила внимание на их завуалированное неверной транскрипцией упоминание в летописном рассказе 1536 г. Цитируя этот рассказ, она даже опустила в нем наиболее важное для решения проблемы место.
- ⁵² Голубцов И. А. Указ. соч. С. 296.
- ⁵³ Там же. С. 297.
- ⁵⁴ РГАДА, ф. 1209, кн. 8170, л. 102.
- ⁵⁵ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 154—155. В Дворцах находился Дворецкий Пусторжевский Николаевский монастырь (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 406. № 39), соборная церковь которого по упразднении монастыря стала приходской (Василев И. И. Указ. соч. С. 138).
- ⁵⁶ Сб. МАМЮ. Т. 6. М., 1913. №№ 76/III, 76/IV, 78; Пиотух Н. В. Указ. соч. С. 177.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ЛОКАЛИЗОВАННЫХ СЕЛЕНИЙ ПУСТОРЖЕВСКОГО УЕЗДА, УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ 1582/83 г.

Борутцкий стан: 1. Юхново на р. Подлужнице; 2. Мыльнева; 3. Жар; 4. Ядреница; 5. Мирославля; 6. Подлужье на р. Подлужнице; 7. Замошье; 8. Мишкова; 9. Старополье; 10. Хряпева; 11. Турово; 12. Заборье на р. Борутце; 13. Июдина; 14. Гричкова на р. Льсте; 15. Заболотье; 16. Погорелое; 17. Коростовец; 18. Дегжа; 19. Яхново; 20. Федково; 21. Заход; 22. Круглово над оз. Круглым; 23. Рудная слобода (Рудницы); 24. Ублеск (Ублиска); 25. Микулина; 26. Симанова; 27. Сушево; 28. Опарино; 29. Смыково; 30. Огорелец (Горелец); 31. Конопицыно; 32. Дорожново; 33. Пизщина (Пищина); 34. Бежаничи; 35. Дешкова; 36. Подсев; 37. Скопихин на р. Пылке; 38. Городищо; 39. Трофимов на р. Пылке; 40. Подлаево на р. Пылке; 41. Иванкова; 42. Лужница; 43. Шахматово; 44. Махново; 45. Сырой Остров; 46. Горка; 47. Спирово; 48. Мухорова на р. Шиболице; 49. Горка; 50. Одоева.

Оршанский стан: 51. Розщепово; 52. Кораблево; 53. Перхова; 54. Борки; 55. Гавзово (Габзово); 56. Горончарова; 57. Пашкова; 58. Черпаново (Чалпаново); 59. Быкова; 60. Ступино на р. Блядни (Тупино); 61. Шигиха (Шидиха); 62. Лисицина; 63. Лебединец на оз. Лебедине; 64. Косорово; 65. Лыткина на р. Блядни; 66. Ханина; 67. Брянцева; 68. Лодино; 69. Долосцо над оз. Долосцом; 70. Жукова на р. Верже; 71. Юшкова; 72. Холодный Бор; 73. Семилово у оз. Белого; 74. Степанково; 75. Полозово; 76. Рудново (Рудняха); 77. Горбачева; 78. Гришина; 79. Игнатова на р. Верже; 80. Бородулино; 81. Дудино; 82. Луковице; 83. Себеж на р. Верже; 84. Куницыно; 85. Мотовилово; 86. Гринцова; 87. Шилово; 88. Фомино на р. Медведице; 89. Щербово; 90. Сахарова; 91. Опрасово; 92. Соболицина на р. Сороти; 93. Стехов (Стехнова); 94. Лашковская (Ласковская); 95. Посадникова у оз. Шарстия; 96. Речки; 97. Гостилова; 98. Мелехова; 99. Пришвина на оз. Медведеве; 100. Черноязицев (Черноярцов); 101. Харитонов (Харитоновка); 102. Ватолино; 103. Гром; 104. Мелехова; 105. Муравичи на р. Сороти; 106. Онашкина; 107. Воманова на р. Оршице (Ломанова); 108. Захарово; 109. Тростин (Тростинец); 110. Колнишкина (Колпишкина); 111. Шнитева; 112. Скоморохово; 113. Онтун у оз. Онтуна (Олтун); 114. Курохново; 115. Дуткина; 116. Жукево на оз. Ругодиве; 117. Заборовье; 118. Василево; 119. Медведева; 120. Жарки; 121. Жадрец над р. Жадрецю; 122. Гринева; 123. Махново; 124. Ровная (Ровново); 125. Лучинович; 126. Строжня; 127. Овдокимово; 128. Сохолово (Сухлева); 129. Иванково; 130. Скоряново; 131. Заход; 132. Коньково на р. Льсте; 133. Савина; 134. Сенное на р. Сенной; 135. Дровнево; 136. Слигина; 137. Гришина; 138. Овцыно (Овчина); 139. Опросова на р. Скроботке (Апросьева); 140. Боровичи; 141. Дшаурина (Шаурина); 142. Руднево; 143. Ячина Гора (Ячина); 144. Олексино; 145. Созонова; 146. Дуброва на р. Селянке; 147. Васютино на р. Селянке; 148. Севриково (Севериково); 149. Лосина (Ласина); 150. Свистогозува; 151. Дорожка над оз. Вехном; 152. Селице; 153. Шкубово; 154. Пискунова; 155. Баи (Бои); 156. Стихнево (Стехнево); 157. Залучье (Залужье); 158. Коруза; 159. Селиванова; 160. Бораново; 161. Манушкино; 162. Полозова; 163. Оршо на оз. Оршо; 164. Шастово на р. Шице; 165. Высокая; 166. Староселье; 167. Борок; 168. Тараскина у оз. Шерстна; 169. Ракова у оз. Шерстна; 170. Пестово; 171. Ботвина на р. Ругодиве; 172. Балуково на р. Верже (Булохово); 173. Бибирево; 174. Хмелища; 175. Харитоновка; 176. Добрюха; 177. Петров погост (Петрова); 178. Кудрова; 179. Марчикова; 180. Задоложье над оз. Задоложем; 181. Мохарево; 182. Симаниха (Симиниха); 183. Лычица (Лышница); 184. Запьятово; 185. Васюгина (Васютина); 186. Жекопино на р. Селянке; 187. Бородина; 188. Сахарово; 189. Сыча на р. Ослице (Сычева); 190. Залог; 191. Терехова; 192. Корманово; 193. Галово над оз. Ругодивом.

* В некоторых случаях приведены два варианта названия населенного пункта: одно дается по писцовой книге, а другое (в скобках) — по наименованию на картах Генштаба второй половины XIX — начала XX в. Обращение к современной карте малорезультативно, поскольку война и послевоенное укрупнение деревень привело к запустению многих сотен селений, обозначенных на картах Генштаба, но уже отсутствующих в сегодняшних картографических материалах.

Ополенский стан: 194. Загоскино; 195. Глубокое (Глубоково); 196. Рагозник (Рагозно); 197. Селиваново; 198. Грибово; 199. Терехово; 200. Лубенское; 201. Пестино; 202. Вирина; 203. Бораново; 204. Погарелое; 205. Радионово; 206. Антонова; 207. Тархово; 208. Подвишень; 209. Кононово; 210. Хилково; 211. Минино; 212. Бруева; 213. Ощеркина.

Ошевской стан: 214. Добровичи на р. Удае (Добривици); 215. Ларивонова на р. Удае; 216. Заполье; 217. Красное на р. Илещенке; 218. Язва; 219. Лошково; 220. Воробец (Своробец); 221. Боровицы; 222. Городец; 223. Грязивень (Грязивицы); 224. Мошница; 225. Хошно (Хвошня); 226. Зайцов; 227. Брус; 228. Заболотье; 229. Даваритино (Варитино); 230. Суслово; 231. Окулово; 232. Доманьково на р. Чичорке; 233. Максово; 234. Шабанова на р. Удае; 235. Железенка; 236. Фидино; 237. Яковлево (Яковлевское); 238. Каменка; 239. Вашино (Вышина); 240. Борок; 241. Пехново на р. Илешинке; 242. Паскалкино (Пискалкино); 243. Дровшева (Даровшина); 244. Луковец; 245. Ворсино (Орсино); 246. Горка на р. Вревке; 247. Ворожейкина на р. Вревке; 248. Сорочинново; 249. Олешня над оз. Олешным; 250. Рог; 251. Клинец; 252. Басти Вышние (Мал. Баски); 253. Басти (Бол. Баски); 254. Цвен на р. Цвени; 255. Полозово; 256. Гривка; 257. Мокотино на р. Удае; 258. Куртошки на р. Вревке (Крутошки); 259. Былыгина; 260. Греченева; 261. Грани на р. Вревке; 262. Большой Старик (Старики); 263. Псковково (Псковки); 264. Груждово; 265. Котлища; 266. Тетерков; 267. Минино на р. Ошевке; 268. Федорово на р. Ошевке (Федово); 269. Сопрыгино; 270. Павлов Заход (Павлова); 271. Подсосенье; 272. Костоломово на р. Вревке (Хвастолом); 273. Оклад; 274. Душилово (Душилиха); 275. Бабкина (Бабина); 276. Зародовка (Наротова); 277. Тетеркин на р. Севе; 278. Великое Поле на р. Ошевке; 279. Зайкова (Зайцевка); 280. Гребло; 281. Калинина; 282. Рогалево на р. Ошевке; 283. Финаково на р. Ошевке (Финьково); 284. Чертеное (Чертеное); 285. Стега; 286. Шилово; 287. Судережье на р. Сороти; 288. Гагрино; 289. Сменово; 290. Ситьков; 291. Черная Грязь; 292. Глушнево; 293. Глодово; 294. Брилина; 295. Плотки; 296. Язвы; 297. Гора; 298. Миткова на р. Ошевке (Маткова); 299. Пожар; 300. Озерцо на Поганных озерах; 301. Струга; 302. Кузина на р. Удае; 303. Симонова Гора на р. Ошевке; 304. Заборье; 305. Гушино; 306. Подосенов; 307. Заболотье; 308. Черемша; 309. Федорцово; 310. Желнино; 311. Пезово; 312. Соколово; 313. Торохново на р. Пылке у оз. Цевла (Трахнова); 314. Крутец; 315. Всенина; 316. Старой Двор на р. Сороти; 317. Голодуша; 318. Николы на Пласах на рр. Удае и Цвенке; 319. Княжая Дорога (Княжая); 320. Старцова; 321. Продолжие; 322. Застремьне (Застремье); 323. Поженка; 324. Савкина; 325. Пешкина на р. Удае; 326. Горбачов; 327. Кожелиха на рр. Локнице и Удае; 328. Луковище; 329. Воронов; 330. Решетников; 331. Степенино; 332. Селиванов; 333. Офонасков (Афонасова); 334. Рябкин Бор (Рябкина).

Кулеверский стан: 335. Духново; 336. Бобошино; 337. Барсуки; 338. Труфанова над оз. Изгожим; 339. Вараксино над оз. Быковым; 340. Курбакова; 341. Кудичкова (Куденкова); 342. Тишково; 343. Лаврово у оз. Точново; 344. Зубова; 345. Гришина у р. Ололи на оз. Бардове; 346. Скоморохова над оз. Островитым; 347. Зайцова; 348. Быханова (Быхнова); 349. Голованово; 350. Скрыплев (Скрыпли); 351. Лысково (Лысово); 352. Былдино у оз. Быкова (Болдино); 353. Тишково у оз. Долгово; 354. Дорога Ратькова (Ратьково); 355. Ляпина; 356. Пожар на р. Лубянице; 357. Веретя (Веретье); 358. Савино (Савкина); 359. Давыдова у оз. Исаева; 360. Кебино у оз. Оля; 361. Зубкова; 362. Падоржевка; 363. Оленина; 364. Васинькова у оз. Быкова; 365. Веретя; 366. Хонева у оз. Березуя; 367. Глашнево над оз. Глушневым; 368. Белавино; 369. Филатовской; 370. Жданково (Жданово); 371. Романово у оз. Бардова; 372. Заборья на р. Шести (Загорье); 373. Переколотино на оз. Камени; 374. Упирки; 375. Темное у оз. Темного; 376. Сутолки.

Полиской стан: 377. Засосье; 378. Селище; 379. Остров; 380. Цевло на оз. Цевле; 381. Смородина (Смордовник); 382. Деревенец у оз. Цевла на р. Деревене; 383. Макарьина; 384. Боротное (Боретна); 385. Городок за оз. Цевлом; 386. Муравьи; 387. Стволно на оз. Озеравке; 388. Озеравка у оз. Озеравки; 389. Кузина; 390. Ровная; 391. Замостье; 392. Несмино (Несвино); 393. Соколя у оз. Соколя; 394. Свиное; 395. Бредное (Бридь); 396. Язвица; 397. Веретя (Верешье); 398. Вережа у оз. Полиста; 399. Заход; 400. Лушки (Лужки); 401. Овсица; 402. Плавница; 403. Залужная; 404. Сланница; 405. Исурьева; 406. Кисельница (Сусельница); 407. Грива; 408. Грива другая; 409. Подлезной; 410. Средняя; 411. Городище (Бол. Городище); 412. Борок; 413. Ухожена (Ухошина); 414. Рог; 415. Звездино (Гвездино); 416. Городище меньшее (Мал. Городище); 417. Шипова у оз. Полиста; 418. Грива; 419. Чилец; 420. Спас в Клину (Спасов Клин); 421. Ямная; 422. Юховичи (Юхова); 423. Вихриша; 424. Осиновица (Осиновка).

Пятницкий стан: 425. Тростное (Бол. Трасны); 426. Тростная другая (Мал. Трасны); 427. Заборье; 428. Кузнецово; 429. Мастерова; 430. Глазатовское (Глазатова); 431. Голубово; 432. Затякино; 433. Рындино; 434. Бурасово (Барасово); 435. Тиманово; 436. Межеватая Ляда (Межеватова); 437. Буткиничи (Бутки); 438. Обакумово на р. Полонице; 439. Софонтьева на р. Полонице; 440. Кожина; 441. Горка над р. Лыстою; 442. Вырина; 443. Горбачево (Горбачи); 444. Кучино; 445. Дмитреево (Дмитровка); 446. Шилов; 447. Иванково на р. Овнице (Иваново); 448. Березница на р. Лысте; 449. Сорокино у оз. Волхова; 450. Малеево (Милеево); 451. Борисовская; 452. Стволлово; 453. Осташкова (Осташкино); 454. Иванова (Яванова); 455. Михашина Гора (Миханина).

Влицкий стан: 456. Бор; 457. Бор другой; 458. Орехово (Орехов Брод); 459. Дряхово; 460. Гришина; 461. Плотки на р. Локнее; 462. Котово; 463. Ржаницы (Ржавник); 464. Задоржье; 465. Грива (Гривки); 466. Васково; 467. Наволок; 468. Козина; 469. Телятева; 470. Корелка; 471. Игнатово; 472. Копытово; 473. Стехирево; 474. Швилово; 475. Павлова; 476. Лутово; 477. Иванкова; 478. Утехино на р. Локнее; 479. Решетникова; 480. Васильево; 481. Рысина; 482. Дорка; 483. Продолжье; 484. Черничкина; 485. Горка; 486. Федорово; 487. Кладовицы; 488. Михайлова на р. Локнее.

КРЕСТЬЯНСКИЕ МИГРАЦИИ В РОССИИ/СССР В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

(Макроанализ структуры миграционных потоков)

Первая четверть XX в.— один из самых динамичных периодов в истории страны. Пришедшаяся на него цепь острейших социально-политических потрясений (включая несколько войн и революций) привела в итоге к кардинальным для России последствиям. Динамизм эпохи выразился, в частности, в резко возросшей миграционной активности населения, примерно три четвертых численности которого в то время составляли крестьяне.

Истории крестьянских переселений посвящены сотни работ, тем не менее единой пространственной картины крестьянских миграций, протекавших на всей территории страны в конце XIX — первой четверти XX в., в литературе нет. Авторы предлагаемой читателю статьи на основе данных Всесоюзной переписи населения 1926 г.— уникального по информационному потенциалу источника — пытаются с помощью компьютера решить эту масштабную задачу, что потребовало использования принципов системного подхода и разработки специальных методов пространственной типологии.

* * *

При всех метаморфозах, которые претерпело механическое движение сельского населения страны во времени, этот процесс обладал рядом важных закономерностей. Самая, пожалуй, важная из них состоит в том, что «бродячий инстинкт» — одна из черт, присущих, по мнению А. А. Кауфмана, характеру русского крестьянина, — во все времена проявлял себя преимущественно как центробежная сила: главные пути крестьянских миграций пролегли, в конечном счете, от центра державы к ее окраинам. В течение длительного периода крепостническая сущность Российского государства обуславливала нелогичную, на первый взгляд (с точки зрения интересов государства, обладающего гигантским потенциалом неосвоенных территорий), политику пресечения центробежных устремлений крестьянского населения¹.

Перелом в истории миграционного движения в России наметился в связи с процессами, вызванными реформой 1861 г. Начиная с пореформенного времени волна крестьянских миграций в пределах страны неуклонно нарастает. Особый их всплеск, зафиксированный в 80—90-е гг. прошлого столетия, был связан с началом активной крестьянской колонизации ряда областей Сибири и Дальнего Востока. Другой еще более мощный импульс этим процессам придали в начале XX в. попытка проведения в стране столыпинской аграрной реформы. Очень наглядно это демонстрируют данные, приводимые Л. Ф. Скляровым. Если за 20 лет (1885—1904 гг.) за пределы европейских губерний переселилось 1491,5 тыс. крестьян, то в последующие 10 лет число таких переселенцев достигло 3139 тыс.²

В целом механическому движению населения России свойствен волнообразный характер. Причины его колебаний (это традиционная тема научных дискуссий) называются самые разные. Среди них — ввод в эксплуатацию

* Бородин Леонид Иосифович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Лабораторией исторической информатики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Максимов Сергей Владимирович, кандидат исторических наук.

Транссибирской магистрали, цикличность экономического развития при капитализме, всплески обострения классовой борьбы, региональные особенности аграрных отношений, слухи, недороды, войны и т. д. Не последнее место в этом перечне отводится позиции государства в «переселенческом вопросе». В самом общем виде схема ее эволюции выглядит так. Практику административного пресечения самовольного ухода крестьян на «вольные окраины» сменила в пореформенное время политика усиленного сдерживания указанного процесса, что, впрочем, не исключало старых «испытанных» способов решения вопроса: и в этот период использование полиции и даже войск было обычным делом в подавлении переселенческого движения³. Переход от политики сдерживания к политике стимулирования механического движения широких слоев населения на окраины датируется 6 июня 1904 г., когда на уровне декларации был оформлен новый курс переселенческой политики, значительно расширивший возможности уже, по сути, любого желающего принять участие в поощряемом правительством миграционном процессе. Примерно к этому времени относится создание специального департамента при Министерстве земледелия — «Переселенческого управления», ведавшего делами переселений. (Это учреждение было сохранено и в советское время, выступив теперь под названием одного из отделов Наркомзема⁴.)

Беспрецедентный доселе размах переселенческой кампании породил новые проблемы, например, поток «обратной миграции», включивший переселенцев-неудачников, не сумевших обустроиться на новом месте и вынужденных вследствие этого разоренными возвращаться обратно. По данным Л. Ф. Склярова, из трех с небольшим миллионов переселенцев, принявших участие в миграционных процессах 1905—1914 гг., более 754 тыс. возвратилось в прежние места жительства⁵. Существовали, наконец, и изначально противоположно направленные миграционные потоки, возникавшие в результате обмена мигрантами между различными, чаще сопредельными регионами. В чем-то сохранив преемственность, а в чем-то обретя новые черты, процессы механического движения сельского населения продолжились и в советское время.

Активное историографическое освоение темы крестьянских миграций в России началось еще в середине XIX в. Первые серьезные работы связаны с именами таких ученых, как Ю. Э. Янсон, Д. И. Пихто, А. Ф. Риттих, Ф. Ф. Буссе, А. А. Кауфман и др.⁶ На сегодняшний день историческая литература по проблеме миграций сельскохозяйственного населения в географических пределах СССР объединяет весьма значительный по объему и многообразный по содержанию, подходам, кругу источников и, наконец, по научной значимости предлагаемых выводов комплекс исследований⁷. Существенное место в этом комплексе принадлежит работам, содержащим анализ направлений, а также характеристику емкости крестьянских переселенческих потоков дореволюционного времени.

Миграционные процессы, протекавшие в советское время, особенно в довоенный период, освещены в ряде работ отечественной историографии⁸. Среди них выделяется монография Н. И. Платунова, в которой весьма детально и обстоятельно раскрыто содержание переселенческой политики до начала Великой Отечественной войны⁹. Что касается анализа статистических данных о миграционных потоках этого времени, то и на сегодняшний день они остаются малоисследованными. Видимо, здесь сказалась узость сохранившейся источниковой базы, объясняемая трудностями в организации и налаживании работы статистико-демографических органов. На это, в частности, указывает И. Н. Киселев. В статье, посвященной анализу статистических источников по движению населения в СССР в 1920—1926 гг., автор резюмирует: «...Материалы, собранные государственной статистикой за 1920—1926 гг. (время между двумя крупными демографическими переписями — Всероссийской и Всесоюзной), не дают по каждому году исчерпывающих и надежных сведений

о рождаемости, смертности, численности населения, об интенсивности и направлениях миграций»¹⁰. Исключением являются работы отечественных экономистов, демографов, географов, социологов.

«УЗКИЕ МЕСТА» В ИСТОРИОГРАФИИ

Констатируя в целом значительный вклад отечественной историографии в разработку истории миграций сельского населения СССР, мы заострим внимание на некоторых «узких местах» в изучении проблем, связанных с анализом интенсивности и направленности миграционных потоков, имевших место на территории нашей страны в прошлом. Следует заметить, что «узкие места», о которых пойдет речь ниже, характерны не только для исследований по истории механического движения сельского населения страны, но и для работ по миграциям населения в целом.

На сегодняшний день можно назвать целый ряд трудов, существенно продвинувших изучение миграционных процессов в дореволюционной России¹¹, а также аналогичных процессов, развивавшихся в советское время¹². Но при этом в отечественной историографии практически отсутствуют работы по истории миграционных перемещений населения в географических пределах СССР, которую бы не «оборвал» (с той или другой стороны) рубеж 1917 г. Словом, сложилась традиция рассматривать миграции в стране до и после Октября 1917 г. как два разных, практически не связанных между собой процесса¹³.

Традиционное для нашего обществознания и в ряде случаев оправданное деление истории страны на эпоху до- и эпоху послеоктябрьского развития, будучи механически перенесено на историю миграционных процессов, по нашему убеждению, объективно огрубляет фактуру исторической реальности. Редкое исключение — монография географа С. А. Ковалева, опубликованная в 1960 г. В ней автор поместил составленную им картограмму «Подвижность сельского расселения в областях Черноземного Центра с 1860 по 1926 г.»¹⁴ Картограмма показывает удельный вес более «молодых» селений, возникших после 1860 г., в размещении сельского населения указанного региона.

Между тем анализ существующей литературы позволяет сделать вывод о непрерывности миграционных процессов.

В чем же конкретно это проявляется?

1. Как и раньше, в составе мигрантов начального периода советской истории значительна доля «самовольных» переселенцев¹⁵, что свидетельствует о сохранении стимулов, питавших стихийное развитие миграционных процессов.

2. Неизменными остаются и основные (традиционно центробежные) «стратегические» направления миграций. Специальный Указ ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июля 1925 г., законодательно оформляя существующие реалии, объявил де-юре плановое переселение в районы Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Другой декрет прибавил к этому перечню Северный Кавказ и Урал¹⁶. Не совсем типичное включение районов Поволжья в общую структуру миграционных потоков объясняется конкретным историческим событием: последствиями голода 1921 г. в Среднем Поволжье.

3. Наконец, несмотря на кажущуюся парадоксальность данного утверждения, характер отношения к миграционным процессам со стороны государства, начиная примерно с пореформенного времени вплоть до второй половины 20-х гг. нашего века, в главном оставался неизменным. На протяжении первого послереволюционного десятилетия в миграционной политике не было предложено ничего принципиально нового. Советское правительство в соответствии с официальной критикой колониальной политики самодержавия (по оценке В. И. Ленина, авантюристической, а потому закономерно потерпевшей полное фиаско), исполненное решимостью исправить ошибки предшественников, вернулось уже в первые годы своего правления, по существу, к методам

царской администрации в отношении переселений до 1904 г.— посильному сдерживанию напора миграционной волны при одновременной спешной подготовке экономико-географических плацдармов для приема мигрантов на малозаселенных территориях. Главная задача такой политики состояла в максимально возможной амортизации малоуправляемого стихийного процесса. Однако напор этой волны оказался столь мощным, а проблемы, ею порождаемые, столь острыми, что уже вскоре руководители Советского государства (как некогда их предшественники) были вынуждены отказаться от выбранной линии в миграционной политике. В конце 1924 — начале 1925 г. осуществляется переход к «плановому переселению». Но даже и на этом этапе говорить о радикальном переломе в истории миграционных процессов преждевременно.

Авторство термина «плановое переселение» принадлежит исключительно советским теоретикам и практикам миграционной политики, однако смысл, вкладываемый в него в 20-е и 30-е гг., различался существенным образом. Так, в упомянутых указах середины 20-х гг. термин «плановость» (переселения) по своему содержанию был еще далек от «плановости», употребляемой в контексте документов конца второго десятилетия, не говоря уже о 30-х гг. Плановое переселение в первых указах понималось как система мер, направленных на государственное регулирование процессов механического движения населения в пределах СССР. Сосуществование на территории страны различных экономических укладов объективно требовало от государства постоянно учитывать сложный комплекс стихийных процессов, определявших жизнь общества того времени. Именно это обстоятельство послужило в конечном итоге тем «мостиком», который соединил миграционные потоки первых десяти лет советской власти с предшествовавшей этому периоду эпохой.

Черту всем этим процессам подвел кардинальный поворот в политическом развитии страны, повлекший за собой грандиозные социально-экономические изменения в обществе и вошедший в историю как период «реконструкции народного хозяйства». С этого времени процессы миграции населения в пределах СССР действительно утратили свой прежний смысл и отныне, в условиях предельной регламентированности всех сторон общественной жизни, подчинялись качественно иным законам.

Разумеется, всякая аналогия имеет свои границы. Относится это и к настоящей попытке обосновать связь между процессами миграций до- и послеоктябрьского времени. Общеизвестно, например, что миграционная политика Советского государства, в отличие от позиции самодержавия в этом вопросе, с самого начала не ставила перед собой цели русификации окраин. Достаточно вспомнить, к примеру, характер кампании, связанной с попыткой проведения так называемой земельно-водной реформы, объективно направленной, скорее, на «дерусификацию» Средней Азии и Казахстана. И все же главным, стержневым моментом, определявшим в период, предшествующий реконструкции народного хозяйства, характер и судьбы миграционных процессов в СССР, выступала тенденция сохранения в эти годы известного баланса в отношениях между государством и обществом, что совершенно не характерно для всего последующего времени. Что же касается 20-х гг., то, как писал В. З. Дробижев, «... в то время были опробованы (лишь опробованы.— *Авт.*) те формы территориального движения населения, которые получили затем широкое распространение в годы первых пятилеток»¹⁷.

При рассмотрении отечественной историографии механического движения населения страны приходится констатировать, что при всем многообразии работ, в том числе выполненных на бесспорно высоком профессиональном уровне, пространственная картина миграционных потоков в целом оставляет впечатление калейдоскопичности.

Самую многочисленную группу исследований, освещающих названный ас-

пект проблемы, составили (и это вполне естественно) работы локального характера, содержащие анализ миграций применительно к какому-то конкретному региону. Подобные публикации содержат, как правило, сведения об основных направлениях миграции населения из рассматриваемого региона (если речь идет о регионе-«доноре») или, напротив, о районах, поставляющих мигрантов сюда (когда дело касается региона с положительным сальдо миграции). Полезность этих работ очевидна. И все же попытка рассмотреть их как единый комплекс, призванный покрыть дефицит в целостной картине миграций, успеха не имеет, поскольку такие исследования обычно выполнены на основе разных источников и с применением разной методики. В результате полученные двумя исследователями выводы зачастую не сводимы воедино, даже когда дело касается определенных регионов.

К числу наиболее значительных и сравнительно новых работ, содержащих анализ исторических проблем миграций населения в масштабе страны, относятся труды Б. В. Тихонова, Н. И. Платунова, С. И. Брука, В. М. Кабузана, Н. А. Якименко¹⁸. Серьезно, хотя и в несколько особом аспекте исследовал эту проблему В. К. Яцунский¹⁹. Эти обстоятельные исследования тем не менее лишь отчасти проясняют пространственную картину процессов механического движения сельского населения по территории СССР.

Особый интерес в этом плане представляет монография Б. В. Тихонова о миграциях в России пореформенного времени. В ней предпринят анализ сведений о «неместных уроженцах», содержащихся в опубликованных результатах переписи 1897 г. и данных паспортной статистики тех лет²⁰. Использование легко формализуемой информации массовых источников, в первую очередь материалов переписи, позволило историку учесть весь комплекс традиционных направлений механического движения населения в их сложном многообразии, а не ограничиться несколькими, пусть и главными, миграционными потоками изучаемого периода. Основывая свои расчеты на довольно простой методике (мы говорим только об использованном статистическом инструментарии) и сосредоточив внимание лишь на рассмотрении показателей, касающихся составленных им балансов миграционного обмена между губерниями, автор, естественно, не исчерпал всех возможностей, касающихся механического движения населения России во второй половине XIX в.

В отношении же первой четверти XX в., за которой последовал период, подведший историческую черту под естественным развитием миграционных процессов на территории нашей страны, попыток анализа миграций указанного времени, подобных рассмотренной, не предпринималось вовсе.

Наконец, еще один момент. В отечественных работах распространен подход, в соответствии с которым авторы, исследующие миграционные потоки внутри страны, ограничиваются выделением районов с наибольшим оттоком населения и, напротив, районов, аккумулирующих мигрантов. Однако при этом за рамками анализа остается вопрос о возможно существовавшей связи между конкретным районом выхода и конкретным конечным пунктом миграции. В статье С. И. Брука и В. М. Кабузана обобщенная структура миграционного движения населения России представлена в следующем виде: «В 1897—1916 гг. продолжалось заселение Новороссии, Кавказа, Заволжья, Сибири, Казахстана и Средней Азии в основном переселенцами из земледельческого центра, Левобережной Украины, Поволжья, Восточной Белоруссии и Киевской губернии Правобережной Украины»²¹. Уже сам по себе этот вывод представляет безусловный интерес. Между тем вычленение отдельных пар регионов «поставщик — потребитель» или упорядочение «поставщиков»-мигрантов по степени их значимости для тех или иных регионов в рамках данного подхода не рассматривались.

Проблема существования связи между районом выхода мигрантов и конечным пунктом их передвижения не является в своей постановке чем-то новым для нашей историографии. Больше того, этот вопрос имеет свою

собственную историю, уже примерно в течение века выступая предметом научных дискуссий. В частности, еще с конца XIX в. ведет свое существование концепция «ландшафтной зависимости» между старой и новой родиной переселенцев. Связанная в свое время с именами таких ученых, как А. А. Кауфман, Г. Ф. Чиркин, Н. Турчанинов и др., эта концепция продолжает вызывать споры и по сей день.

Защищенные в 1980-е гг. две докторские диссертации — П. Д. Верещагина и Н. А. Якименко, посвященные крестьянским миграциям в России периода капитализма (на примерах, соответственно, Белоруссии и Украины), содержат прямо противоположные выводы о реальности существования «ландшафтной зависимости» в географии крестьянских переселений. Если П. Д. Верещагин, исходя из результатов собственного исследования, пришел к убеждению, что «...исходные положения концепции ландшафтной взаимозависимости районов выселения и вселения переселенцев не находят научно обоснованного подтверждения»²², то Н. А. Якименко делает следующий вывод: «...Изучение мест расселения выходцев из Украины указывает на существование тесной взаимосвязи ландшафта мест выхода и районов поселения...»²³. В конечном счете, оба эти утверждения формально не исключают одно другое, так как относятся к двум разным группам крестьян — крестьянам Белоруссии и крестьянам Украины; тем не менее сам факт существования в научной литературе подобного рода расхождений говорит о целесообразности последующих научных изысканий возможно более общего характера в упомянутом направлении.

Другими словами, следует констатировать назревшую необходимость в создании такой картины миграций в стране, которая бы представляла собой разумный компромисс между «двуучленной схемой» миграционных потоков и сложным конгломератом миграционных связей регионов. Искомая картина может быть создана как путем отбора лишь сильных миграционных связей, так и в результате обоснованного агрегирования всего множества имеющихся связей. В последнем случае становится возможным выделить группы однородных регионов, действительно сходных по своему положению в единой многосложной структуре миграционного обмена между регионами страны. Обоснованность такого агрегирования, в свою очередь, может быть обеспечена путем использования высокоэффективной (применительно к содержанию решаемой задачи) методики.

ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1926 ГОДА: ПОТЕНЦИАЛ ИСТОЧНИКА

Уникальную возможность преодолеть «узкие места» в освещении истории миграционных процессов, имевших место на территории страны в период, примерно соответствующий первой четверти XX в., предоставляют опубликованные материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Полные итоги этой переписи, характеризующей численность и состав населения СССР на 17 декабря 1926 г., были опубликованы в виде 56 томов²⁴. Издание было разбито на 7 отделов. Для целей нашего исследования наибольший интерес представляет III отдел («Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечность»), материалы которого опубликованы в 35—51-м томах. Данные об интенсивности миграционных потоков получены на основе сводки результатов ответов на 6-й и 7-й вопросы личного листка переписи («Где родился: здесь или нет; если не здесь, то где и сколько времени постоянно живет здесь?»). В таблице III отдела публикации материалов переписи («Уроженцы других районов по месту рождения. Итоги по социальным группам») эти данные представлены в виде матриц, содержащих показатели численности мигрантов для каждой пары регионов. Число этих

Таблица 1

Основные показатели миграционной активности крестьянского населения районов страны *

Район	V	V ⁺	V ⁻	K ⁺ (%)	K ⁻ (%)	K (%)
1. Северный	1 323 877	20 212	26 957	1,5	2,0	-14,3
2. Ленингр.-Карельский	2 617 849	24 598	136 558	0,9	5,2	-69,5
3. Западный	2 242 619	51 806	180 434	2,3	8,0	-55,4
4. Ц.-Промышленный	8 363 813	121 074	255 273	1,4	3,1	-35,7
5. Ц.-Черноземный	6 287 234	80 967	499 192	1,3	7,9	-72,1
6. Вятский	2 048 876	21 137	128 959	1,0	6,3	-71,8
7. Уральский	3 187 729	137 593	111 639	4,3	3,5	10,4
8. Башкирский	1 436 148	94 076	43 367	6,6	1,0	36,9
9. Средне-Волжский	5 828 751	126 267	321 920	2,2	5,5	-43,6
10. Нижне-Волжский	2 542 530	76 499	107 570	3,0	4,2	-16,9
11. Крымский	191 167	20 365	11 389	10,6	5,9	28,3
12. Северо-Кавказский	3 825 108	322 046	98 148	8,4	2,6	53,3
13. Дагестанский	311 609	13 015	4 957	4,2	1,6	44,8
14. Казакский	3 011 978	466 070	46 023	15,5	1,5	82,0
15. Киргизский	465 409	36 261	10 114	7,8	2,2	56,4
16. Сибирский	4 258 495	1 359 215	55 784	32,7	1,3	92,1
17. Бурято-Монгольский	255 855	17 706	6 864	6,9	2,7	44,1
18. Якутский	166 439	1 346	662	0,8	0,4	34,1
19. Дальне-Восточный	676 302	157 290	12 297	23,3	1,8	85,5
20. Белорусский	2 706 481	32 283	242 229	1,2	8,9	-76,5
21. Полесский	1 642 794	28 821	156 153	1,8	9,5	-68,8
22. Правобережный	4 930 372	50 990	282 547	1,0	5,7	-69,4
23. Левобережный	3 714 564	69 057	415 899	1,9	11,2	-71,5
24. Степной	2 860 976	147 650	222 653	5,2	7,8	-20,3
25. Днепропетровский	1 175 354	65 159	137 621	5,5	11,7	-35,7
26. Горнопромышленный	606 427	40 371	52 666	6,6	8,7	-13,2
27. Закавказский	1 755 038	6 767	25 015	0,4	1,4	-57,4
28. Узбекский	1 796 042	12 823	9 535	0,7	0,5	14,7
29. Туркменский	403 400	3 853	2 889	0,9	0,7	14,3

* Обозначения заголовков столбцов:

V — число «хозяев в сельском хозяйстве», постоянно проживающих в обозначенном по строке районе;

V⁺ — число «хозяев в сельском хозяйстве» — неместных уроженцев, к моменту переписи постоянно проживающих в обозначенном по строке районе.V⁻ — число «хозяев в сельском хозяйстве» — уроженцев обозначенного по строке района, к моменту переписи постоянно проживающих в других районах;K⁺ — коэффициент прибытия;K⁻ — коэффициент убытия;

K — коэффициент миграционного баланса.

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 35—51. М.; Л., 1930, 1931. Табл. IV, V.

больших территорий равно 29; они соответствуют сетке госплановских районов 1927 г. (см. список регионов в табл. 1). В данной работе интерес для нас представляла матрица межрегиональных миграций для хозяев в сельском хозяйстве. Каждое число в этой матрице показывает, сколько уроженцев одного региона постоянно проживало на момент проведения переписи в другом регионе. Всего же перепись 1926 г. зафиксировала 3 605 314 сельских хозяев — уроженцев других районов.

Полезная информация о потоках миграции содержится также в таблицах источника «Население по продолжительности проживания, народности, положению в занятии и отраслям народного хозяйства» и «Неместные уроженцы, проживающие в месте переписи постоянно, по месту рождения и месту проживания». В предисловии к III отделу публикации итогов переписи основные задачи этих таблиц охарактеризованы следующим образом: а) изучение направления миграционных потоков внутри страны; б) выявление центров, притягивающих население, и в) определение районов, тяготеющих к этим центрам²⁵.

На наш взгляд, этот источник содержит необходимые предпосылки для преодоления с его помощью узких мест существующей историографии, поскольку: 1) эти данные, фактически резюмируя развитие миграционных процессов в стране (прежде всего за предшествовавшую четверть века), позволяют исследовать миграционные потоки населения без искусственного разрыва по временному срезу Октября 1917 г.; 2) данные источника «Уроженцы других районов по месту рождения. Итоги по социальным группам» охватывают территорию всей страны, позволяя при соблюдении условия своей сопоставимости преодолеть локальные рамки исследования; 3) входы и выходы каждого миграционного потока четко зафиксированы указанием соответствующей пары регионов.

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Прежде чем перейти к анализу структуры миграционных потоков сельского населения страны в конце XIX — первой четверти XX в., обратимся к показателям, характеризующим различные аспекты миграционной активности крестьян каждого из 29 регионов. Будем использовать с этой целью три коэффициента, обычно применяемых в демографических исследованиях²⁶: K^+ — коэффициент прибытия; K^- — коэффициент убытия, K — коэффициент миграционного баланса, где

$$K^+ = (V^+/V) \cdot 100\%; \quad K^- = (V^-/V) \cdot 100\%; \\ K = (V^+ - V^-)/(V^+ + V^-) \cdot 100\%.$$

В этих формулах $V^+(V^-)$ — число крестьян-мигрантов, въехавших в данный регион (выехавших из него) в течение рассматриваемого периода; V — общая численность данной категории населения на момент проведения переписи.

В то время как коэффициенты K^+ и K^- отражают степень миграционной подвижности исследуемой группы населения соответствующего региона, коэффициент K характеризует величину относительного превышения потока въезжающих в регион мигрантов над выезжающими. Его значения изменяются от -100% до $+100\%$, а знак показывает, какой из двух потоков доминирует.

В таблице 1 приводятся абсолютные данные общей численности вселившихся и выселившихся из каждого региона крестьян, а также полученные на их основе значения коэффициентов K^+ , K^- и K . Наиболее высокие значения коэффициента прибыли K^+ указывают на значительность доли приезжих в общем числе сельских хозяев в Сибирском ($K^+ = 32,7\%$), Дальне-Восточном (23,3), Казакском (15,5), Крымском (10,6) и Северо-Кавказском (8,4) районах. В то же время для центральных регионов страны, большей части территории Украины и Белоруссии этот показатель имеет низкие значения. Между тем именно для Белоруссии и Украины наиболее высокими оказались значения коэффициента убыли $K^- = 11,7\%$ для Днепропетровского, 11,2 — для Левобережного, 9,5 — для Полесского, 8,9 — для Белорусского, 8,7 — для Горнопромышленного районов.

Данные таблицы 1 содержат количественные оценки миграционной

Таблица 2

**Направления сильнейших миграционных потоков крестьянского населения
на территории СССР в первой четверти XX в.**

Район «выхода» переселенцев	Район «входа» переселенцев и значения частного коэффициента убытия, %
1. Северный	Сибирский (0,86) *
2. Ленингр.-Карельский	Ц.-Промышленный (1,96); Сибирский (1,58)
3. Западный	Сибирский (4,26); Дальне-Восточный (0,54); Казакский (0,54)
4. Ц.-Промышленный	Сибирский (1,49)
5. Ц.-Черноземный	Сибирский (4,44); Северо-Кавказский (1,17); Казакский (0,68)
6. Вятский	Сибирский (3,40); Уральский (1,35)
7. Уральский	Сибирский (2,21)
8. Башкирский	Сибирский (1,18); Уральский (0,57); Средне-Волжский (0,54)
9. Средне-Волжский	Сибирский (2,73); Казакский (0,93); Башкирский (0,53)
10. Нижне-Волжский	Сибирский (1,21); Северо-Кавказский (0,97); Казакский (0,91)
11. Крымский	Степной (1,74); Левобережный (0,70); Северо-Кавказский (0,66); Ц.-Черноземный (0,62); Сибирский (0,50)
12. Северо-Кавказский	Казакский (0,70)
13. Дагестанский	Северо-Кавказский (0,96)
14. Казакский	—
15. Киргизский	Казакский (1,73)
16. Сибирский	—
17. Бурято-Монгольский	Дальне-Восточный (1,45); Сибирский (1,05)
18. Якутский	—
19. Дальне-Восточный	—
20. Белорусский	Сибирский (5,65); Западный (0,55); Уральский (0,53)
21. Полесский	Сибирский (3,04); Дальне-Восточный (1,29); Казакский (0,88); Правобережный (0,72); Северо-Кавказский (0,67); Степной (0,63)
22. Правобережный	Степной (1,27); Сибирский (1,07); Казакский (0,75); Дальне-Восточный (0,71)
23. Левобережный	Сибирский (3,20); Казакский (1,93); Северо-Кавказский (1,71); Дальне-Восточный (0,83); Днепропетровский (0,60); Степной (0,50)
24. Степной	Казакский (2,37); Северо-Кавказский (1,26); Сибирский (1,06); Днепропетровский (0,54)
25. Днепропетровский	Казакский (2,85); Сибирский (1,82); Северо-Кавказский (1,46); Степной (1,39); Левобережный (0,93); Средне-Волжский (0,85); Горнопромышленный (0,65)
26. Горнопромышленный	Северо-Кавказский (2,13); Казакский (1,57); Сибирский (1,03); Ц.-Черноземный (1,02); Степной (0,63); Левобережный (0,56)
27. Закавказский	Северо-Кавказский (0,92)
28. Узбекский	—
29. Туркменский	—

* Здесь и далее в скобках приводятся значения частного коэффициента убытия K_{ij}^- , который показывает долю крестьян, переселившихся из одного района в другой в процентах от крестьянского населения района «выхода». Так, число 0,86 в 1-й строке таблицы указывает, что доля крестьян — уроженцев Северного района, зафиксированных переписью в Сибири, составляет 0,86% от крестьянского населения Северного района.

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 51. М.; Л., 1931. С. 222—225.

активности известных в историографии районов-«потребителей» и «поставщиков» крестьянских мигрантов. Как подтверждается значениями коэффициента миграционного баланса K , максимальное преобладание въезда сельских хозяев над выездом было характерно для окраинных районов страны — Сибирского ($K = 92,1\%$), Дальне-Восточного (85,5), Казакского (82,0), Киргизского (56,4) и Северо-Кавказского (53,3). Напротив, максимальное преобладание крестьянского выезда над въездом было присуще Белорусскому ($K = -76,5\%$), Центрально-Черноземному (-72,1), Вятскому (-71,8), Левобережному (-71,5) и Ленинградско-Карельскому (-69,5) районам. Данные таблицы 1 позволяют получить представление не только о глобальном развитии протекавшего с конца XIX до примерно второй половины 20-х гг. XX в. процесса крестьянских миграций, но и о непосредственном участии в указанном процессе каждого отдельно взятого региона. Тем не менее эти данные отражают миграционную активность каждого региона лишь обобщенно, характеризуя обмен мигрантами между каким-то конкретным регионом, с одной стороны, и всеми остальными, рассмотренными в совокупности, — с другой. Между тем материалы переписи 1926 г. содержат необходимую информацию, позволяющую исследовать миграционные контакты каждой пары территорий, в сетке 29 выделяемых ЦСУ хозяйственных районов.

* * *

На основе таблицы источника «Уроженцы других районов, по месту рождения. Итоги по социальным группам»²⁷ нами были рассчитаны значения частного коэффициента убытия K_{ij}^- для каждой пары регионов. Расчет осуществлялся по следующей формуле:

$$K_{ij}^- = (V_{ij}^- / V_i) \cdot 100\%,$$

где V_i^- — численность крестьянского населения i -го региона,

V_{ij}^- — число крестьян, переселившихся из i -го региона в j -й регион в течение рассматриваемого периода.

Смысл частного коэффициента убытия в следующем: его значение показывает долю крестьян, переселившихся из одного региона в другой, в процентах от крестьянского населения первого региона.

В результате было получено более 800 значений коэффициента K_{ij}^- (точнее, это число равно $29 \cdot 28$), характеризующих весь спектр теоретически возможных направлений крестьянской миграции с территории каждого из 29 регионов. Еще столько же значений добавилось с расчетом K_{ij}^+ , что позволило получить детальную информацию теперь уже о структуре въезда, опять-таки в каждый, отдельно взятый регион.

В качестве главного объекта последующего рассмотрения была принята система показателей, характеризующих структуру направлений выезда крестьян-переселенцев за пределы региона.

С целью выделить в числе 800 учтенных крестьянских миграционных потоков самые мощные, был принят «порог» $a = 0,5\%$, ниже которого поток не фиксировался. Данный порог означает условие, в соответствии с которым группа крестьянских мигрантов, выезжающих из региона A в регион B , должна быть достаточно большой относительно крестьянского населения региона A (не менее $0,5\%$). Таких потоков оказалось 69 (см. табл. 2). Если ограничиться еще более высоким значением порога ($a = 1,0\%$), то содержание таблицы 2 можно сделать наглядным, построив схему основных потоков крестьянских перемещений по территории страны в период конца XIX — первой четверти XX в. (см. рис. 1). Попробуем в общих чертах охарактеризовать содержание полученной схемы.

Итак, уже в самом первом приближении можно подтвердить факт суще-

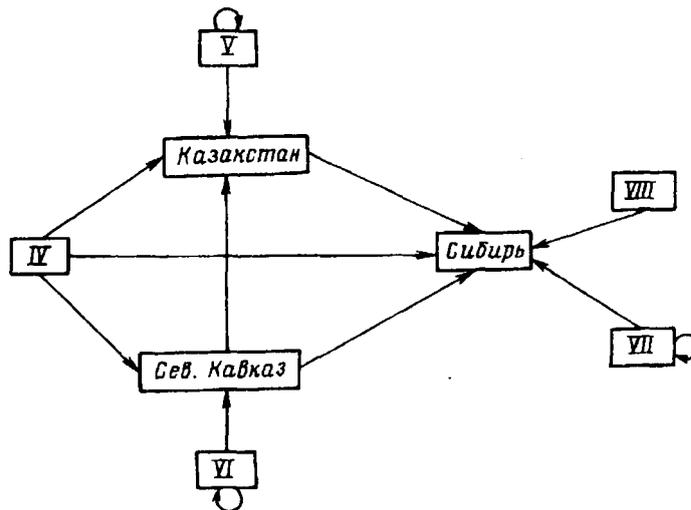

Рис. 1. Укрупненная структура межрегиональной миграции крестьян. Схема построена по данным табл. 3; изображены направления интенсивной крестьянской миграции, соответствующие наиболее высоким числам в табл. 3 (превышающим пороговое значение 10%). Состав макрорайонов указан в табл. 3

ствования трех главных, глобальных по своему значению, миграционных потоков, так сказать, стратегических направлений движения крестьянских переселенцев: с территории Европейской России на восток, юго-восток и юг страны. Очевидно также, что в основе данного факта лежит существование трех мощных географических плацдармов, стягивавших на себя большую часть главных потоков крестьянской миграции. Первое место в числе этих, крупнейших регионов-потребителей, без сомнения, принадлежит Сибири, чье значение в истории крестьянских миграций в России первой четверти XX в. трудно переоценить. Затем идут Казакский и Северо-Кавказский регионы. К их числу, видимо, следует отнести и Дальний Восток, который (правда, лишь с натяжкой) может идти в сравнение с тремя ранее названными регионами страны.

Следует отметить, что практически все регионы страны активно участвуют в миграционном движении крестьянского населения, по меньшей мере в одном из указанных выше направлений. Показательно также, что всякий раз набор регионов, выделяемых в качестве активных поставщиков мигрантов в какой-то один из данных трех регионов, неизменно представлен на карте как единая территория.

Ведущие регионы-потребители имели как «совокупных» (посылавших значительное число крестьянских переселенцев наряду с этим и в других направлениях), так и индивидуальных (в лице отдельных регионов) поставщиков мигрантов. Исключение составил лишь Дальне-Восточный регион, не имевший своих специфических источников механического пополнения крестьянского населения. Западный, Полесский, Правобережный и Левобережный регионы, с одной стороны, и Бурято-Монгольский — с другой, отмеченные довольно мощной волной крестьянской миграции с их территории на Дальний Восток, все без исключения выступают одновременно и как активные поставщики мигрантов в иных направлениях.

Совокупным поставщиком мигрантов в Сибирь выступила практически вся Европейская Россия, вплоть до границ с Северным Кавказом и далее Казакской АССР (сегодняшним Казахстаном). Другими словами, влияние «притяжения»

сибирского направления крестьянских миграций заканчивалось лишь на границе с регионами, которые сами выступали конечным пунктом вполне автономных сильных миграционных потоков. В этой связи интересно заметить, что для судеб крестьянской миграции из таких регионов, как Закавказский, Дагестанский и Киргизский, решающим явилось их непосредственное географическое соседство, а также отсеченность от остальных территорий страны мощным «аккумулятором» пришлое крестьянского населения, таким, как Северный Кавказ в одном случае, и Казакская АССР — в другом.

Используемые нами индикаторы интенсивности крестьянских миграций конца XIX — первой четверти XX в. позволяют сопоставлять миграционные потоки в различных аспектах. Так, опираясь на данные, приводимые в таблице 2, можно утверждать, что на фоне всех учтенных нами «узконаправленных» крестьянских миграционных потоков самым интенсивным за рассмотренный период предстает поток переселенцев, двигавшихся из Белоруссии в Сибирь: за отрезок времени, примерно равный четверти века, в Сибирь на постоянное место жительства перекочевало более 5% ($K_{ij}^- = 5,65$) крестьянского населения данного региона. Следующими в этом ряду можно поставить потоки, направленные опять же в Сибирь, но уже из Центрально-Черноземного (4,44) и Западного (4,26) районов. Данные таблицы 2 позволяют продолжить этот перечень. Чтобы оценить масштаб этих цифр, достаточно вспомнить, что из примерно 800 первоначально принятых к рассмотрению «двучленных» межрайонных миграционных связей лишь 69 показали значение $K_{ij}^- > 0,5\%$. Для всей же совокупности значений K_{ij}^- медиана (средняя величина) равняется 0,02%.

Ценность вводимых в научный оборот материалов переписи 1926 г. о миграциях заключена, таким образом, в том, что их использование позволяет оценивать относительную (т. е. полученную с учетом всех миграционных потоков) значимость миграционной связи между любой парой регионов. Так, сравнивая структуру выезда двух соседних регионов — Белорусского и Правобережного, легко заметить, что масштаб переселений крестьян Белоруссии в Сибирь более чем в четыре раза превосходил аналогичный показатель, рассчитанный для правобережной части Украины (см. табл. 2).

Наряду с глобальным, охватившим почти всю страну движением крестьян-переселенцев в восточном, юго-восточном и южном направлениях, перепись 1926 г. запечатлела следы и более локальных миграционных потоков, относительная значимость которых в ряде случаев вполне сравнима с масштабами крестьянской миграции, протекавшей в рассмотренных трех «универсальных» направлениях. К наиболее значительным из числа локальных можно отнести следующие направления крестьянской миграции: из Ленинградско-Карельского региона в Центрально-Промышленный ($K_{ij}^- = 1,96\%$); из Бурято-Монгольского в Дальне-Восточный (1,45); из Вятского в Уральский (1,35); потоки миграции, направленные в Степной подрайон Украинской ССР из Днепропетровского (1,39), Правобережного (1,27) и Крымского (1,74) регионов; наконец, поток крестьянских переселенцев, направленный из Горнопромышленного подрайона Украины в Центрально-Черноземный регион страны (1,02). На схеме перечисленные направления отмечены стрелками (см. рис. 1).

Данные таблицы 2 позволяют также выявить и наиболее значимые на общем фоне примеры активного двустороннего обмена мигрантами между конкретными парами регионов. Принятый порог позволил назвать три случая, подобного рода миграционных отношений: между Башкирией и Средне-Волжским регионом; Днепропетровским и Степным подрайонами УССР; между Днепропетровским и Левобережным подрайонами Украины.

Что касается Украины в целом, то здесь привлекает внимание факт интенсивного развития внутрисельской миграции крестьянского населения. Данные таблицы 2, в частности, фиксируют несколько особое в

сравнении с другими украинскими областями положение Степного подрайона республики, чья роль во внутриукраинском крестьянском миграционном движении сводилась в рассматриваемый период главным образом к функции потребителя миграционных потоков, исходивших с сопредельных территорий. Характерно, что вышеуказанный процесс протекал наряду с активнейшим участием подрайонов республики в глобальном переселенческом движении на юг, юго-восток и восток страны.

Существовали, наконец, регионы, чье фактическое участие во всеобщем процессе крестьянских миграций было настолько незначительным, что пороговое значение ($K_{ij}^- = 0,5\%$) вообще оставило их за пределами схемы. В подобном качестве выступили Узбекский, Туркменский и Якутский регионы.

* * *

В ходе анализа, основываясь на использовании традиционных демографических показателей, мы попытались выделить несколько главных черт протекавшего в стране процесса крестьянских миграций, результаты развития которого за примерно четверть века отразили материалы переписи 1926 г. Вместе с тем в этой части исследования целесообразно сформулировать два методологически важных замечания.

1. Мы сознательно отказались от попытки рассмотрения всего практически необозримого разнообразия миграционных потоков крестьянского населения страны, сконцентрировав внимание на важнейших из них. Это позволило «разгрузить» создаваемую картину-схему миграционных процессов, сделав ее доступной для интерпретации. Однако (и это другая сторона медали) при данном подходе объективно приходится иметь дело если и не с «верхушкой айсберга», то и не с полным его основанием: в этом случае теряется примерно третья часть имеющейся информации об интенсивности потоков крестьянских переселенцев, сменивших место жительства (регион проживания) в конце XIX — первой четверти XX в. (на 69 рассмотренных нами потоков из общего числа более 800 приходится 68% всей суммарной по стране численности крестьянской миграции).

2. Структурное многообразие механического движения крестьянского населения страны выразилось в примерах многократных наложений одинаково или противоположно направленных миграционных потоков. В результате регионы, сходные по структуре выезда относительно одного направления, могли столь же решительно различаться относительно другого. В этой связи возникает вопрос о построении укрупненной картины миграции, где в качестве группообразующего фактора использовалась бы структура миграционных взаимосвязей всех 29 регионов страны.

Суммируя оба замечания, можно констатировать потребность в эффективной методике, применение которой дало бы возможность, оперируя имеющимся в нашем распоряжении материалом, построить оптимальную миграционную типологию территории страны, которая: а) будет основана на учете всех без исключения миграционных потоков крестьянского населения, от крупнейших до самых малозначительных, и б) будет указывать принадлежность каждого региона к той или иной группе (типу), исходя из общности главных тенденций процессов крестьянской миграции, характерных для регионов, составивших каждую такую группу (тип).

Нами разработана методика, позволяющая решить сформулированную задачу.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ МИГРАЦИЙ

Специфика предлагаемой методики определяется характером исходных данных. Если в работах, посвященных аграрной типологии России конца XIX — начала XX в., исходные данные были представлены в виде таблицы «объекты-

признаки», и для построения региональной типологии использовались методы многомерной классификации (кластерного анализа)²⁸, то в данной работе исходная информация представлена таблицей связей между парами объектов. Такой вид имеющихся данных требует специальных методов типологизации.

При исследовании сложной системы, состоящей из большого числа взаимосвязанных элементов, возникает необходимость выявления укрупненной (агрегированной) структуры изучаемой системы. В данной работе используется предложенный нами аппроксимационный метод агрегирования (АМА)²⁹, основанный на гипотезе о том, что макроструктура системы может быть представлена в виде набора подсистем, каждая из которых состоит из элементов, имеющих «однородные», близкие по величине связи с элементами других подсистем. За счет определенной типизации множества связей, группировки элементов мы переходим от исходной «калейдоскопичной» картины связей, содержащей сотни (или тысячи) второстепенных деталей, к укрупненной структуре. Тем самым создается возможность выявления основных потоков связей, определения групп элементов — «поставщиков» и «потребителей», «узлов» связей и автономных групп, относительно изолированных от остальных подсистем.

Рассматриваемый метод АМА (он относится к методам структурной типологизации) сводится к решению экстремальной комбинаторной задачи. В итоге для заданного числа групп мы получаем оптимальное разбиение элементов на группы, а также матрицу межгрупповых связей.

* * *

В соответствии с преследуемой целью — выделить общие для регионов тенденции крестьянских миграций — материал источника был использован в том виде, который позволил, абстрагируясь от абсолютных величин миграционных потоков (составивших основу рассмотрения в предыдущей части работы), исследовать возможное сходство между регионами в структуре исходящих с их территории потоков крестьянской миграции. Компьютерной обработке подверглась матрица структурных (или относительных) коэффициентов миграции (размером 29×29), в которой каждый коэффициент S_{ij} фиксировал долю крестьян — уроженцев i -го района, переселившихся в j -й район, относительно общего числа крестьян — переселенцев i -го района. Так, перепись зафиксировала 152 934 уроженца Белоруссии, проживавших в Сибири. Учитывая, что общее число уроженцев Белоруссии, проживавших на момент переписи в других районах страны, равно 242 229, получим значение структурного коэффициента миграции для данного направления:

$$S = 152\,934 / 242\,229 \cdot 100\% = 63,1\%.$$

Обратимся к результатам построения региональной типологии структуры крестьянских миграций. С помощью метода АМА выделено восемь групп, состоящих из районов со схожей структурой миграционных потоков. Назовем их:

1. Сибирский край;
2. Казакская АССР;
3. Северо-Кавказский край;
4. Центрально-Черноземный район, Крымская АССР, Белорусская ССР, Полесский, Правобережный, Левобережный, Степной, Днепропетровский и Горнопромышленный подрайоны Украинской ССР;
5. Киргизская АССР, Узбекская ССР, Туркменская ССР;
6. Дагестанская АССР, Закавказский край;
7. Якутская АССР, Бурято-Монгольская АССР, Дальне-Восточный край;
8. Северный, Ленинградско-Карельский, Западный, Центрально-Промыш-

Таблица 3

Укрупненная структура межрегиональной миграции крестьян:
матрица средних значений относительных коэффициентов убытия *

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
I	—	31,8	5,2	1,5	0,5	0,1	9,5	2,1
II	19,0	—	8,9	1,6	7,3	0,1	0,8	3,6
III	10,6	27,5	—	2,7	1,3	5,1	1,8	2,0
IV	27,5	14,3	12,3	—	0,3	0,3	1,7	1,3
V	1,5	42,4	3,0	0,8	—	14,0	1,3	1,7
VI	1,2	1,6	62,1	1,1	0,4	—	11,4	1,3
VII	40,9	2,4	2,5	0,8	0,1	0,0	—	16,6
VIII	45,4	9,0	4,1	0,7	0,2	0,1	0,8	—

* Каждое число в таблице показывает среднее значение относительного (структурного) показателя убытия S_{ij} из одного макрорайона, указанного в соответствующей строке таблицы, в другой макрорайон, указанный в столбце. Так, число 62,1 в 6-й строке и 3-м столбце означает, что доля крестьян — уроженцев Дагестана в Закавказья, проживавших на момент переписи на Северном Кавказе, составляла в среднем для Дагестана и Закавказья 62,1% от общего числа крестьян-мигрантов каждого из этих двух районов выезда.

Состав типологических макрорайонов:

- I — Сибирский
- II — Казакский
- III — Северо-Кавказский
- IV — Центрально-Черноземный, Крымский, Степной, Днепропетровский, Горнопромышленный, Правобережный, Левобережный, Белорусский, Полесский
- V — Киргизский, Туркменский, Узбекский
- VI — Дагестанский, Закавказский
- VII — Бурято-Монгольский, Дальне-Восточный, Якутский
- VIII — Башкирский, Вятский, Западный, Ленинградско-Карельский, Нижне-Волжский, Средне-Волжский, Центрально-Промышленный.

ленный, Вятский, Нижне-Волжский, Средне-Волжский и Уральский районы РСФСР, Башкирская АССР.

При такой группировке достигается оптимальная типизация миграционных потоков, а именно — объединение регионов по сходству структуры выезда с их территории крестьян-переселенцев.

Обращает на себя внимание тот факт, что каждая из восьми образованных групп состоит из территориально смежных регионов. Данное обстоятельство позволяет рассматривать каждую такую группу как единый обособленный макрорайон, что заметно облегчает интерпретацию полученной типологии. Исходя из территориальной целостности этих макрорайонов, будем в дальнейшем именовать их следующим образом: 1. Сибирский; 2. Юго-Западный; 3. Северо-Кавказский; 4. Казакский; 5. Средне-Азиатский; 6. Закавказский; 7. Северо-Восточный; 8. Центральный.

Приступая к интерпретации результатов построенной компьютером типологии, следует особо отметить произошедшее выделение Сибири, Казакской АССР и Северного Кавказа в качестве самостоятельных и уникальных по характеру участия в миграционных процессах макрорайонов страны. Это представляется вполне естественным, особенно с учетом того, что из числа крестьян, сменивших в течение исследуемого периода регион проживания, 59,6% переселились только в эти три региона.

Интересный материал для интерпретации дают вычисления показателей, характеризующих структуру миграционных отношений между образованными группами регионов (см. табл. 3).

Если проследить направления крестьянской миграции из трех главных макрорайонов-«потребителей» — Сибирского, Казакского и Северо-Кавказского,

можно заметить, что крестьяне, проживавшие раньше в этих трех регионах, но решившие по тем или другим причинам сменить свое «благодатное» местожительство, в остальном не составляли исключения из общего правила, продвигаясь, в первую очередь, в одном из двух оставшихся глобальных направлений миграционных потоков. Особенно зримо это происходило с потоками крестьянской миграции из Сибири в Казакскую АССР (S_{ij} 31,8% — такова доля этого миграционного потока в общем числе крестьян-уроженцев Сибири, зафиксированных переписью 1926 г. в качестве проживающих в других районах страны), из Казакской АССР в Сибирь (19,0%), с территории Северного Кавказа в Казакскую АССР (27,5%) и одновременно в Сибирь (10,6%).

Крупнейший, объединяющий большую часть территорий европейской части России Центральный макрорайон отличается решительная миграционная ориентация на Сибирь (в среднем 45,4% для каждого района этой группы) при значительно меньшей, хотя и достаточно сильной, — на Казакскую АССР (10%).

Говоря о специфике Юго-Западного макрорайона, следует указать на бросающийся в глаза факт: данный макрорайон последовательно вобрал в себя все территории, отмеченные наибольшим оттоком из них крестьянских мигрантов (см. табл. 2). Именно это обстоятельство и предопределило главную черту, присущую структуре направлений выходящих из этого макрорайона миграционных потоков, которая выразилась в выполняемой им роли универсального поставщика мигрантов по всем трем «генеральным» направлениям: Сибирском (27,5%), Казакском (14,3%) и Северо-Кавказском (12,3%).

В общей схеме миграционных процессов, место трех оставшихся макрорайонов — Северо-Восточного, Закавказского и Средне-Азиатского — выделяется своей в определенном смысле единообразностью: все три макрорайона отмечены сильной миграционной ориентацией на расположенный рядом мощный аккумулятор миграционных потоков в лице, соответственно, Сибири, Северного Кавказа и Казакской АССР при значительном, опять же во всех трех случаях, объеме внутренней (между регионами, внутри данного макрорайона) миграции. Здесь уместно снова вспомнить гипотезу, предложенную в процессе содержательного анализа материалов таблицы 2, объясняющую специфику участия в миграционных процессах таких регионов, как Закавказская ССР, Дагестанская АССР и Киргизская АССР: их «отсеченностью» от прочих территорий страны регионом, выступавшим в то время конечным пунктом одного из трех глобальных направлений крестьянской миграции. Полученная типологическая структура содержит подтверждение сформулированной ранее гипотезы. Если взглянуть на карту, легко убедиться, что все три рассматриваемых макрорайона (Северо-Восточный, Закавказский, Средне-Азиатский) представляют каждый в своем случае строго логичное, с точки зрения высказанной гипотезы, объединение регионов, как бы «замыкающих с другой стороны» какое-то одно из трех главных направлений механического движения крестьянства. Именно с этой точки зрения совершенно логичным выступает объединение Дальне-Восточного края с Бурято-Монгольской АССР и Якутией, Дагестана с Закавказьем, а Туркмении и Узбекистана с Киргизией.

* * *

Наконец, в завершение коснемся еще одного аспекта проблемы. Данные таблицы источника «Население по продолжительности проживания, народности, положению в занятии и отрасли народного хозяйства» содержат распределение миграционных потоков во времени, осуществленное в соответствии со следующей периодизацией: до 1897 г., 1897—1906 гг., 1907—1913 гг., 1914—1916 гг., 1917—1920 гг., 1924 г., 1925 г., 1926 г. Таблица 4 и рисунок 2 характеризуют

Таблица 4

Распределение числа крестьян — неместных уроженцев
трех основных районов по продолжительности проживания

Продолжительность проживания	Районы «входа» крестьянского населения					
	Сибирский		Казакский		Северо-Кавказский	
30 лет и более (до 1897 г.) *	198 774	13 250	64 443	4 296	138 354	9 222
20—29 лет (1897—1906 гг.)	254 327	25 433	94 488	9 449	114 643	11 464
13—19 лет (1907—1913 гг.)	599 125	85 589	227 264	32 466	122 476	17 497
10—12 лет (1914—1916 гг.)	102 838	34 279	74 581	24 860	47 611	15 870
6—9 лет (1917—1920 гг.)	234 447	58 612	91 137	22 784	122 796	30 699
3—5 лет (1921—1923 гг.)	233 090	77 697	132 677	44 226	204 401	68 134
2 года (1924 г.)	76 544	76 544	36 236	36 236	61 661	61 661
1 год (1925 г.)	75 576	75 576	30 333	30 333	46 099	46 099
до 1 года (1926 г.)	56 978	56 978	13 968	13 968	33 767	33 767

* При расчете среднегодового числа крестьян-мигрантов для этого периода длительность его принималась равной 15 годам.

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XL. С. 63, 67; Т. XLII. С. 44, 45; Т. XXXIX. С. 116, 119. М.; Л., 1930.

динамику колебаний объема крестьянских миграционных потоков, развивавшихся в трех крупнейших направлениях: Сибирском, Казакском и Северо-Кавказском. Для сопоставления данных, характеризующих периоды различной длительности, мы вычислили среднегодовые оценки числа переселенцев.

Сведения о размерах миграционных потоков, легшие в основу предлагаемой диаграммы, не вполне идентичны материалам, используемым в предыдущем разделе: данные переписи наряду со сведениями о мигрантах, прибывших в рассматриваемый регион из других регионов, включают и информацию о переселенцах, сменивших пункт проживания, не выезжая за пределы своего региона, причем обе эти группы объединены здесь под единой рубрикой «неместные уроженцы». Сравнение их показывает, что для рассматриваемых трех регионов доля «внешних» мигрантов (первая группа) составляет в целом более 60% от общего числа «неместных уроженцев». Это позволяет использовать сведения источника о «неместных уроженцах» при оценке тенденций, присущих характеру развития миграционных процессов за отрезок времени, примерно равный первой четверти XX в.

Обращаясь к диаграмме (рис. 2), можно констатировать наличие двух особенно заметных всплесков миграционной активности крестьянского населения, пришедшихся на период столыпинской реформы и годы гражданской войны.

Первый всплеск миграции условно можно назвать Сибирским: за период 1907—1913 гг. в Сибирь переселилось примерно в два раза больше крестьян, чем в целом на Северный Кавказ и в Казахстан. Причем сибирское направление оставалось доминирующим на протяжении всего рассматриваемого периода — с конца XIX по конец первой четверти XX в. Отчетливо виден на диаграмме спад миграционной активности, пришедшийся на годы первой мировой войны. Для второго всплеска крестьянских переселений характерным является возрастание удельного веса Казахстана и особенно Северного Кавказа в общем объеме крестьянских миграций. Именно на начало 20-х гг. приходится пик числа «неместных уроженцев», зафиксированных переписью 1926 г. в указанных двух районах (см. рис. 2). Миграционный поток, направленный на Северный Кавказ в послеоктябрьский период и особенно после гражданской войны,

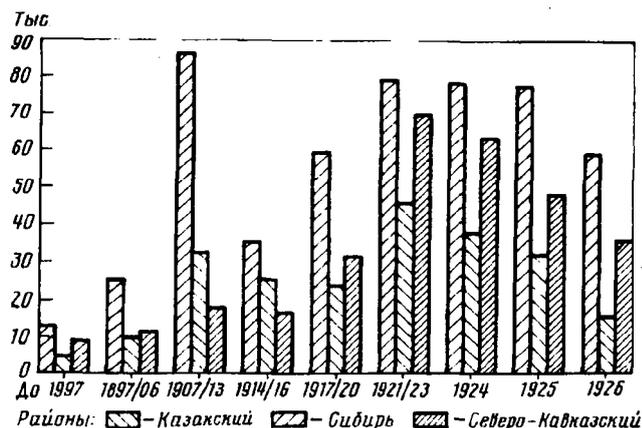

Рис. 2. Динамика среднегодового количества переселенцев для трех основных районов входа крестьянского населения (распределение числа крестьян — «неместных уроженцев» по длительности проживания)

значительно превысил свои дореволюционные размеры. Не последнюю роль в этом, возможно, сыграл 1921 год, отмеченный беспрецедентным по масштабу движением голодающего населения Поволжья в «сытые» районы, и прежде всего на Северный Кавказ. Здесь уместно вспомнить предположение Н. Турчанинова, попытавшегося к середине 20-х гг. оценить главные перспективные направления крестьянских переселений на первое послереволюционное десятилетие: «...большая часть переселенцев, как и в довоенное время, конечно, будет предьявлять заявки главным образом в районы Сибири и Дальнего Востока. Заселение Поволжья и Северного Кавказа может носить только эпизодический характер»³⁰. Данные переписи между тем наглядно свидетельствуют о том, что именно в 20-е гг. поток крестьянской миграции в Северо-Кавказский регион достиг беспрецедентных для него масштабов (как в абсолютном исчислении, так и по своему удельному весу).

Выделение двух пиков в истории крестьянских миграций — до- и послереволюционного (из которых второй в целом не уступает первому) доказывает ошибочность заключения Н. И. Платунова о значительном сокращении масштабов крестьянского переселенческого движения в годы, предшествующие «реконструкции народного хозяйства» по сравнению с дореволюционным временем, что было вызвано, по его мнению, заинтересованностью крестьянства «в быстрейшем освоении полученных от советской власти в личное трудовое пользование земельных наделов»³¹.

Другой важный вывод, вытекающий из анализа диаграммы (рис. 2), касается высказанного выше тезиса о зримой преемственности в развитии миграционных процессов в до- и послеоктябрьское время, преемственности, прослеженной на примере трех крупнейших регионов-потребителей миграционных потоков — Сибири, Казахской АССР и Северного Кавказа.

* * *

Материалы переписи 1926 г. о миграциях представляют собой итог механического движения населения в географических пределах СССР за предшествующий переписи примерно тридцатилетний период (перепись 1926 г. называет цифру около 90% «неместных уроженцев», которые сменили место жительства после 1897 г.). Характерной чертой упомянутого периода является высокий уровень миграционной активности населения. Этот период фактически завершает долговременный этап естественного развития протекавших в стране

миграционных процессов. В этом смысле обращение к данным переписи 1926 г. о «неместных уроженцах» дает уникальную возможность исследовать структуру миграций населения: а) в момент уже достигнутой определенной стадии зрелости самого явления и б) накануне эпохальных перемен, коренным образом повлиявших на характер исследуемых процессов.

В настоящей работе сделана первая в своем роде попытка реализации такой возможности. В соответствии с поставленной задачей авторами были привлечены сведения лишь о мигрантах из числа «хозяев в сельском хозяйстве». Между тем таблицы переписи содержат аналогичный материал и о хозяевах, занятых в других экономических отраслях, например, в строительстве или на транспорте, а также о служащих и рабочих различных отраслей. Таким образом, открывается возможность исследования структур миграционных потоков по данным о других категориях населения страны. Дальнейший сравнительный анализ позволит выявить общее и особенное в структуре миграции различных групп населения.

Примечания

¹ С. А. Короленко, ссылаясь на 1107-ю статью IX тома Свода Законов, постановлявшую отбирать в казенное ведомство помещичьих крестьян, если в связи с приростом населения у них оставалось на душу мужского пола менее 4,5 дес. земли, обосновывает причину, побуждавшую помещиков проявлять заботу о переселении избытка крестьян в другие, менее населенные губернии юга и юго-востока страны, где под государственных крестьян казной отводились специальные участки, а помещикам для расселения собственных крепостных приходилось покупать у государства «пустопорожные» земли. (Короленко С. А. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V. Вольнонаемный труд в хозяйствах и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. СПб., 1882. С. 81). Однако значение этого фактора в истории освоения окраин не следует переоценивать. Так, Я. Е. Водарский, специально исследовавший эту проблему, пришел к выводу, что «большинство мигрантов были беглыми крестьянами». (Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начала XVIII века. М., 1977. С. 197).

² Скляр Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 152—159.

³ Якименко Н. А. Переселение крестьян Украины на окраины России в период капитализма (1861—1917 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1989. С. 16.

⁴ Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июль 1941 гг.). Томск, 1976. С. 36.

⁵ Скляр Л. Ф. Указ. соч. С. 152—159.

⁶ См.: Якименко Н. А. Указ. соч. С. 2.

⁷ Историографию проблемы см.: Якименко Н. А. Советская историография переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток (1861—1917 гг.)//История СССР. 1980. № 5. С. 91—104; его же. Переселение крестьян Украины... С. 2—4; Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX века — 1917 г.)//История СССР. 1980. № 3. С. 77—79; Турчанинов Н. Потребность в миграциях сельского населения в связи с его дифференциацией в Центрально-Земледельческом, Западном, Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах//Материалы по вопросу об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР (Труды Государственного Колонизационного научно-исследовательского института. Т. 3.) М., 1982. С. 327—332; Шелестов Д. К. Демография: история и современность. М., 1983; Горюшкин Л. М. Досоветская историография переселенческого движения в Сибирь в период капитализма//Исторические записки. М., 1989. С. 215—254.

⁸ Платунов Н. И. Указ. соч.; Тимонина Н. Е. Государственное регулирование сельскохозяйственного переселения в Западную Сибирь в 1920—1929 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989.

⁹ Платунов Н. И. Указ. соч.

¹⁰ Киселев И. Н. Статистические источники по движению населения СССР в 1920—1926 гг.//Социально-экономическое развитие советского общества. Проблемы историографии и источниковедения. М., 1982. С. 21.

¹¹ См. работы С. М. Брука, В. М. Кабузана, Л. Ф. Склярова, П. Г. Верещагина. Н. А. Якименко, В. Г. Тюкавкина и других ученых.

¹² См., напр., библиографию в: Шелестов Д. К. Историческая демография. М., 1987.

¹³ Попытки обосновать связь миграционных процессов в крестьянском населении страны до и послеоктябрьского времени содержит названная выше статья Н. Турчанинова. Однако автор использует для характеристики миграций советского периода лишь косвенные сведения, в результате чего предлагаемые в этой связи выводы носят в конечном счете (что признается и самим ученым) характер гипотетического прогноза. Другое исключение содержит монография Л. Л. Рыбаковского,

в которой освещается история заселения Дальнего Востока примерно за последние полтора столетия (Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990).

¹⁴ Ковалев С. А. Географическое изучение сельского расселения. М., 1960. С. 321.

¹⁵ Платунов Н. И. Указ. соч. С. 48.

¹⁶ Там же. С. 68—69.

¹⁷ Дробижев В. З. Указ. соч. С. 106.

¹⁸ Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX века. М., 1978; Платунов Н. И. Указ. соч.; Брук С. И., Кабузан В. М. Миграции населения в России в XIII—начале XX вв. (Численность, структура, география)//История СССР. 1984. № 4; их же. Динамика и этнический состав...; Якименко Н. А. Аграрные миграции в России (1861—1917 гг.)//Вопросы истории. 1983. № 3.

¹⁹ Яцунский В. К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1824—1916 гг.//История СССР. 1957. № 1; его же. Роль миграций и высокого естественного прироста населения в заселении колонизованных районов России//Вопросы географии: Сб. № 83. М., 1970. С. 34—44.

²⁰ Тихонов Б. В. Указ. соч.

²¹ Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика и этнический состав... С. 85.

²² Верещагин П. Д. О географическом и социальном факторах при выборе крестьянами-переселенцами районов вселения за Уралом в конце XIX в. в дореволюционной и советской историографии//Тезисы докладов и сообщений II Всесоюзной конференции по исторической географии России. М., 1980. С. 86—87. Этот же тезис автор развивает и в своей докторской диссертации. См.: Верещагин П. Д. Аграрные миграции крестьянства Белоруссии на окраины России в конце XIX—нач. XX в.: Автореф. докт. дис. М., 1981.

²³ Якименко Н. А. Переселение крестьян Украины... С. 25.

²⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 1—56. М., 1928—1932.

²⁵ Там же. Т. 35. М., 1930. С. V—VIII.

²⁶ Статистика населения с основами демографии. М., 1990. С. 239—241.

²⁷ Всесоюзная перепись... Т. 51. М., Л., 1931. С. 222—223.

²⁸ Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв.//История СССР. 1979. № 1.

²⁹ Бородкин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986; его же. Алгоритмы построения агрегированной структуры//Модели агрегирования социально-экономической информации. Новосибирск, 1978.

³⁰ Турчанинов Н. Указ. соч. С. 379.

³¹ Платунов Н. И. Указ. соч. С. 45.

ПУБЛИКАЦИИ

© 1993 г. «РУССКИЙ ВАНДЕРБИЛЬТ» И ПЛАНЫ ГЕРМАНСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ ПОСЛЕ БРЕСТСКОГО МИРА

Документы Федерального архива ФРГ

Публикуемые ниже документы раскрывают одну малоизвестную страницу в истории германской «Ostropolitik» после заключения мирного договора в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. Речь идет о проекте покупки ряда российских банков, находившихся под контролем крупного финансового дельца К. И. Ярошинского, руководителя сложившегося в годы первой мировой войны инфляционного концерна. Благодаря работам британского журналиста М. Кеттла и российского историка А. А. Фурсенко¹ известно о переговорах «русского Вандербильта», как он «скромно» себя называл, с английскими финансовыми и правительственными кругами в начале 1918 г., когда после национализации частных банков в Советской России (декабрь 1917 г.) предприимчивый хозяин концерна пытался продать бывшим союзникам часть своей финансовой империи.

Не добившись решающего успеха, Ярошинский после заключения Брестского мира вступает в контакт с немцами, обещая предоставить в их распоряжение свой концерн в обмен на помощь в борьбе с большевизмом. «Германский флирт» Ярошинского не остался незамеченным исследователями², но ход и итоги переговоров в литературе не получили отражения, поскольку неизвестными оставались соответствующие архивные документы.

В 1992 г. автору этих строк довелось работать в Филиале Федерального архива ФРГ в г. Потсдаме (бывший Центральный государственный архив ГДР). Здесь в фонде экономического ведомства кайзеровской Германии обнаружена была папка документов под названием «Банковское дело в России. Апрель — ноябрь 1918 г.»³ В ней оказалась подборка материалов о связях германских официальных и деловых кругов с российским дельцом в период после заключения мирного договора и до кануна Ноябрьской революции. Самым ранним касающимся Ярошинского документом является письмо германского посла в России графа В. Мирбаха от 24 мая 1918 г., адресованное рейхсканцлеру Г. Гертлингу, а завершает историю «русского Вандербильта» записка германского представителя при украинском правительстве К. Мельхиора от 22 сентября 1918 г.

Документы публикуются с незначительными сокращениями в переводе составителя. Стоит заметить, что послания Мирбаха в Берлин за апрель — июнь 1918 г., отложившиеся в Политическом архиве министерства иностранных дел и хранящиеся ныне во Внешнеполитическом архиве в Бонне, были опубликованы немецким историком В. Баумгартом⁴. Однако среди приводимых им документов нет письма от 24 мая, послужившего отправным пунктом создания досье на Ярошинского в экономическом ведомстве. По-видимому, носившее чисто экономический характер сообщение не попало в Политический архив германского внешнеполитического ведомства, а было переслано рейхсканцлером в министерство экономики, делопроизводственные материалы которого находятся ныне в Федеральном архиве в Потсдаме.

Представляется, что переписка по делу Ярошинского является существенной частью того плана экономического проникновения в Россию, который разрабатывался правительством Германии в союзе с деловыми кругами в период окончания военных действий между обеими странами. Мирные переговоры в Брест-Литовске оживили вопрос о прерванных мировой войной экономических отношениях с главным внешнеторговым партнером на Востоке. При этом, как справедливо отмечают исследователи внешней политики кайзеровской Германии, цели политического господства и экономического проникновения были так тесно переплетены, что трудно выделить исходный импульс. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что стремление германских промышленников

и банкиров восстановить экономические связи с Россией было одним из решающих факторов формирования внешнеполитической линии германского рейха на Востоке⁵.

Традиционный для кайзеровской Германии союз крупного бизнеса и имперской политики отчетливо проявился накануне и сразу после заключения Брестского мира. Промышленные и финансовые тузы опасались, что после мировой войны она окажется отрезанной от заокеанских рынков, и желали компенсировать возможную потерю завоеванием рынка «континентального», прежде всего России и Балкан. При этом ими выдвигалось требование возмещения довоенных инвестиций в русскую экономику. 27 февраля 1918 г., в канун подписания мирного договора, ведущие германские банки обратились в министерство иностранных дел с предложением, чтобы в текст соглашения был внесен пункт о компенсации Россией убытков, которые понесли германские подданные от национализации и т. п. мероприятий советской власти. Размер компенсации устанавливался в сумме 4—5 млрд. марок (так оценивались довоенные германские частные инвестиции в народное хозяйство восточного соседа)⁶. Несмотря на поддержку внешнеполитического ведомства, в текст договора 3 марта этот пункт не вошел, но был учтен позднее, при подписании «дополнительных соглашений» между Германией и Советской Россией от 27 августа 1918 г., в соответствии с которыми Россия обязалась уплатить контрибуцию в размере 6 млрд. марок.

Активизация германских деловых кругов способствовала и растущая угроза англо-американского экономического проникновения в Россию, симптомом которой стали дошедшие до Берлина слухи о покупке «Антангой» ряда русских банков. Так, 28 апреля 1918 г. совладелец банкирского дома «М. М. Варбург и К^о» в Гамбурге сообщал в министерство иностранных дел, что «англичане пытаются купить контрольный пакет большинства крупных русских банков» (вероятно, имелись в виду переговоры того же Ярошинского). Обеспокоенный германский банкир сетовал, что «свободным» остается только Петроградский Частный банк, и просил разрешения на приезд в Германию директора этого учреждения М. С. Плотникова, который, как и другие бывшие российские финансисты, обрелся в то время в Стокгольме. «В случае промедления,— взывал он к берлинским дипломатам,— возникает опасность, что и этот банк перейдет во вражеские руки и русская промышленность, несмотря на военные успехи, окажется под контролем противника»⁷. Обладание акциями коммерческих банков, теснейшим образом связанных со множеством промышленных предприятий, открывало путь к полному господству на внутреннем российском рынке, и именно поэтому неясные и преувеличенные, как потом выяснилось, сведения о происках англичан так тревожили немецких финансовых магнатов.

В качестве противовеса их конкуренции на совещании с участием промышленных и банковских лидеров Германии, созванном в середине мая в Дюссельдорфе по инициативе директора крупновской фирмы Бруна, была выдвинута задача «возможно более глубокого финансового проникновения в Россию для сохранения политического и военного преимущества Германии». Брестский мир все же казался недостаточно обеспечивающим долгосрочные интересы германского капитала. Чтобы сохранить приоритет, намечалось осуществить масштабное финансирование немецкого экспорта в Россию при содействии германских Grossbanken и государства, а также попытаться подчинить своему контролю российскую транспортную сеть (железные дороги и водные пути). Необходимые для реализации далеко идущих планов средства (2 млрд. марок) предполагалось на 95% покрыть за счет нового гарантированного государством внутреннего займа.

В начале июня в министерстве экономики состоялось еще одно совещание с участием деловых кругов. Представлены на нем были от банков Учетное общество, второй по величине акционерный банк после Немецкого и банкирский дом Варбурга; от промышленности — концерны Круппа, Стиннеса и др. С благословения правительства на совещании родился частный синдикат с капиталом 100 млн. марок (по 50 млн. вносили банки и промышленность)⁸. Синдикат должен был прежде всего заняться установлением контроля над российскими путями сообщения, а в дальнейшем принять участие в горнодобывающей промышленности, освоив сырьевые районы России и Украины. Не забыты были и главные нервные узлы экономики — коммерческие банки. Очевидно, в связи с переговорами Варбурга и Плотникова, участники синдиката поставили цель купить Петроградский Частный банк и таким образом «приобрести значительное влияние на другие русские банки и в особенности на связанную с ними нефтяную и пищевкусовую промышленность»⁹.

Период от установления дипломатических отношений с советским правительством до убийства Мирбаха левыми эсерами (апрель — июнь 1918 г.) стал временем наибольшей активности в экономическом «Drang nach Osten». Координационным его центром служила германская дипло-

матическая миссия в Москве, руководителем которой 2 апреля 1918 г. был назначен граф Мирбах. 23 апреля он вручил верительные грамоты советским представителям. Экономическая тематика наряду с обзорами внутривосточного положения в России стала одним из основных сюжетов донесений германского посла в Берлин. Через месяц после официального вступления в должность он направляет послание о концерне Ярошинского (см. док. № 1). На июньском совещании в министерстве экономики по предложению военного министра Ганса фон Штейна при германской миссии в Москве решено было организовать «экономический штаб», который был бы ответствен за проведение в жизнь политики «экономического проникновения». Во главе этого штаба был поставлен некий Лист, один из руководителей банкирского дома Шрёдер и К°, хорошо знакомый с русским денежным рынком¹⁰.

Перспектива скупки русских банков «оптом», несмотря на декрет советской власти от 14 (27) декабря 1917 г. об их национализации, представлялась весьма соблазнительной, поскольку в Германии ожидали или отмены декрета большевиками под давлением извне или свержения советского правительства и восстановления экономического status quo. В конце мая 1918 г. представитель военного министерства при германской миссии в Москве майор Хеннинг составил записку об «упорядочении хозяйственной деятельности немцев в России», смысл которой сводился к призыву расширить масштабы приобретения русской собственности «путем отмены национализации банков» нынешним или имеющим прийти ему на смену русским правительством, что предоставит в распоряжение германских владельцев значительные фондовые ценности¹¹.

И все же у высокопоставленных чиновников экономического ведомства и имперского банка оставались сомнения относительно реальности ближайшей «денационализации» банков, а также в том, смогут ли пострадавшие от большевистского управления учреждения обеспечить желанную цель — долгосрочное и масштабное влияние на российскую экономику (см. док. № 2). Поэтому осуществление предложенной сделки с Ярошинским постоянно откладывалось. К тому же страхи по поводу вторжения в финансовое хозяйство России «антантовского» капитала оказались преувеличенными. Уже в начале июня 1918 г. германскому внешнеполитическому ведомству удалось получить информацию, что английским капиталистам проданы лишь Сибирский Торговый и Волжско-Камский банки (см. док. № 3). «Слухи о покупке англичанами всех банков оказались сильно раздутыми», — подтверждал М. Варбург в письме руководителю германского экономического министерства от 23 июня 1918 г., уведомив, что в связи с этим прервал переговоры с Плотниковым о покупке Петроградского Частного банка. В действительности, уточнял он, продан был Сибирский Торговый банк, директор которого Н. Х. Денисов уступил англичанам контрольный пакет акций, а Ярошинский и Стахеев продали лишь второстепенный пакет Волжско-Камского¹². Германские партнеры имели основания подозревать, что Ярошинский ведет двойную игру или даже действует «по поручению Антанты» (см. док. № 2). Все эти обстоятельства предопределили, на наш взгляд, сдержанную позицию немцев, так и не решившихся на последний шаг — покупку у Ярошинского акций его банков.

После убийства Мирбаха и обострения русско-германских отношений, следствием которого стал переезд московской миссии в занятый германскими войсками Псков, у немецких финансистов и промышленников поубавилось оптимизма относительно перспектив «экономического проникновения» в Россию. Вышеназванный синдикат с капиталом 100 млн. марок, образовав два дочерних общества для операций с железными дорогами России и Украины, так и не приступил к практическим действиям из-за постоянно обострявшейся внутривосточной борьбы в стране. На очередном совещании 12 июля 1918 г. представители крупнейших германских банков, сославшись на неясность ситуации в России после левозеро-мязежа, потребовали правительственной гарантии своих инвестиций, на что, однако, не получили согласия¹³.

Интерес к русским банкам не угас, но выражался он главным образом в сборе информации о их вероятной ценности и степени зависимости от антантовского капитала (см. док. № 5, 6). После прорыва германо-французского фронта в начале августа военное поражение «срединных держав» стало очевидным, и правительству Германии вместе с деловыми кругами было уже не до масштабных трансакций на Востоке. Известно, что в июле — августе 1918 г. в Петроград и Москву был командирован агент райхсбанка Альфред Кон, который вел переговоры с представителями Ярошинского и Стахеева. Трудно сказать, обсуждался ли ими вопрос о продаже акций русских банков. В донесениях германского эмиссара подчеркивалась лишь готовность обеих групп содействовать свержению большевистского правительства. «Его (Ярошинского. — Ю. П.) план в этом

отношении, — писал А. Кон в Берлин 17 июля 1918 г., — базируется на предположении, что наши войска уже в ближайшее время должны занять Петербург и Москву»¹⁴.

Прогерманские политические симпатии «русского Вандербильта» наряду с его банками служили стимулом, возбуждавшим интерес к этой персоне у германских официальных кругов, в особенности учитывая, что в среде российских предпринимателей преобладала все же проантантовская ориентация (см. док. № 4). И если зависимость Ярошинского от Антанты поначалу не вызывала сомнений у Мирбаха (см. док. № 1), то вскоре в одном из донесений от 20 июня 1918 г. (опубликовано В. Баумгартом) германский дипломатический представитель назвал Ярошинского и его союзников в числе трех «имеющих политическое значение» групп, на которые может опереться германская восточная политика. «...Он хочет обеспечить нам всю власть над русским правительством, — говорилось в письме. — ...Больше всего он желает — и лучше раньше, чем позже, — вступления германских войск и монарха, к стопам которого вновь покорно припадет святая Русь»¹⁵.

Политическая физиономия финансиста, стремившегося восстановить монархию в России с помощью германских войск и казачьих отрядов, отчетливо проступает в донесении германского представителя при правительстве П. П. Скоропадского К. Мельхиора, который встречался с Ярошинским в Киеве в конце сентября 1918 г. (см. док. № 7). Записка Мельхиора — последний документ в досье имперского экономического ведомства, где упоминается имя этого незаурядного дельца-авантюриста, «крупное дарование которого», по отзыву автора записки, «проявляется более в мире фантазии, нежели покоится на холодном размышлении». Разразившаяся месяц спустя после киевского радеву Ноябрьская революция в Германии превратила в клочок бумаги не только Брестский договор, но и план «экономического проникновения» в Россию. Несостоявшийся германский контрагент и реставратор российского самодержавия окончательно сошел с исторической сцены, проведя остаток жизни в эмиграции.

Ю. А. Петров

Примечания

¹ Kettl, Michael. The Allies and the Russian Collapse. March 1917 — March 1918. L., 1981; Фурсенко А. А. Русский Вандербильт//Вопросы истории. 1987. № 10; его же. Концерн К. И. Ярошинского в 1917—1918 гг.//Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991.

² Фурсенко А. А. Концерн К. И. Ярошинского... С. 281—282.

³ Bundesarchiv, Abteilung Potsdam, Reichswirtschaftsministerium (BArch, Abt. Potsdam, RWM), 1330 — Bankwesen in Russland. Apr. 1918 — Nov. 1918.

⁴ Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April — Juni 1918//Vierteljahrshfte für Zeitgeschichte. Stuttgart, 1968. Heft 1. S. 66—96. Отдельные донесения Мирбаха приведены в публикации З. Земана «Германия и революция в России», но среди них также нет донесения от 24 мая 1918 г. (См.: Germany and the Revolution in Russia. 1915—1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry/Ed. by Z. A. B. Zeman. L., 1958). В переводе на русский язык некоторые послания Мирбаха из публикации В. Баумгарта были помещены С. М. Драбкиной в журнале «Вопросы истории» (Документы германского посла в Москве Мирбаха//Вопросы истории. 1971, № 9. С. 120—129).

⁵ Fischer Fritz. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielepolitik des Kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf, 1964. S. 759; Baumgart Winfried. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966. S. 262—263.

⁶ Rosenfeld Günter. Sowjetrussland und Deutschland. 1917—1922. Berlin, 1960 S. 89; Норден Альберт. Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений/Перев. с нем. М., 1956. С. 147—148.

⁷ Переписка с Варбургом находится в том же архивном деле, что и связанные с Ярошинским материалы: BArch, Abt. Potsdam, RWM, 1330, Bl. 2, 4—6.

⁸ Fischer F. Op. cit. S. 759—761; Норден А. Указ. соч. С. 150—152.

⁹ Rosenfeld G. Op. cit. S. 90—91.

¹⁰ Fischer F. Op. cit. S. 762.

¹¹ Rosenfeld G. Op. cit. S. 93; Ахтамзян А. А. От Бреста до Кия. Провал антисоветской политики германского империализма в 1918 году. М., 1963. С. 110—111.

¹² BArch, Abt. Potsdam, RWM, 1330, Bl. 18, 24.

¹³ Rosenfeld G. Op. cit. S. 91—92.

¹⁴ Ibid., S. 93.

¹⁵ Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. S. 92; Документы германского посла в Москве Мирбаха. С. 127.

№ 1

Германский посланник граф Мирбах¹ — рейхсканцлеру Г. Гертлингу

Москва, 24 мая 1918 г.

По достоверным, многократно подтверждающимся сообщениям из разных источников, группе финансистов из Петербурга, во главе которой стоит поляк Карл Иосифович Ярановский*, принадлежит контроль над рядом русских банков. Между этой группой и другой, группой «Стахеев» (руководитель Прокопий Петрович Батолин)², в последнее время состоялось соглашение, в соответствии с которым объединившиеся группы осуществляют контроль над следующими банками: Петербургский Международный, Русский для внешней торговли, Волжско-Камский, Русский Торгово-Промышленный, Русско-Азиатский, Сибирский, Петербургский Частный и Петербургский банк, бывший Нелькен — все в Петербурге, а также Соединенный банк в Москве³.

Благодаря этому в руках группы концентрируется действительно большая часть русского народного хозяйства, так как названные банки распоряжаются почти всей русской промышленностью, торговлей, страховым делом и железными дорогами.

Сообщается, что недавно группа вошла также в контакт с московскими банками (Московский Купеческий, Московский и Московский Промышленный, бывший Юнкер)⁴.

За последнее время в миссию по поручению якобы Ярошинского обращались многие персоны, которые пытались прощупать почву относительно того, чтобы увязать интересы Ярошинского с Германией. Причина, по-видимому, та, что ввиду угрозы своему состоянию вследствие коммунистических мероприятий Ярошинский желает обратиться к защите Германии.

Однако, по достоверным сведениям, блок этот создается Антантой в ущерб немецким интересам; акции банков, находящиеся у французских и английских держателей, закладываются в американских банках на условиях, которые исключают переход бумаг в немецкое владение; вместе с тем нельзя исключить предположение, что г-н Ярошинский надеется в данный момент обеспечить свои интересы с помощью Германии и хочет расстаться с противной стороной, или стремится застраховать свои интересы с помощью обеих сторон.

Два брата Рабиновичи располагают здесь доверенностью от Ярошинского, в соответствии с которой им предоставлены полномочия вести переговоры, и они выражают желание отправиться в Берлин, чтобы установить контакт с компетентными учреждениями, финансовыми кругами и т. д.

Во всяком случае представляется интересным выяснить это дело.

Если поездка состоится, следует соблюдать крайнюю осторожность с предоставлением сведений, особенно письменных сообщений, предложений и т. п., так как не исключено, что наши предложения будут использованы для оказания давления на противную сторону с тем, чтобы заключить с ней соглашение как можно скорее или на наиболее благоприятных для Ярошинского условиях.

В случае, если несмотря на такую возможность дело ввиду его значимости будет признано заслуживающим внимания, прошу срочно телеграфировать, могут ли выехать братья Рабиновичи и к кому им следует обратиться в Берлине.

* Так в документе.

*BArch., Abt. Potsdam, RWM, 1330,
Bl. 45—46. — Машинопись. Подлинник.*

№ 2

Дирекция Райхсбанка — министру иностранных дел Р. Кюльману⁵

(ответ на запрос от 1 июня 1918 г.)⁶

Берлин, 6 июня 1918 г.

Представляется сомнительным, следует ли глубоко входить в обсуждение предложения Ярошинского. Разумеется, большим успехом явилось бы установление контроля над важнейшими промышленными, торговыми, страховыми предприятиями и железными дорогами России. Но

неизвестно, достигается ли эта цель приобретением акций русских банков, о которых идет речь в сообщении графа Мирбаха. Как известно, русским правительством все банки национализированы и объединены под эгидой Народного (бывшего Государственного) банка. Направленные на «де-национализацию» банков устремления до сих пор оставались безуспешными и, следует полагать, не принесут результата и в ближайшее время. Конечно, национализация банков будет, вполне вероятно, отменена после свержения нынешнего антикапиталистического правительства. Но даже при таком развитии событий сомнительно, чтобы удалось реконструировать огосударственные ныне банки на основе старого акционерного капитала судя по всему, что передают о теперешнем банковском управлении с помощью правительственных уполномоченных. Нельзя поэтому исключить, что Ярошинский преследует цель разместить по приемлемой цене приобретенные им, вполне вероятно, по поручению Антанты акции, обесценения которых он опасается. Кроме того, продажа акций огосударственных банков русским правительством, как стало известно, объявляется незаконной и запрещается под угрозой наказания. Следует также учесть, что контроль над банками вряд ли обеспечит влияние на управление железными дорогами, так как они все точно также объявлены государственными.

Невзирая, однако, на эти соображения, проконсультировавшись с г-ном фон Гвиннером, д-ром Саломонсоном и Францем фон Мендельсоном⁷, мы рекомендовали бы разрешить поездку братьев Рабинович в Берлин. Полагаем, что переговоры с ними могут принести полезную информацию. Само собой разумеется, что в отношениях с ними следует соблюдать максимальную осмотрительность. Письменных сообщений и определенных предложений должно избегать во всяком случае. Прежде всего их следует направить к вышеуказанным господам.

*BArch, Abt. Potsdam, RWM, 1330.
Bl. 18.— Машинопись. Копия.*

№ 3

Руководитель Политического отдела министерства
иностраных дел барон Лангверт фон Зиммерн — секретарю
германской миссии в Москве барону фон Беркхейму

Берлин, 4 июня 1918 г.

Во время моего недавнего пребывания в Москве я смог установить лишь следующее относительно покупки русских банков группами Антанты: 1) продажу 40 000 акций Сибирского Торгового банка крупным спекулянтом Денисовым лондонскому City & Midland Bank и 2) продажу Волжско-Камского банка английским капиталистам.

Приобретение Сибирского банка объясняется главным образом тем, что англичане хотели защитить тем самым большие партии заложенного у банка товара, который находится во Владивостоке. За акцию номинальной стоимостью 250 руб. уплачено 1500 руб. Цена за акцию Волжско-Камского банка составляет 1200 руб.

Слухи о дальнейшей продаже русских банков Антанте мне представляются не соответствующими действительности. Несомненно, впрочем, как мне подтвердили близкие к антантовским кругам многочисленные московские предприниматели и финансисты, что со стороны Англии проявляется серьезный интерес к покупке русских банков, и ситуация теперь для подобных проектов благоприятна, поскольку большинство крупных русских банков сейчас находится в руках узкого круга русских спекулянтов; речь идет о следующих банках: Петербургский Международный, Руссен-банк*, Русский Торгово-Промышленный, Волжско-Камский (уже продан), Сибирский Торговый (уже продан).

Представляется, что даже если продлится опустошительная деятельность большевиков и от учреждений останется, так сказать, одна оболочка, все же обладание русскими банками при восстановлении России будет иметь большую ценность и важное политическое значение.

* Русский для внешней торговли.

*BArch, Abt. Potsdam, RWM, 1330.
Bl. 16.— Машинопись. Копия.*

Генеральный консул Германии Хаушильд —
в министерство иностранных дел

Москва, 20 июня 1918 г.

По сообщениям хорошо информированной, пользующейся различными источниками в банковских кругах стороны, которые я воспроизвожу здесь с оговорками, известная группа Ярошинского сейчас ищет сближения с германскими заинтересованными лицами и уже начала переговоры о продаже им банковских акций. Вместе с тем, упрочилась связь между группами Ярошинского и Стахеева, которые, как известно, работают вместе. О Ярошинском говорят как о небогатом поначалу, но ловком спекулянте, в свое время, дополнив характеристику его личности, унаследовавшим от отца сахарный завод в Киевской губернии. Свое бедственное финансовое положение он пытался поправить с помощью беспорядочно заключаемых займов. Уже перед войной он начал сосредотачивать значительные пакеты акций различных петербургских банков, закладывая акции одного на онкольных счетах в другом. С помощью этих пакетов акций он предпринимал, как правило, успешные попытки приобрести влияние на банковскую администрацию и благодаря тому снова пользоваться кредитом в данных банках, в особенности таких, где производились определенные операции, которые не выносились на обсуждение общих собраний акционеров. Ему, в частности, удалось нечто подобное в Петербургском Торгово-Промышленном банке (известном «Петропар»).

Причиной сближения Ярошинского с германскими кругами послужило растущее опасение, что имеющийся у него пакет акций Русского для внешней торговли и Петербургского Международного банков все же не обеспечит большинства на собрании в случае, если немецкие и русские акционеры единодушно проголосуют против него.

Ярошинский владеет примерно 60 тыс. акций Русского для внешней торговли банка, ему должно также принадлежать около 80 тыс. [?] акций Петербургского Международного. Пакеты заложены заимообразно в обоих банках, как говорят, по курсу 800 [руб.] Ярошинский таким образом, несмотря на залог, сохраняет права голоса по акциям. В связи с вероятным сближением группы Ярошинского с германскими заинтересованными кругами передаю полученное мною на днях сообщение, проверить которое я еще не имел возможности: Англо-Американская компания, которая вела переговоры о покупке крупных пакетов акций петербургских банков и уже приобрела значительную их часть, работает как будто с немецкими деньгами, так что в случае, если эта информация подтвердится, перешедшие в ее руки акции не уйдут из сферы германских интересов. Не будучи в состоянии отсюда оценить, насколько эти сделки находятся в связи в переговорами, которые ведутся директорами различных петербургских банков в Швеции с германскими банковскими и промышленными кругами, я лишь высказываю это предположение, исходя из того, что в настоящий момент в Стокгольме находится директор Русского для внешней торговли банка Каменка⁸ и директор Петербургского Международного банка Вышнеградский, который играл ведущую роль в промышленных и банковских сферах, особенно во время войны⁹. Международный банк накануне и в годы войны активно и в значительном масштабе участвовал в учреждении и развитии промышленных предприятий. Можно сказать, что петербургские банки вообще и Международный в особенности не упускали ни единого случая, когда речь шла об основании промышленного общества или увеличении его акционерного капитала. Живое участие Международный банк принимал в расширении и слиянии различных крупных предприятий горнодобывающей и машиностроительной индустрии в Центральной России, а также на юге и Урале. Этим банком финансировался преимущественно блок машиностроительных заводов Сормово — Коломна, Белорецк и с недавнего времени Катавские заводы (князя Белосельского-Белорецкого), присоединенные к этим предприятиям¹⁰.

Здесь полагают, что Вышнеградский, при котором перед войной поддерживались тесные связи между Международным и германскими банками, сейчас в Швеции стремится оживить прежние отношения и не допустить установления решающего влияния на банки Антанты.

Акции Сибирского Торгового банка, крупный пакет которых продан известным спекулянтом Денисовым¹¹, равно как и мелкие пакеты различных держателей, группе Антанты (мне называли London City and Midland Bank), в последнее время оцениваются в 40 ф. ст., или, исходя из теперешнего курса фунта стерлинга по отношению к рублю, более чем в 1600 руб. за штуку

(номинал 250 руб.), тогда как недавно они котировались в 1000, 1050, 1150 руб. Мелкие пакеты реализуются по еще более высокому курсу. Благодаря этим сделкам группа Антанты должна получить абсолютное большинство голосов. Расценки на акции в особенности примечательны в связи с тем, что банковские портфели переполнены массой аннулированных государственных ценных бумаг [...]

Продажи банковских акций, заложенных на онкольных счетах, сейчас осуществляются без маклеров и тому подобных формальностей; владелец акций выдает покупателю письменное удостоверение, какое количество акций переходит от него к новому держателю. Соответствующее приватное сообщение получает также банк. Курсовая разница — продажная цена за вычетом долга по залогу — затем балансируется между продавцом и покупателем.

18 с. м. здесь состоялось одно из происходящих время от времени собраний директоров частных коммерческих банков. На заседании одним из участников, среди прочего, было внесено предложение принять резолюцию о новой, а именно германской ориентации. Против этого решительно протестовали известный петербургский юрист, представитель Волжско-Камского банка, который в самой острой форме высказался против предложения и, закончив свою речь, демонстративно покинул зал в сопровождении последовавшего его примеру юриста Теслено (кадет)¹², хорошо известного в московских кругах, с недавнего времени члена правления Московского банка, бывшего Рябушинских. Другими же участниками программа германской ориентации была как будто встречена с симпатией.

В открытые и завуалированные столкновения в банковском мире вмешивается, естественно, и пресса. Так, например, в выходящей с 1 июля газете «Великая Россия» на этих днях появилась подписанная инициалами «Ф. В.» очень острая шовинистическая статья «Русские банки и иностранный капитал», инспирированная, вероятно, Антантой. В статье речь идет о том, что русские банки в результате политики их директоров и вследствие соответствующих операций также, как и вся русская промышленность, попали в зависимость от иностранцев, преимущественно немцев. Автор указывает на то, что согласно публикациям Комитета акционерных коммерческих банков, иностранный капитал играл ведущую роль в восьми крупных русских банках, поскольку из 330 млн. руб. их акционерного капитала иностранцам принадлежало 220 млн., в том числе 136 млн. исключительно немцам, и что, например, в Азовско-Донской банк или Петербургский Международный вложено на 70% немецких денег. Этими восемью банками являются Азовско-Донской, Международный, Петроградский Учетный и Ссудный, Русский для внешней торговли, Русский Торгово-Промышленный, Русско-Азиатский и Сибирский Торговый¹³. В статье далее говорится: сначала иностранцы покупают русские банки, обеспечивая себе тем самым, а также благодаря участию в управлении своих ловких людей приобретение промышленных акций и влияние на промышленность, а следствием этого был колоссальный рост немецких крупных и мелких коммерческих предприятий, так что к моменту объявления войны в России действовало 1700 зарегистрированных германских предприятий с капиталом 815 млн. руб.

*BArch, Abt. Potsdam, RWM, 1330.
Bl. 30—34. — Машинопись. Копия.*

№ 5

Отчет о расследовании дела, насколько московские банки
зависимы от антантовского капитала¹⁴

14 августа 1918 г.

Относительно любезно данного мне поручения установлено следующее: Русско-Азиатский банк контролируется исключительно французским капиталом, в том числе и Credit Lyonnais. Сибирский Торговый банк до сих пор находится в немецких руках, однако в последнее время крупный пакет его акций как будто приобретен англичанами. Акции Волжско-Камского банка находятся под контролем русского Стахеева, который в своей ориентации колеблется и, скорее всего, присоединится впоследствии к возобладавшему направлению.

Общеизвестно, какое огромное замешательство в московском банковском мире вызвало слияние

каждых 3—4 банков, образующих банковские объединения, зависимые от федеративного государственного банка. Из-за совершенно необразованного, неподготовленного, частью набранного из низших служащих банковского персонала, который занял руководящие посты в бюро, в банках воцарился хаос (вероятно, устроенный с умыслом), так что скорое упорядочение дел кажется совершенно исключено. Следует, как полагает г-н Найденов¹⁵, совладелец и директор Московского Торгового банка, подвести черту под большевистской бухгалтерией и начать все сызнова.

Капитал московских банков, как и значительные вклады в них, расцениваются как находящиеся под серьезной угрозой. Деньги используются большевиками на содержание латышских стрелков и Красной Армии, а также на нужды внутренней администрации. Находившиеся в банках ценные бумаги, что касается государственных фондов, объявлены недействительными, промышленные степени обесценены. Стоимость банковских акций поэтому является весьма проблематичной.

В Москве часто можно слышать, что власть, которая сумеет положить конец невыносимому положению, была бы встречена «хлебом и солью» [...]

Крайне желательно было бы добиться долгосрочного масштабного влияния на наши торговые отношения с Россией с тем, чтобы реорганизация русских банков, к которой вскоре должно быть приступлено, направлялась и проводилась нашим правительством при помощи наших крупных банков.

*BArch, Abt. Potsdam, RWM, 1330,
Bl. 50—51. — Машинопись. Подлинник.*

№ 6

Генеральное консульство Германии — в министерство
иностраных дел

Особый доклад № 7. Банковское дело

Петербург, 11 сентября 1918 г.

О группе Ярошинского с помощью незаинтересованной, но хорошо осведомленной стороны удалось установить нижеследующее, что отчасти подтверждает прежде полученные сведения, отчасти представляет интерес с точки зрения современной ценности дела.

Ярошинский контролирует следующие пакеты акций:

1) Петербургский Международный банк — по меньшей мере 80 000 штук, а скорее всего больше, так как он получил от гарантийного синдиката весь нераспределенный остаток последней эмиссии в количестве около 14000 штук, частично по очень высокой цене 1200 руб. за акцию при тяжелых условиях платежа, половина которого вносится в рублях, а другая половина — в фунтах стерлингов по тогдашнему курсу 30 руб. за 1 ф. ст. Этот пакет частью заложен в Русском Торгово-Промышленном банке.

2) Русский для внешней торговли банк — около 80 000 штук, которые заложены в Петербургском Международном банке.

3) Русский Торгово-Промышленный банк — очень крупный пакет; точную цифру нельзя назвать с большей или меньшей степенью достоверности. Однако может считаться установленным, что Ярошинский является «хозяином» («Chosjain» *) этого учреждения. Акции банка заложены главным образом в Русском для внешней торговли банке.

Все приобретенные на эти пакеты акций опционы между тем утратили силу. Ярошинский в смысле их продажи может действовать абсолютно свободно, насколько это допустимо в условиях декрета о национализации.

Перспективность объектов определяется следующим образом:

Во главе стоит Русский для внешней торговли банк, который имеет сравнительно меньшее, чем Международный влияние на промышленность.

На втором месте идет Международный банк. На третьем — Русский Торгово-Промышленный.

* Так в тексте.

Дела последнего серьезно расстроены. Заем в 20 млн. руб. у Русско-Английского банка обеспечен не банковскими акциями, а промышленными /сахарные заводы/.

Относительно стоимости акций названных банков, основываясь на сведениях из торгово-хозяйственного доклада № 9¹⁶, можно заключить, что для первых двух объектов курс может оцениваться максимум 400 руб. за акцию, в то время как применительно к третьему объекту вопрос не может быть решен, так как этот банк доведен Ярошинским до такого упадка, что в случае возможной денационализации от него останется только банковский аппарат.

*BArch, Abt. Potsdam, RWM, 1330,
Bl. 64—65. — Машинопись. Копия.*

№ 7

Уполномоченный министерства экономики при германо-украинской делегации К. Мельхиор¹⁷ — министру экономики Германии

Киев, 22 сентября 1918 г.

Ниже имею честь представить для сведения экземпляр подготовленной мной для кайзеровского полномочного представителя, здесь, записки о моей состоявшейся несколько дней назад беседе с известным финансистом Ярошинским. Копия для министерства иностранных дел прилагается.

Заметка для кайзеровского полномочного представителя.

Несколько дней назад местный сахарозаводчик Марк Гальперин сообщил мне, что известный финансист Ярошинский хотел бы побеседовать со мной наедине. Ярошинский и я вечером 19 с. м. наедине встретились за ужином у Гальперина и г-н Ярошинский в часовой беседе излагал мне свои взгляды на общее положение.

Личность Ярошинского здесь известна. Он уроженец Киева, поляк по происхождению, приблизительно 35—40 лет. Ярошинский относительно поздно занялся активной предпринимательской деятельностью. Он выдвинулся вдруг благодаря крупным спекуляциям, которые заключались в том, что он приобретал контроль над одним банком и путем дальнейшей скупки акций и их перезалога прибирал к рукам другие банки, при содействии которых скупал железные дороги, поместья, промышленные предприятия и т. д. В число контролируемых Ярошинским банков входят среди прочих Петербургский Международный, Русский для внешней торговли, Московский Союз единенный и др. При посредстве Соединенного банка Ярошинский держит под контролем Московско-Киево-Воронежскую железную дорогу. Кроме того, он утверждает, что с помощью зависимых от него организаций контролирует ряд русских газет.

Имущественное положение Ярошинского совершенно не поддается оценке. В последние годы главной его идеей была покупка всего, что может быть куплено, так как он рассчитывал на падение курса рубля и поэтому приобретал ценности, под залог которых входил в долги в постоянно обесценивающейся русской валюте. Что касается великорусских ценностей, то большевистское правительство положило конец проводимым во все возрастающем объеме операциям. Вследствие расстройств всех хозяйственных отношений в Великороссии и национализации системы Ярошинского, которая при других обстоятельствах могла бы привести к впечатляющему успеху, угрожает опасность, а может быть и полное крушение. Экономическое положение Ярошинского следует учитывать при оценке его политических высказываний.

В политической сфере Ярошинский развивает следующие положения: после войны Германии следует самым серьезным образом считаться с Россией в смысле развития своего экспорта и удовлетворения потребностей в сырьевых материалах. Если исключить вариант решающей военной победы Германии над западными державами как не имеющий практического политического значения, то остаются только две возможности — или победа западных держав, или мир при ничейном военном исходе. В первом случае у Германии нет иного пути, кроме присоединения к Востоку, при ничейном мире она может столкнуться с такими огромными трудностями в получении сырья из англо-саксонских стран и колоний, вероятно также из средне- и южноамериканских республик, что не сможет выжить без экономической сильной России.

Самой большой ошибкой для Германии будет, если она теперь не только признает большевистское правительство, но и, как следует из дополнительных соглашений¹⁸, поддержит его и станет

обращаться с ним как с равноправным партнером. Большевистское правительство, которое не сможет удержаться без немецкой поддержки, погубит Россию экономически, разрушит все социальные отношения, и германская промышленность после заключения мира окажется перед неощутимой пока опасностью безработицы, так как Германия сама обрекает на прозябание своего естественного клиента и поставщика сырья. В случае, если Германия осознает свои жизненные интересы и поведет великорусскую политику в соответствии с ними, она должна заняться тем, чтобы свергнуть большевистское правительство и вместо него утвердить гражданскую власть, которая в согласии с общей природой русского народа и степенью его развития может быть только монархической.

На мой вопрос, полагает ли он, что монархическая власть в России может сформироваться и удерживаться, опираясь на собственные силы, Ярошинский возразил, что, на его взгляд, в данный момент это вряд ли возможно, но что создание монархии нуждается всего лишь в легкой поддержке. Будет достаточно, если германские войска займут Петроград и одновременно с Дона и Кубани под монархическим знаменем выступят казаки. Это должно произвести настолько сильное впечатление, что большевистское правительство в Москве падет и без дальнейших акций. Когда я указал Ярошинскому в ответ, что советское правительство не есть единое правительство, поскольку речь идет о достаточно рыхлом конгломерате разнообразнейших и довольно самостоятельных советских правительств городов и областей, Ярошинский остался при мнении, что Германии не требуется дальнейших военных действий помимо занятия Петербурга, об остальном позаботятся отряды казаков, а также приверженцы монархии в стране. Значительную поддержку этому движению окажет он сам. Ярошинский намерен предоставить в его распоряжение весь свой аппарат банков, железных дорог, промышленных предприятий, газет и т. п. и воздействовать таким образом, чтобы новое правительство как политически, так и экономически путем системы договоров утвердило долгосрочную германскую ориентацию.

На мой вопрос, какие гарантии предоставят эти договоры в случае, если к власти придет член бывшей императорской фамилии, прежние чиновники и офицеры, и не покажется ли этим кругам предпочтительным при вероятных неудачах Германии на Западном фронте создать новый Восточный фронт и возобновить сотрудничество с их бывшими братьями по оружию, Ярошинский возразил, что, по его мнению, исключена возможность втягивания России в новую войну против срединных держав. Кроме того, Германии, если она намерена последовать изложенному плану, с самого начала следует позаботиться, чтобы в министерствах оказались люди исключительно твердой прогерманской ориентации. В числе таких претендентов на руководящие посты Ярошинский назвал зависимых от него бывших министров Барка и Кривошеина¹⁹.

Ход событий Ярошинский представляет себе таким образом, что после оккупации Петербурга созванный Сенат объявит императором члена дома Романовых и вслед за тем будут образованы министерства и т. д. Ярошинский намеревается впоследствии войти в контакт с концерном Стахеева, представляющим, как я уже докладывал, объединение банков, железных дорог и промышленных предприятий подобно группе Ярошинского, хотя и меньшего масштаба, и руководство обоих концернов таким же образом поставит во главе зависимых предприятий людей только германской ориентации.

В случае, если его инициатива не найдет отклика, Ярошинский, как я заметил, кокетничая, высказал мысль о продаже всех своих интересов Англии и Америке, вследствие чего установится неизбежное влияние англосаксов на русскую экономическую жизнь.

Ярошинский поведал мне, что он встречался в Москве и Берлине с его превосходительством Гельферихом²⁰ и что 5—6 дней он пробыл в ставке германского верховного командования на Востоке. Там он имел обстоятельные беседы по этим вопросам с генералом Гофманом²¹ и другими руководителями штаба, которые оставили у него впечатление, что его собеседники принципиально убедились в справедливости его воззрений. Генерал Гофман заявил ему, что осуществление военной части его плана не представляет особой трудности.

В заключение Ярошинский подчеркнул, что он вошел в тесное соприкосновение с русским высшим духовенством, которое обязано ему различным финансовым содействием. Таким образом, подготовленному им плану обеспечена крайне значимая поддержка православной церкви, которая по общим мотивам поддержит любое монархическое движение.

Я передаю Вам содержание этого разговора, не входя в обсуждение проектов г-на Ярошинского. Без сомнения, представляет интерес само по себе то, что говорит человек класса Ярошинского. Но, разумеется, не следует забывать, что сам Ярошинский является по упомянутым выше причинам

лицом в высокой степени заинтересованным, и, кроме того, в общении он производит впечатление человека столь порывистого и неуравновешенного, что нужно полагать, что его крупное дарование проявляется более в мире фантазии, нежели покоится на холодном размышлении. Ярошинский, может быть, и выдающийся человек, но он как будто находится на грани, где превосходное или даже гениальное переходит в безмерное и болезненное.

*Barth, Abt. Potsdam, RWM, 1330,
Bl. 67—71. — Машинопись. Подлинник.*

Примечания

¹ Мирбах (Mirbach) Вильгельм, граф (1871—1918) — на дипломатической службе с 1911 г., в 1915—1917 гг. — посланник в Греции, затем представитель министерства иностранных дел Германии в Бухаресте, член русско-германской комиссии о военнопленных в 1917 — начале 1918 г., участвовал в заключении Брест-Литовского (Брестского) мира 3 марта 1918 г. В апреле — июне 1918 г. — официальный представитель германского правительства при правительстве РСФСР, 6 июля убит в своей резиденции левыми эсерами Блюмкиным и Андреевым.

² Батолин П. П. — в 1917 г. член правления Русско-Азиатского банка, совладелец совместно с И. И. Стахеевым Торгово-Промышленного Товарищества «И. Стахеев и К^о», один из руководителей концерна Путилова — Стахеева — Батолина (см.: Китанина Т. М. Военно-инфляционные концерны в России. 1914—1917. Концерн Путилова — Стахеева — Батолина. Л., 1969).

³ Из перечисленных банков Ярошинский контролировал три: Русский Торгово-Промышленный (основной капитал 35 млн. руб., пятое место по объему операций среди коммерческих банков России, Ярошинский купил контрольный пакет в размере 70 тыс. акций в январе 1917 г. и вошел в правление); Русский для внешней торговли (основной капитал 60 млн. руб., третий по величине российский банк, весной 1917 г. через руководимый Русским Торгово-Промышленным банком синдикат приобретено около 40 тыс. акций, Ярошинский включен в состав совета); Петербургский (Петроградский) Международный (основной капитал 60 млн. руб., второй по объему операций после Русско-Азиатского, весной 1917 г. Ярошинский через упомянутый синдикат скупил около 40 тыс. акций, в начале 1918 г. у директора банка А. И. Вышнеградского приобретен контрольный пакет, точный размер которого неизвестен). Синдикат 1917 г. поддерживался входящим в сферу влияния Ярошинского Киевским коммерческим банком, купленные акции закладывались на онкольных счетах (ссуды под залог ценных бумаг до востребования). Акции Русского для внешней торговли банка от имени Русского Торгово-Промышленного были помещены в Международный банк, а его акции, в свою очередь, заложены в Русском для внешней торговли (Шемякин И. Н. О некоторых предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции (из истории финансового капитала в России)//Социалистические преобразования в СССР и их экономические предпосылки. М., 1959. С. 64—66; Фурсенко А. А. Концерн К. И. Ярошинского. С. 275).

Упомянутая группа Стахеева к началу 1918 г. держала под контролем Соединенный банк в Москве (пакет 61,7 тыс. акций), отчасти Русско-Азиатский (31,3 тыс. акций), Петроградский Международный (19,6 тыс. акций), глава которого в конце 1917 г. передал группе этот пакет, чтобы противостоять Ярошинскому, и Волжско-Камский (6,6 тыс. акций) (Китанина Т. М. Указ. соч. С. 146—147). Относительно прочих банков, о которых идет речь в документе, можно отметить, что контрольный пакет Петроградского Частного находился у Русско-Азиатского, патронировавшего концерн Стахеева, а Сибирский Торговый не входит ни в одну из групп, будучи под контролем Н. Х. Денисова (см. о нем ниже).

⁴ Московский Купеческий банк принадлежал группе текстильных фабрикантов и торговцев во главе с председателем совета Г. А. Крестовниковым, Московский коммерческий был основан банкирами Рябушинскими, Промышленный (бывший «И. В. Юнкер и К^о»), учрежденный перед войной выходцами из Германии, после ее начала перешел к петербургскому финансисту Д. Л. Рубинштейну, в 1916 г. перекуплен московским промышленником Н. А. Второвым. Все три банка сохранили самостоятельность по отношению к Ярошинскому.

⁵ Кюльман (Kühlmann) Рихард (1873—1948) — в 1917—1918 гг. министр иностранных дел Германии (статс-секретарь внешнеполитического ведомства), ранее посол в Лондоне, Гааге и Константинополе. Возглавлял германскую делегацию на брест-литовских переговорах, подписал текст мирного договора 3 марта 1918 г. Один из сторонников «экономического проникновения» в Россию, разделял позицию Мирбаха, который в письме от 25 июня 1918 г. призывал министра «использовать влиятельных представителей промышленных и финансово-банковских кругов для наших безбрежных экономических интересов» (Документы германского посла в Москве Мирбаха. С. 128—129).

⁶ Текста запроса в деле нет.

⁷ Артур фон Гвиннер (Gwinner) — директор правления крупнейшего в Германии Немецкого банка (Deutsche Bank), Артур Саломонсон (Salomonsson) — директор правления второго по величине коммерческого банка — Учетное общество (Disconto-Gesellschaft), Франц фон Мендельсон (Mendelssohn) — совладелец банкирского дома Мендельсон и К^о. Все три банкира с довоенного

времени являлись активными участниками и экспертами в «русских делах» (См.: *Deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen. 1906—1914. Dokumente. Hrsgb. von Heinz Lemke. Berlin, 1991*).

⁸ Имеется в виду Б. А. Каменка, в действительности руководитель не Русского для внешней торговли, а Азовско-Донского банка.

⁹ Вышнеградский А. И. (1868—1925) — сын министра финансов И. А. Вышнеградского, в 1899—1905 гг. — вице-директор Кредитной канцелярии Министерства финансов, с 1906 г. являлся директором-распорядителем Петербургского Международного банка, имевшего преобладающее влияние в российском транспортном машиностроении и судостроении.

¹⁰ Имеется в виду созданный в 1913 г. под руководством Международного банка концерн крупнейших машиностроительных заводов России (Акционерного общества Коломенского машиностроительного завода и Акционерного общества железоделательных, сталелитейных и механических заводов «Сормово»). В 1916 г. для обеспечения объединения с собственной металлургической базой Международный банк в союзе с Петроградским Учетным и Ссудным приобрел у торгового дома «Воган и К^о» Общество Белорецких железоделательных заводов Пашковых на Урале, владевшее огромным горнозаводским округом общей площадью около 250 тыс. дес., в состав которого входила известная гора Магнитная. В конце 1917 г. у кн. К. Э. Белосельского-Белозерского банком куплены соседние Катав-Ивановские заводы вместе с горным округом площадью 283 тыс. дес.

¹¹ Денисов Н. Х. — член совета Сибирского Торгового банка, главный его акционер. В феврале 1918 г. продал свой пакет англичанам за 15 млн. руб. (Фурсенко А. А. Концерн К. И. Ярошинского. С. 279). Впоследствии эмигрировал, организатор и руководитель созданного в 1921 г. в Париже Российского Торгово-Промышленного и Финансового союза («Торгпром»).

¹² Тесленко Н. В. — присяжный поверенный, председатель Московского юридического общества, гласный городской Думы, член Центрального комитета кадетской партии. В годы мировой войны — член Центрального комитета Всероссийского Союза городов (ВСГ), доверенное лицо банкиров Рябушинских, эмигрировал во Францию.

¹³ В тексте перечислены не восемь, а семь банков. Как показывают современные исследования, сведения о зависимости большинства крупных русских банков от иностранного капитала, получившие широкое распространение в годы мировой войны, в значительной степени являются преувеличенными. При действительно серьезном влиянии международного фактора на становление и развитие отечественной банковской системы, которое выразилось в широком участии иностранных банков в капиталах российских кредитных учреждений, используемых в качестве посредников в финансировании промышленности, зарубежным финансистам все же «не удалось достичь установления контроля над российскими банками» (Бовыкин В. И. Заключение к исследовательскому проекту «Международное банковское дело и финансирование промышленности, 1870—1914». М., 1986. С. 17). В частности, немецким банкам до войны, несмотря на поддержку официальных кругов, так и не удалось подчинить своему влиянию ни один из ведущих банков России, равно как и учредить здесь собственный банк, способный воздействовать на финансово-промышленные сферы в германских интересах (См.: *Lemke Heinz. Finanztransaktionen und Aussenpolitik. Deutsche Banken und Russland vor dem ersten Weltkrieg. Berlin, 1985*).

¹⁴ Документ адресован министру экономики, подпись автора неразборчива.

¹⁵ Найденов А. Н. (1866—1920) — в 1905—1917 гг. главный акционер и председатель правления Московского Торгового банка, сын основателя заведения Н. А. Найденова, директора банка в 1872—1905 гг., председателя Московского Биржевого комитета в 1877—1905 г.

¹⁶ В деле упоминаемого документа нет.

¹⁷ Мельхиор (Melchior) Карл — совладелец банкирского дома М. Варбурга в Гамбурге, с апреля 1918 г. — член германской экономической комиссии в Киеве при правительстве Центральной Рады, затем П. П. Скоропадского. Участвовал в подготовке валютного соглашения о напечатании в Германии украинских денежных знаков, подписанного в сентябре 1918 г. (См.: *Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов)*. М., 1936. С. 42, 108).

¹⁸ Речь идет о подписанных 27 августа 1918 г. в Берлине дополнительных соглашениях к Брестскому мирному договору, имеющих целью «восстановление добрых и доверчивых отношений между обоими государствами». Несмотря на декларацию, Россия тем не менее обязывалась по финансовому соглашению уплатить Германии 6 млрд. руб. золотом, банкнотами и товарами в виде контрибуции (См.: *Документы внешней политики СССР*. Т. 1. М., 1957. С. 438, 446).

¹⁹ Барк П. Л. (1869—1934) — в 1914 — февраля 1917 г. министр финансов царского правительства; ранее, в 1906—1911 гг., занимал пост директора-распорядителя Волжско-Камского банка. Кривошеин А. В. (1857—1921) — в 1908—1915 гг. главноуправляющий земледелием и землеустройством, ближайший сподвижник П. А. Столыпина. В марте 1918 г. — один из руководителей антибольшевистского «Правого центра» в Москве, созданного представителями партии кадетов, групп монархистов и др. под лозунгом установления конституционной монархии. Большинство членов «Правого центра» рассчитывали на поддержку Германии для свержения советского правительства. В сентябре 1918 г. Кривошеин бежал в Киев, где принял участие в организации Совета государственного объединения России (СГОР), также предусматривавшего восстановление монархии в стране. Группа Кривошеина еще в июне 1918 г. упоминалась в одном из донесений Мирбаха в качестве влиятельной политической силы, с которой велись переговоры как с возможным преемником большевиков (Документы германского посла в Москве Мирбаха. С. 127). Ярошинский был в курсе этих переговоров и отзывался о Кривошеине как о политическом деятеле «относитель-

но лучше и наиболее порядочном». Однако его высказывание в беседе с Мельхиором о «зависимости» Кривошеина является безусловно преувеличенным.

²⁰ Гельферих (Helfferich) Карл (1872—1924) — полномочный представитель германского правительства в России после Мирбаха, в 1916—1917 гг. — вице-канцлер германского правительства, ранее — один из руководителей Немецкого банка. После назначения дипломатическим представителем в Россию прибыл в Москву 28 июля 1918 г. (по-видимому, тогда Ярошинский имел с ним свидание, о котором упоминается в записке Мельхиора), через десять дней вызван в Берлин для доклада, в Москву не вернулся, так как 7 августа германская миссия получила распоряжение под предлогом опасности покушений переехать в занятый германскими войсками Псков.

²¹ Гофман (Hoffmann) Макс (1869—1927) — генерал-майор, заместитель начальника Генерального штаба, представитель верховного военного командования Германии на переговорах в Брест-Литовске.

© 1993 г. И. Б. ЗБАРСКИЙ *

«ЖИЗНЬ» МУМИИ И СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Из воспоминаний хранителя тела Ленина

Мой отец, Борис Ильич Збарский, родился 15(27) июля 1885 г. в городе Каменец-Подольском, расположенном почти на границе России и Австро-Венгрии. Отец его был агентом страховой компании и умер, когда Борису Ильичу было всего 6 лет. Воспитывала его и двух его братьев мать. Очень рано, еще гимназистом, он принял участие в революционной деятельности, перевозил через границу литературу. Руководила этой деятельностью партия социалистов-революционеров. В 1901 г. он был исключен из гимназии за революционную деятельность без права обучения в других учебных заведениях Российской империи. В 1906 г. сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и уехал учиться в Женеву, где поступил в университет на физико-математический факультет, отделение химии. Он окончил его в 1911 г., подготовив диссертацию (дипломную работу) под руководством химика профессора А. Н. Баха, старого народовольца.

ЧЛЕН РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУАНТЫ

Вернувшись в Россию, отец сдал экстерном экзамены в Петербургском университете, поскольку диплом Женевского университета был на родине недействительным. Некоторое время он жил в Москве, зарабатывая на жизнь частными уроками. Затем переехал на Северный Урал, где занял место управляющего частным заводом по сухой перегонке дерева.

Шла война, завод давал оборонную продукцию. Россия очень нуждалась в химических продуктах, которые ранее ввозились главным образом из Германии. Однажды начальник Пермской губернии созвал директоров химических заводов и зачитал воззвание императора, в котором содержался призыв разработать и наладить в России производство ряда химических продуктов. На одном из первых мест был наркотный хлороформ. Отцу удалось с помощью лаборанта И. В. Филипповича разработать способ получения и очистки наркотного хлороформа из отечественного сырья и получить на него патент.

С этим патентом он переезжает на Бондюжский завод Ушкова и К^о на Каме, близ Елабуги, директором которого был его старый друг, большевик Лев Яковлевич Карпов. Там под руководством Бориса Ильича был построен цех по производству хлороформа, которым он руководил, совмещая эту работу с заведованием заводской лабораторией.

После Февральской революции отца избирают председателем Елабужского уездного Совета, а в конце 1917 г. и членом Учредительного собрания от партии эсеров. После разгона Учредительного собрания Борис Ильич целиком сосредоточивается на научной и научно-организационной работе. Под руководством Л. Я. Карпова и А. Н. Баха он принимает участие в организации Физико-химического института ВСНХ в Москве; занимает должности заместителя директора двух институтов: физико-химического и биохимического. Последний был создан при Наркомздраве. В последующие годы отец продолжал вести большую научную и научно-организационную деятельность, руководил Институтом питания Наркомздрова, заведовал кафедрой биохимии сначала 2-го, а затем и 1-го Московского медицинского института, являлся представителем СССР в Подкомиссии по питанию при Комиссии по гигиене Лиги Наций и др. Его научные работы касались главным образом вопросов биохимии белков, биохимии питания и биохимии рака. Его исследования белков раковых опухолей и предположение об особом раковом белке во многом предвосхитили некоторые последующие открытия в этой области.

ЖРЕЦ КОММУНИСТИЧЕСКОГО КУЛЬТА

Во время командировки в Берлине с целью закупки оборудования для Биохимического института Борис Ильич познакомился с профессором анатомии В. П. Воробьевым, возвращавшимся на родину из эмиграции. Он-то и привлек отца к выполнению работы, надолго ставшей его новой профессией...

* Збарский Илья Борисович, академик Российской АМН, профессор.

Сразу же после смерти В. И. Ленина в Горки был вызван патологоанатом профессор А. И. Абрикосов, который забальзамировал тело Ленина путем вливания фиксирующих растворов (формалин, спирт и др.) через кровеносные сосуды. Следует отметить, что это обычное бальзамирование способно сохранить тело непродолжительное время, что и соответствовало поставленной задаче — сохранить на 6 дней до похорон. Дело было осложнено тем, что в первой половине дня 22 января было произведено вскрытие в присутствии лечивших Ленина немецких и советских врачей. Согласно протоколу вскрытия, Ленин умер от кровоизлияния в мозг, в область четверохолмия на фоне тяжелого общего атеросклероза, причем в левой внутренней сонной артерии даже не оставалось просвета, вследствие чего мозг был сильно поврежден.

23 января тело было привезено в Москву и выставлено в колонном зале Дома союзов. На субботу 26-го были назначены похороны. Однако уже 25 января Президиум ЦИК СССР принял постановление, согласно которому гроб с телом Владимира Ильича следовало сохранить в склепе, который должен быть сооружен у Кремлевской стены на Красной площади, среди братских могил борцов Октябрьской революции, и доступен для посещения. В трудных условиях морозной зимы по проекту А. В. Шусева был построен деревянный куб, в глубину которого было перенесено тело Ленина после торжественной церемонии, состоявшейся в воскресенье 27 января 1924 г. С обеих сторон куба на некотором расстоянии поставили две будки, через которые посетители могли входить и выходить из траурного зала. Тело находилось в гробу, накрытом стеклянной крышкой¹.

В этих условиях тело пролежало еще полтора месяца и в нем появились заметные изменения — подсыхание, расхождение губ и век, пергаментные пятна. Встал вопрос о длительном сохранении тела Ленина. Такого опыта с сохранением прижизненного сходства, цвета и формы лица, рук и всего тела в истории не было, и вопрос этот интенсивно обсуждался в комиссии похорон (впоследствии по увековечению памяти) Ленина и даже в Политбюро ЦК РКП(б). К его решению был привлечен ряд ученых. Член комиссии старый большевик Л. Б. Красин предлагал заморозить тело и сохранять его в таком виде. Было даже закуплено за границей оборудование для замораживания и начата подготовка к нему. Этот проект, однако, был отвергнут специалистами, но никто из них не брался за осуществление длительного хранения тела².

Именно тогда профессор анатомии Харьковского университета Владимир Петрович Воробьев предложил использовать для реализации этой задачи большой опыт хранения анатомических препаратов. Наиболее подходил метод, разработанный профессором Н. Ф. Мельниковым-Разведенковым. Его препараты хорошо сохраняли не только тургор (эластичность, напряжение) тканей, но и их цвет. Ряд усовершенствований этого метода, сделанных Воробьевым, позволял восстанавливать цвет и устранять дефекты высыхания. Свои соображения Воробьев изложил руководству Украинской ССР. Нарком просвещения Украины В. П. Затонский информировал об этом центральное руководство. Воробьева срочно вызвали в Москву и заслушали на Комиссии по увековечению памяти Ленина. Помимо Воробьева в обсуждении приняли участие нарком Министерства здравоохранения Н. А. Семашко, профессора В. А. Обух, А. И. Абрикосов, В. Н. Розанов, Б. С. Вейсброд и др. Не все поддержали Воробьева, Красин же продолжал настаивать на своем проекте замораживания, не одобренном учеными. Воробьев уехал в Харьков. Однако вскоре было решено поручить ему бальзамирование тела Ленина, и его снова вызвали в Москву³.

Ответственность была огромной. Не без колебаний Воробьев дал согласие, но поставил ряд условий, которые были приняты руководством, а именно: прекратить доступ к телу; предоставить ему право подбирать помощников; обеспечить всем необходимым и т. п. Мавзолей был закрыт 26 марта 1924 г., и сразу же возглавляемая Воробьевым группа в составе биохимика профессора Б. И. Збарского, анатома профессора П. И. Карузина и трех ассистентов Воробьева — А. Л. Шабаша, А. Н. Журавлева и Я. Г. Замковского — приступила к работе.

Прежде всего были удалены внутренности (мозг и сердце были извлечены из тела еще при вскрытии, как и пуля), устранены появившиеся изменения и дефекты, тело пропитано бальзамирующими составами. Последнее было особенно трудным, так как при вскрытии были перерезаны сосуды и пришлось делать многочисленные надрезы, помещать тело в специальную стеклянную ванну.

Работа велась на месте, на Красной площади, она была не только очень ответственной, но и чрезвычайно напряженной, необходимо было круглосуточное наблюдение и принятие немедленных, в ряде случаев чрезвычайных мер. Для смены и отдыха сотрудников у временного мавзолея был установлен специально оборудованный трамвайный вагончик. Воробьев сразу назначил ориентировочный срок проведения работ — 4 месяца, и в июле 1924 г. работа была закончена, а 1 августа

Мавзолей был открыт для посещения. Прделанная работа была высоко оценена правительством, и участники ее были награждены орденами. Воробьеву было присвоено звание «заслуженного профессора». Вероятно, это — единственное звание в своем роде, поскольку тогда еще не было «заслуженных деятелей науки» и т. п.

Дальнейшее сохранение тела требовало постоянного тщательного наблюдения и периодических профилактических работ. Это было поручено В. П. Воробьеву и Б. И. Збарскому. Воробьев часто наезжал в Москву, но так как Борис Ильич жил в столице, значительная доля обязанностей легла на него. Сохранение тела было нелегкой задачей. Возникали непредвиденные трудности, как, например, появление пятен плесени, отдельных небольших пергаментных пятен и т. п. Все это требовало экспериментальной разработки и принятия неотложных мер. Были также случаи покушения на тело Ленина. Однажды один из посетителей бросил в саркофаг молоток, который пробил стекло и упал на грудь тела. Пришлось удалять осколки стекла и восстанавливать повреждения.

Специальная комиссия, состоявшая из видных ученых, дала высокую оценку проведенной работе. Такие же комиссии осматривали тело Ленина к пятилетию его смерти в 1929 г. и к десятилетию в конце 1933 г. Последняя комиссия, проведя подробный осмотр и описание тела Ленина, констатировала сохранение сходства, хорошее состояние объекта и отметила необходимость подготовки и смены кадров, учитывая, что тело Ленина может сохраняться многие десятилетия. В связи с этим в январе 1934 г. к работе по сохранению тела Ленина были привлечены ассистент Воробьева Рафаил Давыдович Синельников и автор этих строк⁴.

Наша задача заключалась в проведении профилактических мероприятий и в постоянном наблюдении за телом. Поначалу все мы пользовались полным доверием. Каждый из нас имел круглосуточный пропуск в Мавзолей и мог производить нужные манипуляции, пользуясь помощью дежурного электромонтера. Однако это длилось недолго. Со временем происходили существенные перемены. Штат Мавзолея был увеличен в несколько раз. Помимо коменданта появились его заместитель, дежурные офицеры, целый штат специалистов по охлаждению (кондиционированию), освещению и т. п. Нам стали разрешать приходить не менее, чем вдвоем, и только в присутствии коменданта Мавзолея. Всюду давала о себе знать болезненная подозрительность. И вот однажды были арестованы комендант Мавзолея, комендант Кремля. Работать стало труднее. Наступило время массового террора, повальных арестов и репрессий.

После смерти В. П. Воробьева в 1937 г. вся ответственность за дальнейшее сохранение тела Ленина легла на плечи моего отца. Мы с Синельниковым помогали ему. Вскоре отец тяжело заболел.

В один из этих дней меня и Синельникова вызвал Ежов. Пройдя несколько кордонов с проверкой пропусков, мы попали в кабинет наркома. В огромной комнате за большим столом сидел маленький тщедушный человек с пытливыми глазами. За его спиной на стене висел внушительных размеров портрет Сталина, на столе стояли бюст Сталина и еще один портрет Сталина в рамке. Все это, вероятно, должно было выражать его беспредельную преданность вождю.

Ежов предложил нам сесть, а сам встал, оказавшись еще меньше и худее, чем за столом, и торжественно произнес, что Политбюро поручило ему переговорить с нами, так как жизнь Б. И. Збарского находится в опасности и необходимо подумать о дальнейшей работе по сохранению тела Ленина. Сумеет ли мы в крайнем случае справиться с этим делом? Я ответил, что, конечно, знания и опыт моего отца имеют огромное значение, но мы сможем продолжать работу. Не успел я договорить, как Синельников, перебив меня, вскочил и отрапортовал: «Товарищ Ежов, заверяю Вас, что дело сохранения тела Ленина находится в надежных руках, и мы можем нести за него полную ответственность!»

В 1939 г. при Мавзолее Ленина была создана специальная лаборатория для экспериментальной разработки вопросов, связанных с сохранением тела В. И. Ленина. В число сотрудников, непосредственно ухаживавших за телом Ленина, был включен Сергей Руфович Мардашев, тогда доцент 1-го Московского медицинского института. Штат лаборатории обеспечивал опыты, касающиеся сохранения покровов и других тканей тела, и устранение возникающих дефектов.

С началом войны, когда немецкие войска стремительно продвигались к Москве, Политбюро приняло решение об эвакуации тела Ленина как святыни советского народа за Урал. В ночь на 3 июля 1941 г. гроб с телом был упакован в специальный ящик. Подготовили также все самое необходимое — стеклянную ванну, реактивы, посуду и т. д. Ранним утром нам объявили, что

вечером мы должны быть готовы к эвакуации в Тюмень с семьями. Нас отвезли на какой-то полустанок Ярославской железной дороги, где был приготовлен специальный состав. По-видимому, нас отправляли так же, как членов Политбюро,— с большой охраной и секретно.

Помню, что, когда мы ехали по Москве, радио транслировало речь Сталина, в которой он обратился к народу, впервые назвав его «братья и сестры». Он призывал к уничтожению всего, что остается на захваченной немцами территории, восхвалял героизм русского народа. Все это было впервые. Я раньше не слышал голоса Сталина и меня поразило его резкий акцент и неправильное произношение русских слов.

Гроб с телом Ленина ехал в особом вагоне, где мы круглосуточно дежурили и следили за состоянием объекта, периодически смачивая его. Из-за жаркой погоды окна и двери были завешаны, приняты меры к защите от инфекции. Начальником поезда был полковник НКВД Кузьма Павлович Лукин. С нами ехал штат Мавзолея, включая коменданта и охрану в составе роты кремлевских солдат и офицеров. На всем пути железнодорожного полотна стояли солдаты внутренних войск, на остановках они резко отталкивали пассажиров, напористо пытавшихся войти в поезд.

На вокзале в Тюмени нас встречало местное начальство, секретарь райкома, председатель горсовета и начальник НКВД, которому были поручены опека и наблюдение над нами. Нас поместили в срочно подготовленное здание Сельскохозяйственного техникума, в котором ранее помещалось реальное училище, где учились Леонид Красин и легендарный разведчик Николай Кузнецов. Это было добротное каменное двухэтажное, но несколько запущенное здание, выкрашенное в белый цвет и получившее в городе прозвище «Белого дома»⁵.

В доме срочно был произведен ремонт, гроб с телом Ленина поместили в отдельной комнате, постоянно охраняемой часовым. Там же находились две стеклянные ванны и необходимые для постоянной работы оборудование и реактивы. В соседней комнате помещалась небольшая лаборатория для подготовки тех или иных процедур. Мой отец жил на втором этаже этого дома, в другом крыле. Мы, т. е. Мардашев, Синельников и я с семьями, занимали одно крыло первого этажа. В другом крыле вскоре была оборудована небольшая лаборатория со штатом, эвакуированная из Москвы. В остальных комнатах размещались комендант Мавзолея, охрана и обслуживающий персонал.

По военному времени мы жили вполне удовлетворительно; нас хорошо кормили, дом отапливался и освещался. Нам казалось, что это идеально, угнетало лишь то, что в это военное время мы не могли участвовать в военных действиях. Несколько иначе смотрели на это кремлевские солдаты и офицеры. Они жаловались, что их плохо кормят и не дают достаточно довольствия. Я это понял только тогда, когда в 1942 г. съездил с Мардашевым в Москву и нас прикрепили к столовой комендатуры Кремля. При общем тяжелом положении и даже голоде в кремлевской столовой кормили так хорошо и обильно, что никогда в жизни я так не питался.

Нахождение тела Ленина в Тюмени держалось в секрете, но слухи в этом небольшом городе, естественно, доходили до населения, и об этом перешептывались. Не будучи полностью загруженными специальной работой, мы с Мардашевым преподавали в Тюменском педагогическом институте и эвакуированном в эти места Кубанском медицинском институте, а отец к тому же преподавал математику и физику в средней школе. В Тюмени мы располагали значительным временем для основной своей работы. Помимо устранения мелких дефектов по существу было проведено в своем роде перебалзамирование тела, причем ряд процедур нам удалось усовершенствовать. Тело поддерживалось в хорошем состоянии и могло быть в любой момент перевезено в Москву и вновь положено в Мавзолей⁶.

В Тюмени наш коллектив пополнился несколькими учеными, а именно гистологами Б. И. Лаврентьевым и М. А. Бароном, патологоанатомом Д. Н. Выропаевым и хирургом А. Н. Шабановым. В конце 1943 г. нас посетила правительственная комиссия в составе академиков Н. Н. Бурденко, Л. А. Орбели и А. И. Абрикосова во главе с министром здравоохранения СССР Г. А. Митеревым. Комиссия дала очень высокую оценку нашей работе, и к 20-летию со дня смерти В. И. Ленина мы были награждены орденами, а Б. И. Збарский был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Всего в Тюмени тело Ленина пробыло почти 4 года. В марте 1945 г., когда война шла уже на территории врага, было решено вернуть тело в Москву. 23 марта 1945 г. специальным поездом мы вернулись в столицу. Тело Ленина временно было помещено в лабораторной комнате Мавзолея; в самом Мавзолее была проведена реконструкция, установлен новый, более совершенный саркофаг, улучшено освещение гроба, и с 16 сентября 1945 г. открыт доступ к телу.

Задачи лаборатории при Мавзолее не ограничивались сохранением тела Ленина. Нередко

приходилось выполнять работы по бальзамированию тел ушедших из жизни видных политических деятелей. Так, в 1949 г. мы произвели бальзамирование тела Георгия Димитрова. Бальзамирование происходило в загородном дворце царя Бориса — «Вране».

В феврале 1952 г. отцу была сделана операция в связи с воспалением желчного пузыря, и он несколько недель провел в больнице. В это время мне позвонил главный врач Кремлевской больницы Петр Иванович Егоров и попросил срочно приехать в морг. Я сказал ему, что заместителем отца является С. Р. Мардашев, и ему необходимо переговорить с ним. Когда мы приехали в морг Кремлевской больницы, там лежал труп с монгольскими чертами лица. Нам не сказали, кто это. Мы с Мардашевым решили, что это не Мао, так как в этом случае непременно присутствовал бы Поскребышев. Как потом выяснилось, это был Чойбалсан, который умер в Москве вскоре после операции, сделанной ему известным хирургом, впоследствии президентом Академии медицинских наук СССР, А. Н. Бакулевым.

В нашем присутствии труп обыскали работники НКВД, затем он был вскрыт, в сосуды налили формалин со спиртом, была произведена патологоанатомическая аутопсия. Оказалось, что в теле его были множественные метастазы гипернефромы, и удаление опухоли его спасти не могло. Стоявший рядом со мной Бакулев облегченно вздохнул и сказал: «Слава Богу, а то я не знал, куда я отсюда поеду».

В тот же день Мардашев, заменявший отца в качестве заведующего лабораторией при Мавзолее, издал приказ, согласно которому сопровождать тело Чойбалсана в Улан-Батор и бальзамировать его там должна была бригада в составе Б. Н. Ускова, С. С. Дебова и И. Б. Збарского.

Улан-Батор в то время представлял собой скопление юрт, среди которых бродили верблюды. Было лишь несколько каменных зданий, в том числе здание правительства напротив памятника Сухе-Батору с пристроенным к нему при жизни Чойбалсана мавзолеем, университет, напоминавший школьное здание, театр, гостиница и, конечно, дом (дворец) Цеденбала, наследника, Чойбалсана. За две недели мы произвели все необходимые процедуры для длительного сохранения тела и полагали, что нам придется еще задержаться для завершения работы. Однако руководство (вероятно, наше) приняло решение, что бальзамировать тело на длительный срок не следует, поскольку в Монголии при большой территории всего около 1 млн. населения и, согласно указанию выше, тело было замуровано в заранее подготовленном склепе.

ЖЕРТВА СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА

На обратном пути из Монголии Дебов сказал мне, что он звонил в Москву и узнал, что в лаборатории работает комиссия ЦК. Он прибавил, что это не обычная комиссия, а, вероятно, с определенным заданием. Когда уже в марте мы вернулись в Москву, я почувствовал, что обстановка в лаборатории действительно напряженная. Однако Мардашев направил меня в Ленинград в командировку заказать на заводе «Красный треугольник» резиновые изделия для Мавзолея.

Вернувшись, я узнал, что 27 марта 1952 г. отец был арестован у себя на квартире в Доме правительства (ул. Серафимовича, 2). На следующий день меня отчислили из лаборатории под формальным предлогом «как совместителя».

В моей жизни начались трудные времена. Многие знакомые, встречаясь со мной, переходили на другую сторону улицы, а вскоре меня уволили и с основной работы в Центральном онкологическом институте П. А. Герцена МЗ РСФСР.

Только недавно я смог познакомиться с делом моего отца и получил довольно полное представление об обвинениях, которые ему предъявлялись и методах ведения «дела». Согласно постановлению о его аресте, ему вменялось в вину то, что он был активным эсером, отрицательно отнесся к Октябрьской революции, находился в близких отношениях со злейшими врагами народа — Троцким, Рыковым, Ягодой, Бухариным, вел антисоветскую агитацию и, по показаниям врагов народа, арестованных в 1937 г., работал на германскую разведку. На этом основании он обвинялся в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1а, 58-10 и 58-11 Уголовного кодекса⁷.

В квартире отца, на его даче и в лаборатории был произведен тщательный обыск и изъято много книг, документов, наград и рукописей. В течение почти двух лет его мучили допросами с пристрастием, неоднократно возвращаясь к одним и тем же вопросам. Настойчиво прощупывали всю его долгую биографию, пытались в том или ином пункте доказать его вину. Допрос велся Следственной частью МВД по особо важным делам. Почти половину времени заключения, а именно 8 месяцев, он провел в тюремной больнице.

Отца детально допрашивали о революционной деятельности в 1902—1906 гг., когда он состоял в подпольном кружке, организованном эсерами. Согласно его показаниям, в партии социалистов-революционеров он состоял с апреля 1917 г. по март 1918 г., был избран председателем Елабужского уездного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и членом Учредительного собрания от партии эсеров. Хотя он ничего не скрывал, все это, а также то, что он выступал на митингах в Елабуге и Петрограде, пропагандируя эсеровскую программу, ставилось ему в вину. Хотя он прекратил всякую связь с эсерами после разгона Учредительного собрания и в 1932 г. был принят в ВКП(б), ему инкриминировали враждебное отношение к советской власти и антисоветскую пропаганду. Другим тяжелым пунктом обвинения была связь с врагами народа. Действительно, еще будучи гимназистом каменец-подольской гимназии, он с помощью контрабандистов нелегально перевозил Троцкого через границу, но впоследствии виделся с ним лишь один-два раза. С Рыковым он был довольно близко знаком, и в этих встречах усмотрели преступный характер. Наконец, когда он работал в Мавзолее, ему приходилось неоднократно встречаться с Ягодой, Беленьким (бывшим начальником охраны Ленина), а также с Ежовым и ранее с Дзержинским, Молотовым и Красиным. Само собой разумеется, что вряд ли можно было предвидеть в то время, что некоторые из этих людей, занимавших высокие посты, будут впоследствии объявлены «врагами народа».

По поручению Ягоды отец синтезировал и поставил производство одного дезинфицирующего препарата, сведения о котором были добыты нашей разведкой в США. Небезынтересно, что этот дезинфицирующий препарат, являющийся органическим производным ртути и получивший название «бактерицида Збарского», оказался очень сильно действующим антибактериальным веществом. Естественно, что он не мог быть совершенно безвреден и для человека.

Буланов, бывший секретарь Ягоды, оставленный в этой должности и при Ежове, обработал этим препаратом дорожки, ковры и портьеры кабинета Ежова и прилегающих к нему комнат, дабы обезопасить драгоценное здоровье наркома. Однако Ягода, арестованный как враг народа, показал на пристрасном допросе, что он якобы поручил профессору Збарскому и Буланову отравлять Ежова ртутью. Явная бессмысленность такого способа отравления спасла Бориса Ильича от ареста в 1936 г. Тем не менее это обстоятельство послужило поводом обвинения его в выполнении «преступных поручений врага народа — Ягоды». Он обвинялся также и в «подрывной работе» против советской власти и «антисоветской агитации». Его обвиняли, в частности, в том, что в разговорах со своим другом И. Г. Веритэ и с женой он говорил, что в пьесе Всеволода Вишневского «Незабываемый 1919-й» автор преувеличил роль Сталина, а также высказывал недовольство некоторыми аспектами политики партии, например, чрезмерными вооружениями и неодинаковым отношением к гражданам разной национальности, в слушании «вражеских» радиопередач и т. п. Одним из обвинений явилось то, что по просьбе коллектива Еврейского театра он восстановил изуродованное лицо «американского шпиона Михозлса», тело которого было доставлено из Минска, где он был насмерть сбит грузовиком.

То обстоятельство, что отец дал интервью для еврейской газеты и Еврейского антифашистского комитета, который оказался «рассадником сионизма и центром шпионажа в пользу США», послужило обвинением его в связи со шпионами и еврейском национализме.

Его обвиняли также в нарушении режима секретности работы лаборатории при Мавзолее В. И. Ленина, поскольку засекреченное учреждение находилось в одном здании с кафедрой биохимии 1-го Московского медицинского института и Лабораторией по биохимии рака. Поводов для того было предостаточно: не на должной высоте был пропускной режим; в составе кафедры были «чуждые» элементы: у двух сотрудниц оказались родственники за границей, у одной был арестован отец, слишком велик был процент сотрудников еврейской национальности.

Ставилось ему в вину и то, что написанная им брошюра «Мавзолей Ленина», трижды изданная Политиздатом (в 1944; 1945 и 1946 гг.), является политически вредной. И хотя в ней, как это было тогда принято, восхвалялись Сталин и мудрая политика партии, автор, по заключению экспертов, не отразил роль Сталина в дни Октябрьской революции. Кроме того, величие задачи бальзамирования тела Ленина умаляется описанием бальзамирований в Древнем Египте и сообщением о вскрытии тела Ленина. Упоминание о том, что мозг Ленина был перегружен работой и переутомлен, является клеветой на партию и на Сталина, будто они недостаточно заботились о Ленине и т. п. Наконец, отца обвинили в том, что в его книге была помещена фальсифицированная фотография, на которой лицо человека, стоящего в почетном карауле в Колонном зале Дома союзов, подретушировано, и ему придано портретное сходство с Троцким. Эта фотография действительно подретуширована. Я видел ее оригинал в Российском центре хранения и изучения документов

новой истории⁸. Там совершенно другое лицо. К тому же известно, что во время похорон Ленина Троцкого не было в Москве. Эта фотография была изъята в последующих изданиях; по показаниям Б. И. Збарского, иллюстрации подбирал не он, это делал художник издательства.

Таким образом, обвинения выискивались по всевозможным поводам, но ни одно из них не было достаточно обоснованным. Самое тяжелое обвинение — в шпионаже в пользу Германии, основывалось на вынужденных показаниях арестованных 1937 г. секретаря Биохимического института И. Э. Соломона и молодого биохимика, которого Борис Ильич едва знал, И. А. Ремезова. Оба они еще в 1937 г. показали, что Б. И. Збарский, как и ряд других ученых, был завербован немцами и работал на германскую разведку. Обвинения эти подкрепляли тем, что в начале 20-х гг., когда в домах бывшей немецкой фирмы «Вогау и К^о» были организованы Физико-химический институт им. Л. Я. Карпова и Биохимический институт Наркомздрава, на работу в последний были приняты несколько лиц немецкой национальности, связанных с фирмой Вогау. В числе их был и И. Э. Соломон, расстрелянный в 1937 г. С ним Б. И. Збарский дважды ездил в Берлин закупать оборудование для вновь организованного института, и якобы во время одной из таких поездок он и Б. И. Збарский были завербованы в германскую разведку находящимися в Берлине Вогау и сыном его компаньона, Германом.

Признав свое участие в партии с.-р., связь с врагами народа, которая, однако, не имела преступного характера, разговоры и выражение недовольства некоторыми действиями советской власти, Б. И. Збарский обвинение в шпионаже назвал «абсурдным». Тем не менее это обвинение висело над ним около года. Поскольку по закону без приговора следствие не может длиться более месяца, каждый месяц вносилось постановление о продлении следствия еще на месяц.

Тон допросов заметно меняется после смерти Сталина, о которой обвиняемые узнали, только выйдя на свободу. Вскоре самое страшное обвинение — по статье 58-1а, в шпионаже — снимается и остаются лишь обвинения по статьям 58-10, ч. 1 и 58-11, т. е. антисоветская агитация и т. п. Дело Б. И. Збарского объединяется с делом его приятеля И. Г. Веритца, с которым он якобы вел антисоветские и националистические разговоры. И, наконец 1 июня 1953 г. выносится постановление об окончании следствия.

Отец просидел в тюрьме почти два года и был выпущен лишь 30 декабря 1953 г. Никаких сведений о нем получить не удавалось. Он так и не был осужден, все время находился под следствием и был освобожден «за недостаточностью улик». Вскоре его реабилитировали и восстановили в партии. Ему, конечно, было необходимо на месяц-другой уехать в санаторий, но он настойчиво хотел работать. Он не вернулся в Мавзолей и последнее время работал вторым профессором на кафедре биохимии 1-го Московского медицинского института. Однако здоровье его было сильно подорвано, и 7 октября 1954 г., не дочитав лекции, он скончался.

Примечания

¹ См.: Збарский Б. И. Мавзолей Ленина. М., 1944; РЦХИДНИ, ф. 16, оп. 2с, д. 42, л. 7—11; Збарский И. Б., Николаев П. Ф. Б. И. Збарский (1885—1954). М., 1990; Штейн А. И. не только о нем (повесть). М., 1990.

² РЦХИДНИ, ф. 16, оп. 2с, д. 54, л. 2; д. 78, л. 172.

³ Новоминский А. Н., Попов В. Н. Владимир Петрович Воробьев. Киев, 1976; РЦХИДНИ, ф. 16, оп. 2с, д. 52, л. 122—140; д. 54, л. 11.

⁴ РЦХИДНИ, ф. 16, оп. 2с, д. 57, л. 19—27, 45.

⁵ Гаряев С. М. Из истории Мавзолея Ленина. М., 1990.

⁶ В № 40 (573) газеты «Аргументы и факты» за октябрь 1991 г. была помещена анонимная заметка о сохранении тела Ленина под заголовком «Вечно живой». В этой заметке утверждается, что «во время эвакуации все тело вождя покрылось плесенью. Снять ее было поручено мало-квалифицированному специалисту, который обдал Ильича кипятком. Ошпаренное тело отмылось, но после этого начало пузыриться и резко подверглось разрушению. Сохранить в хорошем состоянии удалось только руки и голову...»

С 1934 по 1952 г. мне было поручено в числе небольшой группы научных работников сохранять тело В. И. Ленина. В настоящее время из этой группы в живых остался только я. Считаю своим долгом заявить, что ничего подобного описанному в заметке в действительности не было. Наша группа добросовестно выполняла порученную работу и вела тщательное наблюдение за состоянием тела, никогда не прибегая к помощи «мало-квалифицированных специалистов».

⁷ Центральный архив Министерства безопасности Российской Федерации. Следственная часть по особо важным делам, дело № 5459.

⁸ РЦХИДНИ, ф. 394, фото № 209.

СООБЩЕНИЯ

© 1993 г. С. Г. БЕЛЯЕВ*

ФРАНЦУЗСКИЙ КАПИТАЛ И ОБРАЗОВАНИЕ РУССКО-АЗИАТСКОГО БАНКА

Образование крупнейшего коммерческого банка России и русско-французской группы на его основе стало одним из наиболее значительных свидетельств процесса банковской концентрации в стране в период предвоенного экономического подъема 1909—1914 гг. Это важное явление в развитии русской банковской системы и прежде всего сам механизм образования нового банка раскрыты исследователями в контексте русско-французских финансовых отношений начала XX в.¹

Непосредственную побудительную причину этого события следует искать в кризисном состоянии одного из основных инструментов дальневосточной политики С. Ю. Витте — Русско-Китайского банка. Образованный в 1895 г. при участии французского капитала (в его правление вошел руководитель крупнейшего французского банка Banque de Paris et des Pays Bas (Paribas) Э. Нецлин) и активном содействии Петербургского Международного банка (руководитель которого А. Ю. Ротштейн, как и Э. Нецлин, вошел в правление), Русско-Китайский банк фактически стал банком русского правительства². Поражение России в войне с Японией не могло не сказаться на его позициях (он был создан исключительно для «производства торговых операций в странах Восточной Азии»³). Служивший в это время в банке известный финансист и экономист О. Агад (впоследствии автор книги «Крупные банки и мировой рынок»⁴), называвший себя «личным поверенным» Ротштейна, относил начало затруднений к периоду непосредственно после боксерского восстания, когда «слишком легко полученные [в Китае] ресурсы породили много несерьезных и весьма спекулятивных предприятий». Агад считал, что после смерти Ротштейна (1904 г.) банку «не хватает необходимых практических сил, раньше представленных г. Ротштейном... [банк] нуждается в способном и сведущем в банковском деле человеке...»⁵.

С целью упрочить положение банка, его директором-распорядителем был назначен А. И. Путилов, сделавший карьеру в качестве директора канцелярии министра финансов, а затем — управляющего Дворянским и Крестьянским банками⁶. На состоявшемся в феврале 1908 г. под председательством В. Н. Коковцова совещании, специально посвященном положению Русско-Китайского банка⁷, член его правления, бывший вице-директор Кредитной канцелярии А. И. Вышнеградский отметил, что ухудшение ситуации «в значительной степени — результат неудовлетворительного состояния дел на Дальнем Востоке». Только в Маньчжурии было потеряно около 1,4 млн. руб. Озабоченность Вышнеградского разделял и другой член руководства банка, будущий директор Кредитной канцелярии Л. Ф. Давыдов. Тем не менее Путилов сохранял оптимизм и уверял, что банк сможет преодолеть кризис в одиночку. Э. Нецлин, выражая мнение французских акционеров, которым, по его словам, известно сложившееся положение (в это время Нецлин уже вышел из руководства банка), обратил внимание на то, что сокращение или вовсе прекращение выплат дивидендов может подтолкнуть их к массивной продаже своих акций. В 1907 г. на парижской бирже уже произошло значительное понижение курса бумаг русского банка. Для всех участников совещания было очевидно, что банк уже не сможет выполнять на Дальнем Востоке роль, подобную той, что играл Оттоманский банк в Турции (замечание члена правления А. А. Сольского). Хотя министр торговли и промышленности И. П. Шипов считал, что «последнее время было исключительно неблагоприятно для всех действовавших в Китае банков», все пришли к выводу о необходимости серьезных реформ. Речь пока шла лишь о внутренних изменениях,

* Беляев Сергей Геннадиевич, архивист Российского государственного исторического архива.

вопрос о слиянии с каким-либо другим банком не звучал, напротив, настаивали на «полном отделении» от Международного банка (мнение Л. Ф. Давыдова). Только Нецлин осторожно заметил, что «французские капиталисты не должны отказывать банку в кредите».

Тем не менее основой дальнейших проектов оздоровления столь важного для правительства банковского организма стало именно слияние. Проводником этих планов являлся А. И. Путилов, избегавший, однако, говорить о кризисном положении банка вследствие краха дальневосточной политики правительства. Потребность объединения Русско-Китайского банка с каким-либо другим кредитным учреждением он обосновывал тем обстоятельством, что если первоначально банк был ориентирован исключительно на дальневосточный регион, то ныне «открытие правильного движения по Великому Сибирскому пути коренным образом изменило всю торговую жизнь и самого Дальнего Востока, приведя ее в прямое и непосредственное соприкосновение с рынками Западной и Европейской России». С этим, согласно Путилову, было связано отраженное в Уставе распространение деятельности банка на всю территорию империи. Именно расширение сферы операций и стало официальным мотивом объединения с другим банком, поскольку для создания сети собственных агентств потребовалось бы едва ли не удвоить основной капитал⁸.

Поначалу внимание руководителей Русско-Китайского банка привлек Сибирский Торговый банк⁹, имевший в то время тесные связи с крупнейшим германским Deutsche Bank. Слияние привело бы к устранению конкурента на территории Азиатской России, где Сибирский банк имел сильные позиции. Операция предусматривала фузию на основе «здорового» Сибирского банка с переименованием его в Русско-Азиатский. Планировалась эмиссия 80 тыс. акций на сумму 20 млн. руб. (250 руб. номинальных за акцию), 56 764 из которых предназначались для обмена на старые акции Русско-Китайского банка в пропорции 2,2 старых на одну новую, а на остаток (23 236 акций) соответствующим консорциумом организовывалась подписка по эмиссионному курсу 430 руб за акцию. Консорциум должен был также взять на себя гарантию капиталов, переданных Русско-Китайскому банку правительством Китая. Из полученного таким образом капитала (38 млн. руб.) 30 млн. отчислялись в основной капитал, остальное направлялось в резерв банка.

Однако образование нового банка на базе Сибирского не могло удовлетворить руководителей Русско-Китайского, который в этом случае терял предоставленные русским правительством «своему» банку особые привилегии (освобождение от обложения прибыли иностранных агентств, право выдачи обязательств на сумму, в 10, а не в 5 раз, как обычно, превышающую капитал банка). В итоге появились два новых проекта, выдвинутые принимавшими участие в операции петербургской и парижской группами. В них вопрос о «базовом» банке не выдвигался, говорилось лишь о «поглощении двух банков (Сибирского и Русско-Китайского) Русско-Азиатским банком». «Петербургский» проект предусматривал обмен акций Русско-Китайского банка в тех же объемах и пропорциях и новую эмиссию (уже по курсу 425 руб.). «Парижский» вариант отличался от «петербургского» меньшим эмиссионным курсом (400 руб. за акцию) и меньшей пропорцией обмена акций Русско-Китайского банка (2:1). Кроме того, проект предусматривал, что в секретные, официально не учитываемые резервы будущего банка отойдет сумма большая, чем в предыдущих проектах (4324 тыс. руб., ранее соответственно — 3 млн. и 4175 тыс. руб.), притом что общая сумма капитала была определена наименьшая (52 324 тыс. руб. при 55 300 тыс. и 55 175 тыс. руб. в двух первых проектах)¹⁰.

А. И. Путилов, отвечая одному из директоров Сибирского банка — М. Л. Лунцу, утверждавшему, что единственным преимуществом Русско-Китайского банка перед Сибирским является китайская командита, заметил, что «он забывает русское правительство, которое является акционером Русско-Китайского банка и держит в этом банке весьма значительные суммы». Отстаивая приоритет своего учреждения, он писал далее: «Может быть, некоторые изолированные и плохо информированные акционеры или чиновники, которые опасаются за свое место, и проявили некоторое беспокойство (по поводу слияния таких «неравноценных» банков.— С. Б.), но по курсу акций мне не кажется, что это беспокойство охватило многих. Русско-Китайский банк не заслуживает суждений о нем г. Лунца. Он, напротив, в финансовых сферах котируется выше, чем Сибирский банк и, когда, например, банки Петербурга проводят крупную совместную финансовую операцию, Русско-Китайский банк идет во второй группе с Азовско-Донским и Северным банками, тогда как Сибирский банк — в третьей [группе]»¹¹.

Однако проекты слияния двух банков обеспокоили не только «плохо информированных акционеров и чиновников», ими был встревожен и О. Агад, перешедший в июле 1909 г. на службу в Северный банк и, по собственному признанию, в «первый день поступления» обративший

внимание на предстоящую финансовую комбинацию директора Северного банка М. Верстрата (одновременно входившего в правление Русско-Китайского банка), которому он еще два года назад послал свой упомянутый выше доклад.

Образованный в 1901 г. Северный банк являлся филиалом одного из крупнейших (наряду с Paribas) французских банков — Société Générale, а М. Верстрат был братом одного из руководителей этого банка Ж. Верстрата. Братья вели оживленную деловую переписку¹², свидетельствующую, насколько оба банка были тесно связаны друг с другом. Сам М. Верстрат, дипломат, ставший банкиром, в бытность свою финансовым советником французского посольства в Петербурге, оказывал заметное влияние на руководство Société Générale. В своем «весьма конфиденциальном» послании Агад, после комплиментов в адрес своего нового директора и его «друзей в Париже», сообщал о желании Русско-Китайского банка объединиться с Сибирским, как он пишет, «по инициативе или, по крайней мере, с ведома Deutsche Bank»¹³. Напомнив своему корреспонденту, что именно он, Агад, привлек этот банк на русский рынок и что вследствие проведенных им переговоров Deutsche Bank стал акционером Сибирского банка, тем не менее предупреждал, что объединение двух «азиатских» банков под германским контролем создаст «истинную монополию», не выгодную ни России, ни «азиатским клиентам», ни самим немцам, кроме клиентов Deutsche Bank, которые, таким образом, будут иметь «несправедливое преимущество».

Чтобы устранить германского конкурента, он предложил новый путь — объединить Русско-Китайский банк с Северным. «Эти два банка прекрасно дополняют друг друга», — уверил он Верстрата. Однако руководство Русско-Китайского, по мнению Агада, оставляет желать лучшего: Путилов «ничего не понимает в китайских делах», Сольский — «умный человек, но не практичный», о других же вообще «надо молчать». Сам же директор Северного банка, будучи также и администратором банка Русско-Китайского, «без сомнения, не упустит свой шанс стать при слиянии двух банков, в которых Вы [Верстрат] уже заинтересованы, persona grata в России, оставляя в своих руках засов от двери в Париж (и, может быть, в Лондон)». Ближайшими же сотрудниками Верстрата должны стать председатель Совета Северного банка А. А. Верт и сам Агад. Здесь автор письма без ложной скромности представлял себе как «организатора, знающего дела Русско-Китайского банка именно в Азии и его общее положение очень полно».

Суммой, достаточной для того, чтобы получить контроль над банком, по мнению Агада, было 10 млн. руб. «В Париже, — продолжал он убеждать своего нового патрона, — сейчас много денег, в России — исключительный урожай, который поддержит ее кредит за границей». Впрочем, если Société Générale, представителем которой в России, собственно, и является Верстрат, Агад считал способной осуществить операцию, то Paribas, по его мнению, «устала от Русско-Китайского банка». Во всяком случае, заключал корреспондент, Верстрат будет «иметь здесь [в России] большой шанс приобрести миллионы и исключительную репутацию». Опасения по поводу проникновения в будущий Русско-Азиатский банк «германского элемента», кроме Агада, высказали и «лондонские банкиры», как о том предупреждал М. Верстрата из Парижа его брат, Жорж¹⁴. Планом слияния с «ненадежным» Русско-Китайским банком оказались недовольны и члены правления Сибирского банка, попытавшиеся обвинить сторонника слияния Соловейчика в финансовых злоупотреблениях¹⁵.

Таким образом, если до сих пор инициатива исходила от Русско-Китайского банка, то теперь его бывший служащий предлагал главе филиала Société Générale воспользоваться затруднительным положением близкого как к русскому правительству, так и к французским финансовым кругам банка, санация которого обещала «миллионы и исключительную репутацию». Переговоры Русско-Китайского и Сибирского банков были прерваны, а их отношения регулировал лишь прежний договор о разграничении сфер влияния в Сибири и на Дальнем Востоке, где банки обязались согласовывать свою политику в отношении процентных ставок и объемов комиссионных¹⁶.

Путилов весьма высоко оценил возможность объединиться с Северным банком, имевшим в России 43 отделения и «почти не оперировавшим в пределах Азии». Таким образом, в отличие от соглашения с Сибирским банком, речь шла не об устранении конкурента, а о расширении поля деятельности в русле проводимой Путиловым политики «европеизации» Русско-Китайского банка. Однако, обращая внимание прежде всего на сохранение привилегий своего банка, он настаивал на том, что «возможно лишь присоединение к Китайскому банку Северного», в результате чего «Китайский банк не ликвидируется, но, наоборот, лишь расширяет свою деятельность»¹⁷.

Основные переговоры об объединении проходили в Париже, где постоянно бывали Путилов и М. Верстрат. Во главе гарантийного консорциума стали Paribas и Société Générale, в операции, отмеченной высоким накалом конкурентной борьбы, приняли участие и крупные петербургские банкиры. Предметом обсуждения стали квоты участия, пропорции обмена акций, эмиссионный курс, объемы резервов будущего банка. Глава Société Générale Л. Доризон предлагал Путилову следующие пропорции обмена: шесть новых акций на десять Русско-Китайского банка и, соответственно, на пять акций Северного банка. Сам Путилов полагал, что если подобная пропорция «менее выгодна» Северному банку, то «более прибыльна» для образуемого учреждения и при эмиссионном курсе 360 руб. (номинальная цена акции была определена в 278,5 руб.) принесет акционерам Северного банка «тот же доход»¹⁸. Директор Волжско-Камского банка П. Л. Барк, ранее также служивший в Русско-Китайском банке, ездил в Париж добиваться от взявшей на себя три четверти участия в гарантии капитала нового банка французской группы 3-процентной уступки русской стороне. Путилов в телеграмме Верстрату предупреждал, что в случае успеха «было бы желательно, чтобы это было сделано в большом секрете», в особенности от Вышнеградского, потому что тот «скажет об этом Утину»¹⁹. Несколько дней спустя доверенное лицо М. Верстрата, М. Е. Викар, передавал своему патрону слова Коковцова о том, что Я. И. Утин и вообще «банки Петербурга будут враждебно настроены к этой комбинации, поскольку новый банк станет намного более значительным, чем русские банки, откуда и происходят интриги»²⁰. Тогда же Нецлин посетил Луи Барту, вице-преьера в кабинете А. Бриана, и заверил его в возможности соглашения, что «очень понравилось» Доризону. Однако посланная два дня спустя М. Верстратом Викару телеграмма свидетельствовала, что глава Paribas остался верен своей тактике проволочек. Он настаивал на увеличении скрытых резервов нового банка за счет резервов официальных (повторялась ситуация неудавшегося соглашения с Сибирским банком, когда анонимная «парижская» группа, — возможно, что тот же самый Нецлин, — настаивала на увеличении секретных резервов). Теперь же, по словам М. Верстрата, сам Нецлин предложил «весьма остроумную комбинацию, которая, может быть, будет принята Доризоном (вероятно, речь идет об искусственном преуменьшении официальных показаний о взносе Русско-Китайского банка, о чем будет сказано ниже).

Путилов, получив соответствующие заверения Нецлина, в телеграмме М. Верстрату выражал «надежду на удачный исход переговоров», поскольку соглашение одобрили русский и французский министры финансов. Незадолго до того ставший директором Кредитной канцелярии Л. Ф. Давыдов торопил стороны с оформлением договора, чтобы «избежать повторения печальной истории с Сибирским банком». Ж. Верстрат, со своей стороны, передавал брату содержание посланной ему Викаром телеграммы: «Абсолютно невозможно за 2 или 3 заседания договориться о столь трудном деле, как последняя комбинация, которая, с нашей точки зрения, ставит столь сложные вопросы, нужно дать нам физически необходимое время, но я могу Вас [Ж. Верстрата] уверить, что нашел у Верстрата [Мориса] столько же доброй воли, сколько и у Вас». Путилов же, кроме всего прочего, напоминал М. Верстрату, что последний должен «принять во внимание выраженное Л. Ф. Давыдовым желание видеть положение своего брата улучшившимся», прозрачно намекая, что благосклонность директора Кредитной канцелярии не в последнюю очередь зависит от того, войдет ли его брат Виктор в правление нового банка.

В тот же день, 11(24) ноября 1909 г., состоялось принципиальное соглашение с Нецлином²¹. «Теперь мы будем продвигаться очень быстро», — сообщал уже предупрежденный Путиловым М. Верстрат кандидату в правление нового банка В. Ф. Давыдову. На следующий день он телеграфирует Викару: «Прекрасный день, полное согласие, я надеюсь, что финансовый план устроит Вас так же, как и министра финансов. Чтобы получить абсолютно необходимые секретные резервы, нужно будет взять из Русско-Китайского банка 28 миллионов и секретно оценить их в 26, с чем Нецлин соглашается и даже рекомендует. Новый банк будет называться Русско-Азиатским и будет организован, как мы и делали, с несколькими Советами, частью — в Париже, частью — в Петербурге. Нецлин назвал в качестве председателя Совета Шипова, но Вы, может быть, предпочтете его в качестве председателя правления (...) Я потребовал, чтобы членом правления стал Виктор Давыдов, чтобы (...) удовлетворить Л. Давыдова, настаивал перед Нецлином (...) чтобы в Совет вошел Верт (...)»²² Таким образом, М. Верстрат отчасти солидаризировался с Агадом²³.

Решено было образовать банк с основным капиталом 35 млн. руб. (186 666 акций по 187,5 руб. номинальных), взнос Русско-Китайского банка был определен в 26 млн. руб. (в действительности — 28 млн., 2 млн. руб. отходили в секретный резерв), его акции (51 200 «обычных», 7680 «китайских

акций» в серебряной валюте и 21 040 акций китайской командиты) обменивались из расчета 25 старых на 16 новых. Акции аналогичного же (26 млн. руб.) взноса Северного банка обменивались в пропорции 5 старых на 6 новых. На остаток капитала (26 746 акций) консорциум Paribas — Société Générale организовывал подписку по эмиссионному курсу 325 руб. за акцию (комиссионные консорциуму определялись в 10 руб. за акцию). Таким образом, произошедшие в ходе переговоров изменения коснулись как пропорций обмена, так и эмиссионного курса. В Совет банка планировалось ввести 16 человек, 8 из которых должны были составить его «парижский комитет», в петербургское правление были намечены Путилов, М. Верстрат, В. Ф. Давыдов и, как сообщал М. Верстрат Путилову, «один или два банкира по выбору группы Paribas»²⁴. В отношении организационного устройства нового банка Нецлин и М. Верстрат предлагали последовать модели Crédit Lyonnais — депозитного банка с широкой сетью отделений²⁵. Уже существовавшие многочисленные агентства Северного банка делали такую модель приемлемой.

Однако заключение в ноябре 1909 г. принципиального соглашения отнюдь не исчерпало противоречия между сторонами. 30 ноября состоялось новое совещание, на котором Русско-Китайский банк представляли Путилов и директор его парижского агентства Ж. Рендр²⁶, а также Нецлин, который вместе со своим коллегой А. Бенаком выступал и от имени Paribas. Северный банк был представлен М. Верстратом, Société Générale — банкирами Спицером и Менвьелем. Французские участники вновь поставили вопрос об увеличении резервов нового банка, Рендр был обеспокоен также сохранением в его уставе привилегий, предоставленных Русско-Китайскому банку²⁷. Доризон прибавлял, что «было бы справедливо сделать различие между обычными членами синдиката (русскими банками.— С. Б.) и двумя учреждениями — Paribas и Société Générale, которые патронируют операцию», и в то же время согласился на понижение эмиссионного курса до 305 руб.²⁸

Тем временем обсуждение вопроса перешло в правительственные сферы. 11 января 1910 г. под председательством товарища министра юстиции А. Г. Гасмана состоялось посвященное проекту слияния двух банков совещание, на котором, кроме представителей Министерства юстиции, торговли и промышленности и Государственного контроля, присутствовали Л. Ф. Давыдов (как директор Кредитной канцелярии) и Путилов. Представители Северного банка приглашены не были, что говорит о чисто бюрократическом характере совещания. При обсуждении сразу же вспомнили о прецеденте Соединенного банка, когда Южно-Русский Промышленный банк присоединил к себе Московский Международный торговый и Орловский коммерческий. Подобная процедура, в полном согласии с желаниями руководителей Русско-Китайского банка, была предусмотрена и для настоящего случая. Банк Путилова должен был поглотить Северный, иначе могли оказаться потеряны предоставленные тому льготы. Было решено провести операцию распоряжением министра финансов, так как обращение к законодательным учреждениям (на чем настаивал представитель Министерства юстиции К. В. Штейнер, ссылаясь именно на предоставленные в свое время Русско-Китайскому банку правительственные преимущества) привело бы, по мнению большинства участников совещания, к тому, что банк этих преимуществ непременно бы лишился²⁹.

Теперь проект объединения должен был утверждаться акционерами обоих банков. В отношении собрания акционеров Русско-Китайского Нецлин был вполне уверен: «С тем числом голосов, которые мы могли предоставить г. Путилову,— сообщал он М. Верстрату,— кворум полностью обеспечен, без всякой надобности в реальных или мнимых голосах Международного банка; я говорю мнимых, поскольку г. Доризон показывал мне Ваше письмо, согласно которому он [Международный банк] объявил о взносе 6000 акций, тогда как в действительности взнос был только 600 акций»³⁰. (Нецлин имел в виду распространенную практику предоставления «дружественными» банками своих акций партнерам накануне собрания акционеров)³¹. Однако сам по себе кворум еще не служил гарантией легкого решения.

На состоявшемся 6 марта 1910 г. собрании акционеров Русско-Китайского банка выступил оставшийся в их числе Агад. Напомнив о своем почти трехлетней давности докладе и потребовав его зачитать (он был зачитан лишь выборочно), Агад заявил, что крах дальневосточной политики правительства поставил привилегированное положение банка под угрозу, руководство же его, вмешавшись в операции в Европейской России, само «низвело интерес к себе правительства на уровень его интереса к другим банкам», правительство в любую минуту может изъять свои вклады. Агад призвал акционеров задуматься, «чем в действительности вызвана предлагаемая правлением покупка С[еверного] Б[анка], который не имеет ничего общего с программой Русско-

К[итайского] Б[анка]». Под угрозой, подчеркивал выступавший, находятся и французские вклады в присоединяемом Северном банке (30 млн. руб. из общего объема его текущих счетов в 50 млн.), «которые он получил благодаря тому обстоятельству, что был отделением Société Générale». Агад, таким образом, полностью отказался от своей позиции, высказанной им в уже цитированном письме Верстрату.

Знавший о содержании послания Путилов напомнил о нем автору, заявив, что «элементарная банковская осторожность» предписывала сократить операции на Дальнем Востоке, тогда как «западные отделения... банка продолжали работать с прежним, если не с б[ольшим] еще успехом». Лишением оснований объявил Путилов и опасения оттока правительственных и французских вкладов. Кроме того, он фактически упрекнул Агада в своекорыстии, прозрачно намекнув, что тот лишь потому выступает против присоединения Северного банка, что сам не является, как желал, главой всей операции.

Агад же продолжал настаивать на том, что «соединение... преждевременный финансовый эксперимент», что правление слишком торопится восстановить былое значение банка. Он напомнил о «комбинации предполагавшегося соединения с Сибирским банком, которая наделала много шума в финансовом мире в прошлом году». Агад рекомендовал акционерам быть осмотрительнее, дважды повторив: «Будьте осторожны, господа». Обвинение в своекорыстии он отверг, сведя все содержание своего прошлогоднего письма Верстрату к простому предложению своих и А. А. Верта услуг. Обращаясь к присутствовавшему на собрании Верстрату, которому он так льстил менее года назад, Агад язвительно заметил, что, вероятно, директор Северного банка предпочтет, «чтобы я умолчал о том, что я видел за это время в Северном банке».

Столь бурно начавшаяся ассамблея продолжилась предложением списать со счетов банка, несмотря на демонстрируемый Путиловым оптимизм, около 4 млн. руб. Проект слияния был утвержден, пропорции обмена акций к этому времени вновь изменились (предполагалось обменивать акции Северного банка из расчета 5 старых за 7 новых, а акции Русско-Китайского банка — 4 старых на 3 новых в золотой валюте и 16 старых на 9 новых — в серебряной)³². Правление Северного банка оценило присоединение его к Русско-Китайскому как «свершившийся факт», после чего проект слияния был одобрен Л. Доризоном, главой Société Générale³³.

В это время из операции фактически выходит Вышнеградский. Не надеясь, очевидно, на выгодные позиции в будущем Русско-Азиатском банке, он принял пост члена правления Международного банка и призывал Путилова, который «никогда не достигнет согласия с французами» (с ними «невозможно работать»), последовать его примеру. Парижский комитет Русско-Азиатского банка, предсказывал Вышнеградский, поставит путиловское правление под свою «опеку», тогда как в Международном банке Путилов сможет работать «свободно и получать быстрые и удовлетворительные результаты». Все это очень беспокоило М. Верстрата, направившего Доризону соответствующее письмо. Оправдываясь, глава Société Générale писал: «Мы никогда не пытались установить автократическую систему преобладания, которая парализовала бы всякую инициативу правления; мы просто хотим, чтобы между вами и парижской группой существовал постоянный контакт», и тут же напоминал, что «почти все акционеры» Русско-Азиатского банка как правопреемника Русско-Китайского и Северного банков все-таки находятся во Франции³⁴.

30 августа (12 сентября) 1910 г. устав нового банка был утвержден В. Н. Коковцовым³⁵, а незадолго до этого состоялось соглашение о реализации его капитала. Гарантийный консорциум включал в себя французскую группу Paribas — Société Générale с 75% участия (в равных долях), которая осуществляла общее руководство операцией и размещением акций на парижской бирже, и русскую группу, представленную Международным банком (8% участия), Русским для внешней торговли и Учетным и ссудным банками (по 2,5% каждый). Лично участвовали также М. Верстрат, В. Ф. Давыдов, А. И. Вышнеградский, имевшие от 2 до 0,5% участия. Пропорции обмена акций и эмиссионный курс с марта не изменялись. По требованию Доризона французские организаторы консорциума получили за каждую подлежащую реализации акцию сверх обычных комиссионных по 12,5 руб. В результате проведенной подписки прибыли консорциума составили 770 603 руб.³⁶

В итоге сложных финансовых комбинаций появился на свет крупнейший в России акционерный коммерческий банк с основным капиталом 35 млн. руб. Возглавили его А. И. Путилов и М. Верстрат (вице-председатель правления). Образовавшаяся русско-французская группа «Русско-Азиатский банк — Paribas — Société Générale» во многом определяла экономическое развитие России на протяжении всего периода предвоенного подъема. Важность французского присутствия

в этой группе хорошо понимали петербургские банкиры. Так, заключая в декабре 1911 г. соглашение с Русско-Азиатским банком, руководители Петербургского Частного коммерческого банка, который сам вышел из кризиса благодаря французским капиталам, отмечали выгоды договора «с банком... имеющим за собой самую могущественную группу французских банков»³⁷. С другой стороны, во французских финансовых кругах хорошо понимали важность (в русских условиях, быть может, первостепенную) оказываемой кредитному учреждению правительственной поддержки. В конце концов, почти что разоренный Русско-Китайский банк, благодаря своему полуправительственному характеру, был непременным участником операций слияния, тогда как его «здоровые» партнеры менялись, и в результате именно он поглотил Северный банк, чисто финансовые позиции которого были гораздо более внушительными³⁸.

О том значении, которое французская сторона придавала этому аспекту, свидетельствует попытка поставить во главе Русско-Азиатского банка С. Ю. Витте. Находясь в декабре 1911 г. в Париже, он получил от руководителей Paribas соответствующее предложение (Путилов, в отличие от Коковцова, был в курсе этого дела). Французский посол в России Ж. Луи, поинтересовавшийся у А. Бенака: «Считаете ли Вы, что Витте будет крупным банкиром?», получил ответ: «Нет. Витте — это... человек с ясными идеями, который может стоять во главе крупного учреждения, но не способный вдаваться в детали... Для нас это будет защитой: никогда русское правительство не оставит банк, во главе которого будет Витте»³⁹.

Подобное взаимопроникновение финансовых интересов сторон и понимание специфики тесно связанной с государственными структурами русской банковской системы, как и масштабность объединившихся банковских организмов, обусловили устойчивость и плодотворность деловых связей партнеров как во время предвоенного экономического подъема, так и в период первой мировой войны⁴⁰.

Примечания

¹ Об образовании Русско-Азиатского банка см.: Ронин С. Л. Иностраный капитал и русские банки. М., 1926. С. 64—67; Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948. С. 361—362; Дякин В. С. Германские капиталы в России. Л., 1971. С. 136; Бовыкин В. И. Организационные формы финансового капитала в России. Промышленность и банки в конце XIX — начале XX вв. // Производительные силы и монополистический капитал в России и Германии в конце XIX — начале XX в. М., 1986. С. 40; Girault R. Emprunts russes et investissements français en Russie. 1887—1914. P., 1973. P. 497—503; Anan'ich B. V., Bovykin V. I. Foreign Banks and Foreign Investment in Russia // International Banking. 1870—1914/Ed. by R. Cameron and V. I. Bovykin. N. Y.; Oxford, 1991. P. 253—290.

² Банк получил также средства от китайского правительства в виде капитала в серебряной валюте и особой командиты. Об этом см.: Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892—1906 гг.). Л., 1928; его же. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907 гг. Изд. 2. М.; Л., 1955. О русских «полуправительственных» банках и их роли в экономической политике царизма см. также: Ананьич Б. В. Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895—1914 гг. Л., 1975.

³ Устав Русско-Китайского банка // Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее — СУ), 1895. № 194. Ст. 1632.

⁴ Agard E. Grossbanken und Weltmarkt. Berlin, 1914.

⁵ Доклад О. Агада правлению Русско-Китайского банка. 14/27 июля 1907 г. // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), ф. 632, оп. 1, д. 45, л. 10—22.

⁶ Нужно отметить, что Агад не считал ни Путилова, ни Вышнеградского соответствующими его идеалу «сведущего человека» (О. Агад — М. Верстату) 14(27) июля 1907 г. // Там же, л. 8—8 об.

⁷ Протокол совещания 7/20 февраля 1908 г. // Там же, д. 46, л. 37—47. За месяц до совещания директор Северного банка М. Верстрат писал Л. Ф. Давыдову о «злополучном происхождении» Русско-Китайского банка, которым он обязан Ротштейну, сделавшему из него «отделение Петербургского Международного банка на Дальнем Востоке. Выдающаяся личность г. Ротштейна настолько доминировала в двух банках, что... их интересы слились неразрывно...» (М. Верстрат — Л. Ф. Давыдову. 5(18) января 1908 г. // Там же, д. 45, л. 1—2).

⁸ Доклад А. И. Путилова собранию акционеров Русско-Китайского банка // Там же, д. 60, л. 143—146 об.

⁹ О Сибирском Торговом банке см.: Тарновский В. В. История Сибирского Торгового банка (1872—1917 гг.) // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 46. М., 1976. С. 136—168.

¹⁰ Извлечения из проекта устава Русско-Азиатского банка // РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 1, л. 73—81.

¹¹ «Резюме ответа г. Путилова» // Там же, л. 35—37. Интересно отметить, что второй директор Сибирского банка М. А. Соловейчик активно участвовал в разработке операции, являясь партнером Путилова (см.: Тарновский В. В. Указ. соч. С. 139—141).

- ¹² Эта переписка отложилась в фонде Русско-Азиатского банка: РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 112.
- ¹³ О. Агад — М. Верстрату. 20 июля (2 августа) 1909 г.//Там же, ф. 637, оп. 1, д. 55, л. 1—11.
- ¹⁴ Ж. Верстрат — М. Верстрату. 3(16 октября) 1909 г.//Там же, ф. 630, оп. 1, д. 112, л. 290.
- ¹⁵ См.: Тарновский В. В. Указ. соч. С. 139—141.
- ¹⁶ Договор 24 марта (6 апреля) 1909 г.//РГИА, ф. 632, оп. 1, д. 51, л. 6—9.
- ¹⁷ Доклад А. И. Путилова собранию акционеров Русско-Китайского банка//Там же, д. 60, л. 143—146 об.
- ¹⁸ Э. Нецлин считал такую пропорцию «слишком неблагоприятной» и для Русско-Китайского банка, взяв, в отличие от Путилова, курс на затягивание переговоров. Путилов же, полагая, что такая позиция продиктована не интересами дела, а лишь «самолюбием» Нецлина, угрожал, что в случае проволочек откажется войти в руководство нового банка, и считал, что поддерживавший его М. Верстрат должен поступить так же (М. Верстрат — А. И. Путилову. 4(17) ноября 1909 г.//Там же, ф. 637, оп. 1, д. 55, л. 34; А. И. Путилов — М. Верстрату. 5(18) ноября 1909 г.//Там же, л. 40; М. К. Викар — М. Верстрату. 5(18) ноября 1909 г.//Там же, л. 44.
- ¹⁹ А. И. Путилов — М. Верстрату. 31 октября(13 ноября) 1909 г.//Там же, л. 23.
- ²⁰ М. Е. Викар — М. Верстрату. 5(18) ноября 1909 г.//Там же, л. 44.
- ²¹ Возможно, попытки Нецлина затянуть переговоры диктовались желанием навязать таким образом свои условия партнерам, которые, опасаясь повторения «печальной истории с Сибирским банком», с каждым днем должны были становиться все уступчивее.
- ²² Ж. Верстрат — М. Верстрату. 5(18) ноября 1909 г.//Там же, л. 49, 48; М. Верстрат — М. Е. Викару. 7(20) ноября 1909 г.//Там же, л. 51; М. Верстрат — М. Е. Викару. 9(22) ноября 1909 г.//Там же, л. 55; А. И. Путилов — М. Верстрату. 10(23) ноября 1909 г.//Там же, л. 60; А. И. Путилов — М. Верстрату. 11(24) ноября 1909 г.//Там же, л. 62; А. И. Путилов — М. Верстрату. 11(24) ноября 1909 г.//Там же, л. 64; М. Верстрат — В. Ф. Давыдову. 11(24) ноября 1909 г.//Там же, л. 66; М. Верстрат — М. Е. Викару 12(25) ноября 1909 г.//Там же, л. 68; М. Верстрат — В. Ф. Давыдову. 15(28) ноября 1909 г.//Там же, л. 75.
- ²³ Кандидатуру Верта поддержал и Доризон. Желая иметь в Совете нового банка «своего» человека (Верт, как отмечалось, был председателем Совета Северного банка) Доризон даже обратился к нему с личным письмом по этому поводу (Л. Доризон — М. Верстрату. 12(25) февраля 1910 г.//Там же, л. 110; Л. Доризон — А. А. Верту. 1(14) марта 1910 г.//Там же, л. 119).
- ²⁴ М. Верстрат, Э. Нецлин — А. И. Путилову. 12(25) ноября 1909 г.//Там же, л. 72—73. В качестве представителя Société Générale в правлении нового банка Доризон предлагал М. Верстрату кандидатуру директора марсельского (а до того — лионского) отделения Société Générale Дюбрея (Л. Доризон — М. Верстрату. 10/23 марта 1910 г.//Там же, л. 123).
- ²⁵ Э. Нецлин — М. Верстрату. 4(17) марта 1910 г.//Там же, л. 122.
- ²⁶ Следует отметить, что несмотря на значительное участие в делах Русско-Китайского банка французского капитала, его парижское агентство отнюдь не было «деловым штабом», откуда Нецлин и Рендр диктовали свою волю петербургскому «филиалу». Представляется, что дело обстояло иначе, как о том свидетельствуют члены этого представительства, вынужденные, по их словам, «утверждать на веру без документов или необходимых справок постановления петербургского правления» (Протокол заседания парижского комитета Русско-Китайского банка. 17(30) марта 1908 г.//Там же, л. 42, л. 7).
- ²⁷ Протокол заседания 30 ноября (13 декабря) 1909 г.//Там же, д. 60, л. 1—5.
- ²⁸ Протокол заседания 15(28) января 1910 г.//Там же, л. 71—73; М. Верстрат — А. И. Путилову. 4(17) февраля 1910 г.//Там же, л. 76; Л. Доризон — М. Верстрату. 5(18) февраля 1910 г.//Там же, ф. 637, оп. 1, д. 55, л. 102.
- ²⁹ Журнал заседания 11(24) января 1910 г.//Там же, ф. 630, оп. 1, д. 1, л. 1—34.
- ³⁰ Э. Нецлин — М. Верстрату. 4(17) марта 1910 г.//Там же, ф. 637, оп. 1, д. 55, л. 120.
- ³¹ Об этом см.: Лебедев С. К. Иностраный капитал и Петербургский Международный коммерческий банк в 80-х — начале 90-х гг. XIX в. Дис. ... канд. истор. наук. Л.: 1988. С. 32.
- ³² Китайские вклады также должны были войти в капитал нового банка. Протокол собрания акционеров Русско-Китайского банка. 6/19 марта 1910 г.//РГИА, ф. 632, оп. 1, д. 60, л. 77—80; Заявление О. Агада//Там же, л. 93—97 а; О. Агад — правлению Русско-Китайского банка. 12(25) марта 1910 г.//Там же, л. 88—92.
- ³³ Протокол заседания правления Северного банка. 24 марта/6 апреля 1910 г.//Там же, ф. 630, оп. 1, д. 1, л. 39; Протокол заседания правления Северного банка. 29 марта(11 апреля) 1910 г.//Там же, л. 59, 65.
- ³⁴ М. Верстрат — Л. Доризону. 5(18) мая 1910 г.//Там же, ф. 637, оп. 1, д. 55, л. 160—161; Л. Доризон — М. Верстрату. 11(24) мая 1910 г.//Там же, л. 238.
- ³⁵ В его основу лег Устав Соединенного банка (Проект Устава Русско-Азиатского банка)//РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 1, л. 82—90; Устав Русско-Азиатского банка//Там же, Устав Русско-Азиатского банка//СУ. 1910. Отд. II. № 719.
- ³⁶ Синдикатский договор. 12(25) августа 1910 г.//РГИА, ф. 632, оп. 1, д. 60, л. 147—149; Paribas — А. И. Путилову. 15(28) октября 1910 г.//Там же, ф. 630, оп. 1, д. 5, л. 6—6 об.; Русско-Азиатский банк — М. Верстрату. 26 октября (8 ноября) 1910 г.//Там же, л. 7—8; А. И. Путилов — Paribas и Société Générale 27 октября (9 ноября) 1910 г.//Там же, л. 4—4 об.; Paribas — А. И. Путилову. 14(27) января 1911 г.//Там же, л. 14. О составе французских акционеров Русско-Азиатского банка некоторое представление дают их списки, отложившиеся в банковском

архиве. В большинстве своем — это провинциалы, количество акций в одних руках не превышает 280. Так, из 138 французских акционеров, представивших 22 ноября (5 декабря) 1910 г. 3730 акций к намеченному на 11(24 декабря) собранию акционеров, среди которых был и державший 280 акций некто К. Колелен из Неи,— всего 33 парижанина, 27 акционеров — женщины (Списки акционеров Русско-Азиатского банка, депонировавших акции в Société Générale//Там же, л. 10).

³⁷ Доклад правления Петербургского Частного коммерческого банка собранию акционеров. 11(24) января 1912 г.//Там же, ф. 597, оп. 2, д. 59, л. 35.

³⁸ В правление Русско-Азиатского банка вошли В. Ф. Давыдов, К. Дюбрей; в Совет — Э. Нецлин, А. Бенак, Ж. Рендр; ни Агад, ни Верстрат не получили постов в его руководстве.

³⁹ Carnets de Georges Louis. Т. 1. Р., 1926. Р. 232—233.

⁴⁰ О Русско-Азиатском банке в предвоенный период и в годы мировой войны см.: Гиндин И. Ф., Шепелев Л. Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции//Исторические записки. Т. 66. М., 1960. С. 20—95; Шепелев Л. Е. Акционерные коммерческие банки в годы первой мировой войны//Там же. Т. 73. М., 1963. С. 156—193; Корелин А. П. Группа Русско-Азиатского банка в 1914—1915 гг.//Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 1. С. 47—55; Китанина Т. М. Русско-Азиатский банк и концерн И. Стахеева//Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962. С. 408—430.

© 1993 г. Б. ПЕТРОВ-ЭННКЕР *

ЖЕНЩИНЫ НАСТУПАЮТ: ОБ ИСТОКАХ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ В РОССИИ

Те, кто не знаком с новаторскими работами по истории женского движения в России, по большей части англо-американскими, вряд ли могли прочесть об этом где-либо еще. Слишком привычно представление об отсталости царской России, что определило и отношение к изучению этого вопроса. Поэтому история женского движения в России с большим запозданием становится достоянием международной науки. 14 лет тому назад увидела свет первая большая обзорная публикация (до сих пор остающаяся непревзойденной), в которой освещены этапы этого движения между 1860 и 1930 гг., т. е. от эпохи Великих реформ до начала становления сталинизма¹. Не случайно эта работа появилась именно на Западе — в США. Она была вдохновлена антиавторитарными идеями, которые заставили общество обратить внимание на женский вопрос. В этой связи в исторической науке был поставлен вопрос о традициях, в свете которых следует рассматривать современное женское движение.

В самой России до начала перестройки научный интерес к проблемам феминизма практически отсутствовал, поскольку с позиций марксистско-ленинской идеологии женщина уже давно считалась свободной. Еще большевики объявили войну независимому феминизму, так как он не желал вливаться в поддерживавшееся ими социалистическое женское движение. Это последнее оказалось всего лишь инструментом в руках Коммунистической партии, полностью поставленным на службу государственным интересам. Вследствие этого в России, в отличие от Запада, изучение женского вопроса так и не сложилось в особую научную дисциплину, и историки лишь эпизодически обращаются к этой проблематике².

В последние годы западные исследователи женского вопроса в России расширили рамки его изучения, включив в него не только женщин из высших слоев общества, но и представительниц низших социальных слоев. Так, были предприняты попытки исследовать, в какой степени социально-экономические перемены в ходе индустриализации затронули женскую часть, и сопровождался ли этот процесс какими-либо переменами в отношениях между полами. Сегодня мы знаем, что в последней трети XIX в. российские женщины в массе своей были поставлены в столь же неравные условия жизни и труда, как и западноевропейские работницы до появления социального законодательства. Дискриминация женщин на их рабочих местах, а также падавшая на их плечи

* Петров-Эннкер Бьянка, преподаватель Тюбингенского университета (Германия).

Перевод А. В. Назаренко.

двойная нагрузка в их доле домохозяек и матерей в значительно большей степени, чем то было у мужчин, затрудняли их организацию в профессиональные союзы и борьбу за свои интересы³. Особенно тяжелым было положение женщин в деревне, где сохранялась патриархальная семья. Правда, самостоятельность и престиж крестьянки возрастали, когда ее муж вынужден был уходить на заработки в город и становился фабричным рабочим, и тогда она занимала его место в хозяйстве⁴.

Что касается правового статуса женщины в России, то в западной литературе бытует мнение о том, что благодаря традиционному праву распоряжаться самой движимым и недвижимым имуществом, входившим в приданое, и после заключения брака ее юридическое положение было более благоприятным, нежели женщины в западноевропейских странах. В поверхностности такого утверждения можно убедиться, внимательно изучив российское семейно-брачное законодательство⁵.

Это законодательство опиралось на доктрину православной церкви, согласно которой брак рассматривался как таинство и потому был в принципе нерасторжим. Кроме того, церковь и юридическая практика исходили из догмата об изначальном, естественном неравенстве мужчины и женщины. Все это служило основой патриархального авторитета супруга как главы семейства. В законодательстве было закреплено положение об обязанности мужа заботиться о своей жене, которая, как и дети, обрекалась на полное ему повиновение. Зависимость жены от мужа усугублялась тем обстоятельством, что только он был обладателем паспорта. Это означало, что жена могла покинуть место своего постоянного проживания только с разрешения мужа, а следовательно, не имела возможности без его согласия поступить на работу, снять жилье или получить образование. При семейных конфликтах гражданское право гарантировало женщине защиту лишь в случаях, связанных с тяжкими телесными повреждениями и другими уголовными преступлениями. Супруги не имели права на раздельное проживание, развод санкционировался церковью только в самых крайних случаях. Так, например, факт прелюбодеяния должен был быть подтвержден как минимум двумя свидетелями, и лишь тогда брак мог быть расторгнут. Если жена оставляла мужа или он прогонял ее, то она теряла право на материальное содержание с его стороны⁶.

Из вышесказанного следует, что право замужней женщины на собственность лишь декларировалось, фактически же она находилась в полной зависимости от супруга, который мог распоряжаться ее приданым; исключения были единичны и касались обычно представителей привилегированных слоев общества. Из мемуарной литературы вплоть до XIX в. нам известно множество случаев, когда женщины, несчастные в браке, безропотно несли бремя семейной жизни⁷. С другой стороны, безрезультатные обращения женщин в церковные инстанции свидетельствуют о том, что православная церковь не собиралась менять своего консервативного отношения к разводам, отказывая даже в самых крайних случаях. Церковь и самодержавие до начала XX в. были солидарны в том, что порядок в семейной жизни должен основываться на подчинении жены воле мужа. Этот принцип строго соблюдался в правовой деятельности Священного Синода, хотя светские суды и пытались перед лицом нарастающих социальных перемен выступать в защиту прав замужней женщины⁸.

Каким же образом в обществе со строго патриархальными структурами могло зародиться движение за женскую эмансипацию? Его истоки связаны с теми радикальными настроениями середины XIX в., носителями которых была ориентирующаяся на Запад часть русской интеллигенции. В этих кругах складывалось новое сознание, элементами которого были пафос труда, неприятие самодержавия как государственного устройства и преклонение перед западными идеями прогресса. Традиционный образ жизни русской женщины из дворянского сословия уже не удовлетворял многих его представительниц, и они пытались найти себя в каких-либо сферах общественной деятельности.

Быстрому распространению радикальных настроений, охвативших преимущественно молодежь, способствовало поражение России в Крымской войне в 1856 г. Это поражение ускорило ход социальных реформ в стране.

Среди образованной части общества развернулись горячие дискуссии о характере этих реформ. В глазах критически мыслящей, ориентированной на Запад интеллигенции режим самодержавия, несмотря на все попытки его обновления, утратил свое право на существование. Широкое хождение получили демократические идеи. Звучали требования освободить общество от бремени патриархальных структур — с точки зрения радикальной интеллигенции, это предполагало не только устранение существовавших классовых различий, но и отмену тогдашней системы взаимоотношений между полами. Так, по убеждению влиятельных леворадикальных публицистов, таких, как М. Л.

Михайлов или Н. Г. Чернышевский, воспринявших идеи ранних французских социалистов, освобождение общества было возможно только при условии полного освобождения женщины от оков традиционной семьи, так как структура семьи как мельчайшей ячейки общества была симптоматичной и для организации всего государственного организма в целом. Пропагандировались ценности буржуазных обществ: самодостаточность личности и разума, правовая защищенность гражданина, труд как средство достижения личного успеха и общественного процветания. В использовании результата естественных наук на благо человека видели новую, высшую ступень просвещения. История человечества рассматривалась при этом как поэтапное освобождение индивидуума от гнета невежества и несвободы⁹.

Эти идеалы (при условии смягчения политической цензуры они могли проповедоваться в ведущих журналах, с университетских кафедр, в дворянских салонах или интеллигентских кружках) определили дух времени, овладев прежде всего умами молодого поколения. Это стало возможным вследствие сложившихся в стране общественно-экономических условий. Обнищание русского дворянства зашло так далеко, что четыре пятых его не могли позволить себе привычный сословно-образ жизни в тех случаях, когда средства были ограничены доходами с имений. После освобождения крестьян университетское образование обещало социальный престиж и выходцам из недворянских сословий, так что их удельный вес среди студенчества начал постоянно расти¹⁰. Однако в дискуссиях 50—60-х гг. XIX в. профессиональное образование не рассматривалось как некая самостоятельная ценность. Радикальные критики старых порядков связывали эти социальные устремления с общественным переустройством в целом: так, неотъемлемой частью новых идей было осознание социальной ответственности за так называемых «рабов» общества, под которыми подразумевалось не только крестьянское население, но и женщины. Если обратиться к литературе того времени, то легко заметить, что наряду с крестьянским особо острым в общественной жизни России становится и женский вопрос¹¹.

Разумеется, проблема женского равноправия отнюдь не была новой для русского общества. После Французской революции среди просвещенного дворянства растет интерес к демократическим идеям, и в частности к вопросу о положении женщины. В дворянских салонах дамы делают заметны благодаря своим образованности, уму и активности. В это время в России широкую популярность получает романтическая литература, и особенно произведения Жорж Санд, где идеи Просвещения, а также эмансипации женщин были определяющими.

Если немногочисленные русские писательницы первой половины XIX в. довольствовались тем, что с обличительным пафосом рисовали трагические женские судьбы, то жизнь уже являла примеры, когда женщина пыталась практически вырваться за черту господствовавших условностей. И один из наиболее примечательных — жизнь одной из самых читаемых писательниц 40—60-х гг. — Авдотьи Панаевой, вышедшей из актерской семьи. Избрать свой собственный путь, путь женщины, самостоятельно строящей свою жизнь, ей, несомненно, помогли те представления, которые царили в среде столичной художественной интеллигенции. И в быту, и в своих литературных произведениях Панаева отстаивала идею, согласно которой личная свобода женщины и уважение к ней со стороны мужчины являются необходимыми предпосылками «подлинной» любви и взаимности, чуждых узаконенным брачным узам, строившимся на основе материального благополучия и сравнимым писательницей с бесчестной самопродажей. В соответствии с этим идеалом свободного выбора она строила и свою судьбу. Будучи замужем за писателем Панаевым, она полюбила его друга, Некрасова, и стала его гражданской женой, причем все трое продолжали жить под одной крышей и совместно работать¹².

Наиболее же глубокое и полное развитие женская тема получила в творчестве современника Панаевой, одного из ведущих представителей критического направления в русской литературе — Н. Г. Чернышевского. Его вышедший в 1863 г. воспитательный роман «Что делать?» в течение десятилетий оставался своего рода «библией прогресса» для молодежи, искавшей новых путей, и многие строили свою жизнь сообразно с идеями этой книги¹³.

Чернышевский рисует образ идеального общества будущего, которое построено на принципах личной заинтересованности, социально ориентированного разума и коллективной организации жизни — общества, где каждый сможет жить в соответствии со своими запросами. В этом мире сбудутся пророчества героини романа Веры, которая, полагая, что женщина в целом более высоко организована, нежели мужчина, утверждает, что в сфере духовной она оттеснит мужчину на второй план, как только будет покончено с господством грубой силы¹⁴.

Н. Г. Чернышевским предлагаются два способа обновления: через альтернативную общепринятой модель личной жизни и через конспиративную борьбу против самодержавия.

В своем романе Чернышевский не просто развивает туманные теории, покоящиеся на идеях материализма, утилитаризма и раннего социализма, в его произведении показан новый дух времени, благодаря чему оно и пользовалось столь легендарной популярностью. Прообразом Веры была Мария Александровна Обручева, родившаяся в 1839 г. в семье тверского помещика, отставного генерала. Чтобы вырваться из-под родительской опеки и получить возможность заняться изучением медицины, она вступила в фиктивный брак с бедным студентом-медиком Петром Ивановичем Боковым. Впоследствии Мария Александровна полюбила друга Бокова, известного петербургского профессора-физиолога Сеченова. Некоторое время все трое жили в одной квартире, что вызывало многочисленные пересуды¹⁵.

В 1859 г. в стенах Петербургского университета появилась первая женщина, допущенная либеральной профессурой к лекциям в качестве вольнослушательницы. Вскоре ее примеру последовали сотни других женщин в различных университетах России: в 1860 г. на некоторых лекциях число вольнослушательниц превышало число собственно студентов¹⁶.

Среди первых женщин, посещавших Медико-хирургическую академию в Петербурге, были Мария Бокова и ее подруга Надежда Сулова, вышедшая из крестьянского сословия. Весьма характерно, что стремление этих женщин получить профессию врача имело прямую связь с их политизированностью. Вращаясь в определенных кругах, они симпатизировали радикальным идеям, ревностно штудировали «левую» литературу того времени (Фейербаха, Дарвина, Людвиг Бюхнера, Чернышевского) и даже, случалось, принимали участие в студенческих волнениях. Более того, некоторые из них поддерживали связь с революционным подпольем.

Сама Надежда Сулова так описывает свои настроения в 1861 г. в письме к писателю Нефедову: желая хотя чего-нибудь добиться в жизни, она готовила себя к борьбе за равноправие; под знаменем, на котором начертан этот девиз, она вступила в борьбу с сильными мира сего; она не знает, чем завершится эта борьба, но знает одно — она не выпустит из своих рук оружия, ибо в ней живет убеждение, что она сражается за правое дело, бросить которое было бы позором; она либо добьется от жизни желаемого, либо добровольно откажется от нее; быть рабыней случая — подьяремная добродетель, для которой она недостаточно вульгарна¹⁷.

В этих словах слышатся гордость и боевой задор, столь свойственные поколению «шестидесятниц». В своем категорическом отрицании старого общества они исходили из твердого убеждения, что создание просвещенного общества теперь стало исторически возможным; они не сдались и после того, как на бунт молодежи царизм ответил репрессиями. Вследствие того, что стали известны факты участия студенток в антиправительственных действиях, новое положение об университетах 1863 г. закрывало женщинам доступ к высшему образованию.

Сейчас мы можем констатировать, что именно репрессивная политика придала таким женщинам, как Надежда Сулова и Мария Бокова, силы, необходимые для продолжения начатой борьбы. Царизм утратил свой моральный авторитет и не мог повернуть время вспять. Надежда Сулова стала символической личностью в глазах тысяч русских женщин XIX в., стремившихся получить высшее образование. Сулова решила продолжить учебу за границей и уехала в Цюрих, где стала первой в Европе студенткой, официально внесенной в матрикулы университета. В 1867 г. она получила степень доктора медицины — событие, наделавшее шуму как на Западе, так и в России. Вернувшись в Петербург, Сулова при поддержке своих покровителей и друзей смогла открыть там в 1869 г. гинекологическую и педиатрическую практику. Она заслужила широкую известность как ученый, врач, писательница. Особенно возросла ее популярность благодаря безвозмездной врачебной деятельности среди татарского населения Крыма. В 1871 г. Мария Бокова получила степень доктора в Цюрихе. Она практиковала в Петербурге как врач-окулист, занималась научными изысканиями вместе с Сеченовым, переводила труды Брема и Дарвина. В политическом отношении обе женщины остались верны радикальному духу «шестидесятниц»¹⁸.

Коснемся еще двух «первопроходческих» женских судеб 60-х гг. — Софьи Ковалевской, первой женщины — профессора математики, имя которой по праву вписано в историю этой науки, и революционерки Веры Фигнер, в конце 70-х гг. игравшей ведущую роль в первой политической партии России — революционной Народной Воле. Так же, как Сулова и Бокова, обе они были дочерьми своего времени с его явно выраженной тенденцией к радикализму, их биографии тоже яркий пример формирования эмансипированного сознания.

Софья Ковалевская родилась в 1850 г. в дворянской семье, придерживавшейся либеральных взглядов. Вместе со своей сестрой Анной (впоследствии ставшей революционеркой) она воспитывалась гувернантками. Детство и юность их прошли в деревне. Это было типичное детство, неоднократно описанное в мемуарах русских женщин. О событиях внешнего мира дети узнавали от гостей, посещавших семейство. От них они услышали о новых духовных веяниях 60-х гг., которые заинтересовали обеих девушек. Существенное влияние на Софью в то время оказал ее дядя, Петр, познакомивший девочку с политикой, математикой, прочими науками. Повлиял на девушек и их домашний учитель-поляк, вследствие чего Софья близко к сердцу приняла освободительную борьбу поляков и горячо осуждала тех своих соотечественников, которые несли ответственность за подавление восстания 1863 г.¹⁹

С идеями «шестидесятников», которых в «приличном обществе» было принято презрительно именовать «нигилистами», сестер познакомил один петербургский студент, сын священника, отказавшийся от карьеры по духовному ведомству, чтобы заняться изучением естественных наук. Он рассказывал о событиях в столице, знакомил девушек с новинками радикальной литературы, в том числе с журналом «Современник». Благодаря ему они узнали и о романе «Что делать?». Девушки были настолько увлечены проповедовавшимися в этой литературе идеями, что не остановились перед разрывом с родителями, вступив в тот самый конфликт поколений, который разыгрался тогда в масштабах всей страны. В воспоминаниях Софья Ковалевская так описала пору юности. Обитатели поместья жили тихо и мирно, спорили для времяпрепровождения о журнальных статьях или научных открытиях, будучи при этом твердо убеждены, что все затронутые в них вопросы имеют отношение к какому-то другому, далекому от них миру. И вдруг обнаруживаются признаки некоего необычайного общественного брожения, которое грозит нарушить весь строй их патриархального быта. Можно, наверное, сказать, что с начала 60-х до начала 70-х гг. русское интеллигентное общество было вовлечено в конфликт между старым и новым поколениями. В ту пору почти в любом дворянском семействе можно было услышать одно и то же: родители и дети не понимают друг друга. Причем споры возникали исключительно по поводу проблем чисто теоретического и абстрактного характера: они не сходились в убеждениях! Только об этом и шла речь; но этого «только» было вполне достаточно, чтобы дети покидали своих родителей, а родители отрекались от своих детей. Как эпидемией, юношество, особенно девушки, были охвачены тогда порывом бежать из родительского дома.²⁰

Зимой 1867/68 г., которую семья Ковалевских проводила в Петербурге, из Цюриха вернулась Надежда Сулова, уже в качестве дипломированного врача, и была восторженно всюду встречена. Воодушевленные ее примером, Анна и Софья и их кузина, Анна Евреинова (впоследствии первая женщина-юрист) предложили одному молодому профессору вступить с одной из них в фиктивный брак, с тем, чтобы затем они смогли все уехать за границу для получения образования. Но попытка эта не имела успеха. Вскоре при посредничестве Марии Боковой Софье удалось найти такого «супруга» в лице издателя Владимира Ковалевского. С ним она и ее подруги уехали в Гейдельберг, где основали женскую коммуну. Позднее Софья переехала в Берлин, где стала брать частные уроки у всемирно известного математика профессора Вейерштрасса. Узнав, что брак его любимой ученицы был ненастоящим и что профессиональная карьера необходима ей, чтобы зарабатывать себе на жизнь, Вейерштрасс стал хлопотать о ее докторской защите, которая и состоялась в Гёттингене в 1874 г.

Софье Ковалевской предстояла трудная жизнь профессионала. Она стала ученым с мировым именем и в 1889 г. получила ординарную профессию в Стокгольмском университете, но это отнюдь не сделало возможным для нее научную карьеру в России, к чему она стремилась. И хотя Софья Ковалевская вошла в шведский академический истеблишмент, она по-прежнему осталась «шестидесятницей», до конца своих дней сохранившей верность социалистическим идеалам, одной из представительниц «новой России»²¹.

Жизненный путь революционерки Веры Фигнер, родившейся в 1862 г., показывает, что при всех отличиях ее биографии (деспотический отец, нежная, но бесправная мать, далекое от жизни институтское воспитание), определяющим в формировании ее мировосприятия так же, как и у Софьи Ковалевской, стал социальный опыт юности. В жизни Веры Фигнер он выразился во влиянии на нее ее дяди, сторонника радикальной петербургской интеллигенции, а также одной польской супружеской четы, привившей девушке идеалы свободы. Она мечтает об университетском

образовании и служении народу и, подобно Суловой, также решает стать врачом. Этот план ей удается осуществить в 1870 г.

Во время учебы в Цюрихе Вера Фигнер знакомится с революционерами, что и определило ее будущее. Ее решение посвятить свою жизнь делу революции окрепло в связи с усилением политической реакции в России, и в частности преследования «хождения в народ» и просветительской деятельности молодежи. Она становится фанатичным борцом против царизма, возглавив со временем «Народную волю». Расплата — 22 года тяжелейшего одиночного заключения в печально знаменитой крепости Шлиссельбург²².

Какова же историческая оценка этой активности женщин в России, их общественного пробуждения? Это — включение женщин в профессиональную деятельность, в политику и возникновение организованного женского движения.

В области образования и науки движение русских женщин за свою эмансипацию не только воспроизводило аналогичные процессы в Западной Европе, но и в определенных моментах могло служить образцом для последних. Жаждавшие получить образование российские женщины обучались в Хельсинки, Париже, Филадельфии и главным образом в Швейцарии. В 1872/73 г. из 114 студенток швейцарских университетов сто были из России (общее же число обучавшихся составляло приблизительно 400 человек). Надо заметить, что доля женщин среди обучавшихся в швейцарских университетах была самой высокой в Европе²³. До первой мировой войны здесь успели получить образование примерно 5—6 тыс. российских женщин, причем две трети из них — естественнонаучное образование, тогда как студенты из России, равно как и студентки из других стран, предпочитали философские факультеты.

В самой России с 1872 г. женщины могли обучаться в Медико-хирургической академии, находившейся в ведении Военного министерства. Правда, до 1880 г. они имели право лишь на звание «ученой акушерки», несмотря на то, что во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. выполняли мужскую работу хирургов. Уже первое поколение выпускниц академии составило около 800 человек. После открытия в 1878 г. Высших женских курсов количество студенток в стране резко возросло. Несмотря на административные репрессии, к 1912 г. в царской России насчитывалось примерно 34 100 университетских студентов и 28 300 курсисток²⁴.

Профессиональная деятельность российских женщин пока не стала предметом систематического изучения. Можно, однако, утверждать, что самодержавие чинило профессионально образованной женщине всевозможные препятствия. К числу мер, сопровождавших эту политику «сдерживания», относились недостаточное финансирование женских курсов, недопущение женщин к государственной службе, ущемление их в ряде привилегий (табель о рангах), дискриминация в заработной плате и т. д. Тем не менее к концу века женщины составляли почти половину преподавательского состава в начальной и средней школе, значительным было их участие в искусстве, медицине, науке, литературе. К тому же эти данные не учитывают того, что многие женщины с высшим образованием были заняты на работах ниже своей квалификации или работали за рубежом²⁵.

Несмотря на все эти препоны, справедливой представляется оценка движения российских женщин, данная английским историком Линдой Эдмондсон: «... это женское движение, если судить по его воспитательному значению, могло бы с достаточным основанием претендовать на авангардную роль в Европе в целом»²⁶.

Как уже говорилось выше, Чернышевский в романе «Что делать?» обозначил ту альтернативу, которая стала актуальной в радикальных кругах общества: модель самореализации личности путем получения образования и занятия общественно-полезным автономно организованным трудом или путем революционной борьбы. Чернышевский, сделав героем своего романа революционера Рахметова, не мог и предположить, с каким энтузиазмом самопожертвования вступят на его путь женщины. А путь этот вовсе не предназначался для молодых девушек, на него толкала их чрезмерно жесткая политика государственного режима. Так, в 1866 г. были запрещены производственные артели. Если женщины хотели получить образование, они вынуждены были эмигрировать; наконец, жестоко преследовались такие формы народного просвещения, как воскресные школы или «хождение в народ», к рабочим и крестьянам. Общественное же мнение отождествляло женщин, избравших альтернативный общепринятому образ жизни, с проститутками.

Те из женщин, кто избирал областью своей деятельности политику, вплоть до революции 1905 г. были обречены на подполье. В революционной среде, хотя и было практически достигнуто равноправие полов, но женщины-революционерки вынуждены были отказываться от каких бы

то ни было действий в интересах своего пола в пользу общей политической борьбы за свободу²⁷.

Участие женщин в революционном движении было заметным. Так, в народническом кружке Чайковского их насчитывалось в начале 70-х гг. 25%. Из 28 членов исполнительного комитета «Народной воли» было 10 женщин²⁸. В партии социалистов-революционеров на начальном этапе ее существования (так же, как и в партии социал-демократов) участие женщин было существенным, причем в процентном отношении женщин, вышедших из высших слоев общества (и, как правило, более образованных), было больше, чем мужчин. Боевые террористические организации партии эсеров в своем составе насчитывали свыше 30% женщин. Среди членов нелегальной Российской социал-демократической рабочей партии к началу XX столетия было примерно 14—15% женщин — уровень, которого, например, немецкая социал-демократия достигла лишь в 1913 г. Итак, участие женщин в деятельности российских политических партий достигало масштабов, которым могли позавидовать тогда партии Западной Европы²⁹.

Первые попытки по созданию организованного женского движения выявили два обстоятельства, которые до революции 1917 г. препятствовали этому: во-первых, как в городе, так и в деревне женщины из низших слоев общества еще не выказывали сколько-нибудь значительной заинтересованности в организационном сплочении, во-вторых, возможности для развития женского движения в царской России оставались слишком узкими даже после революции 1905 г.

В 1859 г. возникает зародыш первой женской организации, хотя царизм всячески противодействовал зарождению общественных объединений, вынуждая их действовать нелегально. Даже политика реформ Александра II не сумела создать такого буржуазного центра, который смог бы внести равновесие в общество. В этих условиях трое женщин учреждают организацию, которая волей-неволей приобрела чисто благотворительную окраску. Хотя Мария Трубникова, Анна Философова и Надежда Стасова и не порывали связи со своими кругами, они встали на сторону радикальной интеллигенции, поддержав ее критику современного общества и выступив за женскую эмансипацию. И здесь очевидно влияние Чернышевского и его соратников, а с 70-х гг. — революционера Петра Лаврова. В течение десятилетий три основательницы организованного феминизма в России вынуждены были бороться за интересы женщин (улучшение их положения в сфере образования, профессиональной деятельности и социального обеспечения), исключительно используя свои общественные связи: большей свободы действий не допускало государство.

В состав их «Общества доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям С.-Петербурга» входили школа, ночлежки, столовые, группы продленного дня для детей, швейная мастерская. Стоит упомянуть и об учреждении женского издательского товарищества, которое конкурировало с другим уже существовавшим женским кооперативом такого рода. Кроме того, Трубникова, Стасова и Философова и их сторонницы добиваются введения в России высшего образования для женщин. Некоторые сдвиги в этом отношении наметились в 1869 г., а в 1878 г. были учреждены Высшие женские курсы (правда, диплом об их окончании не приравнивался к университетскому аттестату)³⁰.

В конце XIX в. в России появились последовательницы американского движения женских клубов. В 1895 г. было организовано «Русское женское взаимно-благотворительное общество». Численность его не превышала 2 тыс. членов³¹. Оно было призвано также служить делу агитации за равноправие женщин. Но Министерство внутренних дел вынудило Общество ограничиться чистой благотворительностью.

И только в ходе революции 1905 г., когда правительство признало основные политические свободы, путь к созданию организованного массового феминистского движения стал свободен. В декабре 1905 г. земский врач доктор медицины Мария Покровская решилась на смелый шаг, основав «Женскую прогрессивную партию»; однако ее явно антимужская позиция, совершенно не вязавшаяся с традициями движения за эмансипацию женщин в России, помешала этой организации найти широкую поддержку.

Вместе с тем «Женская прогрессивная партия», как и основанный в феврале 1905 г. «Союз равноправности женщин» (часто именуемый в литературе «Союзом равноправия женщин»), разделяла точку зрения международного феминистского движения, в соответствии с которой эффективнее всего интересы женщин можно обеспечить, добившись для них избирательного права. «Союз равноправности женщин» был частью широкого демократического движения и открыт также и

для мужчин. Во главе его стояли ведущие представительницы женского движения, те из них, которые были близки радикально-демократическим общественным силам и отошли от «Русского женского взаимно-благотворительного общества» в поисках новых путей политического самовыражения³².

Опираясь на группы на местах, «Союз равноправности женщин» положил начало первым массовым женским собраниям в России, а также организовал сбор петиций в защиту избирательного права для женщин. Благодаря активной деятельности Союза организованное движение русских женщин впервые получило исторический шанс стать значительной политической силой. Уже к концу 1905 г. Союз насчитывал 80 отделений в 69 городах; год спустя в нем было около 8 тыс. членов, происходивших главным образом из интеллигенции — среды, традиционно питавшей женское движение в России. Но руководство Союза не ограничивалось этой социальной базой. Прежде всего оно предприняло попытки приобрести влияние на Крестьянский союз. Оно старалось создать низовые группы из крестьянок, а также привлекало в свои ряды промышленных работниц и женскую прислугу в городах. Сверх того, через Партию конституционных демократов «Союз равноправности женщин» искал поддержки у тех центристских политических сил, которые, помимо социал-демократов, эсеров и трудовиков, могли бы оказать ему поддержку в парламентской борьбе за политическое равенство женщин. В 1906 г. Союз добился того, что думская комиссия по гражданскому равноправию поручила ему разработать соответствующий законопроект, который бы предусматривал полное уравнивание полов в правовом отношении, а также в отношении государственной службы и образования. Этот самый прогрессивный в мире закон о равноправии женщин был бы предложен Думе, если бы к тому времени царь не успел распустить ее.

Определенный урон организованному женскому движению нанесла не только эта неудача, но и то обстоятельство, что его сторонницы, принимая активное участие в политической освободительной борьбе в России, поддерживали различные политические партии, что вело к противоречиям внутри феминистских организаций. Но, главное, вновь усилился полицейский террор³³. Собраниям женщин чинились всяческие препятствия, вплоть до того, что преследованиям подвергались даже мужья входивших в организацию женщин. В такой обстановке угасало всякое желание продолжать работу, и большинство членов отошли от Союза. На неудачу была обречена и попытка Союза создать для женского движения более прочную опору в низших слоях общества.

Более подходящей в этих условиях оказалась осторожная тактика «Русского женского взаимно-благотворительного общества». Эта организация наряду с благотворительными целями концентрировала свои усилия на улучшении положения женщины в области образования и профессиональной деятельности; кроме того, с 1905 г. она выступила поборницей избирательного права для женщин, хотя и делала ставку на подачу петиций, избегая провоцировать власти. Таким путем ей удалось в 1908 г. остановить дальнейший спад женского движения. Общество организовало, пусть и под надзором полиции, Первый всероссийский женский конгресс, который был поддержан «Союзом равноправности женщин». Это событие было воспринято многими участниками феминистского движения как его моральное возрождение в эпоху политических неудач³⁴.

В стремлении организовать общенациональное движение по американскому образцу феминистки из «Союза равноправности» решили после конгресса поддержать существовавшую уже с марта 1907 г., но до той поры малозаметную «Лигу равноправия женщин», основанную рядом представительниц состоятельной части общества. Феминистки считали, что Лигу удастся без особого труда превратить в компромиссную (sic!) организацию, поскольку она уже обладала юридическим статусом, а в своей программе соединяла главные требования социально-реформаторского женского движения с борьбой за предоставление женщинам избирательного права. Однако вскоре женское движение было отодвинуто на столь далекую периферию политической жизни, что к 1917 г. Лига насчитывала в своем составе не более 2 тыс. членов³⁵.

И до 1917 г. было очевидно, что успех организованного женского движения напрямую зависел от развития демократии в самом Российском государстве. После Февральской революции Временное правительство обнародовало свою программу, в которой признавалось гражданское равенство в отношении избирательного права, но отнюдь не равенство полов. В этой связи Лига призвала к акциям протеста. Они показали, что политические репрессии не подорвали самосознания у немалого количества женщин. Более того, служба многих из них в лазаретах и госпиталях во время

войны, а также деятельность в экономической сфере обострили их чувство гражданственности и личного достоинства. Всякому прогрессивно мыслящему человеку было непонятно, почему женщины должны быть лишены основных гражданских прав. 20 марта 1917 г. перед зданием Государственной думы состоялась 40-тысячная демонстрация женщин, возглавленная Верой Фигнер — живым символом их освободительной борьбы. Требованиям демонстранток было предоставление женщинам избирательного права. В мае 1917 г. «Лига равноправия женщин» была реорганизована в «Республиканский союз женских организаций», который принял радикально-демократическую программу; 20 июля 1917 г. настал день, когда в России впервые в мире женщинам без каких бы то ни было ограничений было предоставлено избирательное право. В последующем были приняты и другие законодательные акты, провозглашавшие равноправие женщин в области образования и труда ³⁶.

* * *

История, думается, показала правоту тех российских женщин, которые, отстаивая интересы своего пола, видели в том проявление собственной социальной зрелости. Выступив после Октябрьского переворота с претензией на олицетворение общественного прогресса, большевики провозгласили свободу только для своего собственного движения, снова отказав другим общественным группам в их с трудом завоеванном самоопределении. В русле такой политики женское движение было признано реакционным и подавлялось. Конечно, поначалу большевики заимствовали у российского феминизма самые радикальные представления о браке и семейном законодательстве, способствуя также полной интеграции женщин в процесс производства. Однако это контролируемое сверху равноправие не имело ничего общего со свободным развитием личности женщины и ее высвобождением из-под гнета патриархальных взаимоотношений между полами, как то вскоре продемонстрировала практика сталинизма.

Ныне, когда Россия идет по пути демократических реформ, независимое женское движение снова пробуждается к жизни. Вместе с тем становятся достоянием гласности все те вопиющие нарушения в области взаимоотношений между полами, которые десятилетиями замалчивались во имя социализма.

Примечания

¹ Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860—1930*. Princeton; N. Y., 1978. О состоянии изученности проблемы см.: Alpern Engel B. *Women in Russia and the Soviet Union*//Signs, 1987. Vol. 13. № 4. P. 781—796; Fieseler B. «Ein Huhn ist kein Vogel, ein Weib ist kein Mensch»: Russische Frauen (1860—1930) im Spiegel historischer Forschung//Frauengeschichte: Gesucht — Gefunden? Auskünfte zum Stand der historischen Frauenforschung/Hrsg. B. Fieseler, B. Schulze. Köln; Wien, 1991. S. 214—235.

² См., напр.: Тишкин Г. А. Женский вопрос в России, 50—60-е годы XIX в. Л., 1984; Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988.

³ Vobroff A. L. *Working Women, Bonding Patterns and the Politics of Daily Life: Russia at the End of the Old Regime*. Michigan, 1982. Vol. 1—2; Glickman R. L. *Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880—1914*. Berkeley; Los Angeles; L., 1984.

⁴ См. статьи Б. Энгель, Р. Л. Гликман и Р. Е. Джонсона в кн. «The World of the Russian Peasant: Post-Emancipation, Culture and Society» (Ed. B. Eklof, S. Frank. Boston, 1990), Воробец Ch. D. *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period*. Princeton; N. Y., 1991.

⁵ Законы о женщинах/Сост. Я. А. Канторович. СПб., 1899; Савельев А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Нижний Новгород, 1981, особенно с. 54 и след.

⁶ Савельев А. Указ. соч.; Freeze G. L. *Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760—1860*//Journal of Modern History. 1990. Vol. 62. P. 709—746.

⁷ Водовозова Е. Н. На заре жизни. М., 1987. Т. 1. С. 67 и след.; Тонгов J. *The Russian Noble Family: Structure and Change*. N. Y.; L., 1987. P. 383—384; Alpern Engel B. *Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia*. Cambridge, 1983. Ch. I, II.

⁸ Freeze G. L. Op. cit. P. 745—755; Wagner W. G. *In Search of Orderly Change: Juridical Power and the Conflict over Civil Law in Late Imperial Russia*. Oxford (в печати). См. также: Тишкин Г. А. Указ. соч. С. 16—58.

⁹ Woehrlin W. F. *Chernyshevskii: The man and the Journalist*. Cambridge (Mass.), 1971. P. 121 ff., 228 ff.; Lampert E. *Sons Against Fathers: Studies in Russian Radicalism and Revolution*.

Oxford, 1965. P. 85 ff.; Vucinich A. Darwin in Russian Thought. Berkeley; Los Angeles; L., 1988. P. 8 ff.

¹⁰ Diestelmeier F. Soziale Angst: Konservative Reaktionen auf liberale Reformpolitik in Russland unter Alexander II (1855—1866). Frankfurt/M.; Bern; N. Y., 1985. S. 42 ff.; Зенина М. Р., Кожман Л. Б., Шульгин В. С. История русской культуры. М., 1990. С. 207 и след.; Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 50 и след. Brower D. R. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca; L., 1975.

¹¹ Тишкин А. Г. Указ. соч. С. 59 и сл.; Maegd-Soep C. de. The Emancipation of Women in Russian Literature and Society: A Contribution to the Knowledge of the Russian Society during the 1860's. Ghent, 1978. P. 27 ff.

¹² Ledkovsky M. Avdotya Panaeva: Her Salon and Her Life//Russian literature Triquarterly. 1974. Vol. 9. P. 423—432.

¹³ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях//Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч./Под ред. П. И. Лебедева-Полянского. М., 1939. Т. 11. С. 5—336. См. также: С. 702—738; Venturi F. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia. Chicago; L., 1983. P. 178—179 (пер. с ит.). См. также: Kowalewski S. Jugenderinnerungen. Frankfurt/M., 1983 (пер. с рус.): S. 111 ff.; Щепкина Е. Н. Из истории женской личности в России: Лекции и статьи. СПб., 1914. С. 299—300; Goldberg R. The Russian Women's Movement, 1859—1917. Rochester, 1976. P. 21 ff., 63; Düwel W. Nachwort//Tschernyschewski N. G. Was tun? Aus Erzählungen von neuem Menschen. Berlin; Weimar, 1988. S. 574; Pereira N. G. O. The Thought and Teaching of N. G. Chernyshevskii. The Hague; Paris, 1975. P. 83—84.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Что делать?... С. 252.

¹⁵ Богданович Т. А. Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929. С. 59 и сл.

¹⁶ Тишкин Г. А. Указ. соч. С. 137—138.

¹⁷ См. там же. С. 154.

¹⁸ Bankowski-Züllig M. Nadezhda Prokof'evna Suslova (1843—1918)//Ebenso neu als kühn: 120 Jahre Frauenstudium an der Universität Zürich, 1988. S. 119—126; Смирнов А. А. Первая русская женщина-врач. М., 1960.

¹⁹ Hibner Koblitz A. A Convergence of Lives: Sofia Kovalevskaia: Scientist, Writer, Revolutionary. Boston; Basel; Stuttgart, 1983.

²⁰ Kowalewski S. Op. cit. S. 105—106.

²¹ Ковалевский М. М. Речь на могиле//Ковалевская С. В. Воспоминания и письма/под ред. М. В. Нечкиной. М., 1961. С. 405.

²² Фигнер В. Воспоминания. В 2 т. М., 1964.

²³ Neumann D. Studentinnen aus dem Russischen Reich in der Schweiz (1867—1914). Zürich, 1987. S. 22, 47; Rohner H. Die ersten 30 Jahre des medizinischen Frauenstudium an der Universität Zürich, 1867—1897. Zürich, 1972.

²⁴ Dudgeon R. Women and Higher Education in Russia, 1855—1905. Washington, 1975; idem. The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872—1917//Russian History/Histoire Russe. 1982. Vol. 2. P. 1—16; Johanson Ch. Woman's Struggle for Higher Education in Russia, 1855—1900. Kingston; Montreal, 1987. P. 77 ff.

²⁵ Dudgeon R. Women... P. 21 ff.; Johanson Ch. Op. cit. P. 95 ff.; Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч. С. 147 и сл.; Эрман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 9, 11.

²⁶ Edmondson L. Feminism in Russia, 1890—1917. L., 1984. P. 18.

²⁷ Stites R. Op. cit. P. 113—114; Broide V. Apostles into Terrorists: Women and the Revolutionary Movement in the Russia of Alexander II. N. Y., 1977. Особенно P. 57 ff.; Maxwell M. Narodniki Women: Russian Women who Sacrifices Themselves for the Dream of Freedom. N. Y., 1990; Alpern Engel V. Mothers... P. 105 ff.

²⁸ McNeal R. H. Women in the Russian Radical Movement//Journal of Social History. 1971/1972. Vol. 5. № 1. P. 143—163; Stites R. Op. cit. P. 148—149.

²⁹ Knite A. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party//Russian Review. 1979. Vol. 38. № 2. P. 139—159; Fieseler B. Russische Sozialdemokratinnen 1890—1917//Internationale Wissenschafts-Korrespondenz. 1985. Vol. 21. № 3. P. 308—325. Ср.: Frauenemanzipation und Sozialdemokratie/Hrsg. H. Niggemann. Frankfurt/M., 1981. S. 299.

³⁰ Goldberg R. Op. cit. P. 21 ff.; Сборник памяти Анны Павловны Фалосовой. В 2 т. Пг., 1915. Т. 1. С. 111 и сл., 166 и сл. Отзывы современников см.: Высшие женские (Бестужевские) курсы, 1878—1918 гг./Под ред. С. Н. Валка и др. Л., 1973. С. 59 и сл.

³¹ Goldberg R. Op. cit. P. 86 ff.; Stites R. Op. cit. P. 195 ff.

³² Edmondson L. Op. cit. P. 29 ff.

³³ Ibid. P. 71—72. Ср.: Stites R. Op. cit. P. 211—212.

³⁴ Edmondson L. Op. cit. P. 83 ff., 104; idem. Russian Feminists and the first All-Russian Congress of Women//Russian History. 1976. Vol. 3. № 2. P. 123—149. См. также: Goldberg R. Op. cit. P. 172 ff.

³⁵ Goldberg R. Op. cit. P. 271 ff.; Stites R. Op. cit. P. 210 ff.; Edmondson L. Feminism... P. 132 ff.

³⁶ Stites R. Op. cit. P. 294—295.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ.
К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. Санкт-Петербург: Наука, 1991. 302 с. Тир. 1250**

Какой бы подход к оценке этой книги¹ ни избрать, прежде всего, как представляется, нельзя не отдать должное ее авторам — ученикам Б. А. Романова, которые в течение более чем трех десятилетий после ухода из жизни своего учителя последовательно публиковали статьи, книги, связанные с его научным наследием, с личностью ученого², одного из основоположников советской историко-экономической школы. Акад. А. А. Фурсенко в Предисловии особо подчеркивает, что представители этой школы исследовали в свое время экономические проблемы в совокупности и неразрывной связи с социальными и политическими; это тот аспект изучения экономической истории, который стал так важен в современных условиях (с. 5).

Издание представляет собой сборник из 24 статей. Как известно, перед редколлегией, готовящей к выпуску такого рода труд, всегда возникает вопрос о структуре книги. Ответ, о чем свидетельствует опыт, находят по-разному либо не находят вовсе. Перед нами, к сожалению, второй случай. Справедлив ли подобный упрек? Стоит сначала заметить, что само название книги — «Проблемы социально-экономической истории России» (на обложке; вторая часть названия — лишь на титульном листе) — более чем общее, способное охватить широчайший выбор сюжетов. Такое название нельзя, конечно, оправдать тем обстоятельством, что более двадцати лет назад был издан сборник статей «Исследования по социально-политической истории России», посвященный 80-летию со дня рождения Б. А. Романова. Проблема структуры «решена» привычным способом. А именно: в аннотации названы хронологически «крайние» темы — от «второй половины XVI в.» до «1917—1918 гг.», а затем читателя предуведомляют, что «в столь

широком временном и тематическом разнообразии авторы... рассматривают» и т. д. (с. 3). Ясно, после этого можно с легким сердцем поместить подряд, одна за другой две дюжины статей, что и было сделано.

Структура бесчисленных научных сборников по преимуществу уязвима; применительно к рецензируемому это досадно вдвойне. Во-первых, в шести начальных статьях авторы в той или иной степени — и большая их в том заслуга — сумели не только по-своему охарактеризовать исследовательскую деятельность Б. А. Романова, но передать читателю богатые впечатления, которые оставались у тех, кто общался с этим человеком. После указанных статей следуют остальные восемнадцать и в целом они, во-вторых, не просто достаточно содержательны; можно не сомневаться, что книга привлечет внимание не одних лишь специалистов, но и учащихся. Более того. Забегая вперед, смело пожелаем преподавателям вузов рекомендовать ее студентам. Хотя бы по той причине, что последние почерпнут из нее чрезвычайно полезное нравственно, увидят некоторые примеры, как следует разрабатывать конкретно-исторические сюжеты, обосновывать серьезные выводы, как соединяются и то, и другое.

Статья А. А. Фурсенко «Борис Александрович Романов» выходит, бесспорно, за рамки представлений об обычном биографическом очерке. Используя имеющиеся публикации о своем учителе и материалы его личного архива, автор более чем рельефно воссоздал портрет ученого, человека, наставника, который считал: «...это ли не высший вид радости... обсматривать свою смену?!» [с. 16]. Но одновременно очерк — это и картина эпохи. Не останавливаясь здесь на этом, замечу, что заключительный абзац статьи логично посвящен ответу на вопрос, в чем заключалась

особенность школы Романова. Из развернутого ответа следует, в частности, что ученый «обладал талантом нетривиального прочтения документа и его интерпретации», а комментарий превращался «в глубокое исследование». Наконец, в этой школе господствовала «атмосфера взаимной привязанности и интеллектуальной увлеченности»; сам же учитель был «образцом высочайшей нравственности и примером для подражания» (с. 17).

Последний абзац служит и «предисловием» к следующим пяти статьям; в них авторы, показывая, какое воплощение нашли те или иные научные интересы ученого, вместе с тем дополняют портрет ученого и человека все новыми штрихами и делают это живо, проникновенно. Слитность собственности «романовских» статей — удача редколлегии и авторов.

Без преувеличения можно было бы сказать, что статьи В. М. Панеяха («Б. А. Романов об издании Судебников XV—XVI вв.»), Б. В. Ананьича («Мемуары С. Ю. Витте в творческой судьбе Б. А. Романова»), Р. Ш. Ганелина («Б. А. Романов — историк революционного движения в России») — яркие работы, если бы это определение не было столь затертым. Тут уместно констатировать без риска ошибиться, что в совокупности — статья А. А. Фурсенко и вслед за ней три названные статьи произведут на читателя — историка-профессионала (и не только) сильное, во всяком случае, необычное впечатление. Почему же?

А. А. Фурсенко, так сказать, стилистически в общем сдержан. Это вовсе не означает какой-то «сухости». Буквально с первой же страницы читатель узнает, что, как вспоминал Б. А. Романов, «моя бабка по отцу... была крепостная» и подвергалась наказаниям «тогда, когда она подавала пухлые пончики, и тогда, когда она подавала после того непухлые...» (с. 5). Но подобная бытовая подробность сменяется таким обилием фактов и событий применительно к судьбе талантливого ученого, что автор, по-видимому, стремился как бы остаться в иных случаях в стороне, соблюсти чувство меры относительно содержательной насыщенности изложения. Арест, тюрьма, лагерь... На воле — угроза ссылки «на 101-й километр в 10-дневный срок» (с. 9). За годы научной работы давало о себе знать давление идеологического прессы.

В статье за частными наблюдениями научного характера следуют общие оценки; например: «Это был человек необыкновенного дарования, неудержимой фантазии, способности обобщать, мыслить теоретическими категориями в лучшем смысле слова» (с. 11). Чита-

тель углубит представление об ученом, прочитав следующие три статьи, коим свойственна несколько иная манера. Их авторы, не выпуская из рук логическую нить изложения, связанного с конкретной научной проблемой, но именно исходя из нее, каждый раз, с одной стороны, выявляют особенности творческого «почерка» ученого, а с другой — мотивируют свои заключения, касаются ли они собственно развития науки либо той атмосферы, в которой это развитие совершалось.

В. М. Панеях останавливается на истории комментированного издания Судебников 1497 г., 1550 г. и 1589 г. Б. А. Романову было поручено комментирование Судебника Ивана IV. Автор статьи показывает верность Б. А. Романова «своим взглядам»: он полагал, что «преимущественная задача советской историографии состоит в том, чтобы не жалеть усилий на создание максимально развитого и удобного обслуживающего памятник аппарата в виде всяческих указателей», которые являются, «в сущности, душой издания» (с. 27). Одновременно возник вопрос о целесообразности дополнить и переиздать его «Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1896—1907». Сложность положения, в которое попал ученый, определялась не только этим обстоятельством. «Идеологическое наступление сталинского режима, начавшееся после войны и сделавшее своим объектом первоначально творческую интеллигенцию (писателей, композиторов, кинематографистов, театральных критиков)... получило новое направление — наука вообще, сфера общественных наук в частности» (с. 19—20). Не в укор В. М. Панеяху коснусь пресловутого определения; понятно, что, к примеру, преподаватели в «дальнем зарубежье» переводят наше родное «интеллигенция» как «интеллектуалы» и проч. Но продолжаем невольно из «творческой...» исключать, в частности, ученых. В течение десятилетий ввинчивалось в сознание множество стереотипов. Приходится быть внимательным, освобождаясь даже от следов сталинских винтиков...

Стойко сопротивляясь превратностям судьбы, Б. А. Романов закончил большую работу. Принципы комментирования правовых документов, осуществленные им, отмечается в статье, стремились в дальнейшем реализовать его коллеги и ученики.

Б. В. Ананьич скрупулезно прослеживает роль мемуаров Витте в творчестве ученого, с массой подробностей, из которых ни одна не лишняя. И находит — как по содержанию, так

и по форме — адекватный вывод, глубоко связанный с изложением: «Именно Б. А. Романов первым по достоинству оценил мемуары Витте как источник, именно он подверг критике центральную тему мемуаров, придав источнику тем самым еще большую ценность. Именно в работах Б. А. Романова дан наиболее яркий и исторически точный портрет Витте...» (с. 39). Вместе с тем автор рассказывает об ученом, который «был страстным исследователем, обычно работавшим запойно». А его труд «Россия в Маньчжурии» во многих отношениях значительно опережал свое время и потому не был достаточно оценен современниками (с. 35).

В своей статье Р. Ш. Ганелин ставит попутно проблему: в 1920-х гг. историческая журналистика сыграла исключительную роль для сохранения основ исторической науки в труднейший для нее период. И хотя Б. А. Романов говорил о себе: «Я не журналист», его статьи «по глубине анализа источников и яркости изложения ничуть не уступают книгам» (с. 41). Попытка показать в статье место и значение историко-революционных сюжетов в наследии ученого удалась. Но привлекает внимание и то, как именно Р. Ш. Ганелин решает эту задачу. Автор оперирует такими понятиями, как «тонкие историко-психологические наблюдения над логикой рабочего движения, закономерностями его политической организации» и т. п. (с. 49). И предметно, конкретно раскрывает их на примерах работ Б. А. Романова. Это касается и таких сюжетов, как показания Колчака, которые ученый анализировал «с полной объективностью и величайшим тактом»; средствами источниковедческого анализа исследователь создал «целомудренно реалистический и объективный исторический портрет Колчака, не поддавшись господствовавшему тогда чувству классовой ненависти» (с. 50—51).

С. Г. Беляев характеризует вклад, который внес в архивное дело Б. А. Романов; воспоминаниями о встречах с ним делится К. Н. Сербина.

Если иметь в виду все содержание названных статей, то, безусловно, оно не может не вызвать ощущения, которое дорогого стоит, — ощущение искренности. В общем, эти материалы, как и последующие статьи в целом дают веский повод сказать следующее. Растиражированное некоторым средствами массовой информации в последние годы клише о несостоятельности отечественных историков вызывало недоумение даже у маститых советологов, равно как и у

иных специалистов, причисленных к более широкому разряду немарксистской историографии. Впрочем, зарубежные коллеги зачастую оценивали указанное явление как родовой признак российского менталитета — неизменное проявление крайних взглядов, как всплеск манихейского сознания. Нет нужды распространяться, что правда — в ином. Так, читаем в сборнике: отечественной науке Б. А. Романов «служил верой и правдой» (с. 17). Служение идеологической конъюнктуре не было ни в прошлом, не стало и в последующем, вплоть до наших дней, всеохватывающим, без изъятий явлением; но, к сожалению, было мало историков, принцип которых, пользуясь его же словами, — «быть правдивым и точным в передаче своего материала» (с. 46).

Проблемы и пути изучения русского города феодальной эпохи обсуждаются в статье покойного Н. Е. Носова. Автор подчеркнул, что социальная структура города никогда не укладывается в рамки только «одной формационной структуры. Она всегда более многослойна и противоречива» (с. 67). Опыт реконструкции социальной структуры городского населения в 1737 г. (на основе зафиксированных православной церковью первых массовых сведений о социальном составе горожан) делится Б. Н. Миронов. В статье А. Л. Шапиро дан развернутый подход к характеристике сохи как окладной единицы в XIV — первой половине XVI в. Автор приходит к выводу, что при использовании писцовых книг и сотниц XV — первой половины XVI в. следует каждый раз выяснять, что лежало в основе сошного оклада, и только после этого и лишь там, где это возможно, определять размеры крестьянского землепользования и размеры владения окультуренной землей феодалов.

В. М. Панях в продолжение прежних наблюдений над ходом закабалений в Новгороде и пятинах в конце XVI — первой половине XVII в. продолжил их применительно ко второй половине XVII в. Соответствующие результаты сведены в восемь таблиц. Исследователь считает, что неуклонное снижение числа закабалений на протяжении XVII в. — симптом и следствие идущего, хотя и медленно, процесса постепенной утраты кабальным холопством того значения в социальной структуре русского общества, которое оно имело во второй половине XVI и в первых десятилетиях XVII в.

Можно было бы в 1988 г., замечает Ю. Г. Алексеев, отметить 500-летие Белозерской Уставной грамоты. Между тем она практически не была использована в трудах специалистов по социально-политической истории России

периода образования централизованного государства. Автор сравнивает структуры ее и единственной (известной нам) предшественницы — Двинской Уставной грамоты 1397 г. Последняя регламентировала только судебные штрафы и торговые пошлины, однако деятельностью наместников как таковых, в сущности, не интересовалась. В отличие от нее Белозерская грамота стремилась проникнуть во все детали деятельности наместника и его аппарата, всюду регламентируя и контролируя эту деятельность. Расширение власти наместника и в то же время регламентация этой власти и контроль над ней — важнейшая черта Белозерской грамоты в качестве первого законодательного памятника Русского централизованного государства.

Как вспоминал покойный А. И. Копанев, с его комментариями к Судебнику 1589 г. ознакомился в 50-х гг. Б. А. Романов и посоветовал рассмотреть этот обширный по правовому содержанию памятник. В статье А. И. Копанева на основе названного источника исследуется правотворчество и правосознание северного крестьянства в XVI—XVII вв. Способность крестьянских миров приспособлять нормы общего законодательства к специфическим условиям мирского самоуправления и самостоятельно формулировать в виде закона нормы обычного права отразила высокий уровень правосознания черносошного крестьянина.

На добротную источниковую базу опирается исследование Б. В. Ананьича и С. К. Лебедева, посвященное теме «Контора придворных банков в России и европейские денежные рынки (1798—1811 гг.)». Контора способствовала финансовому обеспечению военных операций России на суше и на море в эпоху наполеоновских войн, а также развитию деловых связей со многими банкирскими домами в Европе. В. В. Лапин в статье «Военные расходы России в XIX в.» резонно указывает на то, что их структура и воздействие на развитие народного хозяйства, анализ военного бюджета — одна из важнейших тем в исследовании проблемы вооруженных сил как факта экономического состояния страны. Привлекая разнообразие источников, в том числе архивные, автор мотивирует вывод: в течение всего минувшего столетия империя платила непосильный оброк за право быть великой державой. Л. А. Булгакова, выявляя социальный статус инженера в дореформенной России, заключает, что в совокупности представители этой профессии занимали довольно высокое место в общественной иерархии. С подъемом промышленности,

прогресса науки и техники возрастала роль инженера, впереди у которого был причудливый путь к зениту славы и уважения, а затем — в советское время — к девальвации ценности профессии.

М. М. Шумилов в исследовании «Губернатор и экономическая жизнь губерний России на рубеже 50—60-х гг. XIX в.» характеризует правовые и реальные возможности губернаторов воздействовать на хозяйственное развитие в пределах их «владений». В. Г. Чернуха, говоря о сельскохозяйственных обществах России в 60—70-е гг. XIX в., прослеживает их создание с 1839-го по 1859 г. и в 1861—1881 гг. (табл. 1, 2 — с. 190—192). Они были ориентированы на постоянную деятельность, требовали непрерывного приложения сил и средств; «должно быть, вследствие этих сложностей возникает и другая, более мобильная форма единения помещиков на хозяйственно-экономической основе — сельскохозяйственные съезды» (с. 195).

Касаясь истории сельскохозяйственной политики царизма в конце XIX — начале XX в., В. С. Дякин полагает, что в указанных хронологических рамках исследователи рассматривали экономическую политику по преимуществу как торгово-промышленную. В его статье вопрос о выборе пути экономического развития — это прежде всего проблема отношения к сельскому хозяйству. Автор останавливается, в частности, на том, что параллельно с полемикой Витте и помещного дворянства о неизбежности и правомерности капиталистической эволюции экономики России развертывался спор Министерства финансов и созданного в 1894 г. Министерства земледелия и государственных имуществ о формах и масштабах государственного воздействия на сельское хозяйство. Но ни планы последнего, ни позиция Министерства финансов «не создали предпосылок развития сельского хозяйства в обстановке, когда кризис его сказывался на углублении социальных противоречий в деревне, подготовлявших массовые выступления крестьян в ходе революции 1905—1907 гг.» (с. 208).

Первые выборы в городские Думы по избирательному закону 1892 г. освещает В. А. Нардова; исследование проведено с использованием архивных данных, что позволило впервые подробно представить результаты этих выборов в 1893—1894 гг. Л. Е. Шепелев говорит о том, что проблема отношений промышленной буржуазии и Государственной думы не стала предметом специального внимания историков. Значение же этой

темы определяется тем, что промышленники составляли лидирующую часть буржуазии и выступали в качестве важной социальной силы. Автор углубляется в перипетии выработки экономической политики и констатирует, что тщательное наблюдение за деятельностью думы со стороны промышленной буржуазии определялось двумя задачами. Более общей — оказание воздействия на общественное мнение и разъяснение значения развития промышленности в России; конкретной, деловой — давление на Думу в целях реализации установок Совета съездов (руководящего органа всероссийской предпринимательской организации — съездов представителей промышленности и торговли).

Есть от чего прийти в замешательство, прочитав название статьи В. В. Носкова, — «Образ России в идеологии американской империи». Впечатление историко-географического открытия — факт существования американской империи — моментально затмевает в сознании читателя «идеологию», не говоря уже о некоторой причудливости этого заглавия. Оказывается, как следует из четвертого — пятого абзацев статьи, имеется в виду «образ России» в общественном сознании Америки к началу XX в., сформировавшийся, в первую очередь, в результате «пропагандистской деятельности людей, создавших идеологию американской империи» (с. 289). Автор представил весьма содержательный, хорошо написанный обзор прежде всего американской историографии, начиная с кануна нашего века. Статья заканчивается высказыванием одного из ведущих специалистов по Дальнему Востоку — П. Рейнша, который в 1900 г. утверждал: «...есть место для всех в великой работе цивилизации и развития мира»; в цивилизации России тоже «есть элементы, которые могут сослужить добрую службу» всему человечеству (с. 299).

Три статьи в сборнике можно было бы объединить под рубрикой — «история в лицах». «Николай II, С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкин и проект Петербургской круговой железной дороги» — так назвал Р. Ш. Ганелин подробное исследование событий в итоге изучения разнообразных источников. Упомянутый проект был направлен и на решение — ни много ни мало — «насущного вопроса столицы, представляющего собой в настоящее время одно из величайших народных бедствий» (с. 211), как говорилось о наводнениях. Прочитав же статью, испытываешь соблазн провести параллель с тем, насколько оказался взвешенным, тща-

тельным подход к решению той же проблемы в наше время. Фабула статьи служит автору и для выявления деталей взаимоотношений царя и высших должностных лиц государства.

О князе В. П. Мещерском и его роли во внутренней политике в годы, предшествовавшие первой мировой войне, пишет Ю. Б. Соловьев. Он возвращается к известному и неосуществленному плану сокрушительного удара по Государственной думе осенью 1913 г. Автор ссылается на «вполне резонные версии» своих предшественников в пользу решения такой «загадки» и добавляет «действие еще одного фактора, тоже, возможно, повлиявшего на ход событий — настояний Мещерского, так как все случившееся хорошо вписывается в его аргументацию и находится в соответствии с вытекающими из нее рекомендациями» (с. 256—257). Прежде всего «невозможно» отрицать такую постановку вопроса. К тому же имея в виду соответствующие литературу и источники.

Статья — из лучших в сборнике; причем автор владеет историческим живописанием. В этой связи остановлюсь на ней несколько подробнее. Условно говоря, в повествовании «присутствуют» двое: Мещерский и автор. (Разумеется, фигурирует и царь. В самом начале изложения раскрыты отношения между самодержцем и князем; последовательно анализируются взгляды последнего. И автор уверенно заключает: «Николай жил в мире Мещерского с его гротеском... искажением реальных пропорций и соотношений... В этом царстве кривых зеркал Николай оставался до конца», — последняя фраза статьи. — С. 263.) Даже строгий литературный критик признает, что свободно, на глазах читателя воссоздается портрет придворного советника. Специалист-историк, для которого сей портрет не в новинку, засвидетельствует, что его коллега логично, убедительно «сверяет» настояния Мещерского и действия царя. Так чего же еще надо?

Абсолютно не посягая на творческую свободу Ю. Б. Соловьева, добавлю, казалось бы, мельчайший штрих. И политический, и — в немалой степени — человеческий облик князя в статье выявлен. Здесь не место пространно рассуждать, что для историка ценность свидетельств современников, когда он «погружается» в жанр исторического портрета, несопоставима ни с одной отраслью знания, ни с любым видом искусств, ни с художественной литературой. (Кстати: А. Я. Аврех в изданной посмертно работе «остается верным принципу»: у него «приоритет всегда отдавался современникам» героя повествования — «это самый верный и

короткий путь к установлению истины». Но наряду с этим ученый избегал сознательно оценок, когда действующие лица «ненавидели друг друга»³.

Автор приводит многие откровения Мещерского, и среди характернейших, адресованных царю, такое: «не верь... лыстящим тебе». Нужны были бы здесь еще несколько цитат — для убедительности... Но прибегну теперь к свидетельству В. И. Гурко: Мещерский отличался «раболепной подлостью»⁴. Разве не осветит это определение перед читателем мгновенно, словно прожектором, глубинную сущность царедворца?

Как читатель я мог бы, так сказать, гораздо менее деликатно подступить к некоторым другим статьям. Вместо этого рискну задать такой вопрос, учитывая тираж — 1250 экз. — сборника: наберется ли даже в СНГ равное число «специалистов по Мещерскому»?.. Неизбежная зачастую пестрота проблематики — это специфическое отличие научных сборников. Поэтому, если иметь в виду не только тех или иных специалистов, а широкий круг читателей, желательно хотя бы относительно полно, оригинально характеризовать предмет исследования. Пытаться увлечь последних авторскими размышлениями — разве не благодарная задача? И решить ее нередко можно в одном, но «полновесном» абзаце. Пока что практика убеждает: коли такая цель достигнута — заслуга в том исключительно автора, а не составителей, не редколлегии. Вообще говоря, более чем уместно привести здесь первую фразу, которой начинается сугубо «цеховой» труд М. Блока «Апология истории или ремесло историка»: «Папа, объясни мне, зачем нужна история». Нет лучше похвалы для того, за кем признано, что он «умеет говорить одинаково с учеными и со школьниками»⁵.

О том, что в действительности представляла собой в 1917—1918 гг. деятельность концерна одного из видных представителей финансовой олигархии предреволюционной России К. И. Ярошинского рассказывает А. А. Фурсенко. Подробности, связанные с этим концерном, стали известны после опубликования в Лондоне в 1981 г. книги британского журналиста М. Кеттла, получившего доступ к секретным материалам английского военного кабинета. Содержание статьи помогает увидеть финансовую подоплеку контрреволюции и последующей военной интервенции в России.

Заключить обзор сборника лучше всего, пожалуй, выражением надежды на то, что и опыт подготовки, и сам факт выпуска его в свет будут стимулировать интерес к научному наследию известных отечественных историков, побудят к активности в создании работ, осмысливающих их вклад в науку, их нравственный и профессиональный авторитет, их традиции.

М. П. Польский

Примечания

¹ Редколлегия: А. А. Фурсенко (отв. ред.), Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, В. М. Панеях.

² Жизненному пути и творчеству Б. А. Романова посвящены доклады Д. С. Лихачева, С. Н. Валка, статьи и другие публикации; см. с. 17—18 настоящего издания.

³ Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 234; его же. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 22.

⁴ Цит. по: Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. С. 25.

⁵ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 6.

Г. Т. Р Я Б К О В. СМОЛЕНСКИЕ ПОМЕЩИЧЬИ КРЕСТЬЯНЕ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА. М.: Прометей, 1991. 265 с. Тир. 500

В экономико-исторической литературе Смоленская губерния всегда выделяется как особый, своеобразный регион, соединяющий промышленный центр России с ее западными, белорусскими губерниями. Разнообразие хозяйственного облика и национальных традиций

— специфическая особенность данного региона. Смоленская губерния была самой «крепостной» в составе России: удельный вес помещичьих крестьян в сельском населении здесь составлял к концу XVIII в. 80%, к моменту отмены

крепостного права — 70%. Крестьяне преимущественно находились на барщине.

Источниковая база рецензируемой монографии — это в первую очередь разнообразная по характеру документация вотчинных фондов, первичные материалы Генерального межевания конца XVIII в. и описание помещичьих имений 1858 г., серия хозяйственно-статистических описаний губернии за разные годы, губернаторские отчеты о состоянии губернии и подготовительные к ним сведения, крестьянские прошения и жалобы, расследования о крестьянских волнениях. Весь этот материал извлечен преимущественно из архивов, и обработанные данные вводятся в научный оборот впервые. Широко использованы сельскохозяйственные периодические издания того времени; значимость этого источника еще недостаточно оценена в исследовательской литературе.

В книге освещены все стороны хозяйства и жизни крепостной деревни Смоленского края, в том числе и такие сюжеты, которые мало исследованы в литературе по истории пореформенной деревни. К ним относятся: демография деревни, типы, размеры и размещение крестьянских селений, крестьянский двор, включая характеристику жилых и хозяйственных построек, орудий крестьянского труда и предметов домашнего обихода; далее — состав крестьянской семьи и внутрисемейные отношения, духовная культура крестьян — уровень грамотности, традиции, обряды, обычаи, верования. Заметим, что тема культуры и быта деревни в самом широком ее понимании становится предметом специального исследования буквально в последние годы. Наибольших результатов в ее изучении достигли историки сибирского крестьянства. Вместе с тем и в связи с рассмотрением основных «традиционных» вопросов помещичьего и крестьянского хозяйства, которым посвящена у нас обширная литература, в монографии приводится немало нового конкретного материала.

На основе сопоставления первичных данных Генерального межевания конца XVIII в. и описаний помещичьих имений 1858 г. в работе представлена конкретная картина изменений в крестьянском надельном землепользовании в барщинных и оброчных имениях, соотношений между крестьянской и господской запашкой; раскрывается экономическое и социальное значение крестьянского надела. Доказано относительное и абсолютное сокращение надела: на 25% в связи с расширением барской запашки (вследствие роста товарности

помещичьего хозяйства) и на 19% — за счет естественного прироста крестьянского населения. Сокращение крестьянского надела подрывало одну из основ феодального хозяйства (наделение непосредственного производителя землей), явилось важным фактором кризиса крепостного хозяйства в предреформенные десятилетия. В книге отмечается, что произведенные в результате реформы 1861 г. отрезки от крестьянских наделов явились по сути завершением длительного наступления на него.

В монографии говорится о «крестьянах-землевладельцах», которые приобрели в собственность землю путем покупки ее (до 1848 г. они могли делать такие покупки только на имя своего помещика, ибо закон запрещал им приобретать недвижимость на свое имя). Автор выявил в 36 помещичьих имениях свыше 27 тыс. дес. покупной крестьянской земли. Заметим, что покупка земли помещичьими крестьянами практиковалась в еще большей степени в центрально-промышленных губерниях России. (По некоторым данным, в Московской, Владимирской, Калужской, Костромской, Ярославской, Тверской и Нижегородской губерниях перед реформой 1861 г. у крепостных крестьян было свыше 240 тыс. дес. покупной земли.) Покупка земли крестьянами рассматривается в книге как «показатель складывания капиталистического уклада в сельском хозяйстве» (с. 45). Однако это можно отнести лишь к тем покупным землям, на которых велось товарное предпринимательское хозяйство. Большинство же покупок, как оказалось в действительности, преследовало не предпринимательские, а продовольственные цели — для удовлетворения собственных нужд крестьянского двора.

В монографии приводятся данные о системах земледелия, способах обработки почвы, уровне сельскохозяйственного производства, обеспеченности крестьян тягловым и продуктивным скотом, об огородничестве, садоводстве, пчеловодстве, разведении технических культур в Смоленской губернии. Отмечая «становление в крестьянском хозяйстве мелкотоварного производства», усиление его связи с рынком, автор делает вывод: «Несмотря на сковывающее воздействие крепостничества, деревня шла по пути повышения производительности труда, совершенствования трудовых навыков на основе роста общественного разделения труда и специализации производства. Крестьянское хозяйство явилось основным производителем

сельскохозяйственной продукции, носителем поступательно-прогрессивных сдвигов и наиболее рациональной формой организации сельскохозяйственного производства» (с. 85).

Специфический характер для Смоленской губернии, отмечается в книге, носили земледельческие занятия крестьян. Среди местных промыслов наиболее широкое развитие получили заготовка и обработка лесных материалов, а также речное судостроение; в некоторых уездах губернии было также распространено ткачество на дому — для московских мануфактуристов. А в промысловый отход все больше вовлекались как оброчные, так и барщинные крестьяне, причем не только мужчины, но и женщины: в 1856 г. из губернии уходило на заработки по паспортам на срок от полугода до трех лет свыше 29 тыс. помещичьих крестьян, в том числе около 4 тыс. (14%) женщин (с. 97). Автор отмечает влияние на промысловую деятельность смоленских крестьян, которое оказывал промышленный центр России (главным образом Московская и Калужская губернии; сюда на заработки уходили отходники, и фабриканты давали работу ткачам-надомникам в ряде уездов Смоленской губернии). Наряду с данными о заработках отходников желательным было бы привести и цены на предметы первой необходимости. Они регулярно публиковались в местной и центральной прессе того времени.

Детально освещены развитие товарно-денежных отношений в крепостной смоленской деревне и вопрос о социальном расслоении крестьянства. Приведены конкретные данные о развитии торговли в губернии — местных ярмарках и сельских торгах, продаваемых на них товарах, торговых оборотах ярмарок, о деятельности представителей торгового капитала — скупщиков и прасолов из крестьян; говорится о фактах вмешательства помещиков в крестьянскую торговлю.

На материалах вотчинных архивов крупных душе- и землевладельцев Смоленской губернии Барышниковых и Храповицких исследуется процесс имущественного расслоения крестьян. Интересны данные подворных описей имения Барышниковых за 1815—1855 гг. Привлекает внимание проведенное автором сравнение с земско-статистическим обследованием тех же селений в середине 80-х гг. XIX в.

Как утверждает автор, «имущественное неравенство крестьянства в конце XVIII — первой половине XIX в. переросло в социальное, буржуазное. по своей сущности расслоение» (с. 142). Полагаем, что определение «буржу-

азное расслоение» правомерно применять к тем промышленным селениям, которые наиболее были втянуты в рыночные отношения, где в силу этого действительно складывались новые социальные группы в крестьянстве. Но это определение вряд ли следует распространять на всю крепостную деревню первой половины XIX в. Так, в монографии есть данные подворных описей имения Барышниковых, которые показывают, что в 1815 г. решительно преобладало среднее крестьянство; оно составляло 84% дворов в имении, в то время как бедные дворы — 7% и столько же дворов зажиточные. Картина не изменилась и спустя 40 лет: в 1856 г. соотношение этих трех имущественных групп дворов практически мало изменилось: зажиточные составляли 9% дворов, бедные — 6,7%, средние — 84% (с. 144).

Любопытен приведенный автором перечень мер, применявшихся помещиками против имущественного расслоения крестьян, а по существу — к предупреждению окончательного разорения бедной группы крестьянства, чтобы поддержать ее тягоспособность. Помещик штрафовал зажиточных крестьян, бравших на выгодных для себя условиях в аренду наделы у бедных дворов. Он приказывал засеивать нивы бедных крестьян господскими семенами; нуждавшихся в хлебе — временно освобождать от барщинных работ, дабы крестьяне «промышляли себе и семействам своим пропитание дозволенными средствами, не отягощали помещика безвременным требованием пособия», а бурмистрам — «понуждать» бедных крестьян «к промышленности». Далее, «бедных и изнурившихся, не имеющих прочности в уплате оброка, до исправления облегчить» (с. 157). Практиковалась система «дольничества», т. е. присоединение к богатым дворам в качестве «дольников» бедных дворов. В этой связи спорно утверждение автора, что эти меры следует рассматривать как проявление «тормозящего влияния» крепостничества на прогрессивные процессы (в данном случае имущественное расслоение) в деревне. Конечно, поддерживая бедных крестьян за счет богатых, помещик исходил не из гуманных соображений, а из своих хозяйственных расчетов — сохранить доходность своего имения.

Характеризуя феодальные повинности, государственные и земские подати, автор ссылается на цифры роста барщины и оброка, подушных и земских податей. Интересны данные о применявшихся помещиками способах интенсификации барщины: введении урочной

системы, частичной денежной оплаты барщинных работ и особенно широко применявшейся в Смоленской губернии системы «брат на брата» (когда часть тягот в крестьянской семье совсем освобождалась от барщины и отпускала на заработки, а другая всецело была занята на барщине).

Вводили смоленские помещики и «месячину». Суть ее заключалась в том, что у крестьянина отбирался надел, сам он переводился «во двор» и все свое время был занят на барщине. А помещик выдавал ему и его семье месячное содержание. Данные, содержащиеся в книге, свидетельствуют, что в Смоленской губернии (как и в других губерниях страны) из-за низкой производительности труда и дополнительных расходов помещика на содержание таких крестьян «месячина» не могла получить широкого распространения.

Останавливаясь на крестьянском движении в Смоленской губернии, автор вводит в научный оборот новые документальные данные, анализирует различные формы крестьянского протеста против крепостничества, приводит интересные статистические таблицы о численности крестьянских волнений с 1775 по 1863 г. Но в основном эта тема излагается традиционно — речь идет о наиболее крупных и типичных крестьянских волнениях; подчеркивается степень «упорства» бунтующих крестьян, длительность отдельных волнений, методы их подавления властями. На наш

взгляд, следовало уделить больше внимания теоретическим проблемам крестьянского движения: крестьянскому общественному сознанию, социальной психологии, роли общины как своеобразного «организующего» фактора в волнениях. Вряд ли можно проходить мимо и таких спорных вопросов: в последнее время в литературе ставится под сомнение антикрепостническая направленность крестьянского движения (утверждается, что крестьяне боролись лишь за улучшение своего положения в рамках крепостного права), не признается вообще понятие «классовая борьба крестьянства».

Отметим в заключение, что в последнее время заметно сократилось количество исследовательских работ о русской крепостной деревне в дореформенную эпоху. Между тем остается еще много нерешенных, спорных вопросов, требующих кропотливых изысканий в архивах. Необходимость дальнейшего конкретного изучения крепостного хозяйства той эпохи диктуется и тем, что до сих пор нет четкого определения понятия «кризис крепостничества»; а в некоторых трудах, вышедших в последние годы, такой кризис в указанное время голословно отрицается вообще. Поэтому появление исследований о помещицкой деревне в региональном аспекте, каким и является рецензируемая монография, научно значимо и актуально.

В. А. Федоров

НАЦИОНАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 Г. Под редакцией Х. Бауэра, А. Каппелера, Б. Рот. Штуттгарт: «Франц Штайнер», 1991. Т. 1. 580 с.; Т. 2. 532 с.

Двухтомное статистико-историческое исследование ученых ФРГ, посвященное первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. и явившееся результатом работы в 1985—1989 гг. участников семинара по восточноевропейской истории Кёльнского университета, бесспорно, заслуживает самого пристального внимания историков и демографов нашей страны.

Что подвигло немецких исследователей на эту работу? Как подчеркивают сами авторы коллективной статистико-исторической монографии, «в последние годы национальный вопрос стал одним из главнейших де-

стабилизирующих факторов внутренней жизни Советского Союза», причем большая часть всплывших ныне на поверхность проблем уходит своими корнями в далекое прошлое Российской империи, в которой накануне первой мировой войны проживало 56% нерусского населения (т. 1, с. 17). Авторы справедливо полагают, что полиэтничный состав населения представляет собой «константу российской истории начиная с XVI века» и в дальнейшем. Немецкие ученые полагают, что «изучению истории России как многонационального государства до настоящего времени уделялось мало внимания» как в нашей

стране, так и за ее пределами, ибо внимание исследователей было прежде всего направлено «на этническую группу русских, в то время как прочая часть населения либо вообще не попадала в кадр, либо более или менее подспудно подразумевалась» (там же). Для советских историков аксиомой была «имевшая глубокие корни в прошлом» неперемнная и взаимообогащающая дружба народов СССР, а потому, как верно подметили немецкие историки, палитра исследований с неизбежностью обеднялась и иссушалась. Обозревая западную историографию национального вопроса в нашей стране, авторы также оценивают ее достаточно критически, поскольку, по их мнению, до настоящего времени на Западе все еще преобладает «русоцентристский взгляд на историю России, который ведет свое начало с российской национальной историографии XIX столетия» (там же). Не оспаривая точку зрения авторов книги о том, что для большей части западной историографии характерен именно такой подход, хотелось бы все же отметить, что для ряда новейших исследований западных историков характерен значительно более глубокий и аналитически выверенный взгляд на национальные проблемы как нашей страны, так и других стран континента¹.

Авторы книги высоко оценивают опубликованные в последние годы работы западных историков, посвященные «не только истории рабочих и крестьян», но и «экономически активному городскому населению, интеллигенции, крупнопоместному дворянству и бюрократии», считая, однако, что «недостатком этих ценных работ» является их замкнутость лишь на русской этнической группе и игнорирование полиэтнического состава анализируемых социальных групп.

Немецкие историки справедливо полагают, что, несмотря на указанные лакуны, проблемы многонационального состава Российской империи не являются terra incognita. История отдельных народов, в частности, поляков, финнов, эстонцев, латышей, литовцев, евреев и армян, находила определенное отражение в историографии. Однако и здесь для Запада был характерен традиционный «национально-исторический подход», когда основное внимание уделялось лишь проблемам политики, идеологии и культуры и было направлено прежде всего на исследование национальных движений. В советской историографии, по мнению немецких авторов, «сильнее учитывались экономические и социальные аспекты, однако со-

ветские исследования почти без исключения проводились с учетом нынешних административных единиц (т. 1, с. 17), в частности, советских союзных или автономных республик, не охватывая при этом этнические группы или же более крупные регионы.

Именно указанные историографические пробелы послужили толчком для создания статистико-исторического труда, посвященного российской Переписи 1897 г. Этот источник, считают авторы рецензируемого труда, «является единственным, который охватывает и этнические, и социальные факторы, связывая их воедино», причем данная перепись была первой (и последней) всеохватной переписью населения Российской империи (без Финляндии). Несмотря на то, что подобные переписи в других европейских государствах ранее уже проводились, осуществление ее в России, самом большом государстве мира, с его сложными естественногеографическими условиями, гетерогенностью типов ведения хозяйства, социальных порядков, языков и культур и слабым административным проникновением на периферию, было, конечно, «крупномасштабным мероприятием» (т. 1, с. 18). Результаты переписи, приходят к выводу немецкие авторы, были «значительным достижением российской бюрократии» (там же).

Оценивая потенциал Переписи 1897 г. с точки зрения возможностей проведения сравнительного анализа, авторы полагают, что сопоставление ее данных с последующими затруднительно, поскольку она отражает состояние дел на конец XIX столетия и потому «не может документировать те глубокие экономические, социальные и культурные сдвиги, которые произошли в царской империи за два предреволюционных десятилетия». Сравнение Переписи 1897 г. с советской Переписью 1926 г. затруднительно также и потому, что произошли не только территориальные изменения, но и видоизменение большинства рассматривавшихся категорий (т. 1, с. 19).

В целом авторы из ФРГ приходят к обоснованному выводу о том, что материалы Переписи населения 1897 г. до настоящего времени использовались исследователями «не столько интенсивно, как можно было бы надеяться и как они того заслуживали» (там же). Это связано, по их мнению, с двумя причинами. Во-первых, во все времена раздавались критические голоса относительно надежности данных переписи, в частности, ставились под сомнение использованные кате-

гории (например, при выделении различных профессиональных групп). Но существовала и иная причина: сам огромный объем материалов Переписи ставил жесткие ограничения на пути исследователей, причем издание в 1905 г. переписи 1897 г. в виде двухтомного «Общего свода» (вместо 89 томов) также привело к тому, что ученые зачастую были склонны пользоваться именно этим сокращенным изданием, несмотря на то, что многие важные данные (в частности, таблицы об уровне образования по различным национальностям) туда вообще не вошли (т. 1, с. 20).

Поэтому немецкие специалисты приходят к выводу, что адекватное использование материалов Переписи населения 1897 г. исследователями возможно лишь при критической оценке ее данных и создании на основе этих материалов компьютерной базы данных. Авторам труда пришлось пойти на некоторые ограничения в работе по созданию базы данных, так как обработать весь материал Переписи (как по финансовым соображениям, так и из-за ограниченных возможностей вычислительного центра Кёльнского университета) не было возможности.

Второй том книги содержит обширное извлечение из базы данных, созданное на основе Переписи 1897 г. Эти данные, как резонно полагают немецкие исследователи, впервые дают «прямой выход на ядро данных Переписи населения, связанных с проблемами национальностей», населявших царскую Россию (т. 1, с. 21). Материал классифицирован по трем основным уровням: Российская империя, 15 крупных

регионов и 19 крупных городов. В таблицах по крупным регионам и крупным городам даны сведения по 132 языкам, употреблявшимся в Российской империи. При этом учитывались такие параметры, как сословие, профессия, уровень образования. И хотя дальнейшая обработка и осмысление материалов Переписи 1897 г. на основе созданной немецкими учеными базы данных потребует определенного времени, такая работа, бесспорно, чрезвычайно перспективна. Одновременно серьезная и крупномасштабная монография, опубликованная кёльнскими учеными, наглядно показывает, что цивилизованная экономика рыночного типа открывает широкие возможности для проведения и публикации глубоких исследовательских работ, рассчитанных прежде всего на научную элиту. Этот опыт в особенности необходимо взять на вооружение в нашей стране, где «дикий рынок» постепенно все больше и больше приводит к вытеснению академических трудов из издательств.

И. А. Дьяконова

Примечания

* Bauer H., Kappeler A., Roth B. (Hrsg.). Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897. Vol. 1—2. Stuttgart: «Franz Steiner» Verlag, 1991. 580 S.; 532 S.

¹ См., в частности: Von wetsch B., Grieger M. (Hrsg.). Was früher hinterm Eisernen Vorhang lag. Kleine Osteuropakunde vom Baltikum bis Bessarabien. Dortmund, 1991.

Т. Р А Н Т А Н Е Н. ИНОСТРАННЫЕ ИЗВЕСТИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МИРОВЫМИ И РОССИЙСКИМИ ИНФОРМАЦИОННЫМИ АГЕНТСТВАМИ. 1856—1914. Хельсинки, 1990. 183 с.

20 ноября (2 декабря) 1856 г. в петербургских газетах впервые были опубликованы полученные по телеграфу известия из-за границы. В сообщениях из Берлина содержались сведения всего двухдневной давности, тогда как немецкая пресса достигала берегов Невы только на шестой или седьмой день. К тому времени в мире существовало уже несколько агентств, специализировавшихся на сборе и распространении информации, представлявшей общественный интерес. В целях преодоления или, по

крайней мере, ограничения конкуренции три наиболее крупных телеграфных агентства — французское Гавас (осн. в 1835 г.), германское Вольф (осн. в 1849 г.) и английское Рейтер (осн. в 1851 г.) — в 50-х гг. XIX в. заключили между собой соглашения, в соответствии с которыми территории земного шара были разделены на «сферы интересов» определенных агентств, либо признавались «нейтральными», т. е. составляющими их общую «сферу интересов». С 1859 г. и до 1914 г. — начала первой

мировой войны, сделавшей невозможной договорную совместную деятельность телеграфных агентств, Петербург и Москва входили в сферу интересов Вольфа, вся же остальная территория Российской империи считалась «нейтральной». История взаимоотношений между Вольфом, Гавасом и Рейтером с российскими информационными агентствами и рассмотрена Т. Рантанен в рецензируемой монографии. Отдельную часть работы представляет предпринятая автором попытка анализа состава и содержания опубликованных в российских газетах телеграмм, полученных из-за границы.

В монографии изложены результаты докторской диссертации, выполненной Т. Рантанен в рамках проблематики факультета коммуникаций Хельсинкского университета. Поэтому естественно, что именно история взаимоотношений ведущих телеграфных агентств, их борьба за раздел и передел мирового информационного пространства, роль в этой борьбе национальных агентств (в качестве примера которых рассматриваются российские) наиболее значимы для автора и занимают в работе главное (в том числе структурно — семь глав из восьми) место.

Т. Рантанен удалось выявить, по-видимому, всю совокупность текстов соглашений между агентствами Гавас, Вольф и Рейтер, заключенных в период с 1856 по 1909 г. (последний договор должен был действовать с 1910 по 1919 г.). Анализ содержания всех 15-ти соглашений (как общих — трехсторонних, так и сепаратных — двусторонних) привел исследовательницу к обоснованному заключению, что к концу 50-х гг. XIX в. между этими тремя агентствами произошел «раздел мирового рынка новостей на сферы интересов. Соглашениями регулировалась экономическая и политическая информация, но в большей степени последняя... Мировые агентства контролировали отнесенную к их сфере территорию, заключая договоры с национальными агентствами. Согласно этим договорам, национальные агентства получали новости исключительно от мирового агентства» (с. 55). Изменения границ, смещения в балансе сил держав получили отражение в новых договорах между агентствами. Так, в связи с результатами франко-прусской войны территория Эльзаса и Лотарингии была признана «сферой интересов» Вольфа. По договору 1876 г. между Гавасом и Рейтером (в котором Вольф не участвовал, так как речь в нем шла о внеевропейских территориях) к Гавасу отошла Южная Америка, к Рейтеру — Индия, Китай и Япония; Египет был объявлен «нейтральной»

территорией для участников соглашения, однако без допуска туда Вольфа.

Что касается российского информационного рынка, то Т. Рантанен удалось показать, как монополия на нем германского агентства сталкивалась со все возрастающим противодействием со стороны, во-первых, российских агентств, стремящихся к самостоятельности, а во-вторых, со стороны Гаваса и Рейтера. Инструментом в этой борьбе были разрешительная система открытия информационных агентств в Российской империи и соглашения между российскими и мировыми агентствами.

Основные факты истории российских информационных агентств известны¹. Но до работы Т. Рантанен сведения о них базировались исключительно на материалах отечественных архивов. Финская исследовательница, обратившись также к архивам зарубежных контрагентов российских телеграфных агентств (Гаваса, Вольфа, Рейтера), обнаружила в них документы, раскрывающие роль соглашений между мировыми и национальными агентствами в разделе и переделе рынка информации. В частности, документы, найденные Т. Рантанен в архиве агентства Гавас, свидетельствуют, что в 1894 г. французы фактически ликвидировали монополию Вольфа на российском рынке телеграфной информации. И хотя впоследствии германское агентство сумело добиться формального подтверждения прежних границ своей «сферы интересов», процесс оказался необратимым: после 1894 г. комиссионные за предоставляемую телеграфную информацию получали от российских агентов и Вольф, и Гавас (с. 117—141).

По аналогии с национальными телеграфными агентствами других стран Т. Рантанен последовательно рассматривает периоды деятельности в Российской империи частных (1866—1882 гг.), кооперативных (1882—1904 гг.) и государственных (1904—1914 гг.) агентств. Но, поскольку в самодержавном государстве информационная деятельность телеграфных агентств всех форм собственности направлялась и контролировалась правительственными структурами, исследовательнице не удалось проследить роль этого фактора во взаимоотношениях мировых и российских агентов.

Известные замечания вызывает 8-я глава монографии, в которой предпринята попытка выяснить общее количество и структуру публикаций политических телеграмм из-за рубежа в петербургских и московских газетах.

Сведения о российской прессе получены автором явно из вторых рук, поэтому книга в этой ее части изобилует фактическими ошибками. Так, газета «Биржевые ведомости» характеризуется как коммерческое издание, выходящее с 1861 по 1916 г. Между тем под заглавием «Биржевые ведомости» в эти годы существовали две разные газеты: первая издавалась К. В. Трубниковым (в 1861—1879 гг.), вторая — С. М. Проппером (в 1880—1917 гг.). Последняя с момента возникновения была не только биржевым, но и политическим изданием, уделявшим значительное внимание вопросам внешней политики. Естественно, что при таком уровне представлений о российской прессе отбор газет для анализа не мог быть строго мотивирован.

Изучив комплекты девяти газет за 16 лет (1856—1866, 1870, 1881, 1892, 1902 и 1911 гг.), Т. Рантанен выявила в них для последующего изучения 185 тыс. телеграмм. Почему был взят материал за перечисленные, а не иные даты? Потому, объясняет исследовательница, что в указанные годы Россия не участвовала непосредственно в кризисах и конфликтах, сообщения о которых могли бы исказить сложившуюся в газетах структуру информации. В этом смысле действительно безразлично, взяты ли газеты за 1880-й или за 1881 г., за 1892-й или за 1893-й. Но ведь исследуются не материалы статистики, а публикации в прессе, функция которой состоит в информации современников о событиях, представляющих общественный интерес. В изучаемый Т. Рантанен период газеты систематически помещали телеграммы из-за границы. Постепенно в каждой газете, имевшей рубрику «Телеграммы», должен был определиться ее традиционный объем, возможности расширения которого были ограничены площадью, занятой материалами других рубрик и номера в целом. Этот объем редакции выполняли сообщениями о событиях, которые в момент подготовки номера представлялись наиболее важными. Поэтому структура информации прессы не может быть определена заранее, а значит, исследование ее не может базироваться на выборочных данных.

Для исследования массива 185 тыс. выявленных в газетах текстов телеграмм Т. Рантанен использовала метод контент-анализа. Из-за большого объема материала она ограничила изучение тремя вопросами: 1) каково общее количество опубликованных в газете телеграмм? 2) от каких агентов поступили эти телеграммы? 3) из каких городов они

отправлены? Подобное ограничение явно неправомерно. Количество политических телеграмм в газете, как было отмечено, зависит от площади, занимаемой рубрикой в номере, и финансовых возможностей издателя. Что касается двух других вопросов, то ответы на них очевидны, и подсчеты автора лишь подтвердили то, что было ясно а priori в 1870 г., когда происходила франко-прусская война и редакции газет получали сообщения преимущественно из Парижа и Берлина, а в 1902 г. (время англо-бурской войны) — от Рейтера из Лондона.

Чем же интересна для специалистов по отечественной истории работа финской исследовательницы? Прежде всего тем, что все ее содержание доказывает: во второй половине XIX — начале XX в., в области коммуникаций происходил раздел мира между немногими монополистами. Телеграфные сообщения, как бы приблизив страны друг к другу и соединив их в единое информационное пространство, одновременно разделили их на монополистов, располагавших наиболее влиятельными (мировыми) агентствами, имевшие не вполне самостоятельные, находившиеся в сфере влияния мировых национальные агентства, и государства, не имевшие собственных агентов и находившиеся в информационной зависимости от первых двух групп стран. Государственная власть повсеместно и вне зависимости от форм собственности на агентство рассматривала информацию как инструмент политики. В свою очередь, позиции информационных агентств в мире определялись балансом стоявших за ними сил (наиболее отчетливо это проявлялось в подробно рассмотренных Т. Рантанен изменениях границ «сфер интересов» мировых агентов, зафиксированных в заключенных ими в разные годы соглашениях). Вследствие складывания во второй половине XIX в. системы союзов и блоков держав в Европе, столкнувшихся в XX в. в первой мировой войне, любое событие в мире, как бы далеко от собственных границ государства оно ни происходило, затрагивало его интересы. Поэтому события, в которых Россия непосредственно не участвовала, не были для нее безразличны, а следовательно, сообщения о них не могут рассматриваться как представляющие заведомо ограниченный интерес для отечественных газет.

Второй вывод, к которому приводит специалиста по российской истории работа Т. Рантанен, заключается в том, что в

междисциплинарных исследованиях все их составляющие равно важны. Если, как убедительно показано в рецензируемой монографии, изучение истории российских информационных агентств в отрыве от системы мировых коммуникаций недостаточно, то не менее очевидно и другое: нельзя понять взаимоотношений российских и мировых информационных агентств без учета их национальной специфики. Обратившись к анализу материалов, опубликованных в периодической печати, Т. Рантанен не приняла во внимание особенности этого рода исторических источников, подошла к прессе так же, как если бы имела дело с материалами статистики. На самом же деле статистика и периодическая печать — разные виды письменных исторических источников, требующие разных подходов. Главное отличие информации периодической печати от статистической информации — ее непредсказуемость. Поэтому выборочное изучение публикаций прессы за отдельные годы, месяцы, дни недели и т. п. в принципе недопустимо. Но при определенных условиях, сознательно формируемых исследователем, вполне возможно изучение информации прессы с помощью математико-статистических методов (в частности, контент-анализа)².

Неоднозначность высказанных выше оценок монографии Т. Рантанен ни в коей мере не умаляет достоинств работы в целом — первого фундаментального исследования системы сог-

лашений о международном разделе мирового информационного пространства во второй половине XIX — начале XX в. Базирующаяся на использовании материалов архивов и литературы многих стран, книга является наиболее полным на сегодняшний день сводом сведений о взаимоотношениях мировых и российских телеграфных агентств.

А. Г. Голиков

Примечания

* Rantanen Terhi. Foreign News in Imperial Russia. The Relationship between International and Russian News Agencies, 1856—1914. Helsinki, 1990. 183 p.

¹ См.: Есин Б. И. Путешествие в прошлое (газетный мир XIX в.). М., 1982; Летенков Э. В. К истории правительственных информационных центров в России (1906—1917 гг.) // Вестник ЛГУ. История. Язык. Литература. Вып. 3. Окт. 1973. № 20; Кострикова Е. Г. Организация службы зарубежной информации С.-Петербургского телеграфного агентства // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1981. № 4.

² См.: Ковальченко И. Д. Мотивы исторического исследования. М., 1987; Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987; Голиков А. Г. Источниковедческие проблемы отражения в периодической печати процесса монополизации российской промышленности: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1991.

С. А. СТЕПАНОВ. ЧЕРНАЯ СОТНЯ В РОССИИ (1905—1914 гг.). М.: Изд-во Всесоюзного заочного политехнического института (А/О «Росвузнаука»), 1992. 330 с. Тир. 5000.

В последние годы написано немало книг и статей, посвященных истории политических партий России в начале XX в. Однако полная объективная картина зарождения отечественной многопартийности еще не воссоздана. Объясняется это и неравномерностью, односторонностью изучения исторических проблем, и наличием в историографии до недавнего времени «запретных» тем, сюжетов. Нельзя не согласиться с автором рецензируемой монографии в том, что в прошлом изучение «непролетарских» партий было затруднено, а черносотенное движение фактически выпало из узкого круга разрешенных тем (с. 5).

Сегодня положение дел существенно изменилось. Плюрализм мнений, концепций и подходов пробивает себе дорогу не только в публицистике, но и в науке. Свидетельство тому — книга С. А. Степанова, посвященная истории российской черной сотни. В ней впервые в исторической науке глубоко, достаточно полно раскрываются структура и социальный состав монархических союзов, которые в свое время были самыми многочисленными из всех политических партий в дореволюционной России. В этой связи специалисты, возможно, по-разному оценят Введение к монографии — слишком сжато рассматриваются в нем

историография проблемы, источниковая база. Тем не менее автору удалось дать представление о существенных чертах предшествующей отечественной и зарубежной литературы. Круг источников, в том числе впервые вводимых в оборот, обширен. Это — фонды Союза русского народа, Русского народного союза имени Михаила Архангела, Департамента полиции, Министерства юстиции, Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, стенограммы Государственной думы. Привлечены 'печать черной сотни' и ее противников.

Полагаем, что для современного читателя окажутся интересными такие сюжеты, как борьба черной сотни против антиправительственного движения, создание монархических рабочих и крестьянских союзов. Актуальность монографии определяется еще и тем, что черносотенные союзы явились своеобразным прообразом будущих «государственных партий» XX в. и отразили в своей деятельности все основные черты ведущих политических организаций страны.

Автор убедительно показал, что черносотенцам были присущи стремление к тотальному контролю над всеми проявлениями общественной жизни, желание найти свою социальную нишу и тенденция объединить в своих рядах максимально широкие слои населения. Так же, как и другим политическим партиям, черносотенцам были свойственны установка на создание идеального общества и сопутствующая ей социальная демагогия, нетерпимое отношение к инакомыслию, плюрализму мнений.

В монархических организациях начала века наблюдается более или менее четкое деление на «партаппарат», партийную верхушку и партийную массу, к которой примыкал «широкий слой» сочувствующих, голосовавших на выборах в Государственную думу за черносотенных кандидатов. Их объединяло с другими партиями и наличие «партийной тайны», а также сходство путей формирования («сверху вниз», от центра к периферии и т. п.), преобладание централизма в организации и самоуправлении.

Особый интерес вызывают главы, в которых раскрыты истоки крайне правого движения, дан анализ структуры, численности и социального состава монархических организаций, отображен возмутительный погромный «дебют» на политической сцене. Объективно, подробно характеризует автор основные положения идеологии черной сотни, ее программные и уставные документы. Читатель убеждается: не издалека,

не извне привнесена идея черносотенства; наоборот, ее корни уходили в почву, взрыхленную многочисленными предшественниками. У идеологии крайне правых, пронизанной идеями феодальной утопии, антисемитизма и шовинизма, были «кровные родственники» среди различных течений общественной мысли. Многие ее положения переплетались с официальной государственной доктриной, платформой националистов, а в некоторых случаях — с октябристской программой. Эта идеология не была однозначной, как не было монолитным все черносотенное движение. И не случайно, что черной сотней называли себя несколько десятков союзов и организаций, наиболее крупными из которых были Русское собрание, монархическая партия, Союз русского народа и Союз Михаила Архангела.

Анализ многочисленного фактического материала, включая архивный, позволил автору сделать вывод, что в конце 1907 — начале 1908 г. черносотенные организации действовали в 2208 населенных пунктах, расположенных в 66 губерниях. Всего существовало 2229 отделов монархических организаций. В последующие годы ряды черной сотни стремительно поредели; это было вызвано разочарованием в монархической программе и ростом разногласий внутри крайне правого лагеря.

Внутренняя рыхлость и политическая слабость черносотенных организаций сказывались во всей их деятельности. Черносотенцы утвердили себя как новое движение в ходе массовых погромов в октябре 1905 г. По подсчетам автора, в эти дни погибло 1622 и было ранено 3544 человека (автор оговаривается, что это далеко не полные данные). Отмечая антидемократический и антиеврейский (причем именно во вторую очередь) характер погромов, автор делает оригинальный и подтвержденный фактами вывод, что, вопреки распространенному мнению, обитатели «дна» оказались в стороне от погромных «подвигов». Свыше 99% лиц, привлеченных к ответственности за участие в погромах, были мещане и крестьяне, не имевшие уголовного прошлого. Многие погромы являлись извращенной формой социального протеста (с. 56, 76—77).

Легальная деятельность черной сотни началась в 1906 г., когда освободительное движение уже миновало высшую точку и шло на убыль. Говоря о парламентской деятельности черной сотни, автор детально рассматривает тактические просчеты крайне правых на выборах в I и II Думы. Параллельно с легальной

деятельностью разворачивалась террористическая борьба крайне правых против революционеров. Автор посвятил отдельный раздел «черному террору». Нельзя не согласиться с его выводом, что боевые дружины Союза русского народа и других монархических организаций играли подсобную роль в борьбе с освободительным движением. В большинстве случаев они оказывали содействие полицейским органам самодержавия. Режим черносотенного террора устанавливался лишь в случаях, когда это допускала местная администрация. Что же касается индивидуальных покушений (особенно на видных деятелей кадетской партии), то они принесли черной сотне неизмеримо больше вреда, чем пользы. Разоблачение подоплеки террористических актов подрывало престиж защитников самодержавия, хотя они были готовы на это, считая, что для победы над инакомыслящими пригодны любые средства (с. 158—159).

В книге обстоятельно раскрыта деятельность черносотенцев в 1907—1914 гг., показан и поиск ими народной поддержки. Глубокий кризис, охвативший в этот период все политические партии России, особенно ярко проявился в крайне правом лагере. С осени 1907 г. по август 1912 г. шел сложный, противоречивый процесс их разделения на два конкурирующих течения. Они разошлись прежде всего по своему отношению к третьеиюньской политической системе и столыпинским реформам. Кризис черносотенных организаций переплетался с общим кризисом верхов. Черносотенцы оказались в тот период большими монархистами, чем сам монарх (с. 174, 192). «Обновленцы» (во главе с Н. Е. Марковым) лишь частично одобрили весьма умеренные правительственные реформы. В то же время дубровинское направление напрочь отвергло любые попытки реформаторства, сопровождая свою деятельность разнузданной социальной демагогией. Это течение в значительной степени поддавалось влиянию снизу. Поэтому в его демагогических лозунгах в искаженном виде отражались устремления народных масс, все еще не освободившихся от оков средневекового мышления и видевших в самодержавии защиту от произвола богатеев, а в конституционных свободах и парламентаризме — символы господства толстосумов.

Борьба черносотенцев за массы не принесла им желанного успеха. И дело здесь не столько в политической неуклюжести, грубости приемов и т. д. Причины поражения таились в коренных пороках их программных и идейных

установок, непонимании и неприятии назревших социально-экономических и политических проблем. Верно и то, что, как отмечается в монографии, черносотенцы за несколько лет проделали путь от робких попыток социальных экспериментов (общества взаимопомощи, рабочие «братства», артели и т. п.) до ставки на прямое насилие.

В этой связи большой интерес представляет рассказ о деле Бейлиса, почти три года державшем в напряжении страну. Читатель впервые найдет здесь комплексный анализ предыстории и всей подготовки печально знаменитого судебного процесса. Как справедливо пишет автор, «дело Бейлиса является примером использования уголовного преступления в политических целях. Черная сотня, поставившая средневековый спектакль, стремилась нажить общественный капитал. Результат был прямо противоположным» (с. 319).

В Заключении, своеобразном эпилоге всей деятельности черной сотни, попутно раскрывается внешнеполитическая доктрина монархистов накануне и в ходе первой мировой войны: эскизно прослеживаются судьбы видных деятелей крайне правого лагеря после Февральской и Октябрьской революций. К сожалению, заключение не содержит обобщающих выводов. В нем не подведены итоги истории черносотенства в 1905—1907 гг. Думается, что анализ этого опыта был бы полезен не только для современных монархистов в политике, но и для лидеров всех политических партий, так как в их деятельности сегодня мы наблюдаем немало общих черт, поразительных, парадоксальных совпадений, неожиданных ассоциаций и параллелей.

Рецензируемая книга интересна тем, что она непосредственно перекликается с современными политическими реалиями. А ее автор начал заниматься обсуждаемой проблемой задолго до того, как в нашей стране произошло возрождение «патриотического» и «национально-русского» движения. Тем не менее монография о черной сотне начала века может служить наглядным пособием для изучения определенного спектра современной политической палитры.

Совпадения и аналогии бросаются в глаза на каждой странице. Прежде всего, идеологию черносотенства «нельзя представлять сорняком, занесенным на российскую ниву чужими ветрами» (с. 9). Характерно, что формирование черносотенной программы поначалу происходило в рамках обсуждения культурно-

просветительских вопросов, под знаком пристального внимания к историческому наследию русского народа, памятникам его литературы, изобразительного искусства и архитектуры. В этом смысле, хотя всякие исторические параллели весьма рискованны, припоминаются некоторые подробности начального периода деятельности «Памяти».

В монографии отмечается, что черносотенство превратилось в массовое движение в период экономической и политической нестабильности, разрушения привычного уклада жизни, резких перемен в государственном строе. Развитие национального и националистического, сепаратистского движения на окраинах породило ответную реакцию в центре. В свою очередь, либеральным и демократическим партиям пришлось столкнуться с противодействием организаций, объединенных стремлением возродить самодержавную власть.

Не следует забывать, что, хотя осенью 1905 г. царизм временно утратил контроль над некоторыми регионами, Российская империя сохранила целостность. Практически не возникала проблема беженцев или отношения к русским в новообразованных суверенных государствах. Страну не поразила столь глубокий экономический кризис, как в нынешние дни. Учитывая все это, можно, пожалуй, предположить, что при определенном развитии событий организации, аналогичной черносотенным, можно рассчитывать на еще более значительное укрепление своих позиций.

Важным обстоятельством, которое недостаточно осознают современные политики, является то, что широкие слои населения, как хорошо показано в монографии, явно предпочитали обещанный черносотенцами порядок и спокойствие конституционным правам и свободам.

Идентичны методы агитации и пропаганды крайне правых начала века и «право-левой» оппозиции, консолидировавшей свои ряды в последние месяцы. Мотив «национального предательства», «измены верхов», «тайного заговора с целью порабощения России» подменяет объективный анализ ситуации. Что же касается антисемитизма, то здесь можно говорить о прямом заимствовании системы аргументов, разработанных крайне правыми. Недаром на страницах современных газет определенного толка все чаще появляются выдержки из черносотенных изданий.

Черносотенная пресса была рассчитана на невзыскательного читателя. Так, характеризую

газету «Вече», Московский комитет по делам печати отмечал: «Газета издается очень умело и бойко, обнаруживая весьма опытного руководителя. Она знает свою аудиторию, и всякий номер представляет из себя что-либо захватывающее, а то и скандальное. Впервые среди русской печати появился орган с грубою...речью, с руганью прямой и беззастенчивой...» (с. 103—104).

Автор, не навязывая своего мнения, а только умело выстраивая материал, подводит читателя к выводу, что сценарий, предложенный российскими крайне правыми, был бесперспективным. Черносотенные союзы в определенный период были самыми большими по численности политическими партиями, однако их членов объединял дух разрушения, а не созидания. Они по своей сути были рассчитаны на борьбу с врагами, под которыми понимались «иногородцы» и русские «крамольники и изменники». Как только дело касалось конкретных практических шагов, черносотенцы демонстрировали полнейшую беспомощность. Это особенно справедливо при взгляде на современные организации, провозгласившие себя наследниками «истинно-русских».

С появлением книги С. А. Степанова многие аспекты деятельности черной сотни предстают в новом свете. Неожиданным не только для широкого читателя, но и для специалистов выглядит социальный состав крайне правых, особенно верхушки, представленной в основном интеллигенцией: преподавателями, врачами, инженерами. Однако «звезды первой величины были редким явлением и буквально тонули среди мракобесов с профессорскими званиями». Ректор Казанского университета был вынужден обратиться с жалобой к министру народного просвещения, например, по поводу лекций одного черносотенного профессора, который доказывал «умственное убожество Спинозы и Гейне» (с. 112).

Монография не свободна от недостатков. Сравнительно слабо разработан вопрос об отношении крайне правых к другим политическим партиям, об их месте и роли в зарождавшейся многопартийности в стране. Но этот пробел будет, возможно, стимулировать дальнейшее изучение политической системы России в начале XX в. Рецензируемая монография — часть этого многогранного процесса — поможет читателю взглянуть на рассматриваемую проблему с новой стороны.

А. И. Уткин

МУЗЕЙ И ВЛАСТЬ. Часть I. Государственная политика в области музейного дела (XVIII—XX вв.). М., 1991. 323 с. Тир. 3000; Часть II. Из жизни музеев. М., 1991. 190 с. Тир. 3000

Мысль о том, что музеи созданы для вечности, как кратко и мудро заметил академик Д. С. Лихачев¹, может, в частности, характеризовать и деятельность энтузиастов музейного дела во все и нередко весьма трудные времена. Что и кто помогает или мешает отечественным музеям выполнять их главную задачу — сохранять и приумножать культурное наследие? На эти далеко непростые вопросы стремятся ответить авторы рецензируемого труда. В статьях сборника поставлена цель: рассмотреть трехсотлетнюю историю отечественных музеев с точки зрения формирования и реализации государственной музейной политики.

Вызывает уважение намерение авторов возобновить публикацией обсуждаемой работы прерванную вследствие негативного отношения к рассматриваемой тематике руководящих органов научную традицию; ведь в 1957—1971 гг. увидели свет семь выпусков «Очерков истории музейного дела». И чтобы новая публикация появилась, требовались и большая работа по сбору и осмыслению новых, в основном архивных, материалов и, подчеркнем это, немалая личная смелость исследователей, ибо надо было пересмотреть многие устоявшиеся в нашей науке представления.

Перед нами не монография — при всей четкости поставленной авторами общей исследовательской задачи, — а очерки, в которых в силу уже самого жанра не все проблемы оказались раскрыты достаточно полно и глубоко. Авторы правы в самокритичном признании того, что в очерках порой отсутствует широкий исторический фон, а при освещении музейной политики преобладает управленческий аспект — в ущерб содержательной работе музеев (ч. I, с. 6). Однако то, что уже представлено читателю, — серьезный шаг к переосмыслению пройденного музеями пути, к созданию в обозримом будущем подлинно монографического исследования по истории музейного дела в России.

Содержание и структура первой части очерков, посвященной государственной музейной политике, начиная от Петра I и Екатерины II и кончая современными органами власти, представляется несомненной удачей авторов С. А. Каспаринской, Г. А. Кузиной, Н. В. Фатигоровой и В. И. Златоустовой. Они выявляют основные закономерности и тенденции

музейной политики. При этом обнаруживается немало общего как в положительном, так и отрицательном ее опыте до и после 1917 г. Положительное связано с преимуществом в музейном деле, которая прослеживается в идеях и деяниях видных деятелей русской культуры; негативное — с недостатком внимания к музеям, в наследовании бюрократических черт управления и трансформировании их в советские годы в политизированные «руководящие установки», из-за которых на наших глазах «музейное дело развивалось под флагом пропаганды развитого социализма музейными средствами» (ч. I, с. 390). Основательно прослежены такие вехи в судьбах музеев, как буржуазные реформы 1860-х гг., революционные бури 1917 г., Великая Отечественная война. Много интересного, нового содержит эта часть исследования. Жаль, однако, что двум векам истории музеев отведен вдвое меньший объем, нежели советским десятилетиям. Дает о себе знать недооценка роли дооктябрьского музейного опыта в трудах советских историков.

Вторая часть издания — о жизни музеев — в известной мере характеризуется случайным отбором очерков. Понятно, приходится считаться со степенью изученности материалов. И все же здесь правильно намечены некоторые частные стороны музейной политики: создание музееведческих центров, смена приоритетов в научно-общественных функциях музеев, роль общественности в том, как складывались судьбы отдельных музеев и научных учреждений.

На наш взгляд, существенно дополняет, а порою и уточняет концепцию издания очерк А. И. Фролова, который носит историографический и методологический характер. Интересна своим детальным анализом статья А. М. Разгона (она ждала публикации два десятка лет!) о музейном съезде 1912 г.; глубина и масштабность тех предложений, предвосхитивших развитие музейного дела почти на столетие, показывают, какой огромный, еще изученный не до конца нами потенциал содержал в себе дореволюционный опыт. Очерк И. И. Шангиной об этнографических музеях на рубеже 1920—1930-х гг. раскрывает механизм реализации официальных идеологизированных решений и их пагубное

вливание на деятельность музеев, на развитие науки.

Признавая, что и другие авторы впервые освещают те или иные стороны жизни музеев, заметим тем не менее, что включение их работ в обобщающий труд недостаточно оправдано, слабо связано с его структурой. Не может претендовать на разработку важнейшей темы — о подготовке музейных кадров — очерк Т. Ю. Юрениной, касающийся института музейной аспирантуры в 1930—1934 гг. Правда, здесь лишь один пример — разительный — нежизненности решений бюрократического аппарата, иллюстрация командно-административному методу его руководства. А очерк Р. И. Шиллер о музее истории Ленинграда в 1918—1985 гг. скорее напоминает прекраснородушный отчет. Между тем этот музей четырежды на протяжении 20 лет вынуждали менять не только название, но и профиль работы. Хотя, если период 1960—1980-х гг. действительно «наиболее стабильный и эффективный в его истории» (ч. II, с. 171), то не следовало ли полнее раскрыть этот, по-видимому, редкий пример удачного руководства музеем?

Чтобы конкретно обосновать общую оценку книги, отметим прежде всего главное ее достоинство: на основе огромного фактического материала удалось воссоздать в целом объективную картину музейного дела в стране и выявить суть музейной политики государства на разных этапах истории. Привлекает спокойный тон, отсутствие крайностей, «шараханий» в сторону противоположных оценок. При обсуждении острых проблем авторы ставят во главу угла факты. Весьма существенным представляется отказ от былых нигилистических оценок состояния музейного дела и политики правящих кругов в XVIII — начале XX в., от бытовавшего, в частности, суждения, что музейная сеть формировалась тогда стихийно, без помощи властей. Напротив, мы узнаем, что советские историки не изучали специально дореволюционную музейную сеть. А в ней насчитывалось не менее 650 музеев (ч. I, с. 76—77). Эта цифра впечатляет: ведь при всем «непрерывном» росте числа музеев в советские годы страна в 1975 г. располагала 661 музеем (из них 245 филиалов), и только к 1985 г. обозначился рост — 920 музеев (в том числе 571 филиал) (ч. 2, с. 226). В этой связи нельзя не подчеркнуть насущность систематической разработки ряда аспектов рассматриваемой проблемы: развития сети музеев, изменения в их штатах, осуществления госу-

дарственного финансирования в разные периоды. Пока же, как признают сами авторы, эти важные показатели музейной политики носят фрагментарный характер. Не менее необходимы сводные данные о профилировании музеев, об их размещении в различных регионах страны, в центре и в провинции.

Не может не интересоваться нас, как освещено состояние и изучение музейного фонда, тех богатств отечественной культуры, хранение которых в музеях организовано далеко не одинаково. Всех взволновали публикации последних лет о музейных распродажах. Эта проблема отражена в очерках Г. А. Кузиной и В. И. Златоустовой, правда, не так детально, как хотелось бы, но достаточно убедительно. Как «страшный удар по культурному наследию» (ч. I, с. 141) оценивает Г. А. Кузина процесс бездумной торговли музейными ценностями. Уже в 1922 г. Наркомпрос и Совнарком санкционировали снятие с государственного учета и направление в торговый оборот предметов из национализированных частных собраний. Следующим этапом стали ликвидация в 1927 г. Государственного музейного фонда и передача музейных предметов Антиквариату Наркомвнешторга для их экспорта. И, наконец, последовала очередь «массовых продаж шедевров Эрмитажа и других музеев» (ч. I, с. 140).

Справедливо утверждение Д. С. Лихачева: если добрые поступки не нуждаются в объяснениях, то дурные дела, напротив, рождают в свое оправдание всякого рода «теории»². В 1920-е и 1930-е гг. были в ходу вульгарно-социологические представления об «идеологически вредном» народу искусстве, о «романовском хламе», о нецелесообразности сохранять целиком культурные ценности и т. п. К этим трагическим в истории музеев и постыдным для руководства страны страницам истории следует отнести горький вывод Г. А. Кузиной: «Государство, сосредоточив в своих руках огромные богатства, не сумело обеспечить их сохранность» (ч. I, с. 129). И хотя вывод сделан в отношении начала 20-х гг., его можно распространить и на последующие периоды. Тем более, что приведенные далее В. И. Златоустовой относительно 1945—1985 гг. данные о состоянии музейных фондов вызывают тревогу за те 23 млн. единиц хранения памятников истории и культуры, которые составляли на 1 января 1984 г. основной фонд РСФСР (ч. I, с. 285).

А чего стоят такие поразительные факты: единственная за все советские годы свертка фондов продолжалась более 10 лет и за-

вершилась лишь к 1985 г.; за эти же годы было построено только пять новых музейных зданий; до сих пор не преодолены препятствия на пути создания сводного каталога музейного фонда... Все содержание книги подводит историков культуры вновь и вновь к осмыслению серьезнейших вопросов (которые, конечно, не входят в рамки исследуемой в рецензируемом труде темы): как же мы оценивали принципы культурной политики Советского государства и Коммунистической партии, в частности, их отношение к культурному наследию, почему прошли мимо многих существенных расхождений между верными теоретическими декларациями и реальной политикой в этой области?

Авторы остановились на фактах необоснованных репрессий в отношении музейных работников в 1920-е и 1930-е гг. Подлинные же масштабы репрессий пока еще в целом не изучены. Заметим, что полнокровное освещение темы «Музей и власть» невозможно, если не дать слово самим музейным работникам, их воспоминаниям; а с другой стороны, без индивидуальных характеристик тех, кто сыграл важную роль в жизни музеев. Здесь нужны объективные оценки не только Петра I и Екатерины II, но и Александра III, не только А. В. Луначарского, но и Н. И. Троцкой, а относительно научно-художественной общественности — А. Н. Бенуа, И. Э. Грабаря, Г. А. Малицкого и многих других. Желательно было дополнить научно-справочный аппарат издания (указатели имен, организаций, обществ и учреждений) биографическими данными музейных деятелей.

Трудно даже перечислить то новое, что несет рецензируемый труд в оценках, в документальных материалах. С большинством выводов нельзя не согласиться. И в том числе с одним

из основных, который доказывается всем содержанием очерков по советскому периоду: политика идеологизации, политизации музейного дела, обозначившаяся с середины 1920-х гг., во многом извратила предназначенную музеям роль в культурной жизни страны.

В заключение отметим такой, на наш взгляд, более чем важный аспект проведенного исследования — нравственный. О нем говорит А. И. Фролов; музееведение обязано устанавливать истинные приоритеты, знать как заслуги, так и заблуждения и ошибки в развитии музееведческой мысли и практики. В этой связи автор критически анализирует деятельность НИИ культуры, более пятидесяти лет являющегося ведущим научным центром и, следовательно, оказывающим влияние на формирование музейной политики. Замечания по адресу института высказывают и другие авторы. Такая самокритика кажется нам уместной и плодотворной.

Обобщая исторический опыт музейного дела в России, рецензируемый труд во многом обращен к делам сегодняшним. Нуждается в осмыслении концепция развития музейного дела, требуются новые формы и методы руководства; музеи должны занять существенное место в возрождении культуры, для чего, наконец, будут созданы реальные возможности. Возобновление серии «Очерков истории музейного дела», надо надеяться, получит продолжение, достойное рассмотренного издания.

Л. В. Иванова

Примечания

¹ См.: Вехи. 1993. Январь. Вып. 1.

² Там же.

Б. КРОЧЕ И Е. В. ТАРЛЕ

В последнее время журнал «Отечественная история» опубликовал ряд материалов, прежде всего об Отечественной войне 1812 г., в которых так или иначе шла речь о выдающемся историке Е. В. Тарле (1874—1955)¹. О нем написано много статей, рецензий, обзоров; в 1977 г. появилась научно-популярная биография ученого². Однако до сих пор не учтены отзывы о научных трудах Тарле, появившиеся в ино-

странный печати³. В. И. Антюхина-Московченко, близко знавшая Е. В. Тарле, отмечала: «Будучи настоящим большим ученым, Евгений Викторович всегда считался со справедливой, обоснованной критикой его работ, от кого бы она ни исходила»⁴.

Представляют интерес частный пример отношения Е. В. Тарле к Бенедетто Кроче — критику его работы, а также обоснованные

замечания последнего. Крупнейший историк и философ Б. Кроче (1866—1952), объективный идеалист и неогегельянец, еще в конце XIX в. порвал с позитивизмом и марксизмом. Вскоре после установления фашистской диктатуры в Италии создал новую историко-философскую концепцию, известную под названием «этико-политической истории». Рассматривая борьбу за свободу как пружину исторического развития, как моральный идеал, он противопоставлял эту борьбу концепции силы и государства, господствовавшей в трудах историков XIX — начала XX в. В отличие от большинства своих современников, он критически относился к идейному наследию Л. Ранке и не увлекался изучением дипломатической и военной истории, созданием художественных портретов исторических деятелей. Новую концепцию он разработал в двух больших обобщающих трудах — «История Италии с 1871 по 1915 г.» и «История Европы в XIX веке», своим острием направленных против фашистской идеологии, культа силы и государства. Эти труды оказали влияние на развитие итальянской (и не только) историографии и вызвали резонанс в разных европейских странах.

Нет возможности точно указать, когда Тарле впервые познакомился с трудами Кроче, знатока Гёте и Гегеля, стремившегося пересадить гегельянство на итальянскую почву. Тарле высоко оценивал общесоциологическую концепцию и исходные методологические положения труда французских позитивистов Лависса и Рамбо «История XIX века»; но в 1938 г. при переиздании этого сочинения он высказал серьезные замечания, сославшись на Б. Кроче⁵. К этому времени в Милане читатели получили итальянский перевод «Наполеона» Тарле, написанного двумя годами ранее в неблагоприятной для недавно вернувшегося из ссылки автора обстановке. В атмосфере утверждения «культа личности» Сталина выход в свет этой книги в СССР был заметным событием, вызвавшим столь широкий интерес, что в 1939 г. «Наполеон» был переиздан. Но как сильно новое издание отличалось от первого! На такое изменение, несомненно, повлияли отклики, появившиеся в печати в 1937—1938 гг. В числе их авторов были и некоторые видные историки, в том числе Б. Кроче.

Кроче мало знал и ценил Россию, русскую культуру. В «Истории Европы в XIX веке» он отрицал, что Россия в первой половине XIX в. «стала частью Европы»⁶. Он

нигилистически оценивал восстание декабристов и роль России в разгроме наполеоновской империи и послевоенном устройстве Европы. Прочитав книгу Тарле, в которой значительное внимание уделялось 1812 г., Кроче сразу же счел необходимым на нее откликнуться; уже в январе 1939 г. в своем журнале «Критика», который вел полемику с германскими и итальянскими историками националистической ориентации, Кроче поместил обширную статью, посвященную разбору «Наполеона». Поскольку Тарле ознакомился, конечно, с этой рецензией и учел содержащиеся в ней замечания, работая над вторым изданием своей книги, она заслуживает внимания.

Кроче недоумевал по поводу выхода книги Тарле в Милане в 1938 г.: «Поистине не понимаю, почему из многих ценных других работ по этому сюжету для перевода на итальянский язык выбран „Наполеон“ Тарле»⁷. Однако отмечал одновременно, что книга «в целом написана на основе точных данных». Далее им было высказано несколько замечаний историографического характера. Он утверждал: «Тарле так захвачен сюжетом и описывает (наполеоновскую. — М. Д.) эпопею с чувством едва сдерживаемого восхищения, которое на страницах его книги проявляется повсюду...»; но «чувство изумления недостаточно для исторического исследования», и некоторые места книги «в более точном смысле историй не являются». Задача исследователя не состоит в том, чтобы восхвалять «наполеоновскую эпопею», как это делали французские авторы, или развенчивать ее, сводить к прозе, даже сатире, сарказму, издевке и высмеиванию, как это делали многие английские авторы. «Чтобы создать историческое исследование, следует не принижать величие той или иной эпохи, но выявить ее дух и перейти от созерцания ее эпического и драматического развития к настоящей задаче историографии, к анализу жизни и образа мыслей, религиозной и нравственной деятельности человечества в его непрерывном и поучительном развитии, к созданию более глубоких ценностей и более сложных форм».

Высказываясь как против субъективистского, так и объективистского подходов, Кроче считал, что всестороннее и объективное освещение позволит воздать любому историческому персонажу «должное, единственное, что воздает и может воздать историография: понимание произошедшего». Соглашаясь, что в книге Тарле постоянно присутствует забота о научности,

рецензент нашел в ней такие два недостатка: первый — «второстепенного значения и литературного характера», выражающийся в том, что Тарле «подходит к пониманию исторических событий и к суждению о них как к элементу, сопровождающему повествование (мы его назвали „эпическим“), тогда как следует не сопровождать повествование, а растворять и преобразовывать его». Другой недостаток — «более существенный и серьезный, ибо он носит характер логический или философский», заключающийся в разных шаблонных утверждениях («штампах» исторического материализма): к ним автор прибегает, излагая свою интерпретацию и оценку событий. «Возможно, профессор Ленинградского университета, каким является Тарле, по долгу службы в тоталитарном государстве, вынужден повседневно служить марксистскую мессу, заповеди которой он в сердце своем не разделяет, как это часто случается у священников»⁸.

Одна из таких формул, по мнению Кроче, вывод Тарле о том, что «конструктивная роль Наполеона как создателя внешних форм государственной надстройки буржуазного экономического владычества больше всего была выявлена именно в годы Консульства. И это дало ему колоссальную популярность не только в первые годы его правления, но и сообщило особенно лучезарный блеск первым годам его консульства в глазах позднейших буржуазных историков, отражавших взгляды восторжествовавшего класса»⁹.

В рецензии выражено несогласие с рядом положений книги, в особенности со следующим утверждением Тарле, содержащимся в заключении: «Французская буржуазная революция, осуществляя свою историческую цель — свержение феодального и установление буржуазного строя,— могла осуществить эту цель и установлением демократической республики (использовав движение народных масс в первые годы революции для окончательного сокрушения феодализма), и этого-то боялась крупная городская буржуазия. Окончание революции диктатурой Наполеона знаменовало прежде всего победу крупнобуржуазных элементов над той плебейской стихией, которая в 1789—1794 гг. до 9 термидора сыграла такую важную революционную роль. При этом собственническое крестьянство, интересы которого от попыток феодальной реставрации ограждал Наполеон, всецело поддержало со своей стороны его диктатуру»¹⁰. Кроче комментировал приведенное положение так: «Верно, что это типичное крестьянство, по мнению Тарле, не было „на-

стоящим крестьянством“, ибо он, опираясь на священный текст Маркса, полагает, что оно было консервативным и нереволюционным. (Здесь мне кажется, что он впадает в логическое противоречие: крестьянство сперва определяется как коммунистическое и революционное, затем, поскольку в действительности оно таким не было, отрицает, что оно было крестьянством.) В результате он оспаривает, что Наполеона можно называть „завершителем революции“. Ибо, напротив, «на том фундаменте, который создала революция, он выстроил стройное и прочное здание для французской буржуазии».

«Этот вывод,— писал Кроче,— мне кажется нелогичным, ибо Наполеона, упрочившего господство буржуазии, изображает подлинным вершителем революции 1789 г., которую исторические материалисты определяют как буржуазную революцию. Но логика экономическая, которую автор пытается найти в ходе исторических событий, осмысливая и развивая их, постоянно опровергается приводимыми им самим фактами».

К числу подобных фактов Кроче отнес отобранное в книге Тарле отношение рабочего населения Парижа к известию о победе Наполеона при Маренго. «Восторг был полным,— пишет Тарле,— не только в буржуазных, но и в рабочих кварталах, в Сент-Антуанском предместье до поздней ночи шли танцы на улице, все кабаки и таверны были полны народом; по самым разнообразным свидетельствам, давно уже в этих местах голода, нищеты, подавленности и безработицы не царил такого оживления. Конечно, рабочие тогда не могли еще предвидеть, что новый владыка сдавит их окончательно железной рукой»¹¹.

«Но такая наивность, такая непредусмотрительность и такое невежество,— по мнению Кроче,— не должны были бы проявиться и повториться спустя 15 лет антипролетарского и антирабочего угнетения, которое, по словам Тарле, осуществляла буржуазная диктатура Наполеона... Он сам же рассказывает, что при падении Наполеона „в рабочих предместьях, как нигде, проявилась ненависть против иностранной интервенции и господства Бурбонов“». И отмечал: «Все эти противоречия вызывают некоторые другие сомнения относительно его суждений, что Наполеон будто бы мог добиться замечательных успехов и прочного господства, „если бы в египетской деревне стал защищать феллахов, эксплуатируемых арабской буржуазией“! Или же если

бы в России он решился „поднять восстание крестьян против помещиков, освободив их от крепостной зависимости“. Как же экономические расчеты, столь ошибочные в жизни, оказываются столь произвольным в истории! Люди бывают такими странными в жизни, с такими разными чувствами в сердце и фантазиями в голове. Не понимаю, почему автор осмеивает как „утверждение буржуазных историков“ мнение, что наполеоновский конкордат был „чудом государственной мудрости“, и возмущается тем, что Наполеон сделал ставку на „черную армию католических священников“, стремясь „окончательно задушить ненавистную просветительскую и революционную идеологию“¹².

Рецензент подчеркивал, что число таких мелких замечаний он мог бы умножить. И сделал вывод: руководствуясь канонами «исторического материализма», историю Франции наполеоновской эпохи объяснить невозможно.

Уже в издании «Наполеона» 1939 г. автор учел многие замечания и отказался от некоторых неточных или слабо аргументированных формулировок, отдававших дань классовому схематизму. Свою концепцию Тарле сформулировал более четко: Наполеон «действительно взял от революции, использовал то, что она сделала для развития экономической деятельности крупной французской буржуазии, и потушил революционную бурю. Следовательно, его ни в какой степени нельзя считать „завершителем“ революции, а с полным правом необходимо считать ее ликвидатором»¹³.

Раскрыв лицо стремящегося к мировому господству диктатора, работа Тарле в то же время показывала, что Наполеона и его войны никоим образом нельзя считать прямым продолжателем Великой Французской революции¹⁴. Причину того, что «Наполеон» пользуется необычайным успехом, современный итальянский историк Франко Вентури увидел «в самом мотиве, побудившем ее написать»¹⁵.

Представляется, что к этому следует добавить: Тарле учитывал достижения исследователей различных направлений; он также на конкретном материале возвращался к «вечной» проблеме революции и реакции, выделял значение борьбы за демократию и свободу. Один из последователей «этико-политической истории» — президент Международного комитета исторических наук Ф. Шабо (1901—1960), полемизируя, в частности, с многочисленными апологетами Меттерниха, под-

черкивал, что реакция, восторжествовавшая после разгрома Наполеоновской империи, означала отказ от «понятий нации и Родины, как и от идеи свободы, могучих духовных сил, унаследованных от революции», которые Меттерних, как и Наполеон, «не только игнорировал, но и стремился уничтожить»¹⁶.

Лучшие произведения Тарле сохраняют значимость, ясно показывая, что национальный нигилизм так же несовместим с научностью, как и национальный эгоизм.

М. А. Додолев

Примечания

¹ Отечественная история. 1992. № 2. С. 196—197; № 6. С. 189, 192; 1993. № 2. С. 204—205.

² См.: Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. М., 1977.

³ В списке литературы о Е. В. Тарле не упоминается ни одна иностранная работа. См.: Чапкевич Е. И. Указ. соч. С. 124—125.

⁴ Антюхина-Московченко В. И. Ученый-патриот Е. В. Тарле // Новая и новейшая история. 1966. № 4. С. 38.

⁵ Тарле Е. В. Сочинения. Т. 11. М., 1961. С. 738.

⁶ Croce B. Storia d'Europa Nel secolo decimonono. Bari, 1965. P. 55—76. См. также: Croce B. Essays on Marx and Russia. N. Y., 1966. Из работ Тарле Кроче знал только вторую часть «Континентальной блокады» — «Экономическую жизнь королевства Италии», переведенную в 1928 г. во Франции. Итальянский исследователь Е. Казерта в своей книге (опубликованной на английском языке) констатировал, что «в большинстве случаев критика Кроче была более деструктивной, чем конструктивной». Автор не включил в библиографию работ Кроче его рецензию на «Наполеона» Тарле. См.: Caserta E. G. Croce and Marxism. From the Years of Revisionism to the Last Post-War Period. Napoli, 1987. P. 116—200.

⁷ Здесь и далее цитируется по изданию «La Critica. Rivista di letteratura, storia e filosofia, diretta da V. Croce». 1939.

⁸ Б. Кроче решительно выступал против конкордата государства и церкви, предусмотренного Латеранскими соглашениями, заключенными в 1929 г. между фашистской Италией и Ватиканом, и неоднократно использовал свою рецензию для критики этих соглашений.

⁹ Цит. по: Тарле Е. Наполеон. М., 1936. С. 117. Итальянский переводчик в этом месте допустил некоторые неточности, искажавшие утверждение Тарле. Так, например, «взгляды восторжествовавшего класса» он перевел как «взгляды имущих классов».

¹⁰ Там же. С. 564.

¹¹ Там же. С. 141. Уже во втором издании книги Тарле почти полностью отказался от этого пассажа и переработал заключение. См.: Тарле Е. Наполеон. М., 1939. С. 77—78.

¹² См. там же. М., 1939. С. 164. С выска-

званиями Тарле по адресу «буржуазных историков» не согласился и английский историк Э. Вудворд (*The Spectator* 1937. 4 May). Во втором издании «Наполеона» Тарле отказался от своего иронического замечания. См.: Архив Российской академии наук, ф. 627, оп. 1, д. 287.

¹³ Тарле Е. Наполеон. М., 1936. С. 564; то же. М., 1939. С. 305.

¹⁴ Современный американский историк Р. Альбрехт-Каррие (его книга в 1978 г. была издана на итальянском языке) утверждает: «На-

полеоновский эпизод и революция с точки зрения их последствий для Европы составляют единое целое. Таким образом, с утверждением Наполеона, что он был сыном революции, можно согласиться». См.: Albrecht-Carrie R. *A Diplomatic History of Europe Since the Congress of Vienna*. N. Y., 1958. P. 153.

¹⁵ Venturi F. *Historians du XX siècle*. Genève, 1966. P. 134.

¹⁶ Chabod Fr. *Storia dell'idea d'Europa*. Bari, 1962. P. 157.

Письма наших читателей

В редакцию часто обращаются читатели с просьбой рассказать о том или ином событии, факте истории. В этом номере на одно из таких писем — о движении российских скаутов — отвечает Григорий Крайнов.

СКАУТЫ В РОССИИ

Впервые отряды скаутов (от англ. *scout* — разведчик) были созданы в британской армии в период англо-бурской войны. Родоначальником скаутизма считается талантливый педагог-романтик полковник Роберт Баден-Поуэлл. Целью скаутских организаций была подготовка подростков и молодежи к армейской службе, осуществляемая в процессе увлекательной игры в разведчиков.

В России скаутское движение зародилось в 1910 г. Первые скаутские организации появились в Царском Селе под руководством полковника О. Н. Пантюхова и в Москве под руководством капитана Г. А. Захарченко. В скаутские отряды входили в основном мальчики из семей военных, служащих и торговцев. В 1914 г. возникло содействие мальчикам-разведчикам «Русский скаут», которым руководил вице-адмирал И. Ф. Бострем и которому покровительствовала великая княгиня Елизавета Федоровна. Секретарем этого общества был скульптор И. Н. Жуков. Вскоре скаутское движение получило широкое распространение. В 1914 г. в стране насчитывалось уже более 50 тыс. скаутов.

В годы первой мировой войны многие скауты служили в разведке русской армии, добывая сведения о противнике. Скауты, как и русские офицеры, дорожили честью и достоинством своей организации. Их привлекали в ней кастовость, таинственность, необычная форма бойскаутов (мальчиков) и гёрлскаутов (девочек), но главное — самостоятельность в достижении поставленных задач. Скаутизм был общественно значимым движением, воспитывая в скаутах милосердие, рыцарство, стремление оказывать окружающим помощь. У скаутов были обязательные молитвы по утрам со словами: «Господи! Помоги мне сегодня быть лучше, чем я был вчера!», по вечерам: «Господи! Помоги мне быть завтра лучше, чем я был сегодня!» Таким образом, в сознании подростков формировалась потребность в самосовершенствовании.

Октябрьский переворот 1917 г. внес раскол в ряды скаутов. Большая их часть оказалась на стороне белогвардейцев. В армиях Колчака, Деникина и других белых генералов были специальные лица, ответственные за работу с ними. Так, принимая пост начальника донских скаутов, полковник Козлов указал им на большевиков как на врагов: «Перед нами дракон большевизма и сытого безучастия к черному горю. Впереди борьба за величие и счастье России. Так будем же неустанно готовиться к борьбе!»¹ Скауты в это время работали в составе трудовых дружин в тылу, ремонтировали дороги, организовывали концерты, перечисляя деньги белой армии, работали в Осваге (Осведомительном агентстве) у Деникина и Врангеля, в Осведфронте у Колчака, распространяли плакаты, воззвания, газеты и т. д.

Были среди скаутов и те, кто пошел за большевиками и, вступив в комсомол, действовали в подполье против белогвардейцев. Среди них — О. Тарханов, Н. Максимова, М. Лозинский — будущие комсомольские работники и многие другие. Некоторые скауты оставались в стороне от политической борьбы в годы гражданской войны и вынуждены были перейти на сторону комсомола уже в 20-е гг. В основном это были люди, любившие работу с детьми, обладавшие организаторскими и педагогическими способностями, преданные скаутингу.

Гражданская война близилась к завершению, когда комсомол начал активную борьбу с непролетарскими молодежными союзами и организациями. Осенью 1920 г. секретарем ЦК РКСМ Е. Цетлиным был разработан план ликвидации скаутских организаций. Для подрыва их изнутри предполагалось ввести в руководящие органы скаутских организаций комсомольцев. В то же время была создана комиссия по изучению применяемой в «конкурирующей организации» системы физического воспитания. Тогда же скаутмастера предложили свои услуги Всеобучу — организации, которая при военных комиссариатах готовила допризывную молодежь к службе в армии. Изучение солдатского строя, азбуки Морзе, флажковой связи, оказание первой медицинской помощи, ориентирование на

местности — все это скаутмастера могли дать допризывной молодежи, и скаутские организации вначале получили поддержку со стороны Всевобуча.

Действовавшие в стране скаутские дружины не имели единого руководящего центра, но общались между собой через информационные бюро. Вместе с тем существовала стойкая тенденция к объединению скаутов во всероссийском масштабе. Скаутские дружины, солидарные с советской властью, вынуждены были внести некоторые изменения в тексты своих законов и обычаев. В 1920 г. они выглядели так:

Законы

1. Скаут — друг трудящихся.
2. Скаут честен, скром и правдив.
3. Скаут — брат всем скаутам.
4. Скаут помогает трудовым братьям.
5. Скаут точно выполняет приказания своих руководителей, если они не противоречат законам скаутов.
6. Скаут вежлив и услужлив со всеми, особенно же со старыми и малыми.
7. Скаут — друг животных, защитник и покровитель их.
8. Скаут всегда бодр, весел и никогда не падает духом.
9. Скаут бережлив и уважает чужой труд.
10. Скаут чист в своих мыслях, словах и на деле.
11. Скаут трудолюбив и настойчив в задуманном.
12. Скаут постоянно укрепляет свое тело и совершенствует ум и характер.

Обычаи

1. Скаут моется часто и тщательно, не забывая шею, уши и всего тела.
2. Скаут полощет и чистит зубы, особенно после еды, помня, что они друзья желудка.
3. Скаут стоит, ходит и сидит прямо, не горбясь.
4. Скаут, увидев человека в затруднении, не стесняется предложить свои услуги и помочь ему.
5. Скаут не курит ни явно, ни тайно, помня, что курение разрушает легкие и отравляет кровь.
6. Скаут дышит носом, быстро ходит, легко бегает, умеет плавать, ходить на коньках и лыжах.
7. Скаут старается улыбаться, когда больно, и не падает духом, когда тяжело.
8. Скаут не держит руки в карманах, иначе не будет всегда готов.
9. Скаут не принимает подачек, а лишь вознаграждение за свой труд.
10. Скаут открыто и прямо смотрит в глаза каждому человеку, он чист в своих мыслях, словах и на деле.
11. Скаут всегда помнит свой девиз: будь готов!

Следует отметить, что эти законы и обычаи основывались на общей системе «скаутинг». Изменения коснулись лишь некоторых положений: вместо «верности Богу, царю и отечеству» было записано «скаут — друг трудящихся» и «скаут помогает трудовым братьям». Остальное сохранилось почти без изменений.

Первая половина 1921 г. для скаутских организаций прошла относительно спокойно. Защищенные от преследований Всевобучем, скаутмастера сохранили свои патрули, отряды, дружины. Те скаутские организации, которые не имели такого покровительства, продолжали работать нелегально. Однако в 1922—1923 гг. ЦК РКСМ рассылает три секретных письма «О некоммунистических организациях молодежи». Эти письма обнаружены нами в бывших партийных архивах Марийской, Татарской и Чувашской АССР. Решением ЦК РКСМ от 24 мая 1922 г. было предписано зачитывать письма на пленумах губкомов, обкомов и хранить наравне с шифром². В этих секретных письмах, особенно в третьем, дается информация о скаутских организациях в стране и определяется тактика комсомола к ним.

В третьем письме ЦК РКСМ отмечается, что по численности, возрастному и социальному составу организации скаутов не могут серьезно конкурировать с РКСМ, «но многие местные организации КСМ и отдельные советские органы неправильно поняли тактику комсомола по отношению к скаутам и впоследствии это способствовало их легализации и укреплению». В письме сообщалось, что в 1923 г. в России насчитывалось до 15 тыс. скаутов³.

II Всероссийская конференция РКСМ 19 мая 1922 г. приняла резолюцию о самоорганизации проле-

тарских детей и созданию по примеру Москвы пионерских отрядов на основе реорганизованной системы «скаутинг». После конференции группа скаутмастеров Москвы опубликовала Декларацию о поддержке создания детского движения («юных пионеров») в РСФСР. Эта декларация (тираж 2,5 тыс. экз.) была разослана по стране скаутским Информационным бюро. Под декларацией подписались 18 скаутмастеров, некоторые из которых были уже членами РКСМ (например, Н. Фатьянов, В. Зорин, Я. Смоляров, И. Стремяков, Е. Смородин и др.). После опубликования этой декларации среди скаутов страны произошло политическое размежевание и образовалось три течения. В третьем секретном письме ЦК РКСМ дается их характеристика.

Первое течение, самое многочисленное, состояло из скаутов, перешедших на позиции комсомола и преданных советской власти. Они были согласны сотрудничать с РКСМ на любых условиях. В Москве, Орле, Кременчуге группа скаутмастеров, основываясь на упомянутой декларации, призвала объединяться вокруг РКСМ и организовать движение «юных пионеров» на принципе «скаутинга», изъять из него старые элементы. «Отношение остальных скаутмастеров к этим скаутмастерам, — отмечается в письме, — явно враждебное»⁴. Здесь же приводится выписка из доклада на московском съезде скаутмастеров, в котором говорилось о критике скаутмастером А. Брешковым позиций «левых» скаутмастеров первого течения: «Комсомол не созрел, мы разочарованы в его работе. Я надеялся на то, что комсомольцы станут скаутмастерами, но, к сожалению, приходится отмечать, что некоторые сами сделали комсомольцами»⁵.

Второе течение скаутов образовалось под руководством И. Жукова, «Старшего друга скаутов РСФСР и ДВР», как он себя называл. Он поддерживал связь с Н. К. Крупской. Чтобы привлечь внимание учительства и комсомола к системе «скаутинг», осенью 1921 г. Крупская написала брошюру «РКСМ и бойскаутизм»⁶, в которой советовала не отбрасывать с порога скаутизм, а использовать многие его элементы. 1 декабря 1921 г. на заседании научно-педагогической секции Государственного ученого совета Крупская вновь поставила вопрос о бойскаутизме. На него был приглашен и Жуков. Выступая, он отстаивал право скаутизма на существование. Жуков говорил, что скаутинг, создавая яркие образы разведчика и рыцаря, развивает, воспитывает подростка, что в скаутизме буржуазна не суть, а оболочка. Но заместитель наркома просвещения М. Н. Покровский принципиально возразил; что в системе «скаутинг» буржуазна не оболочка, а сущность и что только союз молодежи (т. е. комсомол) может развить пролетарскую солидарность. При этом следует начинать работу среди детей не с 12-летнего, а с 8-летнего возраста⁷. Председательствующая на заседании Крупская на сей раз не выступала. Но ее позиция окончательно прояснилась в резолюции ЦК РКСМ от 30 декабря 1921 г., которая была принята на основе ее советов. В резолюции отмечалось, что целью бойскаутизма до революции являлось формирование из среды молодежи всех классов активных борцов за существование буржуазного строя и был сделан вывод о недопустимости устройства отделений российских скаутов. «Нельзя влить в скаутскую организацию иной дух... От попыток сохранения скаутизма нужно раз и навсегда отказаться». Однако далее было сказано, что методы бойскаутизма, основанные на прекрасном знании психологии переходного возраста, «должны быть внесены как в практику РКСМ младшего возраста, по преимуществу 14—16 лет, так и в практику единой трудовой школы»⁸.

Позиция И. Жукова была несколько иной. В третьем секретном письме ЦК РКСМ отмечается, что группа Жукова стоит за обновление скаутинга и в целом ориентирована на советскую власть, выступает за классовое воспитание подрастающего поколения, но сохраняет и традиции старого скаутинга. В письме отмечается, что «эта группа еще не изжила целиком традиции старого скаутизма, она боится раскола в скаутской среде, очень часто не понимает или не хочет понимать, почему многое в старом скаутинге неприемлемо для пролетариата: она заражена филантропизмом»⁹.

В своем письме к скаутам Одессы Жуков писал: «Часть социалистов-революционеров, неожиданно вставшая перед необходимостью работать с РКСМ, растерялась. С ней случилось то же, что и со всей русской интеллигенцией, вставшей неожиданно перед необходимостью в 1918 г. работать с советской властью. Вместо работы значительная часть ее занималась саботажем и волынкой, что нанесло существенный ущерб своему народу. Но, конечно, неумолимый ход истории и твердая рука советской власти заставили интеллигенцию отказаться от саботажа... То же самое случится и с этой частью оторопевших скаутмастеров, их саботаж (невольный или вольный) будет изжит. Они увидят, что другого пути нет». И далее «Воспитание должно быть классовым, т. е. направленным в интересах рабоче-крестьянской республики. Ведь и прежде, до революции, воспитание было тоже классовое, направленное в интересах господствующего тогда слоя. Таковым оно является и во всех странах всего мира. Теперь неклассовым воспитание делается только тогда, когда социальная революция уничтожит деление людей на классы и на земле будет жить единое трудящееся человечество. Тогда и воспитание будет общечеловеческим»¹⁰.

Следует отметить, что группа Жукова была многочисленной и наиболее образованной, но в письме ЦК РКСМ ей была дана такая оценка: «политически безличная, не способная на какие-либо активные выступления, когда ей приходится бороться, она теряется между правыми и левыми»¹¹.

Третье течение скаутов организовалось вокруг скаутмастера В. Попова (автора известной песни «Картошка»). Эта группа не подписала и не признала Московскую декларацию, призывавшую перейти на позиции комсомола. Группу Попова поддержали руководители еврейских скаутов при обществе «Маккаби» и ряд других скаутских дружин. В третьем письме ЦК РКСМ отмечается, что группа Попова — «это самая реакционная группа, поддерживающая тесную связь с заграничными скаутскими организациями и с белогвардейскими эмигрантами-скаутами, со „старшим другом скаутов“ О. Пантюховым, находящимся в Константинополе»¹². «Эта группа была представлена отрядами скаутов в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде, Ижевске, в Поволжье, и самая реакционная часть скаутских организаций — Дон и Кубань», — отмечалось в письме¹³.

По вопросу о совместной работе с РКСМ В. Попов, обращаясь к скаутмастерам Ростова-на-Дону, писал: «Таскать из огня каштаны для других — для РКСМ — при помощи скаутинга — дело непристойное для истинного скаутмастера. Чем легче мы сдаем свои позиции, тем с меньшим уважением относимся к нам „победители“». Однако в некоторых случаях В. Попов находит возможным пользоваться вывеской РКСМ для легализации старого скаутинга, но предостерегает: «При вступлении в дружины (пионерские.— Г. К.) следует выставлять ряд условий, безоговорочно идти не следует»¹⁴.

Во исполнение резолюции II Всероссийской конференции РКСМ об организации движения пролетарских детей (май 1922 г.) в июне 1922 г. Секретариат ЦК комсомола высказался за создание при ЦК под руководством политпросветотдела Бюро по работе среди детей из 7 человек. Политпросветотдел ЦК РКСМ тогда возглавлял Николай Чаплин, он же стал первым руководителем создаваемой пионерской организации. В бюро также вошли В. Рогов (представитель МК РКСМ), А. Брюханов (представитель военно-спортивной комиссии ЦК РКСМ), Г. Гильдендорф (помощник старшего скаутмастера Москвы), скаутмастера В. Зорин, М. Власов. Позиция этого Бюро была враждебной к скаутизму как движению, но в то же время оно в своей работе опиралось на опыт скаутинга как воспитательной системы. Комсомол, отрицая скаутизм как детское движение, изъясил из употребления слова «скаут», «скаутизм», но не смог придумать что-то новое, а при создании пионерского движения использовал, присвоил многие атрибуты скаутинга. По сути дела пионерское движение было реформированным скаутингом на коммунистической платформе.

В августе 1922 г. руководство скаутмастеров обратилось в ЦК РКСМ с просьбой разрешить провести совещание представителей скаутов страны. Для обсуждения этого вопроса собралось специальное закрытое заседание Бюро ЦК комсомола, на котором присутствовали Смородин, Тарханов, Файвилович, Чаплин, Шохин, Рогов. Все, кроме Тарханова, высказались против проведения такого совещания. У Тарханова аргументы были таковы: разрешить проведение совещания или его запретить это прерогатива органов советской власти, мы же можем выслушать скаутмастеров и постараться привлечь их на свою сторону. Однако Бюро высказалось против оказания содействия скаутмастерам со стороны государственных органов (предоставление помещения, общежития и т. д.). Бюро также посчитало нужным сообщить в органы ГПУ о необходимости наблюдения за скаутмастерами, особенно приехавшими с мест. Правда, арест участников совещания был признан нежелательным. Бюро предлагало составить список всех участников совещания и взять у них подписку об отказе в дальнейшем участвовать в подобной деятельности, а также организовать наблюдение со стороны органов ГПУ за дальнейшей работой каждого скаутмастера¹⁵.

К 27 августа 35 делегатов уже прибыли в Москву. Вместе со столичными скаутмастерами они представляли 50 организаций, объединивших в своих рядах более 8 тыс. скаутов. Делегаты совещания сначала были арестованы чекистами, но потом благодаря посредничеству Тарханова освобождены, и совещание состоялось. На совещании по предложению Тарханова было принято постановление, в котором проводилась мысль, что скаутизм в Советской России должен охватить своей педагогической системой «массы пролетарских детей, должен стать системой пролетарского классового воспитания». Были также приняты постановления о практике работы бойскаутов, гёрлскаутов, волчат (малышей 8—11 лет), о физическом воспитании и другие решения. В условиях жесткого давления на совещании было принято окончательное решение об утверждении названия «пионер» и замене изображения на значке лилии костром с «улыбкой» (ленточкой с надписью «Будь готов!»). По предложению ЦК комсомола было принято решение о создании Главной квартиры пионеров как единого руководящего центра движения. Участнику совещания скаутмастеру И. Жукову было присвоено новое звание — «Старший пионер республики»¹⁶.

14 сентября 1922 г. было создано Центральное бюро детских групп (Главквартира юных пионеров),

которое возглавил О. Тарханов. В него также вошли Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, бывшие скаутмастера И. Жуков, А. Брюшков, А. Самцов. Последний писал петроградским скаутам: «Неделю назад кончилось Всероссийское совещание скаутмастеров, на котором вас почему-то не было... На совещании случился казус: нас арестовало ГПУ. Но потом дело наладилось, и мы благополучно закончили. С РКСМ достигнуто соглашение — остается только приняться за энергичную работу. Союз молодежи оказался совсем не такой уж страшной штукой — работать, по-видимому, можно... Сам я начинаю вновь организацию отряда „юных пионеров“ на окраине города, среди фабрик. Предстоит интересная работа с самым отъявленными хулиганчиками республики». Однако не все скаутмастера одобрили результаты совещания. Многие из них пытались еще действовать независимо. Но это уже было им не под силу.

В третьем секретном письме ЦК РКСМ определялась следующая тактика по отношению к скаутизму: «раскачать единые скаутские ряды» и свести их влияние на нет; ставилась также задача «абсолютного уничтожения враждебного нам буржуазного скаутизма». Предполагалось часть скаутмастеров, лояльных к советской власти, коммунистической партии и комсомолу, «втягивать в ряды коммунистического детского движения, персонально проверяя каждого из них, а остальных разогнать, лишая всякой поддержки, изолировать материально и морально, отряды скаутов расформировать, но не переименовывать их в „юных пионеров“»¹⁷.

В письме также отмечалось: «Если мы привлечем к себе революционных руководителей (первой и отчасти второй групп) и рабочих детей, то разгон всех старых скаутских отрядов произойдет совершенно безболезненно. Вопрос о ликвидации старого скаутизма стоит особенно остро и должен быть прежде всего проведен на Юго-Востоке, в Поволжье, в Нижнем Новгороде и в Питере»¹⁸.

Таким образом, коммунистический режим проводил твердую линию на ликвидацию всех некоммунистических молодежных, детских организаций, в том числе и скаутских. По решению Секретариата ЦК РКСМ от 11 января 1923 г., было созвано совещание из представителей ЦК, ГПУ, Главвсебуча, обсудившее тактику в отношении скаутов. На этом совещании было решено, что Всебуч откажется от скаутмастеров, ГПУ будет и впредь преследовать скаутские организации за их нелегальную деятельность, а ЦК комсомола ультимативно предложит скаутам перейти на комсомольскую платформу. Что-либо противопоставить такому давлению скауты не могли. Белая лилия скаутов сгорела в пламени пионерских костров. Многие бывшие скаутмастера стали вожатыми пионерских отрядов. Так, в 1924 г., ко времени проведения VI съезда РКСМ, среди вожатых страны их было 14,4%, а в отдельных районах эта цифра была значительно больше (например, в ДВР — 41%, в Средней Азии — 25%, в Северо-Двинской губернии — 65%)¹⁹.

Более 70 лет слова «скаут» и «скаутизм» в нашей стране находились под запретом. Однако русский скаутинг так и не был до конца ликвидирован. Он действовал за границей. Русская эмиграция имела в своих рядах немало скаутов, которые не дали погибнуть этому движению. Сама система «скаутинг» оказалась жизнеспособной. За границей сегодня существуют две русские скаутские организации — «Национальная организация русских скаутов» (НОРС) со штаб-квартирой в Париже и организация «Российские юные разведчики» (ОРЮР) со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Представители НОРС считают, что они являются наследниками русского скаутинга за рубежом. Они поддерживают контакты со Всемирной организацией скаутского движения. А ОРЮР много лет была известна как молодежная секция «Народного трудового союза» — политической организации. Поскольку же Всемирная организация скаутского движения считается неполитической организацией, постольку у нее почти отсутствуют контакты с ОРЮР.

Сегодня в нашей стране начинают возрождаться скаутские организации, устанавливаются связи со Всемирной организацией скаутского движения, а также с НОРС и ОРЮР. В ближайшем будущем скаутизм как независимое и неполитическое детское движение может возродиться в России. Этот процесс уже начался.

Г. Крайнов

Примечания

- ¹ Д и т р и х Е. Конец и начало. М.; Л., 1929. С. 49.
- ² Центр документации новейшей истории Марийской республики (далее — ЦДНИ МР), ф. 9, оп. 1, д. 22, л. 100.
- ³ Там же, ф. 9, оп. 1, д. 22, л. 66 об.; ЦДНИ Чувашской республики, ф. 6, оп. 1, д. 1, л. 64 об.
- ⁴ ЦДНИ Татарской республики, ф. 4034, оп. 7, д. 2, л. 7 об.
- ⁵ Там же.

- ⁶ Центр хранения документов молодежных организаций (далее — ЦХД МО), ф. 298, оп. 2, д. 40, л. 74.
- ⁷ Там же, ф. 1, оп. 3, д. 2а, л. 123.
- ⁸ ЦГАРФ, ф. 298, оп. 2, д. 40, л. 83.
- ⁹ ЦДНИ ТР, ф. 4034, оп. 4, д. 2, л. 7 об.
- ¹⁰ ЦДНИ МР, ф. 9, оп. 1, д. 22, л. 66; ЦДНИ ТР, ф. 4034, оп. 4, д. 2, л. 8.
- ¹¹ ЦДНИ МР, ф. 9, оп. 1, д. 22, л. 66 об; ЦДНИ ТР, ф. 4034, оп. 4, д. 2, л. 8.
- ¹² ЦДНИ МР, ф. 9, оп. 1, д. 22, л. 66 об.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ЦДНИ ТР, ф. 4034, оп. 7, д. 2, л. 7 об.
- ¹⁵ ЦХД МО, ф. 1, оп. 3, д. 3, л. 298.
- ¹⁶ Там же, оп. 4, д. 4, л. 139.
- ¹⁷ ЦДНИ МР, ф. 9, оп. 1, д. 22, л. 66 об.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ О состоянии РКСМ к VI съезду. М., 1924. С. 53.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН создан в 1988 г. (директор института член-корреспондент РАН В. В. Алексеев).

В период осени 1991 — весны 1992 г. ИИиА УРО РАН был переведен на новые принципы организации и финансирования научных исследований, на контрактную систему работы. После экспертизы ученым советом были отобраны 12 научно-исследовательских проектов, утверждены их руководители. В институте осуществлен целевой принцип выделения бюджетных средств, зачисляемых на специальные субсчета каждого проекта. Руководитель расходует их на зарплату, командировки, публикацию результатов исследований и т. д.

Кардинально преобразована структура Института: ликвидированы все сектора и лаборатории. Основным подразделением стала научно-исследовательская группа, реализующая на контрактной основе проект, прошедший утверждение на Ученом совете. Одновременно с этим для координации научной деятельности, организации научно-методической работы, подготовки кадров и организационных мероприятий в структуре института созданы три отдела.

Проведенные мероприятия повысили персональную ответственность за результаты научных исследований, материальную заинтересованность в труде. Заложены основы гибкой системы управления научным коллективом, созданы предпосылки для дополнительного привлечения средств на проведение научных исследований. Все это в комплексе позволяет рассчитывать на то, что эффект новой системы организации и финансирования научных исследований существенно смягчит противоречия вхождения гуманитарной науки в рыночные условия. Первые результаты нового уже видны: по инициативе руководителей ряда проектов заключены договоры на выполнение научных исследований, спонсорские соглашения.

Институтом были подготовлены и изданы два тома «Истории Урала» (т. 1. М., 1989; т. 2. 1990), охватывающие период до 1917 г., два тома «Истории народного хозяйства Урала» (т. 1. Свердловск, 1988; т. 2. 1990). На базе института проведена XXIII сессия Всесоюзного аграрного симпозиума «Аграрный рынок в его историческом развитии», а также VIII Всероссийская конференция по исторической демографии (май 1992 г.). Институт разработал и приступил к реализации программы «Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)». В настоящее время в ее рамках выполняется несколько крупных исследовательских проектов, направленных на изучение демографического, экономического, политического и социокультурного развития края с древнейших времен до наших дней и прогнозирования дальнейшего развития края.

В области археологии и этнографии получены принципиально новые результаты в решении одной из наиболее сложных проблем мировой археологии — ранней истории и этногенеза индо-европейских народов, их взаимодействия с финно-угорскими народами Урало-Поволжского региона.

В Южном Зауралье (городище Аркаим), Волго-Уральском междуречье (Потаповский, Утевский и другие курганные могильники) ведутся фронтальные исследования памятников материальной и духовной культуры древних иранцев, имеющие исключительное значение для изучения индо-иранской проблематики. Совместно со специалистами института экологии растений и животных, Ильменского заповедника УрО РАН, Челябинского госуниверситета создан археолого-экологический заповедник «Аркаим».

В Оренбургской области начато изучение одного из крупнейших в Евразии медных рудников — Каргалинского. В Тюменской области открыто и исследовано самое северное и самое древнее

городище эпохи энеолита — Амня. Интересные результаты в реконструкции хозяйственных и технологических приемов населения Южного Урала и Зауралья периода энеолита получены в рамках проекта «История древних производств». Под Екатеринбургом в комплексе памятников каменного, бронзового и железного веков Палатки ведутся работы по созданию ландшафтно-исторического парка «Истоки Исети».

Существенные результаты получены в области изучения истории Урала XVII—XIX вв. Ведется комплексное историко-этнографическое исследование традиционной культуры и агрикультуры русского населения восточных регионов страны. Частично итоги работы обобщены в монографиях Н. А. Миненко «Культура русских крестьян Зауралья. XVIII — первая половина XIX в.» (М., 1991), «Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII — первой половине XIX в.» (Новосибирск, 1991).

Институт координирует работу по изучению истории казачества Урала, Сибири и Дальнего Востока. Проведены две конференции: «Роль казачества в присоединении и освоении восточных районов Российского государства» (май 1991 г., Свердловск), «Урало-сибирское казачество в панораме веков» (май 1992 г., Томск; совместно с Томским госуниверситетом) с участием ведущих специалистов по данной проблематике, представителей казацких войск и землячеств Москвы, С.-Петербурга, Дона, Кубани, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Ведется работа по подготовке 3-томной монографии «История казачества восточных регионов России в XI—XX вв.»

Реализован первый этап совместного российско-шведского исследовательского проекта «Металлургическая промышленность России и Швеции в XVII—XIX вв.» Проведены два международных научных семинара (апрель 1991 г., Екатеринбург; апрель 1992 г., Упсала, Швеция). По итогам первого семинара опубликован сборник научных трудов «Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период» (Екатеринбург, 1992) на русском и английском языках.

В институте разработан проект по изучению истории горнозаводского хозяйства Демидовых, их роли в развитии производственных связей со странами Европы. Институт стал учредителем Международного Демидовского фонда, созданного под эгидой ЮНЕСКО.

В области отечественной истории XX в. выполнен цикл исследований по истории формирования единого Уральского промышленно-экономического района, организации внешнеэкономической деятельности региона в 1917—1941 гг., геополитическим факторам советского регионального развития, закономерностям и особенностям смены типов индустриального развития.

В рамках проекта «Урал и индустриальные регионы мира» выполнено исследование «Зарубежный опыт антидепресссионной региональной политики» (В. В. Алексеев, К. И. Зубков и др.). Методологические подходы исследовательской группы вызвали интерес у зарубежных партнеров. Совместно с проф. Л. Нитхаммером (Эссен, Германия) разработан проект и начата подготовка коллективной монографии «История индустрии Урала в сопоставлении эпох».

В рамках того же проекта «Урал и индустриальные регионы мира» под руководством В. В. Алексеева разрабатывается новое для отечественной историографии направление, связанное с изучением и сохранением индустриального наследия. Итоги исследований были обобщены в докладах на VIII Международном конгрессе по сохранению индустриального наследия (Мадрид, сентябрь 1992 г.) и на конференции по индустриальной археологии (Ноттингем, Англия, сентябрь 1992 г.). На конгрессе в Мадриде по докладу национального представителя В. В. Алексеева было принято решение провести в 1993 г. межконгрессную конференцию в Екатеринбурге на базе Института истории и археологии.

Активно ведутся в институте культурологические исследования. Совместно с Государственным комитетом по социально-экономическому развитию Севера Российской Федерации разработана концепция «Перспективы социокультурного развития Российского Севера» (Екатеринбург, 1992 г.). Она является частью программы, готовящейся по решению VI съезда Советов Российской Федерации, и содержит с учетом прошлого опыта и современной ситуации обоснование перспективной социокультурной политики в регионе.

В ноябре 1992 г. совместно с Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН проведена Всероссийская научная конференция «Роль науки в освоении восточных районов страны».

В институте ведется подготовка «Уральской исторической энциклопедии»: на конференциях в Екатеринбурге, Березниках, на совещаниях ученых в Екатеринбурге, Челябинске, Кургане, Перми обсуждены проблемы методики и методологии ее составления, сформирован авторский

коллектив. «Уральская историческая энциклопедия» включена в федеральный план работ по подготовке справочно-энциклопедических изданий России.

Институт широко сотрудничает с зарубежными научными центрами. На протяжении нескольких лет осуществляется обмен специалистами с Чикагским университетом (США). Ведутся совместные работы с Национальным центром научных исследований (Франция) по теме «Курганы и крепости северной периферии Шелкового пути».

И. В. Побережников

ФЕНОМЕН СТАЛИНИЗМА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.

Международный семинар в Новосибирске

С 30 июня по 2 июля 1992 г. в Новосибирском Академгородке проходил международный научный семинар «Сталинизм как всемирно-историческое явление: закономерность, угроза, вызов», организаторами которого явились Новосибирское историко-просветительское общество «Мемориал», Сибирское отделение Российского общества социологов, журналы «ЭКО» и «Век XX и мир».

Инициаторы семинара поставили перед собой следующую цель: выработать научное понимание сталинизма как всемирно-исторического явления и на этой основе содействовать его преодолению. Для более плодотворного обмена мнениями тезисы, присланные участниками семинара, были изданы отдельной книгой и разосланы перед началом семинара¹. Таким образом, участники дискуссии могли заранее выяснить основные отправные точки обсуждения и те проблемы, которые вызывали наибольшие расхождения.

Семинар получился достаточно представительным: в нем приняли участие историки, экономисты, политологи из России, США, Англии, Швеции. Среди авторов, приславших свои тезисы, но не приехавших на семинар, были также представители Австралии, Болгарии, Франции.

В ходе дискуссии выявились две основные точки зрения на сталинизм. Первая сводилась к тому, что сталинизм является результатом сложных и закономерных процессов, происходивших в первой половине XX в. как в мировой, так и в отечественной истории. Сторонники второй точки зрения объясняли сталинизм, отталкиваясь от идеологии марксизма, практики большевизма и острой внутрипартийной борьбы в 20-е гг.

Тезисы и выступления участников семинара охватывали широкий круг проблем и отличались разнообразием в подходах. Одни авторы стремились выработать общую концепцию сталинизма, вписывая его в широкий исторический контекст, другие пытались прийти к пониманию этого явления через изучение отдельных его аспектов. Вместе с тем всех объединяло неприятие сталинизма и как идеологии, и как политической практики. Кроме того, большинство авторов определяют сталинизм как частный случай тоталитаризма, несмотря на все различия в понимании данной концепции, существующие в современной историографии.

Р. Дэниэлс (США) в своих тезисах рассматривает сталинизм как определенную фазу революционного процесса — постреволюционную диктатуру, привлекая для анализа материал из истории СССР и Китая. По его мнению, сталинизм явился продуктом традиционной политической культуры, кризиса модернизации, революционного процесса и социалистической идеологии. Маоизм, который соответствует сталинской фазе в истории Китая, подтверждает естественность сталинизма и вместе с тем уникальность постреволюционных диктаторов.

По мнению А. В. Голубева (Москва), сталинизм представляет собой одну из разновидностей тоталитарного политического режима. Важной чертой режимов подобного рода является способность мобилизовать широкие массы для реализации той или иной общенациональной задачи, в данном случае — ускоренной модернизации. Насилие при этом играло существенную, но не абсолютную роль, так как сталинизм сумел опереться на некоторые свойства общественного сознания.

В. Л. Дорошенко (Новосибирск) подчеркнул, что политическая система сталинизма как тип власти свойственна России и что самостоятельно Россия может выйти только в неосталинизм.

Альтернатива возможна только при активном участии международного сообщества в преодолении сталинизма.

Спецификой сталинизма в понимании Э. С. Менделевича (Орел) является соединение тоталитаризма бонапартистского типа с реставрационными явлениями. Вообще реставрация оказывается необходимым этапом в истории страны, пережившей революцию такого масштаба.

И. Николов (Болгария) видит корни сталинизма в общих характеристиках XX в., в первую очередь в расцвете крупного машинного производства и соответствующих структур и технологий, что отразилось и в социальной области.

Определяющей характеристикой сталинизма в понимании В. Л. Соскина (Новосибирск) является признание насилия в качестве единственного эффективного средства разрешения социальных и экономических противоречий, что имеет свою доктринальную основу в марксизме и ленинизме. Эти идеологии сформировались тогда, когда идея перераспределения общественного богатства вследствие относительной неразвитости производительных сил не могла приобрести широкого признания, что исключало эволюционный тип развития и вело к утверждению различного рода тоталитарных режимов.

В тезисах Р. Такера (США) основное внимание уделено шовинистическому элементу идеологии сталинизма, который, по мнению известного советолога, представляет собой большевизм радикально правого толка, взявший лишь все самое жестокое, репрессивное и террористическое в ленинском наследии.

Х. Тиктин (Великобритания) отметил, что в его понимании сталинизм — это прежде всего доктрина социализма в одной стране. Именно следование этой доктрине ведет к чисткам, атомизации общества, низкой продуктивности и созданию таких псевдодоктрин, как национализм советского типа, опирающийся на представление об СССР как избранном народе, борющемся со всем миром за лучшее общество.

В основу своего анализа И. Г. Яковенко (Москва) положил понятие о трансформативных и нетрансформативных обществах. Общества с малой способностью к трансформации породили в XX в. особый феномен «фазового перехода», осуществляемого диктаторскими режимами с модернизаторской доминантой. Сталинизм в этом контексте — конкретно-историческая форма трансформации теоцентрического общества через идеократическое к секулярному.

Что касается отдельных аспектов сталинизма, то особое внимание участников семинара вызвал, что и неудивительно, террор. По мнению С. Вейсмана (США), сталинизм вырос из необходимости сломить всякую оппозицию, реальную и воображаемую, и поэтому террор явился важнейшим инструментом высшего управления. Сначала террор выполнял функцию дисциплинирования экономической и политической элиты, а затем стал неизменной характерной особенностью системы, без которой она не могла воспроизводить себя. С. Шернок (США) анализирует механизм террора, подчеркивая его превентивный характер. В некотором смысле террор выступал как средство структурирования реальности.

В. А. Исупов (Новосибирск) рассматривает террор как одну из форм «сброса излишков» населения, что является в его представлении необходимым условием функционирования тоталитарного — «антидемографического» — режима.

М. Е. Главатский и О. Ф. Русакова (Екатеринбург) подходят к сталинизму как к духовно-психологическому укладу, который порождает и постоянно воспроизводит определенный тип личности. Они подчеркивают разницу между большевизмом и сталинизмом, которые представляют собой самостоятельные культурно-исторические феномены. К. Струл (США) доказывает, что сталинизм, используя марксистскую лексику и объявляя марксизм исключительной собственностью партии, выхолащивает его освободительную сущность и извращает его онтологию и гносеологию.

В. И. Исаев (Новосибирск), анализируя частную жизнь людей в условиях сталинизма, приходит к выводу, что разрушение ее основ облегчало создание «поддержки снизу», необходимой для режима.

Для понимания политической системы сталинизма, как утверждает И. В. Павлова (Новосибирск), необходимо учитывать конспиративный характер власти, определяющей всю реальную политику в стране, что усиливало ее неформализованность и беспределность.

Процесс и последствия подчинения мирового коммунистического движения московскому сталинистскому аппарату рассматривает в своих тезисах П. Бруэ (Франция). У. Мэйли (Австралия) конкретно останавливается на примере Афганистана, где вследствие децентрализации

общественных структур применение насилия оказалось совершенно непродуктивно, и сталинизм не смог утвердиться.

Наконец, Ю. А. Шрейдер (Москва) подчеркивает, что тоталитаризм как идеология исходит из гуманизма, отбрасывая при этом заповедь любви к Богу, нуждается в воинствующем атеизме и суеверии, в то время как демократия исходит из глубокой веры в личность как божественную ценность, являясь, таким образом, единственной альтернативой тоталитаризму.

В целом дискуссия показала, что на данном этапе вряд ли возможно выработать единый подход к пониманию сталинизма и на этой основе создать его исчерпывающую научную концепцию. Причем разногласия зачастую коренятся не только в принципах подхода, но и в использовании различного понятийного аппарата. Именно это делает необходимым и возможным продолжение подобных дискуссий. Одновременно многие участники семинара подчеркивали важность дополнения концептуальных построений тщательным конкретно-историческим анализом.

Отсюда общее мнение — превратить данный семинар в постоянный форум для обсуждения этой проблемы. Представляется, что продолжение дискуссии позволит сблизить многие точки зрения и четче выявить разногласия, что только и может обеспечить высокий уровень дальнейших исследований этого исторического феномена.

А. В. Голубев

Примечание

¹ Сталинизм: закономерность, угроза, вызов: Тезисы докладов. Новосибирск, 1992.

О ПРИЧИНАХ РАСПАДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ФЕДЕРАЦИЙ

24 февраля 1993 г. в Российском комитете защиты мира состоялся «круглый стол» на тему «Причины и последствия распада трех федераций: СССР, Югославии, Чехословакии и современные проблемы миротворчества». В заседании приняли участие сотрудники ИНИОН, институтов балканистики, российской истории, философии, этнологии и антропологии РАН, МГУ, Российской академии управления, Независимого института социальных и национальных проблем, некоторых общественных организаций.

Заседание открыл М. С. Джунусов.

Заместитель директора Института балканистики Ю. С. Новашина, предваряя выступления, сказал, что последние годы страна живет в условиях, которые можно сравнить с первыми десятилетиями XX в., также характеризовавшимися обострением национальных противоречий, национально-этническими конфликтами. Это заставляет обратить внимание на особенности исторического развития полиэтничных стран.

Мы присутствуем при распаде многонациональных государств в Европе, сопровождающем здесь крах социалистической системы, хотя следует заметить, что, например, Китай, Куба, Северная Корея оказались таким процессам не подверженными. Очевидно, существуют какие-то причины, имманентно присущие распавшимся государствам. Их нам и следует обсудить.

Г. П. Мурашко в качестве основной из этих причин назвала несовместимость принципов федерации со сложившейся в соцстранах командно-административной системой управления, неминуемо перерождающейся в тоталитарную централизацию. Докладчик аргументировала это положение фактами из истории Чехословакии, возникшей в 1918 г. как унитарное, демократическое государство. Но национальный вопрос остался болевой точкой, которая была использована для его ликвидации в 1939 г.

В годы второй мировой войны в обоих лагерях национально-освободительного движения Чехословакии возникает идея федерации, хотя в лондонском лагере была распространена и идея «чехословакизма». К 1949 г. одержала верх мысль о создании федерации двух славянских народов,

сформулированная в Кошицкой программе. Г. П. Мурашко удалось найти документ, свидетельствующий о том, что Кошицкая программа согласовывалась с руководством КПСС.

Кроме чехов и словаков на территории Чехословакии, как известно, жили и другие народы. Их судьбам также уделялось внимание. Проблема выселения немцев в 1943 г. обсуждалась в Лондоне и с советской стороны. В 1945—1946 гг. встал вопрос и о выселении венгров. Но в 1948 г. от такого решения участники переговоров отказались — руководство Чехословацкой компартии было обвинено советскими дипломатическими службами в национализме, и вопрос о выселении венгров был снят.

Уже в 1946 г. стало очевидно, что в новой Чехословакии складывается асимметричная государственная структура — федерация не получилась. По Конституции 1948 г. словацким национальным органам власти были предоставлены лишь права на местное самоуправление, здравоохранение, образование и некоторые другие. С 1960 г. в Чехословакии устанавливается унитарная модель государства. Именно это обстоятельство стало причиной того, что в Словакии развернулось национальное движение за федерацию.

Начиная с 1970 г. в законодательство снова вносятся изменения, ведущие к переходу всех прав центру, утверждению командно-административной системы, противоречащей федерализму.

Свою роль в современных событиях сыграло, вероятно, и сохранившееся в национальном сознании словаков представление о том, что государственная самостоятельность ведет к повышению уровня жизни, как это было в 1939 г., когда, находясь под эгидой немцев, словацкое государство, втянутое в развитие военной промышленности Германии, действительно обеспечило высокий уровень жизни своему населению.

При обсуждении сообщения Г. П. Мурашко у одного из участников заседания возникло сомнение в отношении выдвинутого автором тезиса о причинах распада федераций, поскольку Югославия, которая была в значительной мере децентрализована, переживает развал в наиболее катастрофической форме.

Возражая против такой постановки вопроса, Ю. С. Н о в о п а ш и н отметил, что децентрализация Югославии имела лишь декларативный характер. Фактически И. Тито стоял во главе централизованного государства, обладая неограниченной властью. Пример Югославии, таким образом, подтверждает справедливость выводов Г. П. Мурашко.

На совещании было обращено внимание на противоречие между правом нации на самоопределение и принятым в Хельсинкских соглашениях принципом ненарушимости государственных границ. Выступающие отмечали, что в этих условиях право наций на самоопределение является лишь лозунгом, реализация которого ведет к конфликтам. Однако эта точка зрения не нашла поддержки, поскольку в Хельсинки речь шла о ненарушимости границ силой.

Ю. А. Щ е р б а к о в а подчеркнула, что помимо права наций на самоопределение международное сообщество признает права национальных меньшинств, на основе которых возможна ликвидация конфликтов. Примером может служить наделение правами национально-культурной автономии венгров, компактно проживавших на юге Чехословакии.

Н. В. К о р о в и ц ы н а обратила внимание собравшихся еще на несколько факторов, содействовавших расколу Чехословакии. Несмотря на провозглашенное равноправие, чешская нация была в этом государстве как бы господствующей. Вместе с тем развитие страны было искажено внешнеэкономическими, коммунистическими целями. Здесь произошел социокультурный переворот. Поскольку чешская нация, как и немецкая, обладала наиболее развитой индустрией, в годы «холодной войны» на нее легла роль гаранта обороноспособности. Но одновременно произошла реиндустриализация Чехии: развивались неэффективные в условиях второй половины XX в. производства. Кроме того, ставилась задача выравнивания наций. Из Словакии, экономически отстававшей от Чехии на 50—70 лет, шел отток населения в индустриальные области Чехии, сокращалось сельскохозяйственное производство в Словакии. Развитие страны и в этих сферах имело конфликтный характер.

Ю. В. К а р а с е в в своем выступлении остановился на особенностях сочетания принципа федерализма и тоталитаризма в Югославии. Хотя идея федерализма, отметил он, имела на Балканах длительную историю, в ходе первой мировой войны под влиянием серьезного внешнего фактора — угрозы для балканских стран со стороны Италии возникла унитарная Югославия, в которой ведущую роль играли сербы. Идея федерации на социалистических началах появилась в годы второй мировой войны, после окончания которой принцип самоопределения наций в феде-

ративной Югославии был реализован. Но, поскольку до 1948 г. многое копировалось у СССР, он во многом лишь декларировался.

После разрыва в 1948 г. между Сталиным и Тито Югославия стала развиваться в системе самоуправления как по территориальному, так и по производственному признакам. Страна состояла из 6 республик, имевших огромную сферу внутренней независимости.

Переход к рынку здесь был постепенным и длительным. Но самоуправление быстро привело к развитию автаркизма. В каждой из республик строились промышленные предприятия одного и того же профиля. В политической области автаркия привела к ослаблению федеративных связей, усилившегося после смерти Тито. Но в стране продолжал существовать общий рынок, так что однозначно оценивать ситуацию нельзя.

Конечно, в распаде Югославии сыграл большую роль этнический фактор, но не менее значительную и внешний — распад социалистической системы. Существенное значение имеет и борьба за влияние на этой территории капиталистических государств. Например, если бы не поддержка Германии, хорватский сепаратизм не имел бы такой силы. То же касается Боснии и Герцеговины, признанных самостоятельными европейскими государствами. К причинам распада Югославии можно отнести также сложный религиозный состав, давнишнее стремление Словении войти в Европу.

Д. Л. Златопольский не поддержал мысль о том, что основной причиной распада Чехословакии было противоречие между федерализмом и командно-административным централизмом. Это противоречие влияло на судьбу государства лишь отчасти. Следует учитывать реализацию принципов объединения: добровольности, равноправия и т. д. Следует также учитывать уникальный опыт Чехословакии, которая шла от унитарного государства к федерации. К слову, идея создания здесь федерации была выдвинута еще в 1927 г. К. Готвальдом.

Отрицать право наций на самоопределение бессмысленно. Ленин и большевики создали 51 национально-государственное образование. Наша федерация была совершенно особым государством, объединявшим свыше 100 наций и народностей. Вопрос об определении границ между ними нуждается в тщательном исследовании. Во всяком случае проблема границ Башкирии, например, решалась с помощью референдума.

Уровень развития субъектов федерации был совершенно различным. В Дагестане в начале 30-х гг. приходилось учитывать родовые общественные отношения. Ни о какой империи в СССР говорить нельзя. Империя не выдержала бы натиск Гитлера, мобилизовавшего для борьбы с СССР силы всей Европы. Дружба народов у нас была. Даже когда совершались преступные акты депортации народов. Дружба сохранялась до начала событий в Карабахе. Причиной распада СССР, по мнению Д. Л. Златопольского, было прекращение после правления Н. С. Хрущева всякой деятельности по регулированию национальных отношений. После XX съезда Хрущев начал расширять права республик, при Л. И. Брежневе эта работа прекратилась, хотя федерация подошла к такому рубежу, когда реформирование было необходимо.

В интервью журналу «Шпигель» в марте 1991 г. М. С. Горбачев назвал еще одну причину распада: опоздали. Знамя реформирования государства подняли националисты.

Ю. С. Новопашин считает, что существовали объективные и субъективные причины распада всех трех федераций и их необходимо учитывать. Он обратил внимание на то, что в первый раз, в 1939 г., Чехословакия была разрушена насильственным путем внешними силами. Возникает вопрос: перестали ли существовать силы, заинтересованные в новом распаде?

Одной из причин распада СССР являлась потеря управления страной, кризис власти. Тот же фактор повлек за собой распад и Чехословакии, и Югославии. Есть мнение, что распад Советского Союза произошел по типу вялотекущих катастроф. Я считаю, сказал выступавший, что СССР был не империей, а одной из двадцати существующих в мире федераций.

Обращает на себя внимание тот факт, что распались социалистические федерации, причем все они славянские. Может быть, это удар по славянству?

Сомнительна мысль о том, что распадаются федерации, строящиеся по национально-территориальному принципу, ведь Швейцария, например, не распалась. Следует поставить вопрос о том, насколько оптимистичной была форма федерации, созданной в Советском Союзе, и учесть, что на первом этапе в СССР имело место сочетание национально-государственной и культурно-национальной автономии. Однако последняя вскоре была ликвидирована.

Г. Д. Карпов отметил, что нельзя оперировать терминами «тоталитаризм» или «империя» относительно советской истории без всякого объяснения. Мы сейчас уходим даже от понятия

«национализм», в то время как определенные силы манипулируют им для разрушения России. Определяя причины распада Чехословакии, следует искать и внешние силы, которые были заинтересованы в этом событии.

Л. Г. Иевлев предложил вниманию собравшихся тему: некоторые уроки вооруженных конфликтов в условиях распада СССР. У населения, сказал он, появилось колоссальное количество оружия, используемого для убийства людей. Во всех конфликтах обнаруживается третья сила. В Приднестровье это — Румыния, в проблемах хантов и манси оказываются заинтересованными Тюмень и Екатеринбург и т. д. Национальные армии создаются в том числе и с участием уголовных элементов. При этом в составе этих армий оказываются российские офицеры, служащие в качестве наемников.

Военная политика новых самостоятельных государств не имеет теоретического обоснования, но она уже проявилась как конгломерат сиюминутных идей, реализуемых военным путем. Оценивая вооруженные конфликты, международные силы и средства массовой информации подходят к делу либо с позиций прошлого, либо с позиций разных общественных систем. В результате сами иногда инициируют конфликты. Пребывание Вооруженных Сил России в зонах конфликтов, на территориях новых государств не имеет правовой основы.

В ходе национальных конфликтов реанимируются традиционные противоречия: Россия — Кавказ, Россия — Турция, возможно, Россия — Германия, вместо Россия — Польша, Россия — Украина. Хотя ученые предупреждали правительство СССР о возможности межнациональных конфликтов, меры профилактического характера не принимались. В результате возникали вооруженные столкновения. Виновники их развязывания не понесли никакого наказания.

В НАТО есть программа управления в кризисной ситуации. Нам тоже надо иметь концепцию решения этих проблем. Против войны надо бороться, пока она не началась. Для этого нужны соответствующие разработки в политической, экономической, военной областях и необходимые силы.

В. И. Котов считает, что экономической причины распада СССР не было, наоборот, разрыв хозяйственных связей, складывавшихся веками, привел к резкому падению производства. При этом даже Прибалтика не сумела установить новые экономические связи, войти в европейский рынок.

Распад привел к огромным потерям в геополитическом плане. Политических выгод от него основная масса населения, за исключением лидеров национального движения, не получила. Следует признать, что не выдержала испытания временем созданная в СССР модель социализма, но нет перспективы и у тех общественных моделей, которые сейчас декларируются.

Что касается роли в распаде существовавшего в СССР типа федеративных связей, то следует учитывать, что к нему Ленин и большевики пришли вследствие политического фактора. Для Ленина идея федерации не была самодовлеющей, а вызывалась конкретными условиями. Кроме того, национально-государственное строительство в СССР не было завершено.

Существенное влияние на развитие сепаратизма оказала и идентификация в массовом сознании суверенности государства с суверенностью нации.

Ослабляет связи между народами меняющийся общественный строй, реставрация капитализма, основной силой которого в наших условиях является мелкий буржуа, главным образом спекулянт, определяющий ситуацию на всем пространстве СССР.

В. А. Солохин выдвинул гипотезу о том, что на всем протяжении своего существования Российское государство было идеологизированным, и это спланировало его. Со времен Октября 1917 г. главной идеей стало построение справедливого коммунистического общества. После 1985 г. общее идеологическое поле было разрушено, что привело к появлению в обществе множества интересов. В отсутствие идеологии существование империи оказывается под угрозой распада, который может произойти не только по национальному, но и по региональному принципу. Регионализация, особенно при политике, свойственной данному правительству, неизбежна.

А. А. Нуруллаев обратил внимание собравшихся на то, что дезинтеграции способствует и религиозный фактор, хотя он и не является основным. В настоящее время конфессии растаскиваются по национальным квартирам. Был мусульманский центр на Северном Кавказе, сейчас он ликвидирован, созданы свои центры в республиках. Та же судьба чуть было не постигла мусульманский центр Поволжья и Сибири. Идет дележ духовного пространства. Поскольку Россия многоконфессиональна, вызывают озабоченность призывы иметь православных священников в армии.

В последнее время отмечается рост религиозной нетерпимости. Причем у 16—17-летних она в 3—4 раза выше, чем у людей среднего возраста. Призывают к вражде по отношению к мусульманам некоторые зарубежные миссионеры. Нельзя допускать, чтобы телевизионные экраны предоставлялись преимущественно западным проповедникам и православным христианам. Это вызывает недовольство у людей, исповедующих другие религии. Попытки гармонизировать эти отношения пока не слишком успешны.

На вопрос В. Я. Гросула: не считает ли докладчик, что конфессии сознательно стравливаются? А. А. Нуруллаев ответил: «Не думаю, что это так. Скорее всего, это следствие неграмотности тех, кто определяет программы телевидения. Мусульмане и христиане не допустят, чтобы их стравили. Но западным проповедникам сознательно отдается приоритет на телевидении, поскольку наши правители придерживаются прозападной ориентации. Миссионеры же несут раздоры».

Реагируя на замечание из зала о том, что телевидение и радио вообще не должны предоставлять государственные каналы для религиозных передач, А. А. Нуруллаев сказал, что принцип отделения церкви от государства существует, но на него идет серьезная атака со стороны парламентского комитета по свободе совести. Можно и нужно требовать, чтобы государственные средства массовой информации не использовались для религиозной пропаганды.

Поддержав позицию выступавшего, В. Я. Гросул заметил, что религиозный вопрос сыграл не последнюю роль в том, что у нас происходит, и что в его распоряжении есть материалы о серьезных столкновениях на религиозной почве на территории СНГ.

В заключительном выступлении М. С. Джунусов заметил, что интерпретация распада СССР должна быть результатом серьезного научного анализа. От системного рассмотрения этой проблемы мы пока еще далеки. Он высказал некоторые соображения по поводу рассматриваемой темы, отметив, что распад трех федераций, о котором шла речь, не означает, что эта государственная форма утратила значение в истории человечества. Главные причины распада, на его взгляд, лежат в изменениях в социальной ориентации общества, смене стереотипов в сознании людей, разгосударствлении собственности, дележе ее. В однонациональном государстве такой дележ не ведет к разрушению, в многонациональном — может вести.

Участники совещания приняли обращение, в котором просят Российскую академию наук силами ученых-обществоведов подготовить научно обоснованный, развернутый ответ на вопросы о причинах распада трех федераций — СССР, Югославии, Чехословакии.

Учитывая то обстоятельство, что искусственное разрушение экономического, оборонно-политического, финансово-кредитного, культурного, информационного пространства, существовавшего между бывшими субъектами СССР, не отвечает коренным интересам большинства населения этих республик, участники совещания считают необходимым:

— развернуть всенародное движение за усиление координирующей роли СНГ в сотрудничестве этих стран;

— просить руководство Российского комитета защиты мира и актив движения вступить по этому вопросу в непосредственные и прямые переговоры с миротворческими силами всех стран СНГ и в первую очередь с Украиной;

— просить народных депутатов Российской Федерации и других стран Содружества, все политические партии и движения проявить больше внимания и настойчивости в использовании потенциальных возможностей СНГ в налаживании и углублении отношений дружеского сотрудничества и взаимопонимания, добиваться того, чтобы границы между этими странами были прозрачными, не разрывать животворные связи, складывавшиеся веками. Было бы целесообразно подвергать критике тех политических деятелей, у которых расходятся слова и дела, обещания и реальные действия по отношению к СНГ. При этом следовало бы осудить силой общественного мнения тех, кто вбивает клинья между народами и раскачивает новое, с таким трудом возводимое сообщество.

Р. В. Костина

СОДЕРЖАНИЕ

1917 год глазами отечественных и зарубежных историков

Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива. Два взгляда на проблему:	
Протасов Л. Г. (Тамбов)	3
Миллер В. И.	19
Бурганов А. Х.— Была ли возможность создания демократического правительства после Октябрьской революции?	26
Эскин Ю. М.— Местничество в социальной структуре феодального общества	39
Володин А. И., Итенберг Б. С.— Наследство П. Л. Лаврова в идейной борьбе 1920-х годов. К 170-летию со дня рождения	54
Ипполитов С. С., Карпенко С. В., Пивовар Е. И.— Российская эмиграция в Константинополе в начале 1920-х годов (Численность, материальное положение, репатриация)	75
Венер М. (Германия)— Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924—1925 гг.)	86

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Действительный член РАН Янин В. Л., Бассалыго Л. А.— Пусторжевская земля в XV веке: территория и границы	108
Бородкин Л. И., Максимов С. В.— Крестьянские миграции в России/СССР в первой четверти XX века (Макроанализ структуры миграционных потоков)	124

Публикации

«Русский Вандербильт» и планы германской экономической экспансии после Брестского мира. Документы Федерального архива ФРГ. Составитель Ю. А. Петров	144
Збарский И. Б.— «Жизнь» мумии и судьба человека. Из воспоминаний хранителя тела Ленина	158

Сообщения

Беляев С. Г. (Санкт-Петербург)— Французский капитал и образование Русско-Азиатского банка	165
Петров-Энкер Б. (Германия)— Женщины наступают: об истоках женской эмансипации в России	173

Критика и библиография

Польский М. П.— Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова	183
Федоров В. А.— Г. Т. Рябков. Смоленские помещичьи крестьяне в конце XVIII — первой половине XIX века	188
Дьяконова И. А.— Национальности Российской империи по материалам Переписи населения 1897 г.	191
Голиков А. Г.— Т. Ранганен. Иностранцы в Российской империи. Взаимоотношения между мировыми и российскими информационными агентствами. 1856—1914	193
Уткин А. И.— С. А. Степанов. Черная сотня в России (1905—1914 гг.)	196
Иванова Л. В.— Музей и власть. Ч. I, II	200
Додолев М. А.— Б. Кроче и Е. В. Тарле	202

Письма наших читателей

- Крайнов Г. (Санкт-Петербург) — Скауты в России 207

Научная жизнь

- Побережников И. В. (Екатеринбург) — В Институте истории и археологии Уральского
отделения Российской академии наук 213
Голубев А. В. — Феномен сталинизма в контексте мирового исторического процесса.
Международный семинар в Новосибирске 215
Костина Р. В. — О причинах распада социалистических федераций 217

CONTENTS

1917 as Seen by Russian and Foreign Historians

- All-Russian Constituent Assambly and Democratic Alternative. Two Views of the Problem:
Protasov L. G. (Tambov) 3
Miller V. I. 19
Burganov A. Kh.— Was There Ever a Possibility of Establishing a Democratic
Government after the October Revolution? 26
- Eskin Yu. M.— Parochialism («mestnichestvo») in the Social Structure of Feudal Society 39
Volodin A. I., Itenberg B. S.— P. L. Lavrov's Heritage in the Conflict of Ideas in the
1920's. Toward 170 Years of Lavrov's Birthday 54
Ippolitov S. S., Karpenko S. V., Pivovarov Ye. I.— Russian Emigrés in Constantinople in the
Early 1920's (number, well-being, repatriation) 75
Wehner M. (Germany) — Facing the Village: The Soviet Power and the Peasant Problem
(1924—1925) 86

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

- Acad. Yanin V. L., Bassalygo L. A.— Pustorzhevsk Land in the 15th Century: Size and
Borders 108
Borodkin L. I., Maximov S. V.— Peasant Migrations in Russia/USSR in the First Quarter
of the 20th Century (macroanalysis of the structure of migration flows) 124

Publications

- «Russian Vanderbilt» and German Economic Expansion Plans after the Brest Peace.
Documents from the Federal Archives of the FRG. Comp. by Yu. A. Petrov 144
Zbarsky I. V.— The «Life» of the Mummy and the Fate of the Man. Memories of the
Lenin's Mausoleum Guard 158

Communications

- Belyaev S. G. (St. Petersburg) — French Capital and the Establishment of the Russo-Asiatic
Bank 165
Petrov-Encker B. (Germany) — Women Advance: On the Roots of Female Emancipation in
Russia 173

Book Reviews and Bibliography

- Polsky M. P.— Problems of Russia's Socio-Economic History. 100 Years of B. A. Romanov's
Birthday 183
Fedorov V. A.— G. T. Ryabkov. The Landlord Peasants in the Smolensk Area in the Late
18th and First Half of the 19th Centuries 188

Dyakonova I. A.— Nationalities of the Russian Empire according to the 1897 Census Data	191
Golikov A. G.— T. Rantanen. Foreign News in Imperial Russia. The Relationship between International and Russian News Agencies, 1856—1914	193
Utkin A. I.— S. A. Stepanov. The Black Hundred in Russia (1905—1914)	196
Ivanova L. V.— Museums and Power. Pts. I, II	200
Dodolev M. A.— B. Croce and Ye. V. Tarle	202

Letters to the Editor

Krainov G. (St. Petersburg) — Scouts in Russia	207

Academic Life

Poberezhnikov I. V. (Yekaterinburg) — At the Institute of History and Archaeology of the Urals Sectoon of the Russian Academy of Sciences	213
Golubev A. V.— Stalinism as a Phenomenon in the Context of World Historical Process. An International Seminar in Novosibirsk	215
Kostina R. V.— On Causes of Disintegration of Socialist Federations	217

РЕДАКЦИЯ:

- Секиринский С. С.— Отдел новейшей истории
Петров Ю. А.— Отдел новой истории
Французов Е. Б.— Отдел древней и средневековой истории
Костина Р. В.— Отдел истории народов
Елисеева Н. В.— Отдел историографии, источниковедения, методов исторического исследования
Юрасовский А. В.— Отдел истории за рубежом
Польский М. П.— Отдел критики и библиографии
Новикова М. А.— Заведующая редакцией
Полторацкая Л. Н.— Старший литературный сотрудник
Шляхтина М. В.— Младший редактор

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 07.06.93 Подписано к печати 19.08.93 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр.-отт. тыс. 267,2 Уч-изд. л. 25,4 Бум. л. 7,0
Тираж 14492 экз. Заказ 4393 Цена 23 р.

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Телефон: 123-90-61

Московская типография № 2 ВО «Наука», Москва, Шубинский пер., 6